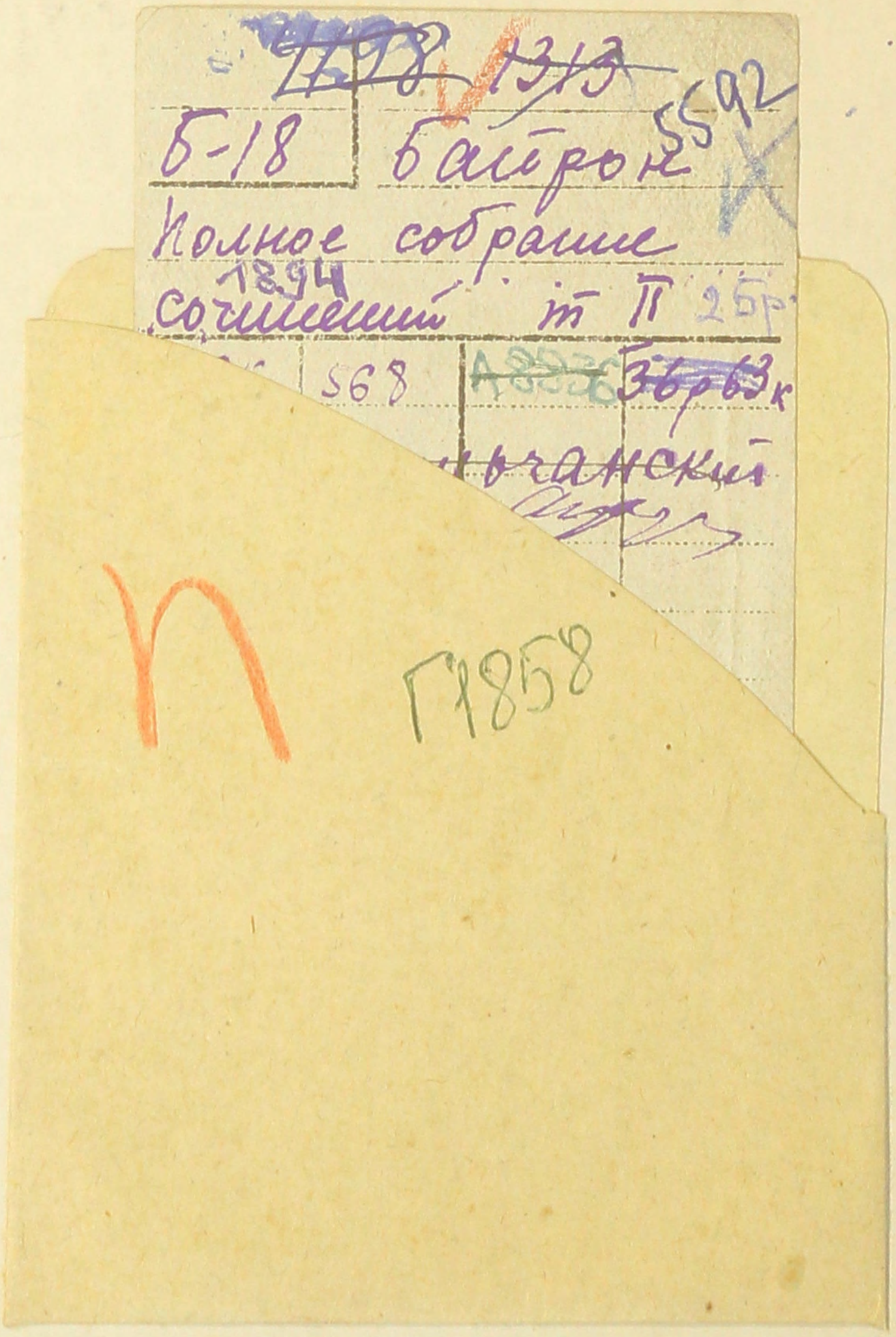
14
E 18



~~1198~~ ~~1313~~ 5592

Б-18 Байрон

Полное собрание

1894

сочинений т II 25р

568 ~~А8936~~ ~~36р63к~~

...ьчанский

П

Г1858

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

28/III 5-68

Колич. предыд. выдач _____

XV

БАЙРОНЪ.

Н. В. ГЕРБЕЛЬ.

Б-18

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

БАЙРОНА

ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Д. МИХАЛОВСКАГО.

Г 1858 А 8836 5592 15 30 09 54 4498
БИБЛИОТЕКА ... Инв. № ... пром. строймат...

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ДМИТРОВСКАЯ ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА Московской области
Библиотечный передвижной фонд Инв. № 1313 ЦК Союза раб. Хозучреждений
Библиотека завкома № 91 Катуаровского з-да кислотоупоров МПСМ-СССР Инвентарный № ...
Книжный магазинъ Г. М. Павловскаго въ Екатеринославѣ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1894.

2196

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОГО ТОМА.

	стр.
Донъ-Жуанъ. Романъ въ 16 пѣсняхъ.	
Переводъ *П. Козлова.*	
Посвященіе	3
Пѣснь первая	7
Пѣснь вторая	35
Пѣснь третья	62
Пѣснь четвертая	78
Пѣснь пятая.	93
Пѣснь шестая	113
Пѣснь седьмая	128
Пѣснь восьмая	139
Пѣснь девятая	157
Пѣснь десятая	167
Пѣснь одиннадцатая	178
Пѣснь двѣнадцатая.	190
Пѣснь тринадцатая	201
Пѣснь четырнадцатая	215
Пѣснь пятнадцатая.	228
Пѣснь шестнадцатая	241
Островъ или Христіанъ и его товарищи. Поэма. Переводъ *Н. Холодковскаго*	259
Манфредъ. Драматическая поэма. Переводъ *П. Козлова*	305

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

ПЕРЕВОДЪ

П. А. КОЗЛОВА.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

1.

Бобъ Сѣути, ты поэтъ, вѣнкомъ лавровымъ
Увѣнчанный и межъ поэтовъ тузъ,
Хоть измѣнилъ и дѣломъ ты, и словомъ
Своимъ друзьямъ, ставъ торіемъ. Дивлюсь,
Съ какимъ искусствомъ ты съ порядкомъ новымъ
Миришься. Заключилъ ли ты союзъ
Съ Лекистами [1]) при мѣстѣ иль безъ мѣста,
«Гнѣздомъ дроздовъ, что, запеченныхъ въ тѣсто,

2.

«Предъ королемъ поставили? Пирогъ
«Разрѣзали, и птицы всѣ запѣли» [2]).
Какъ этой старой пѣсни смыслъ глубокъ!..
Когда льстецы успѣха не имѣли?
Запѣлъ и Кольриджъ съ ними, но не могъ
Намъ разъяснить своей завѣтной цѣли:
Его такъ объясненіе темно,
Что безъ ключа немыслимо оно.

3.

Ты, Бобъ, смѣлѣй! Напрасныя усилья
Не хочешь дѣлать ты, чтобъ пѣть одинъ
Въ завидномъ пирогѣ. Обрѣзать крылья
Другимъ дроздамъ, конечно, нѣтъ причинъ;
И вотъ, желая скрыть свое безсилье,
Ты до такихъ возносишься вершинъ,
Что падаешь стремглавъ съ отвѣсной кручи,
Блеснувъ мгновенье рыбкою летучей.

4.

Вордсвортъ огромный томъ, страницъ въ пятьсотъ,
Недавно издалъ, съ новою системой,
Что мудреца и то съ ума сведетъ.
Хоть назвалъ онъ свой жалкій трудъ поэмой,
Поэзіи никто въ немъ не найдетъ;
Понять его не легкая проблема;
Тотъ можетъ, для кого понятенъ онъ,
Докончить столпъ, что строилъ Вавилонъ.

5.

Вниманія на свѣтъ не обращая,
Вы, въ Кексвикѣ, составили кружокъ,
Гдѣ, лишь себя съ любовью восхваляя,
Рѣшили, что лавровый свой вѣнокъ
Для васъ однихъ поэзія святая
Готовитъ. Какъ отъ истины далекъ
Подобный взглядъ! Вамъ не найти оплота:
За океанъ вы приняли болото!

6.

Стремленья ваши жалки и смѣшны...
Ихъ участь—возбуждать одно злорадство!
Пускай мѣста вамъ теплыя даны,
И вамъ достались слава и богатство,
Въ продажныхъ мнѣньяхъ все же нѣтъ цѣны;
Позорнымъ я считаю ваше братство,—
Вамъ чужды убѣжденія и честь,
Но все же въ васъ таланта искры есть.

---

[1]) Кружокъ поэтовъ, группировавшійся вокругъ министра Кэстельри.
[2]) Слова англійской народной пѣсни.

7.

Вы скрыли подъ лавровыми вѣнками
И наглость вашихъ лбовъ, и тайный стыдъ;
Я зависти къ вамъ не питаю: съ вами
Тотъ не пойдетъ, кто честь и совѣсть чтитъ.
Вы гонитесь за славой и хвалами,
Но славы храмъ и для другихъ открытъ.
Скоттъ, Роджерсъ, Кэмпбель, Муръ и Краббъ велики:
Не заглушатъ ихъ голосъ ваши крики.

8.

Я не могу нестись за вами вслѣдъ;
Я пѣшъ, а вашъ Пегасъ имѣетъ крылья;
Желаю вамъ успѣховъ и побѣдъ,
Пусть ваши увѣнчаются усилья,
Но знайте: срама нѣтъ, когда поэтъ
Другихъ заслуги хвалитъ. Знакъ безсилья —
Встрѣчать все современное хулой;
Къ безсмертію приводитъ путь иной.

9.

Какъ ни старайтесь вы—все нѣтъ причины,
Чтобъ вамъ вѣнецъ безсмертія былъ данъ;
Предъ славою вы тщетно гнете спины,
Потомства не введете вы въ обманъ.
Случается, что изъ морской пучины
Великій мужъ всплываетъ, какъ Титанъ,
Но большинство безслѣдно исчезаетъ;
Куда?—одинъ лишь Богъ про это знаетъ.

10.

Когда, сраженный гнусной клеветой,
Къ суду потомства Мильтонъ обратился,—
Его призналъ великимъ судъ людской,
И предъ его величьемъ міръ склонился;
Но Мильтонъ не умѣлъ кривить душой
И съ ложью полноправной не мирился;
Чтобъ сыну льстить, онъ не клеймилъ отца
И былъ врагомъ тирановъ до конца.

11.

Когда бъ старикъ слѣпой, суля тиранамъ
Погибель и позоръ, воспрянуть могъ,
Какъ Самуилъ, карающимъ Титаномъ,
Будь онъ, какъ прежде, бѣденъ и убогъ—
Все не упалъ бы ницъ передъ султаномъ,
Карая зло, преслѣдуя порокъ,
И предъ скопцомъ духовнымъ, чуждымъ чести,
Не сталъ бы расточать позорной лести!

12.

О, Кэстельри! предатель и злодѣй,
Ты обагрилъ кровавыми ручьями
Ирландію и родины своей
Сталъ палачемъ. Преступными дѣлами
Ты тиранiи служишь и людей
Держать ты хочешь связанныхъ цѣпями;
Но кандалы не скованы тобой:
Ты сыплешь ядъ, но это ядъ чужой.

13.

Ты власти рабъ и злѣйшій бичъ свободы;
Льстецы—и тѣ твоихъ пустыхъ рѣчей
Хвалить не въ состояньи. Всѣ народы
Твои враги. Насмѣшкою своей
Они язвятъ тебя. Трудяся годы,
Ты не достигъ почтенья у людей.
Съ тобою Иксiона жерновъ сходенъ:
Твой вѣчный трудъ безцѣленъ и безплоденъ.

14.

Конгрессы ты сзываешь, чтобъ кумиръ
Воздвигнуть рабству! Нравственнный калѣка,
Лишь палачамъ устраиваешь пиръ;
Преслѣдуя и мысли человѣка,
Ты былъ бы радъ поработить весь міръ
И чинишь кандалы иного вѣка.
Гнетутъ тебя, поборника цѣпей,
И Божiй гнѣвъ, и ненависть людей.

15.

Ты—жалкій рабъ и хочешь, чтобъ рабами
Другіе стали. Доблесть, умъ и честь
Невѣдомы тебѣ. Передъ царями
Ты, какъ Евтропій [1]), расточаешь лесть,
Руководимый алчными мечтами.
Ты, правда, смѣлъ, но развѣ въ льдинѣ есть
Хоть легкій слѣдъ душевнаго волненья?
Въ тебѣ и храбрость—зло и преступленье.

16.

Куда бѣжать? Кругомъ царитъ обманъ.
Когда отъ тираніи насъ избавятъ?
Италіи былъ мигъ свободы данъ,
Но и ее теперь оковы давятъ;
Пусть цѣпь ея и кровь ирландскихъ ранъ
Сильнѣе словъ преступника безславятъ!
Оковы рабства тяжко давятъ свѣтъ,
И что же? Сдути—жалкій ихъ поэтъ.

17.

Тебѣ, продажный бардъ, свое творенье
Я посвящаю. Честь—мой идеалъ;
Мнѣ святы дней минувшихъ убѣжденья;
Я ихъ любилъ и имъ не измѣнялъ;
Такая твердость—рѣдкое явленье,
Когда поэтъ—и тотъ продажнымъ сталъ;
Не такъ ли, Юліанъ Отступникъ новый,
Что̀ тори сталъ, чтобъ воспѣвать оковы?

---

[1]) Евтропій — евнухъ и министръ царя Аркадія (Гиббонъ).

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

I.

Героя я ищу... не странно ль это,
Когда у насъ что мѣсяцъ, то герой?..
Ему кадитъ и сборникъ и газета;
Затѣмъ, увы! является другой,
Чтобъ доказать непостоянство свѣта.
Въ такихъ я не нуждаюсь; выборъ мой
Падетъ на Донъ-Жуана, что̀ до срока
Погибъ по волѣ демона и рока.

II.

Принцъ Фердинандъ, Гаукъ, Кеппель, Го, Вернонъ,
Бургойнъ, Гранби, Вольфъ, Кумберлэндъ —
украдкой
Блеснули часъ, какъ въ вѣкъ нашъ Веллингтонъ.
Узнавъ хвалу друзей, враговъ нападки,
Они прошли какъ мимолетный сонъ,
Какъ «девять поросятъ единой матки»
Видѣнья Банко. Ихъ простылъ и слѣдъ;
Ужъ Дюмурье и Бонапарта нѣтъ!

III.

Исчезли, испытавъ судьбы измѣны,
Дантонъ, Маратъ, Барнавъ, Клотцъ, Мирабо
И прочіе. Свѣтъ любитъ перемѣны.
Жуберъ, Марсо, Гошъ, Ланнъ, Десэ, Моро,
Побѣдами блеснувъ, сошли со сцены;
Какъ много, много рвется подъ перо
Такихъ именъ, что̀ увѣнчались славой!
Но трудно ихъ вмѣстить въ мои октавы.

IV.

Когдато Нéльсонъ богомъ былъ войны.
Но лавры Трафальгара позабыты
И вмѣстѣ съ нимъ въ землѣ погребены,
Въ его гробницѣ вмѣстѣ съ нимъ зарыты.
Солдаты морякамъ предпочтены;
Въ опалѣ флотъ, когда-то знаменитый;
Король не любитъ флота своего:
Забыты Джѐрвисъ, Нѐльсонъ, Дунканъ, Го.

V.

Великъ Агамемнонъ, — но сколько Леты
Вождей, какъ онъ, потоплено волной!
О нихъ не прозвучала пѣснь поэта,
И спятъ они, забытые молвой.
Я никого не поношу за это;
Но такъ какъ вѣкъ нашъ, жалкій и пустой,
Мнѣ не даетъ героя для романа —
Я выбираю просто Донъ-Жуана.

VI.

Бывало погружались въ *medias res*
Поэты, эпопею начиная.
(Горацій такъ училъ). Въ тѣни древесъ,
Съ возлюбленной, о прошломъ вспоминая,
Сидѣлъ герой. Пещера или лѣсъ
Скрывали ихъ; порою кущи рая
Имъ замѣняли ресторанъ собой,
И о былóмъ разсказывалъ герой.

VII.

Такъ дѣйствовать привычка заставляла,
Но я иного мнѣнья. Мой разсказъ
Я поведу (таковъ мой нравъ) сначала.
Хотя бъ сидѣть надъ каждой строчкой часъ,
Съ дороги той, что̀ Муза разъ избрала,
Не поверну я въ сторону. Держась
Заранѣе обдуманнаго плана,
Съ родителей начну я Донъ-Жуана.

VIII.

Онъ родился въ Севильѣ. Тамъ живетъ
Красавицъ рой, тамъ сладки апельсины;
Пословица гласитъ: «злосчастенъ тотъ,
Кто не былъ въ ней». Роскошнѣе картины
Въ Испаніи наврядъ ли кто найдетъ;
Лишь Кадиксъ съ ней сравнится; но причины
Впередъ бѣжать не вижу. Мы о немъ
Поговорить успѣемъ и потомъ.

IX.

Отъ готовъ велъ свое происхожденье
Отецъ Жуана — Хозе, гордый донъ,
Гидальго чистокровный, безъ сомнѣнья,
Чей древній родъ, съ давно былыхъ временъ,
Ни съ мавромъ, ни съ жидомъ не зналъ общенья.
Наѣздникъ былъ весьма искусный онъ.
Итакъ, на свѣтъ онъ произвелъ Жуана,
Который самъ... но знать объ этомъ рано.

X.

Предметы всѣ, что̀ можетъ лишь назвать
Мужъ преданный наукѣ, изучила
Жуана добродѣтельная мать;
Лишь качествамъ ея равнялась сила
Ея ума, что̀ могъ бы міръ обнять;
Такъ всѣхъ она собой превосходила,
Такъ славилась ученостью своей,
Что всѣ кругомъ завидовали ей.

XI.

Стиховъ она на память кучу знала:
Такая память сущій былъ рудникъ;
Она бы роль актеру подсказала,
Когда на сценѣ тотъ бы сталъ втупикъ.
Способностей такихъ примѣровъ мало,
Фейнэгль [1]) предъ ней бы прикусилъ языкъ.
Увы! предъ этой памятью богатой
Мнемоники ничтожны результаты.

XII.

Наука числъ ей больше всѣхъ далась,
Ей врождено великодушье было;
Аттическимъ умомъ блеснуть не разъ
Случалось ей; такъ мысли возносила,
Что рѣчь ея была темна подъ-часъ.
Но все жъ она за чудо свѣта слыла;
Любила свѣтъ; въ нарядахъ знала толкъ,
Носила дома шерсть, а въ людяхъ шелкъ.

XIII.

Читать молитву по-латыни знала,
И греческій букварь ей былъ знакомъ;
Романъ-другой французскій прочитала,
Владѣя плохо этимъ языкомъ;
Нарѣчіемъ роднымъ пренебрегала,
Невнятно выражаяся на немъ;
И превращала, обсуждая тему,
Слова въ загадку, мысли въ теорему.

XIV.

Цитируя слова священныхъ книгъ,
Она всегда отстаивала мнѣнье,
Что съ англійскимъ еврейскій схожъ языкъ;
Пускай отброситъ тотъ свои сомнѣнья,
Кто въ тайники завѣтныхъ строкъ проникъ.
Беру въ примѣръ ея же выраженье:
«Какъ странно, что еврейское: God am—
«Имѣетъ сходство съ англійскимъ: God damn!» [2])

---

[1]) Фейнэгль читалъ лекціи объ искусствѣ изощрять память (Мнемоника).
[2]) Непереводимая натяжка еврейскаго слова: *Я* (*Богъ*) *есмь* съ англійскимъ: God damn.

XV.

Инымъ не жаль рѣчей напрасныхъ трата;
Она жъ морщиной лба, движеньемъ вѣкъ
Могла учить; была ума палата,
Какъ Ромильи, ученый человѣкъ,
Законовъ стражъ, всезнаніемъ богатый,
Что̀ такъ нежданно жизнь свою пресѣкъ.
Еще признанье суетности свѣта!
(Но впрочемъ судъ назвалъ «безумьемъ» это).

XVI.

Она была какъ бы ходячій счетъ,
Ходячій сборникъ нравственныхъ уроковъ,
Оставившій на время переплетъ;
Она не знала совѣсти упрековъ;
Завистника коварный глазъ—и тотъ
Въ ней не съумѣлъ бы отыскать пороковъ;
Она могла ихъ видѣть лишь въ другихъ,
Сама жъ (что̀ хуже) не имѣла ихъ.

XVII.

Предъ нею слава женъ святыхъ блѣднѣла;
Ее не соблазнилъ бы сатана:
Такъ много совершенствъ она имѣла
Что ангела-хранителя она
Лишилась: онъ соскучился безъ дѣла.
Съ часами жизнь ея была сходна;
Ей въ цѣломъ мірѣ не нашлась бы пара,
Равнялось ей лишь масло Макассара [1]).

XVIII.

Такая святость свѣту не съ руки.
Въ немъ тайну ласкъ, утративъ кущи рая,
Познали наши праотцы. Ихъ дни
Текли въ раю, невинностью сіяя.
(Хотѣлъ бы знать, что̀ дѣлали они,
Докучливое время коротая?)
Достойный Евы сынъ Донъ-Хозе былъ
И рвать запретный плодъ тайкомъ любилъ.

XIX.

Онъ смертный былъ веселый и безпечный;
Ученыхъ избѣгалъ; я не таю,
Что правилъ имъ всегда порывъ сердечный;
Не очень-то онъ чтилъ жену свою;
И жалкій свѣтъ, расположенный вѣчно
Мутить и государство, и семью,
Шепталъ, что онъ любовницу имѣетъ
И даже двухъ. (Зло и одна посѣетъ).

XX.

Достоинствъ кучу зная за собой,
Высокое о нихъ имѣла мнѣнье
Жена Донъ-Хозе; надо быть святой,
Чтобъ терпѣливо несть пренебреженье;
Ей святости хватало, но порой
Ей правдою казались подозрѣнья...
Съ супруга не спуская зоркихъ глазъ,
Накрыть его случалось ей не разъ.

XXI.

Мужьямъ, какъ онъ, попасть въ просакъ не диво.
Онъ, чуждый осторожности, не могъ
Удерживать сердечнаго порыва.
Минуты есть, когда застать врасплохъ
И хитреца легко женѣ ревнивой;
Тогда сшибить и вѣеръ можетъ съ ногъ.
Порою вѣеръ роль меча играетъ;
Но почему? зачѣмъ? никто не знаетъ.

XXII.

Зачѣмъ берете вы людей простыхъ
Себѣ въ мужья, всезнающія жены?
Зачѣмъ вашъ выборъ падаетъ на нихъ,
Когда имъ чуждъ и скученъ міръ ученый?
Я скроменъ и безбраченъ, — словъ моихъ
Не обратить поэтому въ законы...
Но вы, мужья разумницъ, кайтесь въ томъ,
Что вы у нихъ всегда подъ башмакомъ.

---

[1]) Объявленія о несравненныхъ качествахъ Макассарскаго масла.

XXIII.

Донъ-Хозе часто ссорился съ женою;
За что—про это знать никто не могъ,
Но многіе старались стороною
Узнать причину ссоры. Я далекъ
Отъ дѣлъ чужихъ, и любопытство мною
Считается за пагубный порокъ;
Но самъ не испытавъ семейной ссоры,
Люблю друзей улаживать раздоры.

XXIV.

Увы! попытка мнѣ не удалась
Ихъ примирить. Напрасное старанье!
Все ускользалъ желанный встрѣчи часъ,
Такъ и не могъ добиться я свиданья.
(Ихъ сторожъ мнѣ признался, впрочемъ, разъ...)
Но это что! есть хуже испытанья:
Ихъ сынъ Жуанъ, какъ въ домъ стучался я,
Ведро помоевъ вылилъ на меня.

XXV.

Такого шалуна найти не скоро...
Кудрявый мальчуганъ, кумиръ семьи,
Въ родителяхъ не находилъ отпора
И исполнялъ всѣ прихоти свои;
Забывъ свои семейные раздоры,
Гораздо бъ лучше сдѣлали они,
Когда бъ его отправили въ ученье
Иль высѣкли, давая наставленья.

XXVI.

Они печально вѣкъ влачили свой,
Развода не ища, но все желая
Другъ другу смерти. Грустною чредой
Ихъ дни текли. Приличья свѣта зная,
Они скрывали распрю предъ толпой
Знакомыхъ и друзей; но жизнь такая
Продлиться не могла, и часъ насталъ,
Когда пожаръ семейный запылалъ.

XXVII.

Она врачамъ вдругъ заявила мнѣнье,
Что мужъ ея *сошелъ съ ума*. Затѣмъ
Она просила, видя ихъ сомнѣнья,
Признать его *порочнымъ*, но совсѣмъ
Не привела уликъ для обвиненья,
Что показалось очень страннымъ всѣмъ;
Лишь молвила: «любя людей и Бога,
«Я не могла съ нимъ поступить не строго»

XXVIII.

Она журналъ его грѣшковъ вела
И напоказъ достала писемъ ворохъ;
Всѣмъ жалуясь, защитниковъ нашла
Она толпу. Во всѣхъ семейныхъ ссорахъ
Поддержкою ей бабушка была,
Что̀ путалась порою въ разговорахъ
Отъ старости. Законно или нѣтъ,
Но за нее горою сталъ весь свѣтъ.

XXIX.

Она свою судьбу переносила
Какъ истая спартанка, что̀ обѣтъ,
Случайно овдовѣвъ, произносила
Забыть навѣки мужа. Тьма клеветъ
Злосчастнаго Донъ-Хозе поразила,
И честь его пятналъ со злобой свѣтъ;
Она жъ на все глядѣла съ равнодушьемъ,
И это свѣтъ считалъ великодушьемъ.

XXX.

Когда бѣда нагрянетъ, пробудить
Въ друзьяхъ участье трудно, какъ извѣстно
Но своего добиться и прослыть
Притомъ великодушнымъ—очень лестно.
Гдѣ жъ въ этомъ malus animus? Отмстить
Порою самому и неумѣстно;
Но развѣ я, скажите, виноватъ,
Коль за меня другіе мстить хотятъ?

XXXI.

Моя ль вина иль ваша, если ссора,
При помощи одной иль двухъ клеветъ,
Старинные грѣхи, изъ кучи сора
Забытыхъ дрязгъ, выводитъ вновь на свѣтъ?
Къ тому жъ скандалъ, воскресшій для разбора,
Весьма нравоучительный предметъ;
Объ этомъ наша нравственность не тужитъ:
Вѣдь ей порокъ контрастомъ лучшимъ служитъ.

XXXII.

Сначала хоръ друзей, потомъ родня
Мирили ихъ, совѣтами богаты;
Но ссора все росла. (Не знаю я,
Возможны ли иные результаты,
Когда мирятъ родные иль друзья?)
Ихъ развести старались адвокаты.
Но не пришлось платить имъ за разводъ:
Донъ-Хозе умеръ—вотъ и весь разсчетъ.

XXXIII.

Итакъ, Донъ-Хозе бѣднаго не стало,
Во цвѣтѣ лѣтъ его похитилъ рокъ —
И такъ некстати. Смерть его прервала
Процессъ преинтересный, какъ я могъ
Понять изъ словъ юристовъ, хоть не мало
Неясностей ихъ испещряетъ слогъ;
Когда онъ палъ,—забывъ вражды причину,
Слезами свѣтъ почтилъ его кончину.

XXXIV.

Несчастный мужъ, заснувъ могильнымъ сномъ,
Печаль друзей и адвокатовъ плату
Унесъ съ собой. Его былъ проданъ домъ;
Любовницы его, забывъ утрату,
Утѣшились; одна сошлась съ жидомъ,
Съ попомъ другая (слухъ молвы крылатой);
Третичной лихорадкой пораженъ,
Жену съ ея враждой оставилъ онъ.

XXXV.

А все жъ его напрасно очернили:
(Я хорошо съ Донъ-Хозе былъ знакомъ;)
Коль надъ собой не дѣлалъ онъ усилій,
Чтобъ нравъ сдержать и былъ страстнѣй притомъ,
Чѣмъ Нума, по прозванію Помпилій,
Его винить несправедливо въ томъ:
Заброшенъ былъ онъ въ молодые годы,
Воспитанъ дурно, желченъ отъ природы.

XXXVI.

Да, много, много выстрадалъ бѣднякъ,
Когда, тоской тяжелою объятый,
Глядѣлъ на свой разрушенный очагъ
И на свои разбитые пенаты.
Признаюсь въ томъ. Теперь не можетъ врагъ
Возликовать, узнавъ его утраты!
Онъ выбрать могъ лишь смерть или разводъ;
И выбралъ смерть, что лучшій былъ исходъ.

XXXVII.

Донъ-Хозе не оставилъ завѣщанья,
И Донъ-Жуанъ наслѣдовалъ одинъ.
Какъ опекунша, мужа состоянье
Инесса прибрала къ рукамъ, чтобъ сынъ
Богаче сталъ, какъ кончитъ воспитанье.
Не ввѣрить сына матери—причинъ
Конечно, нѣтъ: вѣдь, рѣдко, неумѣло
Берется мать за воспитанья дѣло.

XXXVIII.

Жуана мать, умнѣйшая изъ женъ
И даже вдовъ, воспитывать ребенка,
Какъ гранда, стала. (Хозе, знатный донъ,
Кастилецъ былъ, она же—арагонка.)
Онъ былъ стрѣльбѣ, фехтовкѣ обученъ,
Чтобъ трону стать опорою; и тонко
Онъ изучилъ все то, что надо знать,
Чтобъ женскій монастырь иль крѣпость брать.

XXXIX.

На нравственность Инесса напирала:
Учителямъ наказъ былъ строгій данъ,
Чтобъ въ дѣлѣ воспитанья выступала
Высокая мораль на первый планъ.
Она сама тѣ книги выбирала,
Что̀ долженъ былъ выучивать Жуанъ.
И онъ всему учился, что̀ морально,—
Исторіи не зналъ лишь натуральной.

XL.

Преподаванью древнихъ языковъ
Приписывалось важное значенье.
Науки, безъ практическихъ основъ,
Искусства, что не знаютъ примѣненья,
Онъ изучалъ и не жалѣлъ трудовъ;
Но свѣдѣнья о тайнахъ размноженья
Ни отъ кого не могъ онъ почерпнуть:
Боялись всѣ порокъ въ него вдохнуть.

XLI.

Но, изучая древности поэтовъ,
Какъ скрыть боговъ амурныя дѣла?
Рѣзвясь безъ панталонъ и безъ корсетовъ,
Надѣлали они не мало зла,
Вполнѣ чуждаясь нравственныхъ совѣтовъ.
Инесса миѳологію кляла,
И защищать не разъ пришлось предъ нею
Какъ Энеиду, такъ и Одиссею.

XLII.

Мораль порой Овидій мало чтитъ;
Не отнесусь къ Катуллу съ одобреньемъ;
Анакреонъ—распутный сибаритъ;
Я Сафо не хвалю, хоть съ увлеченьемъ
О ней извѣстный Лонгинъ говоритъ;
Одинъ Виргилій чистъ, за исключеньемъ
Эклоги той безнравственной, гдѣ онъ
Поетъ: «Formosum pastor Corydon».

XLIII.

Безвѣріе Лукреція опасно
Для молодыхъ умовъ. Согласенъ я,
Что Ювенала цѣль всегда прекрасна,
Но все жъ его хвалить вполнѣ нельзя:
Онъ слишкомъ откровененъ въ рѣчи страстной
И не умѣетъ сдерживать себя.
Еще скажу, что вижу толку мало
Въ соленыхъ эпиграммахъ Марціала.

XLIV.

Жуанъ ихъ въ томъ изданьи прочиталъ,
Откуда мудрый цензоръ всѣ творенья,
Что̀ дышутъ непристойностью, изгналъ,
Но чтобъ свое загладить преступленье
И чтобъ поэтъ не очень пострадалъ,
Ихъ, въ полномъ сборѣ, въ видѣ приложенья,
Въ концѣ изданья вставилъ и совсѣмъ
Ненужнымъ указатель сдѣлалъ тѣмъ.

XLV.

Толпѣ солдатъ подобно ихъ собранье;
Не надо ихъ искать по всѣмъ листкамъ,
Когда они всѣ въ сборѣ. Въ назиданье
Учащимся, они пробудутъ тамъ,
Пока не выйдетъ новаго изданья,
Гдѣ ихъ разставятъ снова по мѣстамъ.
Они жъ теперь, пугая наготою,
Какъ божества садовъ стоятъ толпою.

XLVI.

Рисунковъ рядъ, далеко не святыхъ,
Молитвенникъ стариннаго ихъ рода
Собою красилъ. Текстъ священныхъ книгъ
Такъ испещрять была когда-то мода.
(Какъ могъ молиться тотъ, кто видѣлъ ихъ?)
Его, для своего лишь обихода,
Оставила Инесса, чтобъ Жуанъ
Не зналъ о немъ; ему жъ другой былъ данъ.

XLVII.

Инессою во всемъ руководимый,
Не мало слышалъ онъ проповѣдей
И словъ святыхъ. Читалъ Іеронима
И Златоуста; зналъ Четьи-Миней,
Но Августинъ святой, высокочтимый,
На правды путь наводитъ всѣхъ вѣрнѣй,
Себя бичуя [1]), хоть (признаться больно!)
Его грѣхамъ завидуешь невольно.

XLVIII.

Жуану не давали книгъ такихъ
И правильно, коль хорошо потуже
Держать дѣтей. Инесса глазъ своихъ
Съ Жуана не спускала; что̀ есть хуже
Служанокъ выбирала, и у нихъ
Однѣ старухи жили. Такъ при мужѣ
Она еще привыкла поступать;
Съ нея примѣръ должны бъ всѣ жены брать.

XLIX.

Предъ нимъ лежала свѣтлая дорога;
Онъ лѣтъ шести былъ и красивъ, и милъ;
Одиннадцати лѣтъ учился много
И не жалѣлъ для дѣла юныхъ силъ.
Казалось, онъ лишь будетъ жить для Бога;
Молясь, полъ-дня онъ въ церкви проводилъ:
Затѣмъ сидѣлъ за книгой иль урокомъ,
Добру учась, подъ материнскимъ окомъ.

L.

Онъ въ дѣтствѣ былъ красивый мальчуганъ;
Когда подросъ, въ немъ страсть къ труду созрѣла;
Онъ былъ сперва порядочный буянъ,
Но нравъ его исправить мать съумѣла—
И тихъ, и скроменъ сдѣлался Жуанъ,—
Такъ всѣмъ казалось. Съ гордостью глядѣла
На юнаго философа она,
Хваля его вездѣ, любви полна.

LI.

Не вѣрилъ я, да и не вѣрю нынѣ,
Что могъ Жуанъ сломить характеръ свой,
Что справилися съ нимъ, по той причинѣ,
Что Хозе нравъ имѣлъ весьма крутой.
Вы скажете, что по отцу о сынѣ
Нельзя судить; къ тому жъ всегда съ женой
Онъ ссорился: коварная догадка!
Я замолчу; по мнѣ, злословье гадко.

LII.

Итакъ я замолчу, но если бъ сынъ
Былъ у меня—нравоученьямъ мѣру
Я зналъ бы и скажу не безъ причинъ—
Ея бы не послѣдовалъ примѣру;
Наскучитъ катехизисъ все одинъ;
Нельзя преподавать одну лишь вѣру.
О, нѣтъ! мой сынъ попалъ бы въ школу; въ ней
Позналъ я жизнь, науку и людей.

LIII.

Увы! я позабылъ языкъ Эсхила.
Но все жъ скажу, что школа—сущій кладъ.
Тамъ созрѣваетъ мысль, тамъ крѣпнетъ сила;
Хоть есть грѣшки за ней, но verbum sat.
Все то, что̀ знаю я, мнѣ подарила
Родная школа. Пусть я не женатъ,
Однако (утверждаю это смѣло),
Такъ мальчика воспитывать не дѣло.

LIV.

Вотъ минуло ему шестнадцать лѣтъ—
И въ юношѣ красивомъ и высокомъ
Младенчества исчезъ послѣдній слѣдъ.
Но мать за нимъ, какъ прежде, зоркимъ окомъ
Слѣдила. Преждевременный расцвѣтъ
Казался ей ужаснѣйшимъ порокомъ;
Скажи ей кто-нибудь, что онъ созрѣлъ,
Навѣрное въ ней гнѣвъ бы закипѣлъ.

---

[1]) Прочтите его исповѣдь.

LV.

Инесса добродѣтельная зналась
Лишь только съ тѣмъ, кто правдой былъ богатъ;
Къ ней часто Донна Джулія являлась.
Назвавъ ее звѣздой, о ней наврядъ
Понятье дамъ. Съ ней красота сроднялась,
Какъ съ моремъ соль, съ цвѣтами ароматъ,
Съ Венерой поясъ, съ Купидономъ стрѣлы.
(Послѣднія сравненья слишкомъ смѣлы).

LVI.

Ея прелестныхъ глазъ восточный пылъ
Присутствіе въ ней крови мавританской
Доказывалъ. (Не очень-то цѣнилъ
Такую кровь аристократъ испанскій).
Когда, рыдая, скрылся Боабдилъ,
Гренаду сдавъ, на берегъ африканскій
Переселились мавры. Изъ числа
Оставшихся въ Испаніи была

LVII.

Ея прабабка. Странными судьбами
Она, плѣнивъ гидальго красотой,
Съ нимъ сочеталась брачными цѣпями.
Въ Испаніи позорнымъ бракъ такой
Считался. Тамъ гордилися связями
И на родныхъ женилися порой,
Чтобъ не утратить чистокровность рода,
Чѣмъ часто ухудшалася порода.

LVIII.

И ожилъ родъ съ поддержкой новыхъ силъ;
Кровь стала хуже, но красивѣй лица.
Заглохшій корень вновь ростки пустилъ;
Исчезли сынъ уродъ и дочь тупица;
Про бабушку, однако, слухъ ходилъ
(Но это, я увѣренъ, небылица),
Что незаконныхъ, иногда, дѣтей
Въ свою семью вводить случалось ей.

LIX.

Съ годами все порода улучшалась;
Какимъ путемъ, зачѣмъ намъ это знать?
Но дни текли, и вотъ лишь дочь осталась
Отъ цѣлой расы; нужно ли сказать,
Что рѣчь идетъ о Джуліи? Досталась
Ей красота. Свои дары, какъ мать,
Предъ ней повергла щедрая природа;
Ей двадцать три всего лишь было года.

LX.

Въ ея глазахъ, и черныхъ, и большихъ,
Огонь сверкалъ. Любовь и гордость чаще,
Чѣмъ ненависть и гнѣвъ читались въ нихъ.
(Не знаю я, что̀ глазъ прелестныхъ слаще!)
Порою сквозь рѣсницъ ея густыхъ
Просвѣчивалъ желанья лучъ палящій,
Но угасалъ съ мгновенной быстротой:
Она имѣла даръ владѣть собой.

LXI.

Змѣёй вилась коса ея густая;
Какъ радуга ея сгибалась бровь;
Дышала въ ней восторженность живая;
Какъ молнія, въ ней пробѣгала кровь,
Прозрачный блескъ на ликъ ея бросая;
Прильётъ, горя, и вотъ отхлынетъ вновь.
Сложенье, статность, ростъ—все въ ней плѣняло.
(Сложенныхъ дурно женщинъ чту я мало).

LXII.

Пятидесяти лѣтъ былъ мужъ у ней...
(Слѣпой судьбы плачевная услуга!)
Ей лучше бъ взять двухъ молодыхъ мужей,
Чтобъ замѣнить почтенныхъ лѣтъ супруга;
Такая перемѣна тѣмъ нужнѣй,
Чѣмъ ярче свѣтъ бросаетъ солнце юга;
Я замѣчалъ, что самыхъ честныхъ дамъ
Невольно тянетъ къ молодымъ мужьямъ.

LXIII.

Все это очень грустно, безъ сомнѣнья,
Но въ этомъ солнца свѣтъ виновнѣй всѣхъ,
Людскую кровь приводитъ онъ въ волненье.
А мало ли на свѣтѣ есть утѣхъ?
Ни постъ не помогаетъ, ни моленья:
Слабѣетъ плоть и душу вводитъ въ грѣхъ.
Гдѣ свѣтитъ Югъ, тамъ не считаютъ чудомъ,
Что̀ свѣтъ зоветъ интригой, небо—блудомъ.

LXIV.

Счастливѣй люди въ сѣверныхъ странахъ,
Гдѣ стынетъ кровь, гдѣ стужей мѣры взяты,
Чтобъ грѣхъ вредить не могъ. (Въ своихъ грѣхахъ
Святой Антоній, стужею объятый,
Покаялся). Караемый въ судахъ,
Тамъ каждый грѣхъ обложенъ крупной платой.
Прелюбодѣя не щадитъ законъ:
Коль согрѣшилъ—по таксѣ платитъ онъ.

LXV.

Альфонсо—звали Джуліи супруга.
Онъ былъ и бодръ, и свѣжъ для лѣтъ своихъ;
Его жена въ немъ ни врага, ни друга
Не видѣла. Какъ много паръ такихъ!
Не ссориться—для нихъ и то заслуга
(Вѣдь розны взгляды и желанья ихъ)!
Альфонсо былъ ревнивъ, скрывая это,—
(Вѣдь ревность любитъ прятаться отъ свѣта).

LXVI.

Какъ Джулія съ Инессою сошлась—
Не знаю я. Въ нихъ сходства было мало;
За просвѣщеньемъ донна не гналась
И никогда трактатовъ не писала.
Но говорятъ (все это ложь; не разъ
Молва пустые слухи распускала),
Что мужъ ея Инессой былъ любимъ
И что она была въ интригѣ съ нимъ.

LXVII.

Что будто бы ихъ связь годами длилась
И наконецъ характеръ приняла
Невинности. Такъ въ Джулію влюбилась
Инесса, что она ее взяла
Подъ крылышко свое и не скупилась
На ласки и хвалы. Свои дѣла
Вести она съ такимъ умѣньемъ стала,
Что и злословья притупилось жало.

LXVIII.

Была ль для донны тайной болтовня
Пустой молвы, иль не имѣла вѣса
Въ ея глазахъ—про то не знаю я;
Не виденъ ходъ душевнаго процесса.
Но все жъ, свое спокойствіе храня,
Она, какъ прежде, видѣлась съ Инессой
У ней, и безупречна, и скромна,
Съ Жуаномъ познакомилась она.

LXIX.

Встрѣчаясь часто съ мальчикомъ красивымъ,
Она его ласкала; толку нѣтъ,
Что ласки въ этомъ возрастѣ счастливомъ
Невинны. (Что жъ, ей было двадцать лѣтъ,
Ему жъ тринадцать). Нѣжнымъ ихъ порывамъ,
Увѣренъ я, дивиться сталъ бы свѣтъ,
Постарше будь они хоть на три года.
Сильна въ развитьи южная природа!

LXX.

Ихъ отношенья стали холоднѣй,
Когда Жуанъ подросъ. Въ минуту встрѣчи
Онъ на нее не поднималъ очей;
Изъ устъ его несвязно лились рѣчи;
Я думаю, понятны были ей
Любви святой невинныя предтечи,
Но чувствъ своихъ не понималъ Жуанъ:
Не видѣвъ бурь, кто знаетъ океанъ?

LXXI.

Сочувствію открывъ порой объятья,
Она гнала свой холодъ напускной—
И вотъ, дрожа, онъ чувствовалъ пожатье
Ея руки. Сравнивъ его съ мечтой,
О легкости его не дашь понятья;
Оно, блаженство принося съ собой,
Лишь длилось мигъ; но сладость этой ласки
Ему казалась сномъ волшебной сказки.

LXXII.

Холодностью дышалъ ея привѣтъ;
Въ ея лицѣ не теплилась улыбка,
Но взоръ ея хранилъ унынья слѣдъ,
И отъ волненья сердце билось шибко.
Невинность, обмануть желая свѣтъ,
Не прочь лукавить; можно впасть въ ошибку,
Судя лишь по наружности одной:
Любовь, какъ лицемѣръ, хитритъ порой.

LXXIII.

Но заглушишь ли страсти голосъ милый!
Чѣмъ неба сводъ угрюмѣй и мрачнѣй,
Тѣмъ буря разразится съ бо́льшей силой.
Сильна любовь, борьба напрасна съ ней.
Она не разъ, чтобъ сердце тайну скрыло,
Являлась подъ личиною страстей
Ей чуждыхъ: гнѣва, ненависти, мщенья —
Но слишкомъ поздно, чтобъ убить сомнѣнья.

LXXIV.

На днѣ души храня любовь, какъ кладъ,
Она носила равнодушья маску;
Лишь легкій вздохъ, порою томный взглядъ,
Что̀ съ жадностью Жуанъ ловилъ, какъ ласку,
Участье обличали. Невпопадъ
При встрѣчѣ съ нимъ ее бросало въ краску.
Все это были признаки любви,
И у него огонь пылалъ въ крови.

LXXV.

Тревогъ сердечныхъ чувствуя обилье,
Она, бѣдняжка, сдѣлать надъ собой
Рѣшилась благородное усилье,
Чтобъ честь спасти. Предъ твердостью такой
Тарквиній самъ, сознавъ свое безсилье,
Втупикъ бы сталъ. Къ Владычицѣ Святой
Она съ мольбой свои простерла руки...
Кто женщины утѣшитъ лучше муки?

LXXVI.

Не видѣться съ Жуаномъ давъ обѣтъ,
Она зашла къ Инессѣ на мгновенье.
Дверь скрипнула. Не онъ ли? Къ счастью, нѣтъ.
Владычицѣ воздавъ за то хваленье,
Она вздохнула, но унынья слѣдъ
Разсѣяло Жуана появленье.
Боюсь, что въ эту ночь она съ мольбой
Не обращалась къ Дѣвѣ Пресвятой.

LXXVII.

Она затѣмъ рѣшила, что постыдно
Отъ зла бѣжать, что женщина должна
Бороться съ искушеньемъ. Мысль обидна,
Что можетъ пасть въ борьбѣ со зломъ она.
Въ невинномъ предпочтеніи не видно
Опасности. Коль женщина вѣрна
И долгу, и себѣ, добромъ богата,
Грѣшно ль мужчину ей любить, какъ брата?

LXXVIII.

Случиться, правда, можетъ (силенъ бѣсъ!),
Что сердцу трудно справиться съ соблазномъ;
Тогда надъ нимъ побѣда бо́льшій вѣсъ
Еще имѣетъ. Просьбамъ неотвязнымъ,
Что̀ дышутъ страстью, можно наотрѣзъ
Отказывать, смѣясь надъ бредомъ праднымъ.
Я дамамъ молодымъ даю совѣтъ
Такъ дѣйствовать: методы лучше нѣтъ.

LXXIX.

Къ тому же есть еще любовь святая,
Чтò ангеловъ плѣняетъ и матронъ,
Чтò душу, чудный свѣтъ въ нее бросая,
Живитъ. Кумиръ воздвигнулъ ей Платонъ.
«Въ моей груди горитъ любовь такая»,
Она шептала, вѣря въ свѣтлый сонъ.
Будь я замѣченъ ею, безъ сомнѣнья,
Одобрилъ бы такія размышленья.

LXXX.

Любовь такая дѣвственно чиста;
Ей можно предаваться безъ опаски;
Сначала ручку, а затѣмъ уста
Цѣлуютъ нѣжно; робко строютъ глазки;
Но это ужъ предѣльная черта
Такой любви; ея мнѣ чужды ласки, —
Предупредить, однако, долженъ всѣхъ,
Что за чертой условной встрѣтишь грѣхъ.

LXXXI.

Любовь святую совѣсть не осудитъ;
Зачѣмъ же бѣдной сдерживать себя?
Она любить Жуана свято будетъ;
Любовь, желанья грѣшныя губя,
Въ немъ только грезы свѣтлыя пробудитъ;
Онъ многому научится, любя.
Чему? не могъ бы я найти отвѣта,
Да и для ней загадкой было это.

LXXXII.

Рѣшивъ, что путь, ей выбранный, ведетъ
Къ хорошему, — защищена бронею
Невинности своей,—принявъ въ разсчетъ,
Что можно честь ея сравнить съ скалою, —
Отбросила она тяжелый гнетъ
Докучнаго контроля надъ собою.
Впослѣдстіи придется намъ узнать—
Могла ль она съ задачей совладать.

LXXXIII.

Поставленный въ счастливыя условья,
Прекраснымъ ей казался этотъ планъ.
Пускай себѣ клевещутъ на здоровье,
Коль такъ хотятъ. (Шестнадцать лѣтъ Жуанъ
Всего имѣлъ). Безсиленъ ядъ злословья
Предъ духомъ правды. (Жгли же христіанъ
Другіе христіане, съ убѣжденьемъ,
Что слѣдуютъ апостольскимъ ученьямъ!)

LXXXIV.

Но если бъ вдругъ ей овдовѣть пришлось?...
Какое наущенье вражьей силы!
Возможно ли поднять такой вопросъ!
Ей горе пережить бы трудно было.
Но, полагая только inter nos...
(Я entre nous сказалъ бы съ донной милой,—
Ей нравился французскій рѣчи складъ, —
Да съ рифмою мой стихъ не шелъ бы въ ладъ.)

LXXXV.

Съ годами будетъ партіей серьезной
Жуанъ. Измѣны отъ него не жди...
Не все жъ ихъ цѣли въ жизни будутъ розны;
Коль мужъ ея окончитъ дни свои
Лѣтъ черезъ семь—еще не будетъ поздно;
Вся жизнь передъ Жуаномъ впереди.
Пускай его согрѣетъ лучъ участья!
(Все рѣчь идетъ лишь о невинномъ счастьи!)

LXXXVI.

Къ Жуану перейдемъ. Тоской томимъ,
Не вѣдалъ онъ, что грудь его согрѣта
Огнемъ любви. Въ страстяхъ неукротимъ,
Какъ миссъ Медея [1]) римскаго поэта,
Онъ думалъ, что случилось чудо съ нимъ,
Вполнѣ необъяснимое для свѣта.
Не вѣдалъ онъ, что много свѣтлыхъ чаръ
Любовь съ собой приноситъ часто въ даръ.

[1]) Ovid., *de Art. Amand.* I.—III.

БИБЛИОТЕКА Инв. № ... Института пром. строительства
Библиотечный передвижной фонд Ин. № 1313 ЦК Союза раб. ...
Библиотека завкома № ... Катуаровского з-да кислот. ... МПС СССР Инвентарный №
ДМИТРОВСКАЯ ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА Московской области
А8836 57 5592

LXXXVII.

Объятый и унынiемъ, и волненьемъ,
Среди лѣсовъ бродилъ въ тоскѣ Жуанъ;
Скрываться — скорбь считаетъ наслажденьемъ:
Не сознавалъ онъ сердца жгучихъ ранъ. —
И я порой мирюсь съ уединеньемъ,
Но только не какъ схимникъ,—какъ султанъ,—
Я не нуждаюсь въ схимниковъ примѣрѣ, —
И съ нимъ мирюсь въ гаремѣ, не въ пещерѣ.

LXXXVIII.

Любовь! богиня ты въ такой глуши,
«*Гдѣ слиты безопасность съ упоеньемъ*;
«Тамъ свѣтлый рай для любящей души» [1]).
Доволенъ былъ бы я стихотвореньемъ,
Мной приведеннымъ здѣсь, не напиши
Поэтъ вторую строчку. Съ удивленьемъ
Смотрю на сочетанье странныхъ словъ,
Что затемняютъ смыслъ его стиховъ.

LXXXIX.

Мнѣ кажется, что онъ имѣлъ желанье,
Безъ задней мысли, возвѣстить о томъ,
Что мы не любимъ въ свѣтлый часъ свиданья,
Иль сидя за обѣденнымъ столомъ,
Когда насъ безпокоятъ. Мы молчаньемъ
И «слитье» съ «упоеньемъ» обойдемъ, —
Понятна этихъ словъ живая страстность, —
Но безъ замка возможна ль «безопасность»?

XC.

Близъ свѣтлыхъ струй ручья, угрюмъ и нѣмъ,
На темный лѣсъ взирая, какъ на друга,
Жуанъ любилъ мечтать, не зная, чѣмъ
Разсѣять мракъ душевнаго недуга.
Въ тѣни лѣсовъ сюжеты для поэмъ
Поэты ищутъ; тамъ же въ часъ досуга
Стихи читать мы любимъ, коль они
Вордсворта виршамъ только не сродни.

XCI.

Ища уединенiя охотно,
Жуанъ душой возвышенной своей
Гнался за каждой думой мимолетной.
Такъ много въ немъ рождалося идей,
Что, наконецъ (конечно безотчетно),
Онъ сталъ смотрѣть на свѣтъ и на людей,
Умѣривъ гнетъ тоски своей тяжелой,
Какъ метафизикъ Кольриджевой школы.

XCII.

О многомъ онъ мечталъ, бродя одинъ:
О блескѣ звѣздъ, о тайнахъ мірозданья,
О шумѣ битвъ; о томъ, что властелинъ
Надъ міромъ человѣкъ; о разстоянiи,
Что̀ до луны отъ насъ; искалъ причинъ
Въ ихъ слѣдствiяхъ. Повергнутъ въ созерцанье,
Мечталъ, какъ свѣтъ премудро сотворенъ;
О глазкахъ милой также думалъ онъ.

XCIII.

Такъ мудро разсуждая, голосъ муки
Онъ заглушалъ, и сладость находилъ
Въ такихъ мечтахъ. Отраденъ свѣтъ науки,
Блаженъ, кто ей всѣ думы посвятилъ.
Но странно, если юноша безъ скуки
Мечтаетъ о теченiи свѣтилъ.
Не строй ума былъ этому причиной,
А то, что мальчикъ сдѣлался мужчиной.

XCIV.

Задумчиво глядѣлъ онъ на цвѣты;
Въ порывахъ вѣтра слышалъ вздохъ участья;
Онъ къ нимфамъ обращалъ, порой, мечты,
Къ богинямъ, что дарили смертнымъ счастье,
Являясь къ нимъ въ сiяньи красоты.
Въ немъ смутно пробуждалось сладострастье,
Невидимо летѣлъ за часомъ часъ,
И онъ обѣдъ прогуливалъ не разъ.

---

[1]) Кэмбель. *Gertrude of Wyoming.*

XCV.

Боскана онъ читалъ иль Гарсиласса
И былъ готовъ во прахъ предъ ними пасть;
Къ поэзіи душа его рвалася;
Внимая ей, въ немъ клокотала страсть.
Такъ по вѣтру листы летятъ, клубяся.
Казалося, надъ нимъ простерлась власть
Волшебника, что̀ въ звуки сыплетъ чары,
Какъ я читалъ въ какой-то сказкѣ старой.

XCVI.

Напрасно въ лѣсъ онъ направлялъ свой путь;
На думы онъ не находилъ отвѣта;
Отрады не могли въ него вдохнуть
Ни сладкія мечты, ни пѣснь поэта;
Онъ жаждалъ ласкъ, главу склонить на грудь,
Въ которой сердце нѣжностью согрѣто;
Онъ, можетъ быть, мечталъ и о другомъ,
Но я покуда умолчу о томъ.

XCVII.

Отъ глазъ красивой Джуліи кручина,
Что̀ въ даръ любовь Жуану принесла,
Не скрылась; тайныхъ мукъ его причина
Была понятна ей. Но какъ могла
Инесса у единственнаго сына
Не разузнать причинъ такого зла?
Не знаю, какъ понять ея молчанье,
Что̀ видѣть въ немъ: притворство иль незнанье?

XCVIII.

Хитрецъ случайно ловится иной.
Такъ мужъ ревнивый жалкую услугу
Себѣ готовъ оказывать порой,
Желая уличить свою супругу
Въ несоблюденьи заповѣди той,
Что́ ставитъ цѣломудріе въ заслугу.
(Которая она—нейдетъ на умъ;
Ее жъ назвать боюсь я наобумъ).

XCIX.

Мужъ опытный ревнивъ, но онъ порою
Въ обманъ вдается, страстью увлеченъ;
Преслѣдуетъ того, кто чистъ душою,
Коварнаго же друга вводитъ онъ
Въ свою семью. Сойдется ль другъ съ женою—
Несчастный мужъ, бѣдою пораженъ,
Винитъ во всемъ, забывъ благоразумье,
Порочность ихъ, а не свое безумье.

C.

Отцовъ недальновидныхъ иногда
Случается, что дочери проводятъ
И достигаютъ цѣли безъ труда.
Что̀ толку въ томъ, что съ дочерей не сводятъ
Родные глазъ? Случится ли бѣда—
Отцы въ негодованіе приходятъ
И, не виня оплошности своей,
Готовы проклинать своихъ дѣтей.

CI.

Инессы непонятное молчанье,
Увѣренъ я, скрывало лишь обманъ;
Притворство принимало видъ незнанья;
Ей, можетъ быть, хотѣлось, чтобъ Жуанъ
Окрѣпъ душой, узнавъ любви страданья,
А можетъ быть она имѣла планъ
Открыть глаза Альфонсу, въ той надеждѣ,
Что онъ жену не будетъ чтить, какъ прежде.

CII.

Однажды... Это было лѣтнимъ днемъ...
Весна, какъ май наступитъ, словно лѣто
Волнуетъ кровь, что̀ въ жилахъ бьетъ ключемъ;
Потоки ослѣпительнаго свѣта,
Что̀ солнце щедро льетъ, виновны въ томъ.
Душа мечтами страстными согрѣта;
Томится грудь; огонь горитъ въ крови.
Мартъ—мѣсяцъ зайцевъ, май—пора любви.

CIII.

Въ шестой іюня день... Не вижу прока
Въ неточности, а потому всегда
Я числа выставляю и глубоко
Чту хронологію. По мнѣ года—
Тѣ станціи, гдѣ колесница рока,
По всѣмъ странамъ носяся безъ слѣда,
Мѣняетъ упряжь, какъ воспоминанья
Лишь оставляя числа для преданья.

CIV.

О Джуліи я поведу разсказъ.
Какъ я уже сказалъ, въ началѣ лѣта,
Въ седьмомъ часу она сидѣла разъ
Въ саду, достойномъ гурій Магомета,
Иль тѣхъ богинь, что̀ восхищаютъ насъ
Въ твореньяхъ сладкогласнаго поэта
Анакреона-Мура. Дай-то Богъ,
Чтобъ насъ плѣнять еще онъ долго могъ!

CV.

Но Джулія въ тѣни душистой сада
Сидѣла не одна. Какимъ путемъ
Устроилось свиданіе? Не надо
Все говорить, что̀ знаемъ, и о томъ
Я умолчу: злословье хуже яда.
Вдали отъ всѣхъ, Жуанъ съ ней былъ вдвоемъ;
Они бы поступили осторожно,
Закрывъ глаза, но развѣ это можно?

CVI.

Лицо ея горѣло отъ стыда,
Но все она себя не признавала
Виновною. Любовь хитритъ всегда
И вводитъ въ заблужденье. Ей не мало
Причинено страданій и вреда;
Близъ бездны донна Джулія стояла,
Готовая совсѣмъ въ нее упасть,
А все грѣха не признавала власть.

CVII.

Она была собой вполнѣ довольна;
Такъ юнъ Жуанъ, что вѣрности обѣтъ
Не трудно ей сдержать; смѣшно и больно
Бояться зла, когда соблазна нѣтъ.
Въ то время ей припомнилось невольно,
Что мужъ ея пятидесяти лѣтъ.
Жаль, что она объ этомъ думать стала:
Любовь такіе годы цѣнитъ мало.

CVIII.

Коль говорятъ: «въ пятидесятый разъ
Я вамъ твержу»—то это признакъ ссоры;
Когда поэты, музою гордясь,
О ней порой заводятъ разговоры —
Стиховъ полсотню вамъ прочтутъ какъ разъ.
Когда ихъ пятьдесятъ, опасны воры —
Не жди любви, какъ стукнетъ пятьдесятъ,
Тогда гиней полсотни просто кладъ.

CIX.

Защищена невинностью святою,
Она грѣха бояться не могла;
Рѣшивъ, что ей легко владѣть собою,
Она Жуана за руку взяла;
Разсѣянность была тому виною:
Она Жуана руку приняла
За собственную руку; въ заблужденье
Ея ввело душевное волненье.

CX.

Она затѣмъ склонилась головой
Къ другой его рукѣ, что̀ утопала
Средь темныхъ волнъ косы ея густой,
Она его съ любовью созерцала,
Вся отдаваясь страсти молодой.
Зачѣмъ однихъ Инесса оставляла
Неопытныхъ дѣтей? Увѣренъ я —
Не такъ бы поступила мать моя.

CXI.

Жуанъ ей руку жалъ. Ей сладко было
Ему на ласку — лаской отвѣчать;
Ея рука, казалось, говорила:
«Меня ты можешь нѣжить и ласкать;
«Твоей руки пожатіе мнѣ мило».
Но Джулія, когда бъ могла понять,
Что есть опасность въ томъ, отъ зла ушла бы,
Какъ отъ змѣи иль ядовитой жабы.

CXII.

Жуанъ, въ которомъ клокотала кровь,
Къ ея рукѣ, въ порывѣ увлеченья,
Прильнулъ устами. Первая любовь
Всегда робка, и онъ пришелъ въ смятенье.
Но Джулія, не хмуря гнѣвно бровь,
Лишь покраснѣла. Тайное волненье
Она хотѣла отъ Жуана скрыть,
Къ тому жъ была не въ силахъ говорить.

CXIII.

Луна взошла. Опасное свѣтило
Напрасно цѣломудреннымъ зовутъ;
Въ ея лучахъ таинственная сила;
Они, блестя, на путь грѣха ведутъ.
Луна не мало бѣдствій причинила;
Ея лучи тревогу въ душу льютъ,
Въ ней пробуждая страстныя желанья;
Невиннѣе безъ мѣры дня сіянье.

CXIV.

Въ тотъ сладкій часъ, когда природа спитъ,
Одѣтая волшебнымъ блескомъ ночи,
Когда луна деревья серебритъ,
И звѣзды, какъ безчисленныя очи,
Глядятъ съ небесъ на этотъ чудный видъ,
Душѣ съ собою справиться нѣтъ мочи;
Она собой владѣть перестаетъ,
Но не покой ей этотъ мигъ даетъ.

CXV.

Жуанъ былъ рядомъ съ Джуліей, въ волненьи
Охватывая станъ ея рукой...
Когда бъ она имѣла опасенья,
Не трудно было бъ ей уйти домой.
Но, вѣроятно, это положенье
Имѣло даръ ее плѣнять собой...
Затѣмъ... но ужъ меня терзаетъ совѣсть,
Что началъ я писать такую повѣсть.

CXVI.

Платонъ! людей не мало ты сгубилъ
Теоріей своей, что будто можно
Умѣрить силой воли сердца пылъ
И страсть сдержать. Твое ученье ложно,
Ты людямъ больше зла имъ причинилъ,
Чѣмъ всѣ поэты вмѣстѣ. Непреложно,
Что ты и фатъ, и шарлатанъ, и лжецъ,
Опасный сводникъ любящихъ сердецъ.

CXVII.

Когда она очнулась, слезы градомъ —
Увы! не безъ причины — потекли
Изъ глазъ ея. Возможно ли, чтобъ рядомъ
Когда-нибудь любовь и разумъ шли!
Трудна борьба съ соблазна тонкимъ ядомъ.
Намѣренья благія не спасли
Ее отъ зла. Ей твердость измѣнила;
Она шепнула: «нѣтъ!» — и уступила.

CXVIII.

За новую утѣху Ксеркъсъ сулилъ,
Какъ говорятъ, богатыя награды;
За выдумку онъ много бъ заплатилъ.
На этотъ счетъ мои съ нимъ розны взгляды.
Въ любви всегда я счастье находилъ,
И новыхъ наслажденій мнѣ не надо;
Я старыми довольствуюсь вполнѣ,
Лишь бы они не измѣнили мнѣ.

CXIX.

Ты часто губишь насъ, о наслажденье!
Но въ душу проливаешь яркій свѣтъ;
Покинуть путь грѣха и заблужденья
Я каждую весну даю обѣтъ;
Но, къ Вестѣ мало чувствуя влеченья,
Я все грѣшу—и въ клятвахъ прока нѣтъ;
Все жъ мысль моя осуществиться можетъ;
Зимой исправлюсь: стужа мнѣ поможетъ.

CXX.

Здѣсь маленькую вольность разрѣшить
Я долженъ Музѣ. Не страшись, читатель!
Повѣрь, не въ состояньи оскорбить
Твою стыдливость нравственный писатель.
Но правиламъ я долженъ измѣнить,
Которыхъ я глубокій почитатель...
Когда предъ Аристотелемъ грѣшу,
Въ своей винѣ сознаться я спѣшу.

CXXI.

Не разъ поэтамъ такъ грѣшить случалось;
И вотъ вообразить прошу я васъ,
Что полгода почти съ тѣхъ поръ промчалось,
Какъ Джуліи съ Жуаномъ въ первый разъ
Запретный плодъ любви вкусить досталось
Въ іюльскій чудный вечеръ. Пронеслась,
Какъ сонъ, весна; настала осень злая...
Мы въ ноябрѣ; не помню лишь числа я.

CXXII.

Отрадно созерцать блестящій рой
Далекихъ звѣздъ, внимая плеску моря,
Когда оно, сребримое луной,
Лѣниво катитъ волны, пѣснѣ вторя,
Что гондольеръ поетъ въ тиши ночной,
Забывъ тяжелый гнетъ тоски и горя.
Не мало навѣваетъ свѣтлыхъ думъ
И сладкій ропотъ волнъ, и листьевъ шумъ.

CXXIII.

Отрадно, возвращаясь издалеча,
Погладить пса, что стережетъ нашъ дворъ;
Отрадно, если въ мигъ желанной встрѣчи
Отъ радости сіяетъ милый взоръ;
Пріятны слуху ласковыя рѣчи,
Жужжанье пчелъ и птицъ веселый хоръ;
Невольно насъ приводитъ въ сладкій трепетъ
И нѣжный голосъ дѣвъ, и дѣтскій лепетъ.

CXXIV.

Какъ сладокъ винограда алый сокъ,
Когда сбираютъ гроздья! Наслажденье—
Забиться лѣтомъ въ мирный уголокъ
Отъ города вдали. Отрадно мщенье,
Особенно для женщины. Мѣшокъ
Съ червонцами приводитъ въ восхищенье
Скупца. Отецъ рожденью сына радъ,
Морякъ—добычѣ; плѣннику—солдатъ.

CXXV.

Пріятно, коль достанется наслѣдство
Отъ дяди или тетки, что давно
Отъ старости глубокой впали въ дѣтство,
Дыша на ладанъ. Тѣмъ милѣй оно,
Чѣмъ больше истощились наши средства,
Чѣмъ дольше ждать намъ было суждено
Желанныхъ благъ, долговъ надѣлавъ кучи...
Увы, какъ старики порой живучи!

CXXVI.

Стяжать отрадно кровью иль перомъ
Вѣнокъ лавровый; сладко помириться;
Порой пріятно ссориться съ глупцомъ;
Порой виномъ не дурно насладиться;
Всегда отрадно выступить бойцомъ
За жертву, что не можетъ защититься;
Намъ школа дорога; ей можетъ быть
Забыты мы—ее жъ нельзя забыть.

CXXVII.

Но замѣнить ничто не въ состояньи
Восторговъ, что̀ даритъ намъ страсти пылъ;
Когда Адамъ, отвѣдавъ плодъ познаній,
Изъ свѣтлаго Эдема выгнанъ былъ,
Не могъ онъ проклинать своихъ страданій;
Узнавъ любовь, онъ новый рай открылъ.
Сравниться съ нею можетъ свѣтлый пламень,
Что̀ Прометей вселилъ въ бездушный камень.

CXXVIII.

Престранное созданье человѣкъ!
Онъ гонится за тѣмъ, что̀ только ново;
Открытьями богатъ нашъ жалкій вѣкъ,
Но лишь одинъ разсчетъ всему основой;
Обманъ дорогу правды пересѣкъ;
Нажива — вотъ магическое слово,
Которое съ любовью шепчетъ міръ,
Какъ встарь, воздвигнувъ золоту кумиръ.

CXXIX.

Открытій цѣлый рядъ нашъ вѣкъ прославитъ;
Ихъ породили геній съ нищетой;
Одинъ носы искусственные ставитъ,
А гильотину выдумалъ другой;
Одинъ съ большимъ искусствомъ кости правитъ,
Другой ломаетъ ихъ—контрастъ смѣшной!
Болѣзнь, что̀ насъ гнететъ, смѣняя новой,—
Мы прививаемъ оспу отъ коровы.

CXXX.

Картофель въ хлѣбъ мы стали превращать;
О гальванизмѣ цѣлые трактаты
Писали мы—но все жъ должны признать,
Что опытовъ ничтожны результаты.
Машинъ теперь такая благодать,
Что за труды бѣднякъ лишился платы.
Мы спасены отъ оспы, говорятъ;
Когда жъ ея исчезнетъ старшій братъ?

CXXXI.

Америка дала ему рожденье;
Когда же онъ воротится домой?
Тамъ сильно возрастаетъ населенье;
Пора бы моромъ, голодомъ, войной
И прочими дарами просвѣщенья
Его умѣрить ростъ. Вопросъ иной—
Что̀ порождаетъ больше злыхъ послѣдствій—
Заразы ядъ иль гнетъ тяжелыхъ бѣдствій.

CXXXII.

Порой изобрѣтенья намъ вредятъ;
Но все жъ ихъ цѣль гуманна и прекрасна;
Полезенъ былъ бы Дэви аппаратъ [1]),
Да, жаль, онъ слишкомъ сложенъ; не напрасно
Полярныхъ странъ мы изучали хладъ;
Намъ Томбукту далекое подвластно:
Все это людямъ пользы принесло
Не меньше, чѣмъ рѣзня при Ватерло.

CXXXIII.

Феноменъ человѣкъ и жизнь—загадка;
Мнѣ только жаль, что въ наслажденьи грѣхъ,
Когда, сознаюсь въ томъ, грѣшить такъ сладко!
Какъ ни живи—одинъ конецъ для всѣхъ:
Все смерть придетъ съ своей улыбкой гадкой;
Ее ни власть, ни деньги, ни успѣхъ
Прогнать не могутъ. Что жъ затѣмъ? Не знаю.
Вы также?—Такъ прощайте. Продолжаю.

CXXXIV.

Мы—въ ноябрѣ, когда ужъ неба сводъ
Утратилъ блескъ своей лазури нѣжной
И горы, испытавъ ненастья гнетъ,
Свой синій плащъ смѣнили ризой снѣжной, —
Когда бушуетъ море и реветъ,
Стараясь поглотить утесъ прибрежный
Клокочущими волнами, и день
Часамъ къ пяти смѣняетъ ночи тѣнь.

---

[1]) Дэви—изобрѣтатель лампы, при помощи которой можно безопасно работать въ рудникахъ; но аппаратъ очень сложенъ.

CXXXV.

Царила ночь надъ спящею землею;
Луну скрывали тучи. Вкругъ огня,
Внимая вѣтра жалобному вою,
Сидѣла, грѣясь, не одна семья.
Камина сладкій свѣтъ! Какъ схожъ съ тобою
Волшебный блескъ безоблачнаго дня!
Въ вечерній часъ люблю я свѣтъ камина,
Веселый смѣхъ и пѣнистыя вина...

CXXXVI.

Насталъ полночный часъ. Отрадный сонъ,
Какъ надо думать, Джулія вкушала;
Въ глубокій мракъ давно былъ погруженъ
Ея алькдвъ. Она вдругъ услыхала
Такой ужасный шумъ, что мертвыхъ онъ
Поднять бы могъ. Служанка въ дверь стучала,
Испуганно крича: «Стряслась бѣда!..
«Сударыня, вашъ мужъ идетъ сюда!

CXXXVII.

«Скорѣе отоприте, ради Бога!
«Полгорода за нимъ стремится вслѣдъ;
«Могу сказать: нежданная тревога...
«Я стерегла, моей вины тутъ нѣтъ...
«На лѣстницѣ они; еще немного—
«И будутъ здѣсь; готовьтесь дать отвѣтъ;
«Онъ можетъ быть еще успѣетъ скрыться,
«Прыгнувъ въ окно; да надо торопиться»...

CXXXVIII.

Дѣйствительно, съ толпой друзей и слугъ,
Въ рукахъ державшихъ факелы и свѣчи,
Ворвался въ домъ разгнѣванный супругъ;
Чтобъ зло карать, съ женой искалъ онъ встрѣчи,
Возможно ль допустить, чтобъ даромъ съ рукъ
Женѣ сходилъ обманъ?—О томъ и рѣчи
Не можетъ быть. Одну не наказать—
Съ нея примѣръ другія будутъ брать.

CXXXIX.

Какимъ путемъ вселились подозрѣнья
Въ Альфонсо—не берусь я объяснить.
Но все жъ его постыдно поведенье,—
Какъ можно въ спальню женину входить,
Безъ всякаго о томъ предупрежденья,
Съ толпой вооруженной! Грустно быть
Обманутымъ; но развѣ легче горе,
Кугда трубишь о собственномъ позорѣ?

CXL.

Близъ Джуліи, что̀ плакала навзрыдъ,
Ея служанка вѣрная стояла
И дѣлала такой неловкій видъ,
Какъ будто бы сейчасъ съ кровати встала;
Въ лицѣ ея читались гнѣвъ и стыдъ.
Я, право, не пойму, зачѣмъ желала
Доказывать собравшимся она,
Что донна почивала не одна...

CXLI.

Могло ль казаться страннымъ, что съ служанкой
Она спала, бояся быть одной?
(Когда для мужа оргія—приманка,
Иной женѣ приходится порой
Такъ поступать. Конечно, перебранка,
Ночного кутежа—исходъ прямой;
Но мужъ, щадя жены ревнивой нервы,
Ей говоритъ: «я ужинъ бросилъ первый!»)

CXLII.

Аттаку Донна Джулія сама
Вдругъ повела. «Глазамъ своимъ не вѣрю!
«Вы вѣрно пьяны, иль сошли съ ума!..
«За что досталась я такому звѣрю?..
«Милѣе смерть, отраднѣе тюрьма,
«Чѣмъ съ вами жизнь. Кто тамъ стоитъ за дверью?
«Я подозрѣнья въ вѣкъ вамъ не прощу...
«Ищите же!»—Онъ молвилъ: «Поищу!»

CXLIII.

И вотъ *онъ* сталъ пытливо шарить всюду;
Искали и *они* по всѣмъ угламъ;
Все перерыли: платья и посуду,
Искали по комодамъ и шкафамъ—
И что жъ нашли?—бѣлья и кружевъ груду
И пропасть тѣхъ вещей, что красятъ дамъ:
Гребенокъ, щетокъ, стклянокъ, притираній,
Но все успѣхъ ихъ не вѣнчалъ стараній.

CXLIV.

Иные заглянули подъ постель—
Но тамъ нашли не то, чего желали;
Ломали все; чтобъ видѣть, нѣтъ ли гдѣ ль
Слѣдовъ близъ дома, ставни отворяли;
Но все— увы!—не достигалась цѣль.
Ихъ лица выражать смущенье стали...
Какъ странны иногда дѣла людей:
Искали подъ постелью, а не въ ней!

CXLV.

Ихъ въ это время Джулія язвила.
«Ищите же!—кричала имъ она.—
«Лишь въ гнусныхъ оскорбленьяхъ ваша сила:
«Должно быть я за то посрамлена,
«Что тяжкій крестъ безропотно носила;
«Но чашу мукъ я выпила до дна,—
«И бѣдной жертвы скоро стихнутъ стоны,
«Когда у насъ есть судьи и законы!

CXLVI.

«Быть вашею женою за позоръ,
«Считаю я. Вамъ безразлично это,—
«Вы мужъ лишь по названью. Дѣлать вздоръ—
«Скажите—не постыдно ль въ ваши лѣта?
«Конечно, дряхлость старцу не укоръ,
«Но можно ль стать посмѣшищемъ для свѣта!..
«Какъ смѣете, тиранъ, наглецъ, злодѣй,
«Вы сомнѣваться въ вѣрности моей!

CXLVII.

«Глухого старика, грѣховъ не зная,
«Я избрала себѣ духовникомъ;
«Его терпѣть не стала бы другая...
«Такъ непорочна я, что онъ съ трудомъ
«Въ мое замужество вѣритъ. Жизнь такая
«Несносна мнѣ; пойду инымъ путемъ,—
«Прошла пора терпѣнья и уступокъ...
«Возможно ль вамъ простить такой поступокъ!

CXLVIII.

«Что жъ, кромѣ зрѣлищъ, бàловъ и церквей,
«Ставъ чуть ли не затворницей въ Севильѣ,
«Я видѣла? Кто изъ моихъ друзей
«Играетъ роль кортехо [1])? Всѣ усилья,
«Чтобы смутить покой души моей,
«Плодовъ не принесли. За что жъ насилье?
«Самъ графъ О'Рèльи, храбрый генералъ,
«Что̀ взялъ Алжиръ, моею жертвой сталъ.

CXLIX.

«Шесть мѣсяцевъ вздыхалъ пѣвецъ Каццани
«У ногъ моихъ. «Изъ всѣхъ испанскихъ дамъ
«Лишь непорочны вы»,—графъ Корніани
«Такъ говорилъ.—За что же этотъ срамъ?
«Графъ Строгановъ писалъ мнѣ рядъ посланій;
«Осталась я глуха къ его мольбамъ.
«Ирландскій пэръ, что̀ былъ отвергнутъ мною,
«Себя убилъ... (Онъ умеръ отъ запою.)

CL.

«Двухъ грандовъ я совсѣмъ лишила сна;
«Епископовъ сводить съ ума умѣла...
«За что же безупречная жена
«Должна страдать? Я утверждаю смѣло,—
«Вы сумасшедшій. Я удивлена,
«Что кулаковъ вы не пустили въ дѣло...
«Какъ жалки вы съ оружіемъ въ рукахъ!
«Вы смѣхъ лишь возбуждаете, не страхъ.

---

[1]) Испанскій кортехо—то-же самое, что̀ итальянскій cavaliere servente.

CLI

«Внимая наущеньямъ прокурора,
«Въ далекій путь какъ будто снарядясь,
«Вы скрылись, говоря: «вернусь не скоро»...
«Онъ отъ стыда поднять не можетъ глазъ!
«Обоимъ вамъ не смыть съ себя позора.
«Но прокуроръ еще подлѣе васъ:
«Не вашу честь онъ охранялъ ревниво,—
«Нѣтъ, цѣль его была—одна нажива.

CLII.

«Когда онъ хочетъ здѣсь составить актъ,
«Пусть пишетъ: вотъ чернила и бумага;
«Признать ему придется грустный фактъ,
«Что безъ причинъ вся эта передряга...
«Коль вами не совсѣмъ утраченъ тактъ,
«Пусть удалится сыщиковъ ватага,
«Чтобъ дать одѣться горничной моей,
«Что плачетъ оттого, что стыдно ей.

CLIII.

«Ищите и въ передней, и въ уборной!
«Прошу, переверните все вверхъ дномъ!
«Тамъ — дверь чулана; здѣсь — каминъ просторный:
«Какъ знать, быть можетъ спрятался онъ въ немъ.
«Но не шумѣть, я васъ прошу покорно. —
«Я спать хочу... Все спитъ еще кругомъ.
«Умѣрьте пылъ до отысканья клада;
«Его сама я буду видѣть рада.

CLIV.

«За что такъ поступаете со мной?
«Вашъ образъ дѣйствій просто непонятенъ.
«О, храбрый витязь! кто жъ любовникъ мой?..
«Надѣюсь, онъ уменъ и родомъ знатенъ?
«Какъ звать его? Красивъ ли онъ собой?
«Онъ, вѣрно, въ цвѣтѣ лѣтъ, высокъ и статенъ?
«Коль запятнать мою рѣшились честь,
«На то у васъ причины вѣрно есть.

CLV.

«Я думаю, онъ все же васъ моложе;
«А если онъ шестидесяти лѣтъ,—
«Вамъ, рыцарю, губить его за что же?
«И ревновать причины даже нѣтъ.
«(Воды, воды скорѣй)! Какъ горько, Боже,
«Что скрыть нельзя рыданій грустный слѣдъ!
«О, мать моя! могло ль тебѣ присниться,
«Что съ извергомъ я буду вѣкъ томиться!..

CLVI.

«Къ Антоніи, прислужницѣ моей,
«Быть можетъ ваша ревность ужъ готова
«Придраться? мы вѣдь спали вмѣстѣ съ ней;
«Въ томъ, кажется, нѣтъ ничего дурного.
«Я васъ прошу: стучитесь у дверей,
«Когда ворваться вздумаете снова,
«Чтобъ время дать, приличія любя,
«Намъ что-нибудь накинуть на себя!

CLVII.

«Я кончила. Душевная тревога
«Мѣшаетъ мнѣ всѣ счеты съ вами свесть;
«Но ясно вамъ, какъ сердце можетъ много
«Безропотно страданій перенесть...
«Предъ совѣстью своей отвѣтить строго
«Придется вамъ. Ея ужасна месть...
«Мнѣ васъ не жаль,—томитесь и страдайте!
(Антонія, платокъ скорѣй подайте!)»

CLVIII.

Она въ подушки бросилась; сквозь слезъ
Ея сверкали очи. Такъ порою
Дождь падаетъ при блескѣ вешнихъ грозъ.
Невольно поражая бѣлизною,
Изъ подъ ея распущенныхъ волосъ
Сквозили плечи. Черною косою
Ихъ оттѣнялся блескъ еще сильнѣй.
Волненье говорить мѣшало ей.

CLIX.

Альфонсо былъ въ смущеніи. Сердито
Антонія шагала, гнѣвный взглядъ
На барина, съ опѣшенною свитой,
Бросая. Кто же былъ скандалу радъ?
Лишь прокуроръ, съ улыбкой ядовитой,
Не унывалъ: кто правъ, кто виноватъ—
Былъ для него вопросъ совсѣмъ неважный,—
Лишь о наживѣ думалъ плутъ продажный.

CLX.

Онъ зорко за Антоніей слѣдилъ,
Поднявши носъ и щуря глазъ лукаво;
Онъ счастье лишь въ процессахъ находилъ,
Не дорожа ничьею доброй славой;
Ни красоту, ни юность не цѣнилъ,
И по его понятьямъ были правы
Лишь тѣ, что̀ ублажить съумѣли судъ,
Хотя бъ и ложь, и подкупъ были тутъ.

CLXI.

Злосчастный мужъ стоялъ совсѣмъ сконфуженъ
И былъ, конечно, жалокъ и смѣшонъ:
Фактъ преступленья не былъ обнаруженъ;
На сторонѣ жены стоялъ законъ.
Невинностью ея обезороженъ,
Въ своей винѣ раскаивался онъ...
Растерянъ и въ смущеніи глубокомъ,
Безмолвно онъ внималъ ея упрекамъ.

CLXII.

Онъ началъ извиняться передъ ней,
Но отъ нея напрасно ждалъ отвѣта,—
Лишь плакала она. Порой мужей
Такимъ путемъ сживаютъ жены съ свѣта;
Онъ Іова жену сравнилъ съ своей:
Не хуже той язвить умѣла эта.
«Мнѣ будетъ мстить вся женина родня»,
Подумалъ онъ, поступокъ свой кляня.

CLXIII.

Пробормотать онъ словъ успѣлъ немного:
Антонія его прервала рѣчь,
Сказавъ: «Скорѣй уйдите, ради Бога,
«А то синьорѣ въ гробъ придется лечь!»
Она притомъ на всѣхъ взглянула строго.
Альфонсо, что̀ хотѣлъ скандалъ пресѣчь
И мало пользы ждалъ отъ разговора,—
Ругнувъ жену, изъ спальни вышелъ скоро.

CLXIV.

За нимъ ушелъ и сонмъ его гостей,
Довольный тѣмъ, что кончилъ перебранку;
Лишь прокуроръ толкался у дверей;
Онъ думалъ, какъ бы дѣло наизнанку
Перевернуть ехидностью своей;
Его нахальство взо̀рвало служанку,—
Она сутягу вытолкала вонъ,
Въ его лицѣ обидѣвши законъ.

CLXV.

О, грѣхъ и срамъ! Лишь всѣ исчезли... Что же?
Какъ тяжело мнѣ продолжать романъ!
Иль слѣпъ весь міръ и небо слѣпо тоже,
Что можетъ правды видъ принять обманъ?
Для женщины вѣдь честь всего дороже.
Я продолжаю нехотя. Жуанъ,
Лишь только двери запереть успѣли,
Почти лишенный чувствъ, вскочилъ съ постели.

CLXVI.

Онъ спрятанъ былъ; но это—тщетный трудъ
Вамъ объяснять, какъ онъ отъ взоровъ скрылся;
Жуанъ былъ очень молодъ, гибокъ, худъ
И въ уголку постели пріютился;
Задохнуться легко онъ могъ бы тутъ;
Но если бъ онъ и умеръ, я бъ стыдился
Его жалѣть: такъ слаще кончить путь,
Чѣмъ въ бочкѣ, словно Клеренсъ, утонуть.

CLXVII.

Жалѣть его не сталъ бы я, конечно,
И потому, что былъ преступенъ онъ.
Прелюбодѣйство осуждаютъ вѣчно
И нравственность, и церковь, и законъ.
Въ года любви относятся безпечно
Къ такимъ грѣхамъ,—вѣдь бѣсъ тогда силенъ,—
Но въ старости, когда разсчетовъ время,
Какъ тяжело грѣховъ прошедшихъ бремя!

CLXVIII.

Изъ Библіи сравненіе я дамъ,
Что̀ можетъ пояснить его мытарство:
Когда Давидъ изнемогалъ, врачамъ
Пришло на умъ престранное лекарство:
Они ему послали, какъ бальзамъ,
Красавицу—и ожилъ онъ для царства;
Но иначе пріемъ былъ вѣрно данъ:
Хоть царь воскресъ—чуть не погибъ Жуанъ.

CLXIX.

Альфонсо возвратиться долженъ снова;
Ему гостей не долго проводить;
Бѣда опять обрушиться готова;
Что̀ дѣлать, чтобъ опасность отвратить?
Ужъ близокъ день, а можно ль безъ покрова
Глубокой тьмы успѣшно тайну скрыть?
Антонія въ смущеніи молчала,
А Джулія Жуана обнимала.

CLXX.

Онъ волосы ей гладилъ. Ихъ уста
Сливались въ сладострастное лобзанье;
Въ тотъ сладкій мигъ влюбленная чета
Забыла и опасность, и страданья.
Но время уносилось, какъ мечта...
Антонія пришла въ негодованье:
«Намъ не до шутокъ!—молвила она.—
«Я, сударь, въ шкафъ васъ запереть должна.

CLXXI.

«Бѣда еще виситъ надъ головою,
«А вамъ на умъ идетъ одна любовь;
«До смѣха ли? Какъ справитесь съ грозою,
«Коль баринъ встрѣтитъ васъ, являясь вновь?
«Все это пахнетъ шуткою плохою:
«Того и жди, что будетъ литься кровь,—
«Онъ васъ убьетъ, я мѣсто потеряю,
«А барыня спасется ли—не знаю.

CLXXII.

«Сударыня, я, право, вамъ дивлюсь!
«(Прошу итти скорѣй!) Соблазна много
«Въ мужчинѣ зрѣлыхъ лѣтъ, но что̀ за вкусъ
«Къ смазливому ребенку! (Ради Бога
«Проворнѣе влѣзайте!) Я боюсь,
«Что баринъ насъ накроетъ. Вотъ тревога!
«(До утра потерпите какъ-нибудь,
«А тамъ... Да вы не вздумайте заснуть!)»

CLXXIII.

Тутъ Донъ-Альфонсо прервалъ назиданья
Антоніи, войдя на этотъ разъ
Совсѣмъ одинъ. Онъ распустилъ собранье
И ей велѣлъ, немедля, скрыться съ глазъ...
Могли ль теперь помочь ея старанья?
Какъ не исполнить данный ей приказъ?
И вотъ, взглянувъ на барина нахально,
Она, задувъ свѣчу, ушла изъ спальной.

CLXXIV.

Онъ помолчалъ немного и потомъ
Пустился въ извиненья: онъ сознался,
Что предъ женою виноватъ кругомъ
И что совсѣмъ онъ въ дуракахъ остался,
Сказавъ, что клевета виновна въ томъ;
Но до причинъ поступка не касался,
И рѣчь его, пустой и жалкій вздоръ,
Была лишь фразъ безсмысленный подборъ.

CLXXV.

Жена молчитъ, хотя отвѣтить ловко
Она могла бъ и мужа осадить.
(У женщинъ есть особая сноровка,
Чтобъ изъ воды сухими выходить,
Надъ мужемъ верхъ всегда беретъ плутовка,—
Ей развѣ трудно въ ходъ и ложь пустить?
За связь одну жена упреки ль слышитъ —
Ихъ мужу три она сейчасъ припишетъ).

CLXXVI.

Дѣйствительно, она бъ легко могла
Супруга пристыдить преступной связью
Съ Инессою,—вѣдь эта связь была
Извѣстна всѣмъ; смѣшать Альфонсо съ грязью
Ей можетъ быть стыдливость не дала...
(Но впрочемъ нѣтъ,—пропуститъ ли оказью
Жена язвить супруга!) Можетъ быть
Хотѣлось ей для сына мать щадить.

CLXXVII.

Еще могла другая быть причина:
Изъ ревности Альфонсо поднялъ шумъ,
Но никого онъ съ хитростью змѣиной,
Не назвалъ; можетъ быть и на-обумъ
Онъ дѣйствовалъ; отъ матери до сына
Дойти легко (хитеръ ревнивый умъ!);
А потому, чтобъ имя скрыть счастливца,
Она безмолвно слушала ревнивца.

CLXXVIII.

Намекъ одинъ—и обнаруженъ фактъ,
Что надо скрыть; въ минуту затрудненья
Почти всегда спасаетъ женщинъ тактъ.
(Для риѳмы только это выраженье
Я въ ходъ пускаю). Съ правдою контрактъ
Зачѣмъ имъ заключать? Воображенье
Имъ замѣняетъ истину собой,
Къ тому жъ онѣ такъ мило лгутъ порой.

CLXXIX.

Мы вѣримъ имъ, когда стыдливой краски
На ихъ ланитахъ виденъ легкій слѣдъ.
Къ чему борьба? Слезой заблещутъ глазки —
И для борьбы у насъ ужъ силы нѣтъ.
Сознаюсь въ томъ: неотразимы ласки,—
Къ чему же споръ? У дамъ всегда отвѣтъ
На все готовъ; имъ здравый смыслъ не нуженъ:
Признай ихъ власть, затѣмъ... садись за ужинъ.

CLXXX.

Прощенья мужъ просилъ. Жена нашла,
Что лучше миръ, и, тайный гнѣвъ скрывая,
Окончить брань согласіе дала.
Но на него эпитимья большая
Супругою наложена была:
Съ нимъ сходенъ былъ Адамъ, лишенный рая.
Онъ не жалѣлъ ни просьбъ, ни нѣжныхъ словъ—
Вдругъ... наступилъ на пару башмаковъ.

CLXXXI.

Что жъ въ башмакахъ? Какое въ нихъ значенье?
Онъ вѣрно ничего бы не сказалъ,
Да въ немъ проснулись страшныя сомнѣнья:
Мужскіе башмаки онъ въ нихъ призналъ.
(Я чуть дышу отъ страха и волненья!)
Ихъ, въ бѣшенствѣ, Альфонсо въ руки взялъ
И, убѣдившись въ вѣрности догадки,
За шпагою помчался безъ оглядки.

CLXXXII.

Къ Жуану въ страхѣ бросилась она,
Шепнувъ ему: «Скорѣй спасаться надо!
«Отъ дома дверь едва притворена.
«По лѣстницѣ спустись. Вотъ ключъ отъ сада.
«Ты проскользнуть успѣешь. Ночь темна;
«Прохожихъ нѣтъ; все тихо за оградой;
«Ты скроешься во тьмѣ. Бѣги, бѣги!—
«Я слышу мужа гнѣвнаго шаги!»

CLXXXIII.

Совѣтъ недуренъ былъ, все вѣрно это,
Да слишкомъ поздно былъ онъ принесенъ.
(Такъ опытность дается намъ въ тѣ лѣта,
Когда ужъ насъ не тѣшитъ счастья сонъ).
Еще прыжокъ—и возлѣ кабинета
Жуанъ спастись бы могъ. Къ несчастью, онъ
Столкнулся, въ попыхахъ, съ Альфонсо ярымъ
И съ ногъ его свалилъ однимъ ударомъ.

CLXXXIV.

Потухла принесенная свѣча.
Антонія и Джулія въ испугѣ
По комнатѣ забѣгали, крича;
Но, какъ на грѣхъ, не появлялись слуги.
Отъ бѣшенства, какъ дикій звѣрь, рыча,
Альфонсо жаждалъ мщенья; отъ натуги
И отъ борьбы Жуанъ разсвирѣпѣлъ—
Быть жертвою онъ вовсе не хотѣлъ.

CLXXXV.

Альфонсо совершенно растерялся;
Упавъ, онъ шпагу выронилъ изъ рукъ
И только кулаками защищался.
Когда бы на нее наткнулся вдругъ
Жуанъ,—въ живыхъ не долго бы остался
Злосчастный и озлобленный супругъ...
О, женщины! какъ часто ваша страстность
Влюбленнымъ въ васъ сулитъ одну опасность!

CLXXXVI.

Жуанъ, чтобы скорѣе кончить бой,
Схватилъ врага въ желѣзныя объятья...
У донъ-Альфонсо изъ носу струей
Кровь брызнула отъ этого пожатья;
Ударомъ довершилъ онъ подвигъ свой
И вырвался на волю, бросивъ платья,
Какъ нѣкогда Іосифъ. Сходство съ нимъ
Лишь этимъ выражается однимъ.

CLXXXVII.

Вотъ слуги освѣтили мѣсто схватки...
Безъ чувствъ лежала Джулія, блѣдна,
Какъ смерть сама; Антонія въ припадкѣ;
Альфонсо, весь избитый, у окна
Стоялъ дрожа. Лохмотья въ безпорядкѣ
Вездѣ валялись; кровь была видна...
Тѣмъ временемъ Жуанъ, калитку сада
Толкнулъ проворно, скрылся за оградой.

CLXXXVIII.

Я кончилъ пѣснь. Зачѣмъ вамъ объяснять,
Въ какомъ ужасномъ видѣ, скрытый тьмою,
Что̀ всякій грѣхъ готова поощрять,
Жуанъ пришелъ домой? Отъ васъ не скрою,
Что вся Севилья стала толковать
Объ этомъ происшествіи. Съ женою
Супругъ рѣшилъ покончить чрезъ разводъ—
И вотъ процессъ пустилъ Альфонсо въ ходъ.

CLXXXIX.

Имъ занялась вся англійская пресса;
Во всѣхъ газетахъ можете прочесть
Подробности скабрезнаго процесса;
На этотъ счетъ редакцій много есть,
Что, безъ сомнѣнья, полны интереса,
Хоть всѣхъ ихъ разнорѣчій и не счесть;
Однакожъ лучше всѣхъ отчетъ Гёрнея [1]),
Что ѣздилъ въ судъ, чтобъ все узнать вѣрнѣе.

CXC.

Инесса, чтобы Божій гнѣвъ отвлечь
Отъ сына за скандалъ, имъ учиненный,
Дала обѣтъ. (Обѣтомъ пренебречь
Она была не въ силахъ!) передъ Мадонной—
Во всѣхъ церквахъ поставить массы свѣчъ.
Затѣмъ, чтобъ шумъ, процессомъ возбужденный,
Немного стихъ и сыну дать вздохнуть,
Отправила его въ далекій путь.

---

[1]) Гёрней—извѣстный парламентскій стенографъ той эпохи.

CXCI.

Чтобы Жуанъ свои исправилъ нравы,
Онъ посланъ былъ въ далекіе края,
Въ надеждѣ той, что новыя забавы,
Его душѣ невинной миръ даря,
Убьютъ въ немъ страсти жгучія отравы.
А Джулія въ стѣнахъ монастыря
Влачила вѣкъ унылый. Вотъ посланье,
Что̀ выяснитъ вполнѣ ея страданья:

CXCII.

«Вы ѣдете; такъ надо, можетъ быть...
«Я жертвой остаюсь; но сердца муку
«Я не хочу, не въ силахъ даже, скрыть;
«Свои права теряю я съ разлукой;
«Возможно ли сильнѣй меня любить?
«Волненье въ дрожь мою приводитъ руку.
«Но не ищите слезъ унылый слѣдъ:
«Мои глаза горятъ, но слезъ въ нихъ нѣтъ-

CXCIII.

«Все въ жертву принесла я; васъ любила,
«Люблю еще,—чиста любовь моя;
«Какъ свѣтлый сонъ, прошедшее мнѣ мило;
«Мнѣ жертвъ не жаль; пусть свѣтъ клеймитъ меня:
«Свою вину давно я осудила
«И, каясь, не оправдываюсь я.
«Не ждите просьбъ; зачѣмъ теперь упреки?
«Но я томлюсь и льются эти строки.

CXCIV.

«Вся наша жизнь любви посвящена;
«Она жъ для васъ минутная забава
«Минутной вспышки. Ваша жизнь полна
«Заботъ, тревогъ; вы гонитесь за славой,
«Вы ищете борьбы; не зная сна,
«Порою честолюбія отравы
«Вкушаете; а намъ дана лишь страсть,—
«Надъ женщиной ея всесильна власть.

CXCV.

«Еще не разъ любви взаимной сладость
«И нѣжность ласкъ придется вамъ вкусить;
«Со мной же на землѣ простилась радость;
«Страдать могу, но не могу забыть.
«Въ слезахъ, въ тоскѣ моя увянетъ младость.
«Прощайте же! Напрасно можетъ быть,
«Но васъ прошу любить меня, какъ прежде;
«Пусть давитъ скорбь—все мѣсто есть надеждѣ.

CXCVI.

«Я не имѣла, не имѣю силъ
«Бороться съ сердцемъ. Да, борьба напрасна,—
«Могу ль умѣрить я душевный пылъ?
«Дыханью бурь теченье волнъ подвластно;
«Моей душѣ одинъ лишь образъ милъ,
«Къ одной мечтѣ я рвуся думой страстной.
«Такъ пунктъ одинъ, все къ сѣверу стремясь,
«Указываетъ стрѣлкою компасъ.

CXCVII.

«Все сказано, а кончить жаль посланье.
«Я вся горю; дрожитъ моя рука;
«Разбита грудь; въ душѣ одно страданье;
«Не убиваетъ горькая тоска,
«Коль пережить минуту разставанья
«Могла я. Смерть глуха къ мольбамъ. Пока
«Въ груди моей все сердце будетъ биться,
«Я буду, васъ любя, за васъ молиться!»

CXCVIII.

Короною украшенный листокъ,
Съ обрѣзомъ золотымъ, она избрала
Для начертанья этихъ нѣжныхъ строкъ;
Печатая письмо, она сдержала
Горючихъ слезъ нахлынувшій потокъ.
Красивая печать изображала
На сургучѣ геліотропъ въ цвѣту
Съ такимъ девизомъ: «Elle vous suit partout».

CXCIX.

Вотъ первое Жуана приключенье,
Читатели! Теперь покину васъ.
Когда услышу ваше одобренье,
Современемъ продолжу свой разсказъ.
(Увы! толпы непостоянно мнѣнье,—
Она капризна; ладить съ ней подчасъ
Не легкій трудъ). Коль вы довольны мною,
Опять вернусь я къ своему герою.

CC.

Я написать хочу двѣнадцать книгъ;
Моя поэма будетъ эпопея.
Не мало опишу въ стихахъ моихъ
Картинъ и сценъ; предъ властью не робѣя,
И королей не пощадитъ мой стихъ.
Беря во всемъ примѣръ съ пѣвца Энея,
Геенну воспою. Свой трудъ назвавъ
Эпическимъ, какъ видите, я правъ.

CCI.

Все изложу я съ соблюденьемъ правилъ,
Что̀ Аристотель издалъ, какъ законъ.
Онъ на ноги поэтовъ часто ставилъ,
Но и глупцовъ не мало создалъ онъ.
Иныхъ поэтовъ бѣлый стихъ прославилъ,
А я въ куплеты съ риѳмами влюбленъ.
Не въ инструментѣ, а въ артистѣ дѣло.
Мой планъ готовъ,—за трудъ примуся смѣло.

CCII.

Есть разница, однако, между мной
И бардами эпическихъ твореній;
Я не пойду избитою тропой,
И въ этомъ я достоинъ предпочтенья.
Но не одною этою чертой
Надѣюсь заслужить я одобренье:
Разсказъ ихъ лживъ съ начала до конца;
Не лучше ль трудъ правдиваго пѣвца?

CCIII.

Что я правдивъ—не сомнѣвайтесь въ этомъ;
Грѣшно меня въ неправдѣ укорять;
Не вѣрите—къ журналамъ и газетамъ
Вы обратитесь: имъ нельзя солгать.
Не разъ и музыкантамъ, и поэтамъ
Жуана приходилось воспѣвать;
И вся Севилья видѣла со мною,
Какъ онъ погибъ, похищенъ сатаною.

CCIV.

Когда бъ разстался съ музой я своей
И къ прозѣ обратился, я-бъ оставилъ,
Для назиданья, рядъ заповѣдей,
Которыми себя бы я прославилъ,
Всѣхъ изумилъ бы смѣлостью идей.
Благодаря собранью этихъ правилъ,
Поэтамъ я открылъ бы новый путь,—
Совсѣмъ хоть Аристотеля забудь!

CCV.

«Вѣрь въ Мильтона и Попе! Безъ вниманья
«Вордсворта, Сѳути, Кольриджа оставь!
«Читать ихъ вирши—просто наказанье;
«Господь тебя отъ этого избавь...
«Бороться съ Краббомъ—тщетное старанье,
«Чти Роджерса, а Кемпбеля не славь;
«Хоть Мура сладострастьемъ дышетъ муза,
«Съ ней не ищи грѣховнаго союза.

CCVI.

«Съ поэтомъ Сотби сходства не ищи;
«Изъ зависти не говори, что гадки
«Его стихи; смотри не клевещи!
«(Есть дамы, что̀ на это очень падки.)
«Пиши, какъ я велю, и не взыщи,
«Коль на тебя посыплются нападки—
«За то, что несогласенъ ты со мной;
«Смирись, иль гнѣвъ ты испытаешь мой!»

CCVII.

Не думайте, что правиламъ морали
Я чуждъ. Покуда не задѣлъ я васъ,
Не поднимайте шума. Если бъ стали
Поэму, безпристрастія держась,
Разсматривать,—такой упрекъ едва ли
Я бъ заслужилъ. Порой игривъ разсказъ,
Но все же я моралью строгой связанъ—
И будетъ грѣхъ въ концѣ труда наказанъ.

CCVIII.

Найдетъ ли кто, меня не ставя въ грошъ,
Впадая непонятно въ заблужденье,
Что планъ моей поэмы нехорошъ
И что мое безнравственно творенье,—
Духовному скажу я: это—ложь;
Но если одного съ нимъ будетъ мнѣнья
Иль храбрый воинъ, или критикъ злой,—
Скажу, что взглядъ ошибоченъ такой.

CCIX.

Нельзя не похвалить мои октавы—
Въ нихъ цѣлый ворохъ нравственныхъ идей;
Учу шутя, мораль смѣшавъ съ забавой.
(Кладутъ въ лекарства сахаръ для дѣтей).
Гоняся за эпическою славой,
Журналу «Brittish»—бабушкѣ моей—
Я взятку далъ, чтобъ заслужить хваленья
И тѣхъ, что вѣрятъ лишь въ чужія мнѣнья.

CCX.

Издателю пришлось мнѣ заплатить
Не мало. Мнѣ, любезно отвѣчая,
Онъ обѣщалъ стихи мои хвалить.
Не удивитъ угодливость такая...
А если станетъ онъ меня бранить,
Потоки меда желчью замѣняя,
И поднесетъ мнѣ грозный приговоръ,—
Скажу ему, что онъ—презрѣнный воръ.

CCXI.

Благодаря «священному союзу»,
Что заключилъ я, не боюся бѣдъ
И за свою не опасаюсь музу.
Мнѣ до другихъ изданій дѣла нѣтъ.
Я на себя не принималъ обузу—
Протекцію искать другихъ газетъ;
Къ тому жъ отъ нихъ напрасно ждать пощады,
Лишь только ихъ не раздѣляешь взгляды.

CCXII.

Я повторять съ Горацiемъ готовъ:
Non ego hoc ferrem Calida juventa
Consule Planco. Приведенныхъ словъ
Вотъ смыслъ: когда путь жизненный, какъ лента,
Передо мной лежалъ, и свѣтлыхъ сновъ
Я видѣлъ рой; когда струилась Брента [1])
Далеко отъ меня,—и бодръ, и смѣлъ,
Всѣ отражать удары я умѣлъ.

CCXIII.

Теперь простилась молодость со мною;
Мнѣ тридцать лѣтъ, а я и сѣдъ, и хилъ.
Я прожилъ еще раннею весною
Все лѣто дней моихъ. Во мнѣ остылъ
Душевный жаръ; я сознаю съ тоскою,
Что для борьбы ужъ не имѣю силъ;
Всѣ блага расточивъ съ безумствомъ мота,
Теперь дошелъ я съ жизнью до разсчета.

CCXIV.

Больное сердце вновь не оживетъ,—
Оно тоской глубокою объято;
Безъ свѣтлыхъ грезъ тяжеле жизни гнетъ,
Надежда улетѣла безъ возврата;
Съ цвѣтовъ и я сбиралъ, какъ пчелы, медъ.
Ужель въ цвѣтахъ нѣтъ больше аромата?
О, нѣтъ, все свѣжъ и все душистъ цвѣтокъ,
Но для другихъ хранитъ свой сладкій сокъ.

---

[1]) Покинувъ Англію, Байронъ одно время жилъ на берегу Брентры.

CCXV.

Я только сердцемъ жилъ, но безъ пощады
Его разбила жизнь. Прости, любовь!
За муки отъ судьбы не жду награды.
Былые сны мнѣ не волнуютъ кровь.
Источникомъ проклятій и отрады,
О, сердце, для меня не будешь вновь.
Мнѣ опытность собою замѣнила
Рой свѣтлыхъ грезъ, но жизнь мнѣ отравила.

CCXVI.

Прошла моя цвѣтущая весна;
Ни женщины, ни дѣвушки, ни вдовы [1])
Не могутъ моего тревожить сна,
Не для меня святой любви оковы...
Я не могу, какъ прежде, пить вина
И долженъ обратиться къ жизни новой...
Чтобъ какъ-нибудь еще грѣшить я могъ,
Не выбрать ли мнѣ скупость, какъ порокъ?

CCXVII.

До дна испилъ я чашу наслажденья,
И что жъ?—меня не манитъ жизни пиръ;
Въ душѣ однѣ тревоги и сомнѣнья;
Я говорю, какъ Бэкона кумиръ:
«Неудержимо времени теченье».
Я молодость сгубилъ и сердца миръ,—
Ихъ воскресить я не имѣю власти!
Мой умъ сгубили риѳмы, сердце—страсти.

CCXVIII.

Что̀ слава?—жалкій звукъ, пустой обманъ.
Она сходна съ высокою горою:
Гора крута, а наверху туманъ.
Хоть часто смерть она несетъ съ собою,
Не мало причиняя жгучихъ ранъ,—
За нею люди гонятся толпою...
Что жъ остается?—жалкій шумъ газетъ,
Негодный бюстъ или плохой портретъ.

CCXIX.

Когда жъ въ обманъ надежды не вводили?
Хеопсъ, гордяся славою своей,
Чтобъ царскій прахъ столѣтья пощадили,
Воздвигнулъ пирамиду—мавзолей.
Когда вошли въ гробницу, даже пыли
Отъ муміи не сохранилось въ ней.
Возможно ль намъ укрыться отъ забвенья,
Когда и самъ Хеопсъ сталъ жертвой тлѣнья?

CCXX.

Философа я все твержу слова:
«Гдѣ жизнь цвѣтетъ, тамъ для нея оковы
«Готовитъ смерть: Мы, смертные, трава,
«Что̀ въ сѣно превращаетъ рокъ суровый.
«Хотя бъ могла явиться юность снова,
«Все не утратитъ смерть свои права.
«Будь благодаренъ, что не прожилъ хуже,
«Молись, а свой карманъ держи потуже».

CCXXI.

Милѣйшій покупщикъ моихъ стиховъ,
Почтенный мой читатель, на прощанье
Тебѣ я руку жму безъ лишнихъ словъ!
Коль мы поймемъ другъ друга—до свиданья;
А если нѣтъ—поэму я готовъ
Не дописать. Достоинъ подражанья
Такой примѣръ; но, къ горю твоему,
Не многіе послѣдуютъ ему.

CCXXII.

«Лети, мой трудъ! Подъ свѣтлою звѣздою
«Ты родился и принесешь мнѣ честь;
«Не скоро свѣтъ разстанется съ тобою!»
Коль Вордсвортъ сталъ понятенъ, если есть
Читатели у Сѳути,—съ похвалою
Свои стихи могу я перечесть...
Стихи въ ковычкахъ—Сѳути: это знайте,—
Съ моими ихъ, прошу васъ, не смѣшайте.

---

[1]) Me nec femina, nec puer
Jam, nec spes animi credula mutui,
Nec certare juvat mero
Nec vincire novis tempora fioribus. *Hor.*

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

I.

О вы! всѣхъ странъ извѣстныхъ педагоги,
Учениковъ не забывайте сѣчь,
Ихъ кожи не жалѣя; будьте строги!
Вѣдь боль отъ зла ихъ можетъ уберечь.
О томъ, какъ Донъ-Жуанъ съ прямой дороги
Оригинально сбился—велъ я рѣчь;
А лучшая изъ матерей не мало
О воспитаньи сына хлопотала.

II.

Будь въ школу, въ третій иль четвертый классъ,
Онъ помѣщенъ—серьезныя занятья
Его бы удержали отъ проказъ.
Такъ было бы на сѣверѣ; изъятье
Быть можетъ въ этомъ случаѣ какъ разъ—
Испанія; все жъ не могу понять я,
Какъ юноша-шалунъ въ шестнадцать лѣтъ
Могъ натворить, нежданно, столько бѣдъ!

III.

Но головы ломать не надо много,
Чтобъ стало ясно все: Жуана мать
Умомъ стремилась въ даль, а педагога,
Что̀ былъ при немъ, не грѣхъ осломъ назвать;
Къ тому жъ красотка встрѣтилась дорогой;
(Безъ этого скандалу бъ не бывать!)
Помогъ и старый мужъ, съ женой пригожей
Не ладившій; помогъ и случай тоже.

IV.

Что жъ дѣлать! міръ вкругъ ѐси осужденъ
Вращаться. Съ нимъ и мы всегда въ движеньи;
Среди заботъ проходитъ жизнь, какъ сонъ;
Соображаясь съ силою волненья,
Мы паруса мѣняемъ; чтимъ законъ;
Насъ мучитъ врачъ; святыя наставленья
Даетъ намъ попъ; любовь, вино, борьба,
Порой успѣхъ—вотъ смертнаго судьба.

V.

Жуанъ былъ посланъ въ Кадиксъ. (Добрымъ словомъ
Его всегда я помянуть готовъ!)
Въ былые дни онъ центромъ былъ торговымъ,
Покамѣстъ Пе́ру не порвалъ оковъ.
Красавицъ цѣлый рой живетъ подъ кровомъ
Его жилищъ. Не нахожу я словъ,
Чтобъ о походкѣ дамъ вамъ дать понятья—
Подобья ей не въ силахъ и прибрать я.

VI.

Арабскій конь, воздушная газель,
Лѣсной олень...—Какое изобилье
Сравненій! все жъ не попадаю въ цѣль.
Упомяну ль о юбкѣ и мантильѣ?
Остановиться тутъ не лучше мнѣ ль,—
Не то всю пѣснь, безъ всякаго усилья,
Имъ посвящу. О Муза, перестань
Волнуясь, имъ платить хваленій дань!

VII.

Могу ль не говорить я о вуали,
Что̀ донна бѣлоснѣжною рукой
Отбрасываетъ, взоръ, острѣе стали,
Вонзая въ васъ. Увидѣвъ взглядъ такой,
Вы развѣ, истомяся, не страдали?
Забыть нельзя край страсти огневой,
Гдѣ изъ-подъ дымокъ, схожихъ съ фацціоли [1]),
Глаза красавицъ жгутъ сердца до боли.

VIII.

Но вновь къ разсказу! Въ Кàдиксъ посланъ былъ
Жуанъ, но мать ему велѣла строго
Не оставаться въ немъ. Кто не грѣшилъ
На сушѣ, гдѣ соблазновъ всякихъ много?
Надѣялась она, что сердца пылъ
Остудитъ въ немъ далекая дорога.
На кораблѣ, отъ шашень удаленъ,
Могъ плавать, какъ въ ковчегѣ Ноя, онъ.

IX.

Напутствіе прослушалъ мой повѣса,
И, денегъ взявъ, укладываться сталъ.
Грустила, разставаясь съ нимъ, Инесса
(Онъ на четыре года уѣзжалъ).
Безъ слезъ разлуки нѣтъ; но фактъ, что бѣса
Сынокъ отгонитъ—донну утѣшалъ.
Съ инструкціей (что̀, впрочемъ, не прочелъ онъ)
Жуанъ сѣлъ на корабль, унынья полонъ.

X.

Инесса, между тѣмъ, съ сынкомъ простясь,
Устроила воскресныя собранья,
Чтобъ отъучать мальчишекъ отъ проказъ;
Имъ строгія давая назиданья,
Она пребольно сѣкла ихъ не разъ.
Такъ удалось Жуана воспитанье,
Что поколѣнье новое отъ зла
Спасти—ей мысль блестящая пришла.

XI.

Корабль понёсся въ даль. Вокругъ бурливо
Клубились волны; сильный вѣтеръ дулъ;
На свѣтѣ нѣтъ ужаснѣе залива;
Его ревущихъ волнъ знакомъ мнѣ гулъ.
Чрезъ бортъ обдать васъ пѣной имъ не диво.
Жуанъ съ тоской на родину взглянулъ.
Ему прощаться съ нею было ново,
Но милый край увидитъ ли онъ снова?

XII.

Невольная тоска сжимаетъ грудь,
Когда родимый край скрываетъ лоно
Безбрежныхъ водъ. Въ дни юности взглянуть
На этотъ грустный видъ нельзя безъ стона...
Когда я уѣзжалъ въ далекій путь,
Мнѣ помнится, что берегъ Альбіона
Пятномъ казался бѣлымъ. Прочихъ странъ
Цвѣтъ съ моря синеватый, какъ туманъ.

XIII.

Жуана грудь отъ мукъ рвалась на части;
Скрипѣлъ корабль, что волны въ даль несли;
Свирѣпо вѣтеръ дулъ, трещали снасти;
Какъ точка, Кадиксъ виденъ былъ вдали.
Морской болѣзни хуже нѣтъ напасти;
Чтобъ съ нею вы знакомства не свели,
Рекомендую бифштексъ, какъ лекарство:
Онъ васъ спасетъ отъ этого мытарства.

XIV.

Испанскій берегъ канулъ въ бездну водъ,
И въ сердцѣ Донъ-Жуана, мукой сжатомъ,
Заныла скорбь. Тяжелъ разлуки гнётъ!
Присуще это чувство и солдатамъ,
Что въ дальній снаряжаются походъ;
Какъ сердце чутко къ горестнымъ утратамъ!
Съ мѣстами нелюбимыми подчасъ
Разлука опечаливаетъ насъ.

---

[1]) Fazzioli—буквально, маленькіе платочки. Такъ называются вуалетки очень употребительныя у Венеціанскихъ дамъ.

XV.

А Донъ-Жуанъ и съ матерью, и съ милой
Разстался—(не съ законною женой)!
Поэтому понятно, что уныло
Прощался онъ съ родимою страной.
Когда и тѣ, что̀ даже намъ постылы—
Насъ заставляютъ слезы лить порой—
О милыхъ какъ не плакать? (Мы готовы
Тужить о нихъ, пока нѣтъ скорби новой.)

XVI.

У Вавилонскихъ рѣкъ, тоской томимъ,
Рыдалъ еврей, скорбя о дняхъ счастливыхъ;
Такъ плакалъ и Жуанъ. Я бъ плакалъ съ нимъ,
Да Муза-то моя не изъ слезливыхъ!
Все жъ, для забавы, людямъ молодымъ
Не дурно путешествовать. Снабдивъ ихъ
Инструкціей такой—въ ихъ чемоданъ,
Надѣюсь, попадетъ и мой романъ.

XVII.

Взволнованный Жуанъ стоялъ, сливая
Соль жгучихъ слёзъ страданья съ солью водъ...
«Прелестное къ прелестному!» Питая
Къ цитатамъ страсть, пустилъ я эту въ ходъ.
Такъ королева говоритъ, рыдая,
Когда на гробъ Офеліи кладетъ
Цвѣты. Жуанъ, убитый горькой долей,
Поклялся, что грѣшить не будетъ болѣ.

XVIII.

«Прости, мой край родной! быть можетъ, мнѣ
«Тебя не видѣть вновь, и безнадежно,
«Скитальцемъ я въ далекой сторонѣ
«Умру, стремясь къ тебѣ душой мятежной.
«Гвадалквивиръ! привѣтъ твоей волнѣ!...
«Прости, о мать, и ты, мой ангелъ нѣжный!
(Тутъ Джуліи посланье, полнъ тоски,
Онъ перечелъ, не пропустивъ строки.)

XIX.

«Тебя ль забыть? твой рабъ я до могилы!
«Скорѣе испарится океанъ,
«Скорѣй земля, подъ гнетомъ вражьей силы,
«Преобразиться въ воду иль туманъ,
«Чѣмъ изгоню изъ сердца образъ милый!
«Неизлечима боль сердечныхъ ранъ!»
(Тутъ качка началася, и съ испугомъ
Онъ счеты сталъ сводить съ морскимъ недугомъ.)

XX.

«О Джулія! (припадокъ сталъ сильнѣй)
«Къ тебѣ взываю каждую минуту!
(Баттиста, Педро, эй, вина скорѣй!
Немедленно свести меня въ каюту!)
«О Джулія! ты страсть души моей!
(Гдѣ жъ Педро? ну, достанется же плуту!)
«Услышь меня!» (Припадокъ тошноты
Тутъ разомъ всѣ смутилъ его мечты.)

XXI.

Тотъ сердца гнетъ (скорѣе гнетъ желудка),
Которому не можетъ врачъ помочь
Онъ ощущалъ. Утрата, злая шутка,
Измѣна, что̀ порой черна какъ ночь,
Его рождаютъ. Силою разсудка
Не отогнать такую тяжесть прочь!
Жуанъ сильнѣе выразилъ бы горе,
Не будь такимъ ужаснымъ рвотнымъ море.

XXII.

Любовь всегда съ капризами дружна;
Легко мирясь съ недугомъ благороднымъ,
Боится жабъ и насморковъ она,
Къ нимъ относясь съ презрѣніемъ холоднымъ.
Любовь слѣпа, а все же ей вредна
Простуда глазъ; въ порывѣ сумасбродномъ
Она укажетъ тоже вамъ порогъ,
Когда, чихнувъ, прервете нѣжный вздохъ.

XXIII.

Но злѣйшіе враги ея — не скрою —
Желудка боль и рвота. Хмуря бровь,
Она отъ нихъ стремится вдаль, стрѣлою.
При случаѣ она прольетъ и кровь;
Припарка же ей смерть несетъ съ собою!
Какъ видите — сильна жъ была любовь
Жуана, если, корчась отъ недуга,
Все помнилъ онъ оставленнаго друга.

XXIV.

Понесся Донъ-Жуанъ на кораблѣ,
Носившемъ имя Santa Trinitada,
Въ Ливорно. (Этотъ портъ всегда въ числѣ
Тѣхъ мѣстъ, что посѣтить туристу надо).
Тамъ, поселившись на чужой землѣ,
Давно ужъ жилъ испанскій домъ Монкадо.
Къ нему Жуанъ, съ нимъ связанный родствомъ,
Отправленъ былъ съ привѣтомъ и письмомъ.

XXV.

При Донъ-Жуанѣ были три лакея
И гувернеръ Педрилло, что хоть зналъ
Не мало языковъ, теперь, слабѣя
Отъ тошноты, безъ языка лежалъ.
Онъ къ сушѣ рвался мысленно, блѣднѣя
И проклиная каждый новый валъ;
Вода при этомъ, къ ужасу Педрилло,
Къ нему попавъ, постель его смочила.

XXVI.

Его недаромъ мучила тоска:
Еще подулъ сильнѣе вѣтеръ къ ночи!
(Не устрашаетъ буря моряка —
Тому жъ, кто свыкся съ сушею, нѣтъ мочи
Волненья скрыть, когда она близка).
Сгущалась тьма; отъ молній слѣпли очи;
Матросамъ паруса убрать пришлось,
Чтобъ шквалъ, въ порывѣ яромъ, мачтъ не снесъ.

XXVII.

Въ часъ ночи шквалъ нагрянулъ, рьянъ и гнѣвенъ;
Корабль онъ съ трескомъ на бокъ повалилъ;
Ударясь въ бортъ, разрушилъ *ахтеръ-штевенъ*,
И съ нимъ *старнъ-постъ*, все расшатавъ, разбилъ;
Видъ корабля и такъ ужъ былъ плачевенъ,
А тутъ и руль валами сорванъ былъ;
Къ тому жъ вода вливалась въ *трюмъ*. Насосы
Съ отчаяньемъ пустили въ ходъ матросы.

XXVIII.

Одни качали воду; суетясь,
За бортъ другіе лишній грузъ бросали;
Вотъ, наконецъ, пробоина нашлась,
Но отъ крушенья имъ спастись едва ли!
Вода, какъ прежде, съ ревомъ въ трюмъ лилась...
Въ пробоину совать товары стали,
Ковры, рубашки, куртки, чтобъ пресѣчь
Подтопъ,—увы! не унималась течь.

XXIX.

А все они трудились бы напрасно
И все жъ бѣда надъ ними бы стряслась,
Когда бъ насосы, дѣйствуя прекрасно,
Не выручили ихъ. Они не разъ
Спасали моряковъ въ моментъ опасный.
Насосы, что выбрасываютъ въ часъ
Тоннъ пятьдесятъ воды—оплотъ безцѣнный.
Ихъ производитъ мистеръ Мэннъ почтенный.

XXX.

Къ разсвѣту буря стала утихать.
Хоть три еще работали насоса —
Явилася надежда течь прервать;
Но предаваться радости пришлося
Не долго. Буря, заревѣвъ опять,
Порвала цѣпи пушекъ; началося
Волненье, и, зловѣщихъ полонъ силъ,
Корабль на *бимсы* вѣтеръ повалилъ.

XXXI.

Корабль, разбитый бурей, безъ движенья
Лежалъ. Лилась на палубу вода
Изъ трюма. Видъ унылый разрушенья
Нельзя забыть. Тяжелая бѣда,
Пожары, битвы, бури и крушенья
Намъ до могилы памятны всегда.
Не любятъ ли пловцы и водолазы,
Спасясь отъ бурь, вести о нихъ разсказы?

XXXII.

Срубили и *форъ-стеньги*, и *бизань*,
Чтобъ облегчить корабль, но онъ, уныло
Накрéнясь и недвиженъ, какъ чурбанъ,
Лежалъ средь волнъ. Ему бѣда грозила;
И вотъ срубить *бушпритъ* приказъ былъ данъ,
А также и *фокъ-мачту*. Съ страшной силой
Тогда корабль, что облегченъ былъ тѣмъ,
Воспрянулъ вдругъ, а ужъ тонулъ совсѣмъ!

XXXIII.

Легко понять, что въ этотъ часъ опасный
Сердца пловцовъ щемили страхъ и боль;
Мириться съ перспективою ужасной —
Быть поглощеннымъ волнами—легко ль?
Иные моряки, когда напрасны
Надежды на спасенье, алкоголь
И ромъ тянуть готовы, льнутъ и къ грогу,
Чтобъ смѣло встрѣтить дальнюю дорогу.

XXXIV.

Всего вѣрнѣй религія и ромъ
Дарятъ душѣ покой. Тутъ, съ смертью въ спорѣ,
Кто спиртъ тянулъ, кто распѣвалъ псаломъ,
Кто грабилъ. Басомъ въ этомъ грозномъ хорѣ
Былъ океанъ, а вѣтеръ дишкантомъ.
Страхъ вылечилъ больныхъ. Ревѣло море
И вторило, вздымаясь къ небесамъ,
Проклятьямъ, воплямъ, стонамъ и мольбамъ.

XXXV.

Безъ мятежа не обошлось бы дѣло,
Когда бы, съ пистолетами въ рукахъ,
Жуанъ не спасъ вина. Оторопѣла
Толпа; а лучше ль умирать въ волнахъ,
Чѣмъ отъ огня? Толпа хоть и шумѣла,
Но удержалъ ее невольный страхъ;
Предъ тѣмъ, чтобъ утонуть въ пучинѣ моря,
Ей утонуть въ винѣ хотѣлось, съ горя.

XXXVI.

Народъ ревѣлъ: «Дай грогу! Черезъ часъ
«Мы все равно погибнемъ отъ крушенья!»
—«Пускай, сказалъ Жуанъ, меня и васъ
Ждетъ скоро смерть и не найти спасенья, —
Людьми умремъ, не какъ скоты!» — Отказъ
Его былъ строгъ, и смолкли всѣ въ смущеньи;
Умѣрилъ онъ и гувернера прыть,
Дерзнувшаго стаканъ вина просить.

XXXVII.

Глубоко старикашка былъ взволнованъ;
Молился, плакалъ, каялся въ грѣхахъ;
Божился, что исправиться готовъ онъ;
Что если только минетъ этотъ страхъ —
Отъ Саламанки, къ ней душой прикованъ,
Всю жизнь не отойдетъ онъ ни на шагъ
И, въ роли Санхо-Панса, съ Донъ-Жуаномъ
Не будетъ ѣздить вновь по разнымъ странамъ.

XXXVIII.

Надежды лучъ ихъ снова озарилъ;
Къ разсвѣту вѣтеръ стихъ; хоть прибывала
По прежнему вода, корабль все плылъ
Лишенъ снастей; вотъ солнце засіяло...
Опять за дѣло, полны новыхъ силъ,
Всѣ принялись, но течь одолѣвала.
Кто былъ сильнѣй, тотъ въ ходъ пускалъ насосъ,
А слабымъ паруса сшивать пришлось.

XXXIX.

Подъ киль поддѣли парусъ, и казалось,
Что съ этимъ течь какъ будто унялась;
Надежды все же мало оставалось;
Но хорошо прожить и лишній часъ:
Когда же слишкомъ поздно смерть являлась?
Хоть умирать приходится лишь разъ,
Совсѣмъ не обязательно, повѣрьте,
Попавъ въ заливъ Ліонскій, рваться къ смерти.

XL.

Туда-то ихъ корабль и загнанъ былъ
По волѣ волнъ. Онъ несся на просторѣ
Безъ мачты, безъ руля и безъ вѣтрилъ,
А не до чинки было: какъ на горе,
Безъ перерывовъ гнѣвно вѣтеръ вылъ
И, гибель имъ суля, ревѣло море;
Всѣхъ приводилъ корабль разбитый въ дрожь:
Онъ, правда, плылъ, но съ уткой не былъ схожъ.

XLI.

Немного вѣтеръ стихъ, но такъ ихъ судно
Разбито было бурей, что на немъ
Держаться дольше было безразсудно,
Къ тому жъ судьба съ другимъ опаснымъ зломъ
Имъ стала угрожать борьбою трудной:
Запасъ воды все таялъ съ каждымъ днемъ,
О берегѣ жъ и не было помину;
Лишь ночь плыла и вѣтеръ злилъ пучину.

XLII.

Вода врывалась въ трюмъ со всѣхъ сторонъ;
А все пловцы боролися съ судьбою;
Но вотъ разбитыхъ помпъ раздался звонъ:
Безпомощно корабль поникъ кормою;
По милости лишь волнъ держался онъ;
А милость ихъ имѣетъ сходство съ тою,
Что проявлять привыкъ изъ вѣка въ вѣкъ
Въ борьбѣ междоусобной человѣкъ.

XLIII.

Въ то время къ капитану плотникъ старый
Приблизился и объявилъ, въ слезахъ,
Что не спастись отъ этого удара.
Старикъ, что часто плавалъ на судахъ
И велъ не разъ борьбу съ стихіей ярой—
Тутъ слезы лилъ, но ихъ плодилъ не страхъ:
Бѣднякъ имѣлъ семью. Какая мука
Для гибнущаго съ милыми разлука!

XLIV.

Корабль склонилъ корму и сталъ тонуть.
Смѣшалось все; здѣсь слышались моленья,
Обѣты тамъ. (Когда ужъ конченъ путь,
Какая польза въ нихъ?). Ища спасенья,
Иные стали ялъ къ водѣ тянуть.
Тутъ кто-то у Педрилло отпущенья
Грѣховъ просилъ,—но, и въ смущеньи строгъ,
Его отправилъ къ чорту педагогъ.

XLV.

Кто къ койкѣ льнулъ; кто, скрежеща зубами,
Рвалъ волосы и день рожденья клялъ;
Кто въ даль глядѣлъ безумными очами;
Иной нарядъ богатый надѣвалъ;
Тѣ, что бодрѣе были, надъ ладьями
Трудились. Если не нагрянетъ шквалъ,
Бороться съ моремъ можетъ долго лодка,
Средь разъяренныхъ волнъ несяся ходко.

XLVI.

Грозила морякамъ еще бѣда:
Въ то время, какъ они боролись съ моремъ,
Припасы ихъ попортила вода.
Сравнится ль что-нибудь съ подобнымъ горемъ!
Вѣдь голодъ насъ пугаетъ и тогда,
Когда мы безнадежно съ смертью споримъ;
Двѣ бочки сухарей и масла—вотъ
Все то, что имъ пришлося бросить въ ботъ.

XLVII.

Попытка въ трюмъ сойти имъ удалася:
Они достали хлѣба, что̀ подмокъ,
Съ водою прѣсной бочку для баркаса;
Свинины также небольшой кусокъ.
(Такого не могло бъ хватить запаса
На завтракъ даже имъ!) Среди тревогъ
Про ромъ они, однако, не забыли;
Его боченокъ цѣлый прикатили.

XLVIII.

Двѣ шлюпки еще раньше шквалъ разбилъ,
На нихъ нагрянувъ съ силой небывалой;
Баркасъ же не вполнѣ надеженъ былъ:
Ему весло, что̀ юнга, ловкій малый,
Удачно сбросилъ, мачтою служилъ;
Роль паруса играло одѣяло;
Къ тому жъ въ баркасъ и ялъ могла попасть
Команды небольшая только часть.

XLIX.

Спустилась ночь надъ гнѣвною пучиной,
Какъ занавѣсъ. За нимъ, казалось, скрытъ
Зловѣщій врагъ, что̀ съ злобою змѣиной,
Отъ взоровъ прячась, жертву сторожитъ.
Одѣлись мракомъ тяжкія картины
Отчаянья; пловцовъ былъ страшенъ видъ!
Двѣнадцать дней объятьями своими
Душилъ ихъ ужасъ; смерть теперь предъ ними.

L.

Пытались сколотить изъ бревенъ плотъ;
Въ иное время выдумка такая
Всѣхъ разсмѣшила бъ, а теперь лишь тотъ
Смѣяться могъ, кто пьянъ. Не понимая
Опасности, какъ жалкій идіотъ
Хохочетъ пьяный, ужасъ нагоняя
Своимъ безумнымъ смѣхомъ. Только Богъ
Въ тотъ мигъ пловцовъ спасти бы чудомъ могъ!

LI.

Бочонки, доски, реи—все спустили,
Что̀ только можетъ въ крайности помочь;
Въ глаза бросалась тщетность всѣхъ усилій,—
Надежду все жъ они не гнали прочь;
Въ часу девятомъ лодки отвалили;
Лишь тусклымъ блескомъ звѣздъ сіяла ночь;
Корабль, кормою внизъ, нырнулъ и вскорѣ,
Разъ только всплывъ, безслѣдно скрылся въ морѣ.

LII.

Тогда отъ моря къ небу возлетѣлъ
Прощальный вопль; храбрецъ стоялъ безмолвный;
Стоналъ лишь трусъ; иной, что̀ смерть хотѣлъ
Предупредить, бросался, муки полный,
Въ пучину, проклиная свой удѣлъ;
Зіяющую пасть разверзли волны,
И въ схваткѣ съ ними сгинулъ въ безднѣ водъ
Корабль, какъ вождь, что̀ съ смертью смерть не-
сетъ.

LIII.

Раздался общій вопль, пучинѣ вторя;
Онъ какъ ударъ пронесся громовой,
Затѣмъ утихло все, лишь съ ревомъ моря
Сливался урагана дикій вой.
Отдѣльный крикъ отчаянья и горя
Еще кой-гдѣ во тьмѣ звучалъ порой,
Унылый крикъ пловца, что̀ съ горькой долей,
Лишившись силъ, не могъ бороться болѣ.

LIV.

Грозила смерть и тѣмъ, что̀ пересѣсть
Успѣли въ лодки. Буря не стихала!
И вѣтеръ дулъ. До берега добресть
По прежнему надежды было мало.
Хоть всѣхъ пловцовъ не трудно было счесть,
(Ихъ горсть была), все жъ мѣста не хватало
Для нихъ въ ладьяхъ. Баркасъ въ себѣ вмѣщалъ
До тридцати пловцовъ, а девять—ялъ.

LV.

Душъ до двухъ сотъ разстался съ тѣлами!
Нѣтъ смерти для католика страшнѣй:
Въ чистилищѣ, преслѣдуемъ чертями,
Онъ жарится, пока подъ нимъ углей
Попъ не зальетъ усердными мольбами.
А скоро ль о крушеньи до людей
Домчится вѣсть? Безъ панихидъ, что̀ денегъ
Не мало стоятъ, къ раю путь трудненекъ!

LVI.

Жуану удалося сѣсть въ баркасъ;
Онъ помѣстилъ туда же педагога
И, въ ментора нежданно превратясь,
(Съ Педрилло помѣнявшись ролью) строго
Держалъ его. Старикъ, всего боясь,
Лишь жалобно стоналъ, объятъ тревогой.
Баттистъ, слуга Жуана, въ океанъ
Свалился съ корабля, напившись пьянъ.

LVII.

Насчетъ вина и Педро тѣхъ же правилъ
Держался. Онъ въ баркасъ не могъ попасть
И, утонувъ, вино водой разбавилъ,
Хоть близъ ладьи ему пришлось упасть.
Его спасти—кто бъ мысли не оставилъ,
Когда пучина, разверзая пасть,
Ихъ всѣхъ втянуть въ свои стремилась нѣдра?
Да и въ ладьѣ не помѣстился бъ Педро.

LVIII.

Собачка, что Жуанъ съ собою везъ,
Погибель чуя, лаяла и выла.
(Природой данъ собакамъ чуткій носъ!)
Разстаться съ ней Жуану грустно было:
Его отцу когда-то вѣрный песъ
Принадлежалъ. (Въ воспоминаньяхъ сила!)
И вотъ предъ тѣмъ, чтобы спрыгнуть въ ладью,
Въ нее швырнулъ собачку онъ свою.

LIX.

Часть денегъ захватилъ Жуанъ съ собою;
Другую жъ сунулъ пѣстуну въ карманъ;
Педрилло, смятый горькою судьбою,
Казалось, превратился въ истуканъ,
Отъ страха и унынья. Подъ грозою
Не унывалъ лишь юный Донъ-Жуанъ,
И вѣря, что поправить можно дѣло,
Отъ смерти спасъ и пса, и дядьку смѣло.

LX.

Баркасъ бѣжалъ по гребнямъ волнъ сѣдыхъ,
А вѣтеръ дулъ съ такой зловѣщей силой,
Что паруса лишиться каждый мигъ
Опасность имъ тяжелая грозила.
Нещадно обливали волны ихъ,
Встрѣчаяся съ кормой, что̀ леденило
Надежды и тѣла! Злосчастный ялъ
Средь бурныхъ волнъ у нихъ въ глазахъ пропалъ.

LXI.

Погибло девять душъ съ крушеньемъ яла;
Баркасъ же продолжалъ нестися въ даль;
Но съ парусомъ плохимъ изъ одѣяла,
Прибитаго къ веслу, онъ могъ едва-ль
Спастись. Хоть смерть, какъ прежде, угрожала
Пловцамъ, имъ жертвъ крушенья стало жаль;
Ихъ также опечалилъ фактъ плачевный,
Что сухари погибли въ безднѣ гнѣвной.

LXII.

Надъ мрачной бездной огненнымъ шаромъ
Вставало солнце, бурю предвѣщая!
Имъ оставалось думать лишь о томъ,
Чтобъ плыть по вѣтру, волнъ не разсѣкая.
По чарочкѣ пловцамъ былъ розданъ ромъ;
(Полунагихъ скитальцевъ буря злая
Лишила силъ); а хлѣба, что̀ подмокъ,
Едва достался каждому кусокъ.

LXIII.

Ихъ было тридцать; такъ они столпились,
Что пальцемъ шевельнуть никто не могъ;
Поочередно спать одни ложились
На мокромъ днѣ ладьи; полны тревогъ,
Другіе въ это время съ бурей бились.
Ихъ обдавало съ головы до ногъ
Водой. Какъ въ лихорадкѣ всѣхъ знобило;
Имъ покрываломъ небо только было.

LXIV.

Продлить мы можемъ жизнь желаньемъ жить;
Извѣстно, что и трудные больные
Встаютъ съ одра, когда ихъ съ свѣта сжить
Не ищутъ другъ, супруга иль родные;
Отъ ножницъ Паркъ спасаетъ жизни нить
Надежда; ей не знаю и цѣны я!
Отчаянье — врагъ жизни; человѣкъ
Въ его когтяхъ кончаетъ скоро вѣкъ.

LXV.

Живетъ всѣхъ дольше тотъ, кто обезпеченъ
Пожизненнымъ окладомъ. Фактъ такой
Необъяснимъ, но онъ давно замѣченъ;
Такъ смертный радъ пожить на счетъ чужой,
Что дѣлается тотчасъ долговѣченъ;
Жидъ ростовщикъ — тому примѣръ прямой.
Съ жидами я имѣлъ дѣла когда-то;
Но съ ними какъ всегда трудна расплата!

LXVI.

Хоть цѣлый міръ лишеній, бѣдъ и зла
Въ удѣлъ пловцамъ достался; хоть покоя
Лишилъ ихъ рокъ,—имъ жизнь была мила;
Утесъ боится ль волнъ, межъ ними стоя?
Всѣхъ мореходовъ доля тяжела;
Припомните судьбу ковчега Ноя;
Ему не мало мыкаться пришлось;
Не мало бѣдъ и *Арго* перенесъ.

LXVII.

Всѣ люди плотоядны; имъ и сутки
Прожить безъ пищи тягостно. Они,
Какъ кровожадный тигръ, къ добычѣ чутки;
Акулы имъ, по жадности, сродни.
Хоть такъ у нихъ устроены желудки,
Что ѣсть могли бы овощи одни,—
Но людъ рабочій только съ мясомъ друженъ,
И кормъ иной ему совсѣмъ не нуженъ.

LXVIII.

На третій день внезапный штиль насталъ,
И улеглись ревѣвшихъ волнъ громады;
Пловцы, какъ черепахи возлѣ скалъ,
Заснули мертвымъ сномъ, полны отрады;
Когда жъ отъ сна очнулись, и ихъ сталъ
Зловѣщій голодъ мучить безъ пощады,
Они, съ благоразуміемъ простясь,
Весь порѣшили разомъ свой запасъ.

LXIX.

Что жъ? угадать послѣдствія не трудно!
Спастися имъ ужъ было мудрено;
Возможно ли надѣяться на судно,
Когда съ однимъ плохимъ весломъ оно?
Они же истребили безразсудно
Всю пищу, что имѣли, и вино,
Себя пустой надеждою дурача,
Что скоро улыбнется имъ удача.

LXX.

Четвертый день, а океанъ дремалъ,
Какъ на груди у матери малютка;
Вотъ пятый день! все мертвый штиль стоялъ,
Висѣлъ какъ тряпка парусъ, къ вѣтру чуткій.
Лѣниво въ даль катился синій валъ...
(Съ однимъ весломъ имъ приходилось жутко!)
А голодъ моряковъ все крѣпъ и росъ;
Тутъ съѣденъ былъ Жуана вѣрный песъ.

LXXI.

Питалъ своею шкурой экипажъ онъ
Весь день шестой. Жуану песъ былъ милъ,
И съ гнѣвомъ онъ отъ тѣхъ отпрянулъ брашенъ.
Но день спустя рѣшенье измѣнилъ;
Его терзавшій голодъ былъ такъ страшенъ,
Что лапку пса онъ съ дядькой раздѣлилъ.
Педрилло въ мигъ кусокъ упряталъ гадкій,
Жалѣя, что пришлось дѣлить остатки.

LXXII.

Седьмой ужъ день! Ни вѣтра нѣтъ, ни тучъ;
Они лежатъ, какъ трупы, безъ движенья;
Тѣла ихъ жжетъ палящій солнца лучъ;
Безъ вѣтра нѣтъ надежды на спасенье·—
А вѣтеръ спитъ и океанъ пѣвучъ!
Ихъ дикихъ взглядовъ страшно выраженье;
Въ нихъ ясно виденъ думъ ужасныхъ слѣдъ:
Гдѣ прежде былъ морякъ—тамъ людоѣдъ.

LXXIII.

Какое-то чудовищное мнѣнье
Чуть слышно кто-то высказалъ. Оно
Ихъ облетѣло всѣхъ въ одно мгновенье:
Всѣхъ та же мысль ужъ мучила давно!
Раздался хриплый шопотъ одобренья,
И кинуть жребій было рѣшено,
Чтобъ рокъ намѣтилъ жертву, чье закланье
Имъ средство дастъ продлить существованье.

LXXIV.

Но прежде чѣмъ до этого дойти,
Они и обувь съѣли, и фуражки;
Хоть не легко подобный крестъ нести,
Все жъ наступилъ моментъ расплаты тяжкій;
Но такъ какъ не могли они найти
Для ярлыковъ и лоскутка бумажки—
Насильственно (я Музы слышу стонъ!)
Жуанъ записки милой былъ лишенъ.

LXXV.

Вотъ жребіи всѣ смѣшаны и взяты;
Всѣ онѣмѣли въ этотъ страшный мигъ,
И ужасомъ, и трепетомъ объяты;
Казалось, что въ нихъ голодъ даже стихъ;
Они ль въ злодѣйствѣ этомъ виноваты?
Нѣтъ! голодъ жертвы требовалъ отъ нихъ;
Они жъ предъ нимъ склонялися, блѣднѣя.
Такъ жаждалъ крови коршунъ Прометея.

LXXVI.

Педрилло бѣдный рокомъ выбранъ былъ...
Въ несчастьи твердъ, онъ выразилъ желанье,
Чтобъ медикъ, бывшій тутъ, ему пустилъ
Изъ жилы кровь—и умеръ безъ страданья.
Онъ ревностнымъ католикомъ почилъ.
Распятью давъ съ молитвою лобзанье,
Ученый мужъ, религіей согрѣтъ,
Подставилъ кисть и шею подъ ланцетъ.

LXXVII.

Врачу за тяжкій трудъ досталось право
Какой угодно взять себѣ кусокъ;
Но, жажду утоливъ струей кровавой
Изъ жилы трупа, ѣсть ужъ онъ не могъ;
Дрожавшею отъ голода, оравой
Разсѣченъ былъ на части педагогъ;
Акулы поживились лишь кишками;
Пловцы все остальное съѣли сами.

LXXVIII.

Лишь два иль три пловца, смутясь душой,
(Хоть всѣмъ имъ приходилось очень туго)
Отъ трапезы отпрянули такой,
Полны и отвращенья, и испуга.
Въ числѣ послѣднихъ былъ и мой герой.
Провизіей къ столу не могъ онъ друга
И ментора считать! Онъ даже псомъ,
Какъ знаете, лишь закусилъ съ трудомъ.

LXXIX.

И что жъ? Онъ спасся тѣмъ: отъ пресыщенья,
Наѣвшійся въ неистовство впадалъ;
Изъ устъ его лились богохуленья;
Катаясь въ корчахъ, залпомъ онъ глоталъ
Морскую воду; полонъ озлобленья,
Онъ, скрежеща зубами, тѣло рвалъ;
Ревѣлъ, какъ звѣрь и, обливаясь пѣной,
Прощался съ жизнью съ хохотомъ гіены.

LXXX.

Скосила многихъ смерть; но какъ была
Оставшихся въ живыхъ плачевна участь!
Иныхъ такая жизнь съ ума свела;
Сгубила ихъ лишеній тяжкихъ жгучесть;
Другихъ все голодъ мучилъ. (Полонъ зла,
Онъ проявлялъ тревожную живучесть!)
И несмотря на грустный опытъ, вновь
Хотѣлось имъ пролить людскую кровь!

LXXXI.

Теперь у нихъ былъ шкиперъ на примѣтѣ:
Онъ всѣхъ жирнѣе былъ. Хоть ихъ зубамъ
Работу дать онъ не имѣлъ въ предметѣ,
Но тучностью такъ угодилъ пловцамъ,
Что врядъ ли долго пожилъ бы на свѣтѣ,
Когда бъ его не спасъ подарокъ дамъ;
Подарокъ тотъ вручили по подпискѣ
Ему тѣ дамы, что̀ съ нимъ были близки.

LXXXII.

Еще не весь обглоданъ былъ мертвецъ,
Но на него всѣ съ ужасомъ взирали,
И имъ питаться рѣдкій могъ пловецъ.
Жуанъ, чтобы сноснѣе муки стали,
Что̀ голодъ причинялъ, сосалъ свинецъ.
Когда жъ пловцы нечаянно поймали
Двухъ птицъ морскихъ—тогда они совсѣмъ
Питаться перестали трупомъ тѣмъ.

LXXXIII.

Васъ въ дрожь приводитъ страшная картина!
Но вспомните, какъ, кончивъ повѣсть, радъ
Былъ грызть врага въ геоннѣ Уголино;
Когда въ аду враговъ своихъ ѣдятъ,
То на̀ морѣ найдется ли причина
Не ѣсть друзей, особенно коль складъ
Запасовъ пустъ и нѣтъ ужъ провіанта?
Чѣмъ хуже эта быль разсказа Данта?

LXXXIV.

Въ ночь сильный дождь пошелъ. Подставивъ ротъ,
Ловилъ его такъ жадно путникъ каждый,
Какъ пьетъ земля струи небесныхъ водъ
Въ палящій зной. Кто безъ воды однажды
Среди пустыни дѣлалъ переходъ,
Кто умиралъ на кораблѣ отъ жажды,
Тотъ, воду чтя, не разъ о томъ жалѣлъ,
Что съ Истиной въ колодцѣ не сидѣлъ.

LXXXV.

Обильный дождь все шелъ безъ перерыва;
Чтобъ пользу онъ принесъ, куски холстинъ
Пловцы достали; воду бережливо
Всѣ стали выжимать изъ нихъ въ кувшинъ.
Хотя съ напиткомъ этимъ кружку пива
Рабочій не сравнилъ бы ни одинъ—
Тотъ даръ судьбы безцѣнный и нежданный
Казался морякамъ небесной манной.

LXXXVI.

Какъ нектаръ благодатный, дождь смочилъ
Ихъ горла, раскаленныя какъ горны,
И раны устъ опухшихъ освѣжилъ;
Такъ языки страдальцевъ были черны,
Какъ у скупца, что̀ жалобно просилъ
Въ аду хоть каплю влаги благотворной,
Но получилъ отъ нищаго отказъ.
(По вкусу ль богачамъ такой разсказъ?)

LXXXVII.

Тамъ были два отца межъ жертвъ крушенья,
И каждый по сынку съ собою везъ;
Тотъ мальчикъ, что былъ крѣпкаго сложенья,
Тяжелыхъ мукъ борьбы не перенесъ
И первымъ палъ. «То воля Провидѣнья»,
Сказалъ отецъ сурово, и безъ слезъ
Смотрѣлъ, какъ трупъ единственнаго сына
Навѣки скрыла мрачная пучина.

LXXXVIII.

Другой ребенокъ блѣденъ былъ съ лица;
Онъ былъ и худъ, и слабъ; но въ горькой долѣ
Съ судьбою злой боролся до конца;
Ему не измѣняла сила воли;
Онъ все глядѣлъ съ улыбкой на отца,
Желая скрыть мучительныя боли,
Желая утаить, что близокъ мигъ,
Когда судьба навѣкъ разлучитъ ихъ.

LXXXIX.

Отецъ не отводилъ отъ сына взгляда
И пѣну съ блѣдныхъ губъ его стиралъ;
Когда жъ дождя нежданная прохлада
Ребенка, что въ мученьяхъ угасалъ,
Мгновенно оживила, и отрадой
Померкшій взоръ страдальца засіялъ,
Въ его уста воды онъ влилъ немного,
Но ужъ пришла не во-время подмога.

XC.

Ребенокъ умеръ. Блѣдный трупъ схватилъ
Отецъ въ свои объятья и, безмолвный,
Все отъ него очей не отводилъ.
Онъ долго такъ стоялъ, страданья полный,
Не находя для разставанья силъ;
Когда жъ безгласный трупъ умчали волны—
Безпомощно, какъ молніей сраженъ,
Отъ муки корчась, разомъ рухнулъ онъ.

XCI.

Вдругъ радуга блеснула надъ пловцами;
Она, прорѣзавъ тучи, обвилась
Вкругъ неба дивной лентой и концами
Въ лазурь пучины зыбкой уперлась.
Она сіяла чудными цвѣтами,
Лучеобильнымъ знаменемъ носясь;
Затѣмъ, увы! согнулась свѣтлой аркой
И скрылась, только мигъ блеснувши ярко.

XCII.

Исчезъ небесныхъ сферъ хамелеонъ,
Что созданъ испареньями и свѣтомъ;
Что, въ золото и пурпуръ облаченъ,
Блеститъ, какъ серпъ луны надъ минаретомъ;
Въ своихъ лучахъ соединяетъ онъ
Всѣ краски и цвѣта. Съ нимъ сходенъ въ этомъ
Подбитый боксомъ глазъ. (По временамъ
Приходится безъ маски драться намъ.)

XCIII.

Та радуга была хорошимъ знакомъ;
Мы знаменьями, въ горѣ, дорожимъ;
До нихъ и грекъ, и римлянинъ былъ лакомъ;
Надежды лучъ душѣ необходимъ;
Коль нѣтъ его, она одѣта мракомъ;
Какъ древніе, мы предреченья чтимъ;
Калейдоскопъ небесъ, блеснувъ нежданно,
Сроднилъ пловцовъ съ надежою желанной.

XCIV.

Въ то время птица бѣлая, кружась
Надъ головами путниковъ, хотѣла
На мачту сѣсть, хоть полонъ былъ баркасъ.
(Подобная перомъ голубкѣ бѣлой,
Она, отъ стаи, видно, отдѣлясь,
За нею слѣдомъ къ берегу летѣла).
До ночи все она кружилась такъ,—
Что было сочтено за добрый знакъ.

XCV.

Найдя, что мачта ихъ не такъ надежна,
Какъ шпицъ церковный, голубь улетѣлъ;
Онъ поступилъ умно и осторожно:
Не то его бъ плачевенъ былъ удѣлъ;
Такъ голодъ мучилъ путниковъ безбожно,
Такъ ихъ томилъ, чтобъ если бъ съ вѣткой сѣлъ
Къ нимъ даже голубь Ноя—скоро очень
Онъ ими бъ былъ и съ вѣткою проглоченъ.

XCVI.

Настала ночь и вѣтеръ сталъ сильнѣй;
На небесахъ заискрились свѣтила,
И лодка понеслась. Такъ много дней
Томилися пловцы, что жизни сила
Въ нихъ гасла вмѣстѣ съ мыслью. Средь зыбей
Однимъ вдали виднѣлся берегъ милый;
Кто залпы пушекъ слышалъ, кто прибой;
Другіе жъ лишь качали головой.

XCVII.

Къ разсвѣту вѣтеръ стихъ; вдругъ часового
Раздался крикъ: «Земля, земля видна!
Пусть родины мнѣ не увидѣть снова,
Коль это только выдумка одна!»
Ихъ описать восторгъ безсильно слово;
Вмигъ къ берегу ладья обращена;
Дѣйствительно ихъ ослѣпили взоры
Прибрежныхъ скалъ туманые узоры.

XCVIII.

У многихъ слезы брызнули изъ глазъ;
Одни со страхомъ берегъ озирали,
Надеждѣ свѣтлой ввѣриться боясь;
Другіе въ этотъ мигъ молиться стали
(Тѳ дѣлая, быть можетъ, въ первый разъ).
На днѣ баркаса трое сладко спали,
Ихъ всячески прервать старались сонъ;
Но непробуднымъ оказался онъ.

XCIX.

Лишь день предъ тѣмъ имъ посланъ былъ судьбою
Отрадный даръ: имъ удалось поймать
Большую черепаху, чтѳ собою
Ихъ цѣлый день питала; въ нихъ опять
Воскресъ упавшій духъ: всѣмъ неземною
Такая показалась благодать;
Пловцы, уйдя отъ смерти неминучей,
Не вѣрили, что спасъ ихъ только случай.

C.

Къ скалистымъ берегамъ ихъ вѣтеръ несъ,
И эти берега росли замѣтно,
По мѣрѣ приближенья къ нимъ. Утесъ,
Чтѳ поражалъ ихъ массою безцвѣтной,
Легко могъ представлять собой Родосъ,
Иль Кандію, илъ Кипръ; могъ быть и Этной;
Такъ прихотливъ и вѣтеръ былъ, и валъ,
Что той страны никто изъ нихъ не зналъ.

CI.

Межъ тѣмъ пловцовъ къ землѣ теченьемъ гнало;
Ладью Харона, везшую тѣней,
Собою лодка ихъ напоминала;
Лишь уцѣлѣло четверо людей,
И въ тѣхъ ужъ было силы слишкомъ мало,
Чтобъ сбросить мертвыхъ съ лодки; а за ней
Давно гналися двѣ акулы смѣло,
Ихъ обдавая пѣной то-и-дѣло.

CII.

Удары всевозможные судьбы—
Лишенья, голодъ, жажда, зной, кручина—
Ихъ довели до страшной худобы;
Межъ ними мать съ трудомъ узнала бъ сына.
Лишь четверо спаслись изъ всей гурьбы;
Трупъ ментора былъ главною причиной
Ихъ смертности: кто имъ питался—пилъ
Морскую воду и лишался силъ.

CIII.

Все ближе берегъ; все яснѣй узоры
Прибрежныхъ скалъ; ужъ слышенъ ароматъ
Густыхъ лѣсовъ, что̀ покрываютъ горы
И сладкій отдыхъ путнику сулятъ;
Восторженно на нихъ покоя взоры,
Пловецъ предмету всякому былъ радъ,
Что̀ заслонялъ зловѣщія картины
Безбрежной, мрачной, бѣшенной пучины.

CIV.

Селеній не виднѣлося вдали,
И берегъ былъ пустыненъ и безлюденъ;
Но поскорѣй добраться до земли
Хотѣлось имъ; хоть къ ней былъ доступъ труденъ,
Они къ землѣ прямымъ путемъ пошли.
Поступокъ моряковъ былъ безразсуденъ:
На острый рифъ баркасъ наткнулся ихъ
И въ дребезги разбился въ тотъ же мигъ.

CV.

Жуанъ въ своемъ родномъ Гвадалквивирѣ
Купаться съ юныхъ лѣтъ былъ пріученъ,
И какъ пловецъ наврядъ ли въ цѣломъ мірѣ
Соперника бъ нашелъ. Я убѣжденъ,
Что Геллеспонтъ (его громадной шири
Не устрашась) могъ переплыть бы онъ.
(Такую одержать пришлось побѣду
Леандру, мнѣ и мистеръ Экенгеду.)

CVI.

Больной Жуанъ тутъ стариной встряхнулъ
И въ бой вступилъ съ волнами океана;
Его не устрашалъ ихъ грозный гулъ,
И къ берегу направился онъ рьяно;
Все жъ гибель угрожала отъ акулъ;
Но жертвой ихъ товарищъ сталъ Жуана;
Пловцы другіе плавать не могли,
И только онъ добрался до земли.

CVII.

Но если бы волна не подкатила
Къ нему весла разбитаго въ тотъ мигъ,
Когда ему ужъ измѣняла сила,
Онъ никогда земли бы не достигъ;
Съ волнами вновь бороться можно было,
И несмотря на грозный натискъ ихъ,
То вплавь, то вбродъ, съ прибоемъ гнѣвнымъ споря,
Полу-живой онъ выбрался изъ моря.

CVIII.

Тогда, чтобъ новый валъ его не могъ
Унесть съ собой, почти лишенъ дыханья,
Онъ руки врылъ въ береговой песокъ;
Безъ силъ, изнемогая отъ страданья,
На мѣстѣ, гдѣ былъ выброшенъ, онъ легъ;
И если сохранялъ еще сознанье,
То лишь настолько, чтобъ жалѣть о томъ,
Что не погибъ въ пучинѣ съ кораблемъ.

CIX.

Онъ встать хотѣлъ, собравъ остатокъ силы,
Но, руки и колѣна въ кровь разбивъ,
Упалъ опять. Затѣмъ онъ взглядъ унылый
На мрачный берегъ бросилъ, еле живъ;
Хотѣлъ онъ видѣть тѣхъ, что отъ могилы
Спаслись, какъ онъ; но былъ безлюденъ рифъ;
На немъ лежалъ одинъ лишь трупъ безгласный
Пловца, что̀ кончилъ вѣкъ въ борьбѣ напрасной.

CX.

Увидѣвъ трупъ, Жуанъ поникъ въ тоскѣ;
Все вихремъ передъ нимъ кружиться стало,
И онъ лишился чувствъ, держа въ рукѣ
Весло, что̀ въ лодкѣ мачту замѣняло.
Лежалъ онъ неподвижно на пескѣ,
Какъ лилія, что злая буря смяла;
Такъ блѣденъ былъ Жуанъ, такъ слабъ и хилъ,
Что жалость онъ и въ камнѣ бъ пробудилъ.

CXI.

Жуанъ не зналъ, какъ долго продолжалось
Такое забытье, что̀ превозмочь
Онъ силы не имѣлъ; ему казалось,
Что въ мракѣ утопали день и ночь
И что земля навѣки съ нимъ разсталась.
Но вотъ тяжелый сонъ умчался прочь,
И жизни услыхалъ онъ сладкій голосъ,
Хоть съ нею смерть со злобою боролась.

CXII.

Открывъ глаза, онъ ихъ закрылъ опять;
Картины бѣдъ, отчаянья, крушенья
Все продолжали мысль его терзать;
Томясь въ бреду, онъ клялъ свое спасенье.
Но понемногу бредъ сталъ утихать;
Глаза открылъ онъ снова на мгновенье
И увидалъ, смутясь, передъ собой
Прелестный ликъ дѣвицы молодой.

CXIII.

Она надъ нимъ склонялася уныло;
Несчастнаго спасти хотѣлось ей;
Она водой его виски мочила
И терла грудь, чтобъ съ жертвою своей
Разсталася зловѣщая могила,
Чтобъ не могла его во цвѣтѣ дней
Похитить смерть; и что же? Стонъ больного
Далъ знать, что къ жизни онъ вернулся снова.

CXIV.

Морскую воду выжала она
Изъ локоновъ его, рукою бѣлой,
Для подкрѣпленья давъ ему вина,
И юноши полунагое тѣло
Покрывъ плащомъ. Участія полна,
Она его своимъ дыханьемъ грѣла,
И, внявъ влеченью сердца своего,
Встрѣчала вздохомъ каждый вздохъ его.

CXV.

Съ служанкою, что̀ менѣе красива,
Чѣмъ барыня, была, но посильнѣй,
Онѣ, вдвоемъ, Жуана торопливо
Перенесли въ пещеру. Скоро въ ней
Огонь былъ разведенъ; пещеру живо
Онъ освѣтилъ игрой своихъ лучей,
Обрисовавъ на темномъ фонѣ ясно
Островитянки юной ликъ прекрасный.

CXVI.

Уборомъ головнымъ служили ей
Монеты золотыя, что̀ сверкали
Среди ея каштановыхъ кудрей;
Тѣ кудри сзади косами спадали,
Касаясь пятъ ея волной своей;
А выше ростомъ женщина едва ли
Могла бъ найтись. Царицу этихъ странъ
Являли въ ней осанка, поступь, станъ.

CXVII.

Ея глаза чернѣе смерти были,
И черныя рѣсницы, бахромой,
Скрывая ихъ, завѣсой имъ служили;
Когда же изъ-подъ нихъ сверкалъ порой
Молніеносный взглядъ—онъ безъ усилій
Вонзался въ душу острою стрѣлой
И сходенъ былъ съ проснувшимся вдругъ гадомъ,
Что смерть несетъ и силою, и ядомъ.

CXVIII.

Былъ блѣденъ лобъ ея, а цвѣтъ лица
Напоминалъ румяный лучъ заката;
Ея пурпурный ротикъ жегъ сердца;
Краса такая, правдою богата,
Была достойна кисти иль рѣзца;
Но скульпторовъ цѣню я маловато:
Ихъ жалки идеалы; лица есть,
Что не подъ силу имъ воспроизвесть.

CXIX.

Такое мнѣнье высказалъ я прямо,
Но высказалъ его не безъ причинъ:
Я былъ знакомъ съ одной ирландской дамой,
Чей бюстъ не могъ художникъ ни одинъ
Воспроизвесть. Искусства узки рамы!
Когда она отъ лѣтъ и отъ морщинъ
Поблекнетъ—свѣтъ разстанется съ красою,
Не списанною смертною рукою.

CXX.

Такою жъ обладала красотой
Явившаяся въ гротъ островитянка
Въ одеждѣ, поражавшей пестротой.
Совсѣмъ не такъ наряжена испанка:
Ея костюмъ плѣняетъ простотой;
Но для любви услада и приманка—
Мантилья, что̀ блаженство въ душу льетъ.
(Надѣюсь, эта мода не пройдетъ!)

CXXI.

Имѣлъ съ такимъ костюмомъ сходства мало
Красавицы причудливый нарядъ;
Изъ разноцвѣтныхъ тканей состояла
Ея одежда; камней цѣнныхъ рядъ
Блестѣлъ въ ея кудряхъ, а покрывало
Ея изъ кружевъ было. Да, богатъ
Былъ тотъ костюмъ, но странно то немножко,
Что безъ чулка являлась въ туфлѣ ножка.

CXXII.

Нарядъ другой дѣвицы былъ скромнѣй;
Не золото, а серебро блестѣло
(Приданое ея) во мглѣ кудрей.
Вуаль она дешевую имѣла;
И вообще осанкою своей
Не поражала гордою и смѣлой;
Ея коса была не такъ длинна;
Имѣла меньше и глаза она.

CXXIII.

Съ любовью за больнымъ онѣ ходили;
Онъ ими былъ накормленъ и одѣтъ;
(Въ сердечности—что бъ тамъ ни говорили—
Соперниковъ на свѣтѣ дамамъ нѣтъ!)
И вотъ онѣ бульонъ ему сварили.
(Не понимаю, почему поэтъ
Не воспѣваетъ супа, взявъ примѣромъ
Ахилла щитъ, что былъ воспѣтъ Гомеромъ!)

CXXIV.

Чтобъ этихъ дамъ за сказочныхъ принцессъ
Вы не могли принять—сниму съ нихъ маску;
Писатели, давая тайнѣ вѣсъ,
Пускаютъ въ ходъ туманную окраску,
Чтобъ возбуждать къ героямъ интересъ;
Но я романъ не превращаю въ сказку:
Вы видите теперь передъ собой
Прислужницу съ своею госпожей.

CXXV.

Ея отецъ былъ рыбакомъ когда-то,
Но занялся другимъ онъ ремесломъ
И выступилъ на поприщѣ пирата;
Контрабандистомъ былъ же онъ притомъ.
Прошли года, и зажилъ онъ богато,
Набивъ карманы краденымъ добромъ.
Ведя дѣла съ искусною сноровкой,
Онъ милліонъ піастровъ нажилъ ловко.

CXXVI.

Пиратъ ловилъ не рыбу, а людей,
Какъ Петръ-апостолъ. Множилъ онъ удары
И каждый годъ не мало кораблей
Захватывалъ; сбывалъ затѣмъ товары,
Не забывая выгоды своей;
Рабами онъ турецкіе базары
Снабжалъ притомъ. Такое ремесло
Богатство очень многимъ принесло!

CXXVII.

Такъ старый грекъ награбилъ денегъ много,
Что выстроилъ на островѣ одномъ
Цикладскаго прибрежья родъ чертога
И, плавая въ довольствѣ, зажилъ въ немъ.
Никто не зналъ, конечно, кромѣ Бога,
Какъ много крови стоилъ этотъ домъ!
Разбойникъ старый былъ свирѣпъ и злобенъ,
Но домъ богатъ, роскошенъ и удобенъ.

CXXVIII.

Единственную дочь пиратъ имѣлъ;
Гайдэ была невѣстою завидной;
Но блескъ ея приданаго блѣднѣлъ
Передъ ея улыбкой миловидной.
Искателей ея руки удѣлъ
Плачевенъ былъ: ихъ ждалъ отказъ обидный;
Красавица гнала нещадно ихъ:
Явиться и получше могъ женихъ.

CXXIX.

Гуляя по прибрежью въ часъ заката,
Случайно у подножья мрачныхъ скалъ
Увидѣла Жуана дочь пирата;
Полу-нагой, онъ на пескѣ лежалъ,
Лишенный чувствъ; смущеніемъ объята,
Она уйти хотѣла; но страдалъ
Красивый незнакомецъ, и невольно
Проснулась жалость въ дѣвѣ сердобольной.

CXXX.

Гайдэ его, однако, въ отчій домъ
Не привела; она бы тѣмъ сгубила
Бѣднягу: мышь нельзя сводить съ котомъ;
Обмершаго не воскреситъ могила!
Старикъ былъ полонъ νοῦς [1]) Ему притомъ
Араба добродушье чуждо было.
Онъ принялъ бы его, лечить бы сталъ,
Но на базаръ затѣмъ его бъ послалъ.

CXXXI.

Гайдэ, окончивъ съ Зоей совѣщанье
(Совѣтъ служанки часто дѣвѣ милъ),
Жуана въ гротъ ввела. Прійдя въ сознанье,
Когда онъ очи черныя открылъ —
Такой порывъ живого состраданья
Сердца островитянокъ охватилъ,
Что вѣрно рай имъ отворилъ ворота:
Вѣдь къ раю путь—о страждущихъ забота.

CXXXII.

Онѣ костеръ немедленно зажгли;
На берегу валялося не мало
Разбитыхъ мачтъ и веселъ. Корабли
Тутъ гибли то и дѣло, и лежала
Обломковъ масса, гнившая въ пыли.
Имъ, потому, могло бы матерьяла
И на двадцать хватить костровъ такихъ.
Досокъ не мало было тамъ гнилыхъ!

CXXXIII.

Свою соболью шубу превратила
Гайдэ въ постель, чтобъ сладостенъ и тихъ
Былъ сонъ его, и юношу накрыла
Большимъ платкомъ, что̀ сняла съ плечъ своихъ.
Чтобъ сыростью его не охватило,
Ему по юбкѣ каждая изъ нихъ
Оставила, и съ пищей для Жуана
Условились онѣ явиться рано.

CXXXIV.

Затѣмъ онѣ ушли; и мертвымъ сномъ
Заснулъ Жуанъ. (Кто знаетъ, кромѣ Бога,
Проснутся ль тѣ, что съ жизненнымъ путемъ
Разстались, простясь съ земной тревогой?)
Забылъ Жуанъ о горестномъ быломъ,
Забылъ, что бѣдъ и мукъ онъ вынесъ много,
А грезы сна порой такъ мучатъ насъ,
Что плачемъ мы и въ пробужденья часъ!

---

[1]) Νοῦς—греческое слово—разсчетливость.

CXXXV.

Жуанъ заснулъ безъ грезъ и сновидѣній;
Гайдэ же, покидая темный гротъ,
Остановилась вдругъ, полна волненья;
Приснилось ей, что онъ ее зоветъ
По имени. Игра воображенья:
И сердце, какъ языкъ, порою лжетъ.
Она забыла, вѣря чувствъ обману,
Что имя то невѣдомо Жуану.

CXXXVI.

Задумчиво Гайдэ домой пошла
И Зою обо всемъ молчать просила;
Но та сама догадлива была
И лучше госпожи все обсудила.
Она умомъ ее переросла
На годъ иль два; природа ей служила
Наставницей; громаденъ этотъ срокъ
Для тѣхъ, кто имъ воспользоваться могъ.

CXXXVII.

Взошла заря. Жуанъ все спалъ упорно;
Царило вкругъ молчанье; солнца свѣтъ
Не освѣщалъ лучами гротъ просторный.
Такъ много перенесъ тяжелыхъ бѣдъ
Несчастный Донъ-Жуанъ, что въ снѣ безспорно
Нуждался онъ и въ отдыхѣ. Мой дѣдъ,
Оставивъ намъ свои «повѣствованья»
Въ нихъ описалъ такія же страданья.

CXXXVIII.

Гайдэ уснуть спокойно не могла;
Ей снилися крушенья, бури, мели...
На берегу красивыя тѣла,
Что съ злобой волны поглотить хотѣли.
И вотъ она, едва заря взошла,
Свою служанку подняла съ постели
И разбудила всѣхъ отцовскихъ слугъ:
Такой капризъ въ нихъ пробудилъ испугъ.

CXXXIX.

Она сказала имъ, что встала рано,
Чтобъ посмотрѣть на солнечный восходъ;
Дѣйствительно, какъ волны океана
И небо хороши, когда встаетъ
Блестящій Фебъ! Въ лучахъ зари румяной
Щебечутъ птички. Мглы тяжелый гнетъ
Природа сбросить съ плечъ тогда такъ рада,
Какъ трауръ, что носить по мужу надо.

CXL.

Не разъ случалось мнѣ встрѣчать разсвѣтъ,
Не спавши ночь. Отъ доктора не ждите
За то похвалъ; но я даю совѣтъ,
Когда здоровье вы сберечь хотите,
А также кошелекъ, вставать чѣмъ свѣтъ.
Затѣмъ, достигнувъ старости, велите
На памятникѣ начертать своемъ,
Что на зарѣ вы разставались съ сномъ.

CXLI.

Гайдэ, при встрѣчѣ съ утренней зарею,
Ее затмила свѣжестью своей;
Отъ страстнаго волненья кровь струею
Къ ея лицу стремилась, щеки ей
Румяня; такъ встрѣчаяся съ скалою,
Струи сливаетъ въ озеро ручей,
Катясь съ Альпійскихъ горъ; такъ въ Красномъ морѣ...
Оно не красно только — вотъ въ чемъ горе.

CXLII.

Гайдэ съ горы спустилася стремглавъ
И, грезъ полна, пошла къ пещерѣ шибко.
За юную сестру ее принявъ,
Ее лобзала съ нѣжною улыбкой
Аврора. Ихъ обѣихъ увидавъ,
Вы впали бы въ такую же ошибку;
Но смертная Аврору превзошла
Тѣмъ что она не воздухомъ была.

CXLIII.

Она вошла въ пещеру. Безтревожно,
Съ ребенкомъ схожъ, все спалъ еще Жуанъ;
Съ испугомъ (сонъ за смерть принять вѣдь можно!)
Она къ нему свой наклонила станъ;
Накрыла друга шубкой осторожно,
Чтобъ повредить ему не могъ туманъ;
Затѣмъ, сходна съ могилою безмолвной,
Въ него вперила взоръ участья полный.

CXLIV.

Какъ херувимъ надъ праведнымъ, она
Надъ нимъ склонялась, сонъ его покоя;
Вокругъ него царила тишина;
Едва былъ слышенъ легкій шумъ прибоя;
Въ то время, хлопотливости полна,
На берегу варила завтракъ Зоя.
Не трудно догадаться было ей,
Что пища будетъ имъ всего нужнѣй.

CXLV.

Она прекрасно знала, что въ немъ голодъ
Пробудится, какъ только сонъ пройдетъ;
Ее къ тому жъ тревожилъ утра холодъ —
(Влюбленныхъ только грѣетъ страсть!) — и вотъ,
Душистый кофе тутъ же былъ ей смолотъ
И сваренъ. Вина, рыбу, яйца, медъ
Она съ собою также захватила;
Любовь все это даромъ подносила.

CXLVI.

Жуана собралась она будить,
Когда все было къ завтраку готово;
Но поспѣшила пальчикъ приложить
Гайдэ къ губамъ, чтобъ сладкій сонъ больного
Прервать она не смѣла. Ей сварить
Пришлося для Жуана завтракъ новый.
Межъ тѣмъ его все продолжался сонъ,
И безконечнымъ имъ казался онъ.

CXLVII.

Лежалъ спокойно юный чужестранецъ;
Но на его худомъ лицѣ игралъ
Зловѣщій лихорадочный румянецъ, —
Такъ золотитъ заря вершины скалъ.
Не мало тяжкихъ мукъ узналъ страдалецъ;
Лишенный силъ въ пещерѣ онъ лежалъ;
Его же волоса слѣды носили
Соленыхъ волнъ и сырости и пыли.

CXLVIII.

Такъ тихо передъ ней лежалъ Жуанъ,
Какъ спитъ ребенокъ съ матерью родною;
Спокоенъ, какъ уснувшій океанъ;
Унылъ, какъ листъ, оторванный грозою;
Красивъ, какъ пышный розанъ южныхъ странъ;
Какъ юный лебедь чистъ; того не скрою,
Что видъ онъ привлекательный имѣлъ,
Да жаль, что исхудалъ и пожелтѣлъ!

CXLIX.

Жуанъ открылъ глаза неторопливо
И вѣрно погрузился бъ снова въ сонъ,
Когда бъ островитянки ликъ красивый
Не увидалъ, смутясь душою, онъ;
Предъ красотой склонялся онъ ревниво
И даже въ часъ молитвы отъ Мадоннъ
Не отводилъ очей, любуясь ими
И не мирясь съ угрюмыми святыми.

CL.

На локоть приподнявшись, въ стройный станъ
И блѣдный ликъ островитянки милой
Вперилъ глаза взволнованный Жуанъ.
Она, краснѣя, съ нимъ заговорила
По-гречески, съ акцентомъ южныхъ странъ
И, съ нѣжностью во взорѣ, объяснила,
Что блѣденъ онъ и слабъ, и потому
Не говорить, а надо ѣсть ему.

CLI.

Та рѣчь лилась, какъ птички щебетанье;
Хотя Жуанъ ея понять не могъ,
Но нѣжный голосъ, полный обаянья,
Его своими чарами увлекъ.
Такіе звуки будятъ въ насъ рыданья;
Струится безъ причины слезъ потокъ,
Что вторитъ, упоенье пробуждая,
Мотивамъ, словно льющимся изъ рая.

CLII.

Такъ иногда отрадной грезой сна
Намъ кажется волшебный звукъ органа,
Но насъ не долго радуетъ она:
Привратникъ на лицо и нѣтъ обмана.
О, Боже! какъ дѣйствительность скучна!
Невыносимъ слуга, что утромъ рано
Нашъ прерываетъ сонъ: ночной порой
И звѣздъ и женщинъ краше свѣтлый рой.

CLIII.

Прервалъ всѣ грезы моего героя
Проснувшійся въ немъ голодъ; сладокъ былъ
Видъ вкусныхъ блюдъ, что, на колѣняхъ стоя,
Передъ костромъ (онъ кухнею служилъ)
Готовила съ большимъ искусствомъ Зоя.
Жуанъ всѣ мысли къ пищѣ устремилъ
И сталъ мечтать, отъ жадности трясяся,
О томъ, какъ бы достать кусочекъ мяса.

CLIV.

Но мясо—рѣдкость тамъ; на островахъ,
Что гнѣвно точатъ волны океана,
Понятья не имѣютъ о быкахъ;
Тамъ водятся лишь овцы да бараны,
Что лакомствомъ считаютъ въ тѣхъ краяхъ;
Безлюдны и убоги эти страны;
Но острова и побогаче есть:
Къ нимъ надо островокъ Гайдэ отнесть.

CLV.

И въ древности быковъ здѣсь было мало;
Невольно къ Пазифаѣ мысль летитъ;
Она коровью шкуру надѣвала—
И что жъ? Царицу бѣдную язвитъ
За развращенный вкусъ злословья жало;
Но въ баснѣ этой смыслъ глубокій скрытъ:
Въ героевъ превратить критянъ желая,
Пеклась о скотоводствѣ Пазифая.

CLVI.

Безъ ростбифа—то знаетъ цѣлый свѣтъ—
Существовать не могутъ англичане;
Они къ тому же любятъ громъ побѣдъ,—
Теперь у нихъ война на главномъ планѣ.
Хоть эта страсть плодитъ не мало бѣдъ;
Любили это также и критяне,
Поэтому мой выводъ не смѣшонъ,
Что Пазифаи чтутъ они законъ.

CLVII.

Но далѣе. Видъ пищи былъ такъ сладокъ.
И представлялъ такъ много благъ собой,
Что голода мучительный припадокъ
Почувствовалъ немедля мой герой.
На завтракъ, несмотря на силъ упадокъ,
Накинулся онъ съ жадностью такой,
Что не могли бъ тягаться, думать смѣю,
Ни попъ, ни щука, ни акула съ нею.

CLVIII.

Гайдэ съ Жуаномъ няньчилась, какъ мать
И юношу на славу угощала;
Онъ продолжалъ всѣ блюда уплетать,
Надъ пищею дрожа; но Зоя знала
По слухамъ (не случалось ей читать!),
Что голодавшимъ надо ѣсть сначала
Давать не много—иначе они
Отъ лишней пищи могутъ кончить дни.

CLIX.

Тутъ Зоя принялась за дѣло рьяно
И, вмѣсто словъ, пустила руки въ ходъ;
Она, тарелку вырвавъ у Жуана
Сказала, что, объѣвшись, онъ умретъ,
А госпожа ея такъ встала рано
И столько ей надѣлалъ онъ хлопотъ;
Когда бы лошадь даже столько съѣла,
И та бы отъ обжорства заболѣла.

CLX.

Его костюмъ былъ бѣденъ и убогъ;
Болтался онъ лохмотьями на тѣлѣ,
Но ни скрывать, ни грѣть его не могъ.
Онѣ сожгли тѣ тряпки и одѣли
Жуана сами съ головы до ногъ—
Костюмъ былъ ими сшитъ для этой цѣли.
Хоть былъ Жуанъ безъ туфель и чалмы,
Принять его могли бъ за турка мы.

CLXI.

Одѣвъ его, Гайдэ болтать съ нимъ стала;
Жуанъ, не понималъ ея рѣчей,
Но, этимъ не смущаяся ни мало,
Съ участіемъ живымъ внималъ онъ ей;
Она же съ protégé своимъ болтала,
Любуяся огнемъ его очей,
Но все же убѣдилась, хоть не скоро,
Что онъ ея не понялъ разговора.

CLXII.

При помощи улыбокъ, знаковъ, глазъ,
Тогда въ лицѣ Жуана, полномъ пыла,
Она читать, какъ въ книгѣ, принялась.
(И что жъ? Гайдэ въ ней все понятно было!)
Не мало задушевныхъ, теплыхъ фразъ
Она прочла въ той книгѣ, сердцу милой;
Ей выражалъ понятій цѣлый рядъ
Жуана каждый мимолетный взглядъ.

CLXIII.

Жуанъ усердно повторялъ за нею
Слова, съ ея сродняясь языкомъ;
Очей Гайдэ—я скрыть того не смѣю—
Не выпускалъ онъ изъ виду притомъ;
Сравнитъ ли звѣзды съ книгою своею
Любующійся небомъ астрономъ?
Такъ съ азбукой, безъ книгъ и безъ указокъ,
Сроднилъ Жуана блескъ прелестныхъ глазокъ.

CLXIV.

Пріятно изучать чужой языкъ
Посредствомъ глазъ и губокъ милой. Надо
Притомъ, чтобъ были юны ученикъ
И менторъ. О, тогда урокъ отрада!
Ошибся ль ты—привѣтливъ милый ликъ;
А нѣтъ—пожатье рукъ тебѣ награда;
Въ антрактахъ поцѣлуй звучитъ порой.
Что̀ знаю я—такъ выучено мной.

CLXV.

Испанскихъ и турецкихъ словъ я знаю
Пять, шесть; но, не имѣвъ учителей,
По-итальянски плохо понимаю;
Наврядъ-ли въ языкѣ страны моей
Могу считаться сильнымъ: изучаю
Его я лишь путемъ проповѣдей,
Поэтовъ же родныхъ я въ грошъ не ставлю,
И ихъ читать себя я не заставлю.

CLXVI.

Покинувъ свѣтъ, гдѣ былъ я моднымъ львомъ,
Не помню дамъ (мои остыли страсти!),
Съ которыми я прежде былъ знакомъ;
Забылъ и тѣхъ, которыхъ рвалъ на части:
Все это лишь преданья о былом.
Мнѣ не страшны теперь судьбы напасти,
Ни дамы, ни друзья—все это сонъ,
И для меня ужъ не вернется онъ.

CLXVII.

Займусь опять Жуаномъ; онъ прилежно
Твердилъ слова, участіемъ согрѣтъ;
Но чувства есть, что̀ выйти неизбѣжно
Должны наружу. Можно ль солнца свѣтъ
Отъ взоровъ скрыть? Таить огонь мятежный
И у монахинь даже силы нѣтъ.
Въ Жуанѣ страсть проснулась ураганомъ,
Да и Гайдэ, любя, сошлась съ Жуаномъ.

CLXVIII.

Съ тѣхъ поръ она, что день, въ разсвѣта часъ
Въ пещеру къ Донъ-Жуану приходила;
Онъ долго спалъ; Гайдэ, надъ нимъ склонясь,
Съ любовью сонъ больного сторожила.
Она съ него не отводила глазъ
И ручкою ласкала локонъ милый,
Едва дыша; такъ, нѣженъ и легокъ,
Играетъ съ розой южный вѣтерокъ.

CLXIX.

Совсѣмъ воскресъ Жуанъ, больной и хилый,
И съ каждымъ днемъ все дѣлался свѣжѣй.
Здоровье и бездѣлье страсти милы;
Для пламени любви они—елей,
Что̀ придаетъ огню такъ много силы.
Церера тоже съ жатвою своей
И Бахусъ со своей блестящей свитой
Помощники и слуги Афродиты.

CLXX.

Когда огнемъ Венера сердце жжетъ
(Безъ сердца счастье можемъ ли найти мы?)—
Церера намъ свои дары несетъ
(Они любви, какъ намъ, необходимы),
Струи вина въ нашъ кубокъ Бахусъ льетъ
(И устрицы, и яйца страстью чтимы).
Но кто жъ даритъ всѣ эти блага намъ?
Нептунъ ли? Панъ? иль Громовержецъ самъ?

CLXXI.

Жуанъ, проснувшись, видѣлъ предъ собою
Гайдэ, которой не опишетъ глазъ,
И вмѣстѣ съ ней смазливенькую Зою;
Но это я ужъ говорилъ не разъ
И надоѣсть боюсь. Вернусь къ герою
Моей поэмы. Въ морѣ, въ ранній часъ,
Купался онъ; затѣмъ, оставивъ волны,
Онъ завтракалъ съ Гайдэ, восторга полный.

CLXXII.

Купался онъ при ней, но такъ была
Невинна дочь полуденнаго края,
Что въ этомъ ей не снилось даже зла.
Жуанъ былъ для нея видѣньемъ рая,
Той свѣтлой грезой сна, что̀ не могла
Она не полюбить, о ней мечтая.
Безъ нѣжнаго участья счастья нѣтъ:
Оно явилось двойнею на свѣтъ.

CLXXIII.

Она въ него впивалась страстнымъ взглядомъ;
Любви полна, къ нему склоняла станъ;
Когда онъ находился съ нею рядомъ,
Ей міръ казался раемъ. Донъ-Жуанъ
Ея богатствомъ былъ, безцѣннымъ кладомъ,
Что̀ подарилъ ей въ бурю океанъ;
Ея и первой, и послѣдней страстью;
Жизнъ безъ него была для ней напастью.

CLXXIV.

Такъ мѣсяцъ пролетѣлъ; хоть каждый день
Гайдэ зарею друга посѣщала,
Никто не зналъ на островѣ, что сѣнь
Пещеры иностранца укрывала.
Густыхъ лѣсовъ ихъ охраняла тѣнь.
Но отбылъ въ даль пиратъ. Какъ въ старь бывало,
Онъ не за свѣтлой Іо гнался вслѣдъ:
Нѣтъ, страстью къ грабежу онъ былъ согрѣтъ.

CLXXV.

Оставилъ онъ свой островъ для захвата
Трехъ изъ Рагузы плывшихъ кораблей,
Съ богатымъ грузомъ, въ Хіосъ. Дочь пирата
Свободы дождалась отрадныхъ дней;
Нѣтъ у нея ни матери, ни брата;
Никто теперь мѣшать не можетъ ей:
У христіанъ свободны жены; рѣдко
Ихъ охраняетъ запертая клѣтка.

CLXXVI.

Къ Жуану чаще стала приходить
Гайдэ, когда осталася одною;
Настолько онъ успѣлъ ужъ изучить
Ея языкъ, что пригласилъ съ собою
Ее гулять. Изъ грота выходить
Онъ прежде только могъ ночной порою.
И вотъ они пошли, въ вечерній часъ,
Смотрѣть, какъ лучъ заката въ морѣ гасъ.

CLXXVII.

На берегъ дикій, пѣною покрытый,
Ревя и злясь, обрушивался валъ;
Почти весь годъ тамъ вѣтеръ дулъ сердитый;
Утесы, мели, рядъ подводныхъ скалъ
Тому служили острову защитой;
Лишь лѣтомъ ревъ пучины утихалъ:
Тогда волна ласкала, съ пѣснью нѣжной,
Какъ зеркало блестя, песокъ прибрежный.

CLXXVIII.

У берега кипѣвшая волна
Была сходна съ клокочущею влагой
Шампанскаго. Что сладостнѣй вина?
Его струи съ надеждой и отвагой
Сродняютъ насъ. Какъ проповѣдь скучна,
Когда отрадны намъ земныя блага!
Все жъ буду воспѣвать, хоть это грѣхъ,
Вино, красавицъ, пиршества и смѣхъ!

CLXXIX.

Для мыслящихъ существъ въ винѣ есть сладость;
Даритъ намъ упоеніе оно,
Какъ слава, страсть, богатство. Жизнь не радость,
Коль поле жизни въ степь превращено.
Безъ радостныхъ утѣхъ безцвѣтна младость;
Итакъ, совѣтъ даю я пить вино,
Хоть голова болѣть съ похмѣлья можетъ,
Но средство есть, что отъ того поможетъ.

CLXXX.

Рейнвейнъ смѣшайте съ содовой водой,
И дивнымъ вы питье найдете это;
Утѣхи Ксеркса и тотъ не зналъ такой!
Въ жару—струи холоднаго шербета,
Студеная волна—въ степи сухой;
Бургонское, что словно лучъ разсвѣта
Блеститъ, по вкусу приходяся всѣмъ,
Все это меркнетъ предъ напиткомъ тѣмъ.

CLXXXI.

Вернусь къ разсказу: берегъ, небо, море
Въ тотъ часъ объяты были сладкимъ сномъ;
Песокъ лежалъ недвижно; на просторѣ
Не злился вѣтеръ; смолкло все кругомъ;
Лишь иногда дельфинъ, съ волною въ спорѣ,
Плескался и, чуть двигая крыломъ,
Бросала птица крикъ, да, сна не зная,
Лизала скалы бездна голубая.

CLXXXII.

Уѣхалъ за добычею пиратъ,
Оставивъ дочь, что вольной птичкой стала;
Мѣшать ей не могли ни мать, ни братъ;
При ней одна лишь Зоя состояла
Служанкой; ей готовила нарядъ
Да по утрамъ ей косы заплетала,
У госпожи своей прося порой
Поношенныхъ одеждъ за трудъ такой.

CLXXXIII.

Былъ тихій часъ, когда лучи заката
Скрываются за синею горой;
Когда природа сонная объята
Спокойствіемъ, прохладою и мглой;
Когда высокихъ горъ крутые скаты
Сливаются съ безбрежною водой
И, въ розовыхъ лучахъ зари, далеко
Вечерняя звѣзда блеститъ, какъ око.

CLXXXIV.

По раковинамъ хрупкаго песка
И камушкамъ идетъ Гайдэ съ Жуаномъ;
Въ его рукѣ дрожитъ ея рука;
Она идетъ, къ нему склоняясь станомъ.
Замѣтивъ темный гротъ издалека,
Подземный залъ, что̀ вырытъ океаномъ,
Они въ него вошли, и тамъ, сплетясь
Руками, не спускали съ неба глазъ.

CLXXXV.

Какъ розовое море разстилался
Надъ головами ихъ небесный сводъ;
Всходившій мѣсяцъ въ волнахъ отражался
И словно выплывалъ изъ лона водъ;
Чуть слышно вѣтеръ съ волнами шептался.
Горя, ихъ взоры встрѣтились—и вотъ,
Въ порывѣ страсти, пламенномъ, могучемъ,
Слилися ихъ уста въ лобзаньи жгучемъ.

CLXXXVI.

Слились въ томъ поцѣлуѣ огневомъ
Пылъ юности, краса и обожанье—
Какъ въ фокусѣ; и отразилось въ немъ
Огня небесъ волшебное сіянье;
Лишь молодость со свѣтомъ и теплом
Плодитъ такія жгучія лобзанья,
Когда какъ лава въ жилахъ льется кровь
И какъ пожаръ горитъ въ груди любовь.

CLXXXVII.

Порывы страсти сдерживать напрасно,
Тѣмъ больше измѣрять. Безъ фразъ пустыхъ
Все для Гайдэ съ Жуаномъ стало ясно,
И ихъ уста слилися въ тотъ же мигъ;
Къ цвѣтамъ не такъ ли пчелы рвутся страстно,
Чтобъ свѣтлый медъ высасывать изъ нихъ?
Но только тутъ сердца цвѣтами были
И для влюбленныхъ медъ любви точили.

CLXXXVIII.

Ихъ не томилъ уединенья гнетъ,
Мучительный для узника. Внимая
Таинственному плеску сонныхъ водъ,
Что̀ въ даль неслись, свѣтила отражая;
Глядя на берегъ, небо, море, гротъ,
Они, другъ друга страстно обнимая,
Весь забывали міръ: жизнь сферъ земныхъ
Казалась имъ заключена лишь въ нихъ.

CLXXXIX.

Ихъ не страшила тьма: враговъ опасныхъ
Пустынный край въ себѣ таить не могъ;
Любовь сжигала ихъ; порывовъ страстныхъ
Былъ выраженьемъ только нѣжный вздохъ,
Что̀ замѣнялъ потокъ рѣчей напрасныхъ;
Любви онъ и оракулъ, и залогъ.
Съ тѣхъ поръ какъ змій разъединилъ насъ съ раемъ,
Мы слаще ничего любви не знаемъ.

CXC.

Гайдэ, святой невинности полна,
Не требовала клятвъ и не давала
Сама обѣтовъ вѣрности. Она
Не вѣдала, что страсть плодитъ не мало
Опасностей. Одной любви вѣрна,
Она, какъ птичка нѣжная, встрѣчала
Любовника, ему отдавшись въ плѣнъ.
Къ чему обѣты, если нѣтъ измѣнъ?

CXCI.

Она любила искренно и нѣжно,
И Донъ-Жуанъ ее боготворилъ;
Когда бы могъ огонь любви мятежной
Сжигать сердца и души—страстный пылъ
Ихъ въ пепелъ превратилъ бы неизбѣжно.
Когда порой ихъ страсть лишала силъ,
Лишь краткій мигъ оцѣпенѣнье длилось—
Одна любовь Гайдэ съ Жуаномъ снилась.

CXCII.

Увы, они такъ были хороши
И молоды! Имъ съ страстною тревогой
Бороться было трудно. Для души
Соблазновъ всевозможныхъ въ свѣтѣ много;
Не трудно заблудиться ей въ глуши,
И въ адъ тогда прямая ей дорога;
Тамъ вмѣстѣ съ злыми будутъ жечь и тѣхъ,
Что̀ ублажали ближнихъ, хо̀ля грѣхъ.

CXCIII.

Имъ вѣчная погибель угрожала,—
Увы!—четы влюбленнѣй и милѣй
Не видѣлъ міръ съ тѣхъ поръ, какъ Ева пала,
Сгубивъ своею жадностью людей;
Гайдэ не разъ о демонахъ слыхала
И вѣчныхъ мукахъ ада; тутъ-то ей
О нихъ со страхомъ надо помнить было—
Она жъ, отдавшись страсти, все забыла.

CXCIV.

Сверкали очи ихъ. Гайдэ рукой
Его держала голову; дыханье
Сливалось ихъ. Покрытъ ея косой,
Жуанъ склонялся къ милой; замиранье
Чету сродняло съ счастьемъ, и порой
Влюбленные лишалися сознанья;
Они, съ античной группою сходны,
Другъ къ другу льнули, трепета полны.

CXCV.

Когда утихли бури сладострастья,
Онъ сладко на груди заснулъ у ней;
Она-жъ, не зная сна, полна участья,
Лелѣяла его рукой своей;
То къ небу взоръ ея влекло отъ счастья,
То, съ милаго не отводя очей,
Она имъ любовалась, утопая
Въ блаженствѣ и границъ ему не зная.

CXCVI.

Ребенокъ, что̀ любуется огнемъ;
Дитя, что̀ спитъ; ханжа, что̀ ждетъ причастья;
Морякъ, что̀ въ битвѣ справился съ врагомъ;
Арабъ, что̀ гостю выразилъ участье;
Скупецъ, что̀ надъ своимъ дрожитъ добромъ,—
Быть можетъ и вкушаютъ сладость счастья,
Но всѣхъ счастливѣй тотъ, кто, упоенъ,
Предмета думъ оберегаетъ сонъ.

CXCVII.

Найдется ль что-нибудь на свѣтѣ краше?
Онъ тихо спитъ, не зная, что даетъ
Другому пить блаженство полной чашей;
Его тревогъ, волненій, думъ, заботъ
Не знаемъ мы, но слита съ жизнью нашей
Вся жизнь его. Сонъ безмятежный тотъ
Со смертью схожъ, но въ немъ лишь дышетъ сладость;
Не ужасъ онъ плодитъ, а только радость.

CXCVIII.

Подъ ропотъ волнъ такъ нѣжно стерегла
Гайдэ Жуана сонъ, покорна власти
Любви, что̀ въ душу ей восторгъ влила;
Убѣжище надежное для страсти
Среди песковъ и скалъ она нашла;
Тамъ не могли имъ угрожать напасти,
И вѣдалъ только звѣздъ дрожащій свѣтъ,
Что ихъ счастливѣй въ мірѣ смертныхъ нѣтъ.

CXCIX.

Любовь для женщинъ—мука и отрада;
Но все жъ игра опасная—любовь:
Со счастьемъ имъ навѣкъ проститься надо,
Когда она измѣнитъ, хмуря бровь;
Вотъ отчего ихъ месть страшнѣе яда
И имъ мила она, какъ тигру кровь;
Вѣдь мука ихъ всегда сильнѣй удара,
Что, мстя, онѣ врагу наносятъ яро.

CC.

Ихъ мстительность понятна и вражда;
Когда же къ нимъ мужчины справедливы?
Съ измѣнами сродняетъ ихъ среда;
Какъ рѣдко бракъ встрѣчается счастливый!
Что жъ ждетъ ихъ впереди? Почти всегда
Неблагодарный мужъ, любовникъ лживый,
Наряды, дѣти, сплетни, ханжество
И кромѣ лжи и скуки—ничего.

CCI.

Однѣ себѣ любовниковъ заводятъ;
Тѣ втихомолку пьютъ; тѣ ѣздятъ въ свѣтъ;
Иныя въ ханжествѣ свой вѣкъ проводятъ;
Другія, не страшась тяжелыхъ бѣдъ,
Себя позоря, отъ мужей уходятъ,
И ужъ потомъ нигдѣ имъ мѣста нѣтъ;
Такія жъ есть, что нарѣзвившись вдоволь,
Романы пишутъ. (Такъ чудить не ново ль?)

CCII.

Родясь въ странѣ, гдѣ солнце жжетъ, какъ страсть,
Гайдэ была чужда приличьямъ свѣта;
Она любви лишь признавала власть,
Ея лучами знойными согрѣта,
И лишь къ тому могла въ объятья пасть,
Кто избранъ ею. Трепетать отвѣта
За страстный пылъ могло ль страстей дитя,
Одни законы сердца только чтя?

CCIII.

Какъ сладки сердца страстныя бѣенья,
Въ причинахъ и въ послѣдствіяхъ своихъ!
Ни совѣсти нѣмыя угрызенья,
Ни мудрость—обуздать не могутъ ихъ;
Такъ драгоцѣнны эти треволненья,
Что я, сознаться надо, не постигъ
Какъ Кэстельри, идя путемъ обычнымъ,
Не обложилъ налогомъ ихъ приличнымъ!

CCIV.

Свершилося! обвѣнчаны они!
Свидѣтелями брака были волны;
Свѣчами—звѣздъ далекіе огни;
Прибрежный лѣсъ, таинственности полный,
Ихъ обвѣнчалъ въ своей густой тѣни;
А брачнымъ ложемъ ихъ былъ гротъ безмолвный.
Весь міръ для нихъ сталъ раемъ, и вдвоемъ,
Какъ ангелы, они носились въ немъ.

CCV.

Любовь! Самъ Цезарь былъ твоимъ клевретомъ,
Рабомъ—Антоній, властелиномъ—Титъ,
Овидій—ментором, Катуллъ—поэтомъ;
Чулкомъ же синимъ—Сафо, что̀ обидъ
Не мало нанесла тебѣ предъ свѣтомъ;
(Ея скала надъ моремъ все виситъ.)
Любовь—богиня зла; ей міръ тревожимъ;
Все жъ дьяволомъ ее назвать не можемъ!

CCVI.

Она, великихъ не щадя людей,
Ихъ лбы не разъ коварно украшала;
Какъ Велисарій,—Цезарь и Помпей
И Магометъ ея узнали жало,
Весь міръ наполнивъ славою своей.
Мы сходства въ ихъ судьбѣ найдемъ не мало:
Всѣ четверо ввергали въ прахъ врага,
Но съ лаврами носили и рога.

CCVII.

Любовью созданъ не одинъ философъ:
И Аристиппъ, и Эпикуръ народъ
Не мало въ грѣхъ вводили, тьму вопросовъ
Поднявъ такихъ, что̀ нравственность клянетъ.
Не бойся люди дѣлать чорту взносовъ—
Успѣшно афоризмъ пошелъ бы въ ходъ:
«Пей, ѣшь, люби! другихъ нѣтъ въ жизни правилъ!»
Ту заповѣдь Сарданапалъ оставилъ.

CCVIII.

Но Джулію ужель могъ позабыть
Такъ скоро Донъ-Жуанъ? Я въ затрудненье
Вопросомъ тѣмъ поставленъ. Вы винить
Во всемъ должны луну, что̀ безъ сомнѣнья
Всегда людей готова въ грѣхъ вводить;
А иначе найти ли объясненье
Тому, что предъ кумиромъ новымъ пасть
Всегда мы рады, прежнихъ свергнувъ власть!

CCIX.

Но я непостоянства врагъ заклятый;
Мнѣ жалки тѣ, что̀ только чтутъ законъ
Своей мечты игривой и крылатой;
Я жъ вѣрности воздвигнулъ въ сердцѣ тронъ,
И лишь ея велѣнія мнѣ святы;
Однако я вчера былъ потрясенъ
Нежданной встрѣчей: обмеръ я отъ взгляда
Миланской феи въ вихрѣ маскарада.

CCX.

Но мудрость мнѣ шепнула: «твердымъ будь!
Измѣну не оставлю безъ протеста»;
Не бойся! молвилъ я; но что̀ за грудь,
Что̀ за глаза! То дама иль невѣста,
Хотѣлось бы узнать мнѣ какъ-нибудь...
На это мудрость молвила: «ни съ мѣста!»
Съ осанкою гречанки прежнихъ дней,
Хоть итальянки былъ костюмъ на ней.

CCXI.

И я ей внялъ. Окончу разсужденье:
То чувство, что̀ невѣрностью зовутъ
Есть только дань восторговъ и хваленья,
Что̀ красотѣ всѣ смертные несутъ,
Къ ней чувствуя невольное влеченье.
Такъ скульптора насъ восхищаетъ трудъ!
Пусть насъ хулятъ—объ этомъ мы не тужимъ:
Служа красѣ, мы идеалу служимъ.

CCXII.

Въ томъ чувствѣ пышетъ неподдѣльный жаръ
Любви къ тому, что̀ чисто и прелестно;
Оно небесъ и звѣздъ волшебный даръ;
Какъ безъ него на свѣтѣ было бъ тѣсно!
Оно полно неотразимыхъ чаръ,
И если плоть, волнуясь неумѣстно,
Порой въ общеньи съ нимъ — причина та,
Что плоть разжечь способна и мечта.

CCXIII.

Невольно чувство то и скоротечно,
Но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ тягостно оно!
О, если бъ все одинъ и тотъ же вѣчно
Любить предметъ намъ было суждено!
Какъ много тратъ и горести сердечной
Могло бы этимъ быть сбережено!
Мы экономій сдѣлали бъ не мало,
И печени, и сердцу легче бъ стало.

CCXIV.

Какъ съ небомъ сердце схоже! Такъ же въ немъ,
Какъ въ небесахъ, порой бушуютъ грозы,
Неся съ собою холодъ, мракъ и громъ.
Въ насъ будятъ страхъ ихъ гнѣвныя угрозы,
А все жъ онѣ кончаются дождемъ:
Такъ и отъ бурь сердечныхъ льются слезы...
(Коснувшись непогоды и дождей,
Я вспомнилъ климатъ родины моей).

CCXV.

Врачъ желчи печень, но она не можетъ
Успѣшно роли выполнить своей:
Страсть первая такъ долго насъ тревожитъ,
Что прочія къ ней льнутъ, какъ кучи змѣй,
И, въ ней кишà, ея страданья множатъ;
Гнѣвъ, зависть, злоба, мщенье ревность — въ ней
Всѣ сплетены. Нѣтъ грани ихъ порывамъ
И взрывъ ихъ схожъ съ землетрясенья взрывомъ.

CCXVI.

Я болѣе двухъ сотъ вамъ далъ октавъ.
И здѣсь кладу перо; мнѣ отдыхъ нуженъ;
Въ поэмѣ будетъ всѣхъ двѣнадцать главъ,
А можетъ быть дойду и до двухъ дюжинъ;
Затѣмъ, поклонъ читателю отдавъ,
Анализы прерву, хоть съ ними друженъ.
Коль за себя успѣшно постоятъ
Жуанъ съ Гайдэ—тому я буду радъ.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

I.

О Муза! и такъ далѣе... съ Жуаномъ
Разстались мы, уснувшимъ на груди
Гайдэ. Любовь сродняетъ насъ съ обманомъ
И много мукъ готовитъ впереди;
Съ ней надо дань платить сердечнымъ ранамъ;
Безъ горестныхъ тревогъ любви не жди!
Она, губя и молодость, и грёзы,
Кровь сердца превращаетъ часто въ слезы.

III.

Лишь тотъ плѣняетъ женщину сначала,
Кто въ ней любовь впервые пробудилъ;
Затѣмъ, когда любовь привычкой стала,
Ей нравится лишь страсти жгучій пылъ;
Она ужъ не стѣсняется ни мало;
Сначала ей одинъ любовникъ милъ,
Потомъ не счесть ея любовныхъ шашенъ:
Ей длинный рядъ любовниковъ не страшенъ!

II.

Любовь! твои обманчивы мечты!
Зачѣмъ въ гирлянды чуднаго убора
Унылый кипарисъ вплетаешь ты,
Одни лишь вздохи, вмѣсто разговора,
Пуская въ ходъ? Душистые цвѣты,
Приколотые къ платью, вянутъ скоро.
Такъ пылъ любви врывается къ намъ въ грудь,
Чтобъ въ ней затѣмъ безслѣдно потонуть.

IV.

Кого винить за горестный исходъ?
Отвѣтить не могу я, но не скрою
Что женщина, любви вкусивши плодъ
(Когда не суждено ей стать ханжею),
Прямымъ путемъ ужъ больше не пойдетъ.
Она сначала дышетъ лишь одною
Любовью, но, съ дороги сбившись разъ,
Не мало натворитъ затѣмъ проказъ.

V.

Вотъ грустный фактъ, что̀ служитъ вѣрнымъ знакомъ
Порочности и слабости людей:
Не въ состояньи страсть ужиться съ бракомъ,
Хоть онъ итти бы долженъ рядомъ съ ней;
Безнравственность весь міръ одѣла мракомъ;
Любовь, какъ только съ нею Гименей,
Теряетъ вкусъ, лишаясь аромата:
Такъ кислый уксусъ былъ виномъ когда-то!

VI.

Противорѣчье явное царитъ
Межъ чувствами, что̀ мы питаемъ къ милой
До брака и потомъ. Мѣняя видъ,
Любовь насъ не волнуетъ съ прежней силой;
И вотъ—обманъ сердечный намъ грозитъ!
Измѣнчивость—законъ любви унылый:
Такъ страсть сулитъ влюбленному успѣхъ,
А проявляясь въ мужѣ—будитъ смѣхъ.

VII.

Нельзя же вѣчно нѣжничать съ женою;
То мужу пріѣдается подчасъ;
Хоть тяжело съ случайностью такою
Встрѣчаться намъ—мечтою вдохновясь,
Нельзя весь вѣкъ плѣняться ей одною.
Межъ тѣмъ лишь смерть освобождаетъ насъ
Отъ брачныхъ узъ. Легко ль терять супругу
И въ трауръ облекать по ней прислугу?

VIII.

Порывовъ страсти чуждъ семейный бытъ.
Поэтъ, любовь описывая ярко,
О радостяхъ супружества молчитъ.
Кого жъ интересуетъ, если жарко
Жену цѣлуетъ мужъ и ей даритъ
Весь пылъ своей любви? Ужель Петрарка
Сонетовъ рядъ Лаурѣ бъ посвятилъ,
Когда бы онъ ея супругомъ былъ?

IX.

Въ трагедіяхъ героевъ ждетъ могила;
Въ комедіяхъ ихъ цѣпи брака ждутъ;
Но продолженье авторамъ не мило:
Они на томъ оканчиваютъ трудъ,
И, чувствуя, что измѣняетъ сила,
Во власть поповъ героевъ отдаютъ;
Грядущее всегда у нихъ во мракѣ:
Они молчатъ о смерти и о бракѣ.

X.

Геенну, рай и прелесть брачныхъ узъ
Лишь двое: Дантъ [1]) и Мильтонъ [2]) воспѣвали;
Но имъ самимъ супружескій союзъ
Пошелъ не въ прокъ: не мало бѣдъ узнали,
Они къ нему свой проявивши вкусъ.
Поэтому наврядъ ли съ женъ писали
Они портреты героинь своихъ.
За это упрекать возможно ль ихъ?

XI.

Иные видятъ въ Беатриче Данта
Эмблему богословья. Этотъ вздоръ,
По моему, лишь вымыселъ педанта,
Что̀ далъ своей фантазіи просторъ.
О фикціи, что̀ силою таланта
Поддерживать нельзя—напрасенъ споръ.
Сказать вѣдь можно (рѣчь идетъ о дичи!)
Что алгебры эмблема—Беатриче.

XII.

Читатель! за героевъ я своихъ
Передъ тобой отвѣтствовать не стану;
Моя ль вина, что въ злополучный мигъ
Гайдэ въ объятья бросилась Жуану?
Когда ты возмущенъ безбрачьемъ ихъ,
Не возвращайся больше къ ихъ роману;
А то пожалуй грѣшная любовь
Моей четы твою взволнуетъ кровь!

---

[1]) Дантъ въ „Аду“ называетъ свою жену: „La fiera moglie“.
[2]) Первая жена Мильтона убѣжала отъ мужа въ первый мѣсяцъ послѣ свадьбы.

XIII.

Согласенъ я, грѣху она служила,
Но утопала въ счастьи. Съ каждымъ днемъ,
Все дѣлаясь смѣлѣй, Гайдэ забыла,
Что счеты свесть придется ей съ отцомъ.
(Любовныхъ чаръ неотразима сила,
Когда въ груди пылаетъ страсть огнемъ!)
Пока пиратъ гонялся за товаромъ,
Гайдэ минуты не теряла даромъ.

XIV.

Хоть для него не писанъ былъ законъ,
Читатели, къ нему не будьте строги!
Его захваты (будь министромъ онъ)
Сошли бы, безъ сомнѣнья, за налоги;
Но не былъ честолюбьемъ увлеченъ
Лихой пиратъ и не искалъ дороги
Къ отличіямъ. Какъ прокуроръ морей,
Онъ хлопоталъ лишь о казнѣ своей.

XV.

Задержанъ въ морѣ былъ старикъ почтенный
Противными вѣтрами; грозный шквалъ
Лишилъ его притомъ добычи цѣнной,
И наверстать убытокъ онъ желалъ.
Съ командою не церемонясь плѣнной,
Всѣхъ жертвъ своихъ онъ въ цѣпи заковалъ,
По нумерамъ ихъ раздѣливъ для сбыта.
(Такъ книга на главы всегда разбита).

XVI.

Онъ выгодно друзьямъ-Майнотамъ сбылъ
Часть груза возлѣ мыса Матапана;
Другую часть тунисскій бей купилъ;
Пиратъ въ своихъ дѣлахъ не зналъ изъяна;
Одинъ старикъ, негодный къ сбыту, былъ
При этомъ сброшенъ въ волны океана;
Кто выкупъ могъ платить—былъ подъ замкомъ;
Другихъ же сбылъ онъ въ Триполи гуртомъ.

XVII.

Не мало на левантскіе базары
Отправилъ онъ награбленныхъ вещей,
Но для себя лишь сохранилъ товары,
Что̀ цѣнны дамамъ: пропасть мелочей,
Наряды, кружева, духи, гитары,
Гребенки, щетки, шпильки, рядъ сластей...
Нѣжнѣйшій изъ отцовъ, окончивъ сдѣлки,
Везъ дочери въ подарокъ тѣ бездѣлки.

XVIII.

Мартышки, обезьяны были тутъ,
Два попугая, кошка и котята.
Корабль давалъ и терьеру пріютъ;
Британцу онъ принадлежалъ когда-то,
Что̀ кончилъ дни въ Итакѣ. Бѣдный людъ,
Кормившій пса изъ жалости, пирата
Имъ наградилъ. Въ одинъ чуланъ звѣрей
Всѣхъ заперъ онъ, чтобъ ихъ сберечь вѣрнѣй.

XIX.

Его корабль сталъ требовать починки,
И потому походъ окончить свой
Рѣшилъ пиратъ. Онъ крейсеровъ на рынки
Далекіе послалъ, а самъ домой
Повезъ свои гостинцы и новинки,
Спѣша къ Гайдэ, что̀ страсти роковой
Въ то время предавалась безразсудно;
Но вотъ и портъ: на якорь стало судно.

XX.

Лихой морякъ былъ высадиться радъ.
Гдѣ нѣтъ ни карантиновъ, ни таможенъ
(Что̀ путника вопросами томятъ),
Тамъ высадки процессъ весьма не сложенъ.
Чинить корабль немедленно пиратъ
Велѣлъ;—такой приказъ былъ неотложенъ,
И тотчасъ стали выгружать тюки,
Балластъ, товары, пушки—моряки.

XXI.

Пиратъ пошелъ знакомою дорогой.
Взойдя на холмъ, въ свой домъ, смутясь душой,
Онъ взоръ вперилъ. Всегда объятъ тревогой
Пришлецъ, что̀ дальній путь кончаетъ свой.
Вѣдь перемѣнъ могло случиться много
Въ отсутствіе его; прійдя домой,
Найдетъ ли милыхъ онъ? и, полонъ муки,
Онъ вспоминаетъ тяжкій мигъ разлуки!

XXII.

Супруга иль отца заботъ не счесть,
Когда домой онъ ѣдетъ издалёка;
Его понятенъ страхъ: семейства честь
Въ рукахъ жены иль дочери (Глубоко
Я женщинъ чту, но имъ противна лесть,
И потому не вижу въ лести прока).
Обманывать жена, порой, не прочь,
И можетъ убѣжать съ лакеемъ дочь!

XXIII.

Не всѣ мужья счастливцами бываютъ,
Какъ Одиссей, вернувшися домой;
Не обо всѣхъ супруги ихъ скучаютъ;
И возвратясь находитъ мужъ иной,
Что онъ забытъ, что въ домѣ выростаютъ
Чужія дѣти отъ *его* жены
И злобно *Аргусъ* рветъ его штаны.

XXIV.

Бываетъ также жертвой холостякъ:
Найти онъ можетъ, что его невѣста
Съ богатымъ старикомъ вступила въ бракъ.
Въ такой бѣдѣ занять супруга мѣсто
Онъ можетъ пожелать, попавъ въ просакъ.
Коварныя измѣны безъ протеста
Порой не оставляютъ женихи,
И «Козни жёнъ» караютъ ихъ стихи.

XXV.

О вы! liaisons имѣющіе въ свѣтѣ,
Бичи мужей, послушайте меня:
(Пусть ширмы бракъ, а крѣпки связи эти)
Отлучекъ, все же, бойтесь, какъ огня;
Хорошаго не мало въ томъ совѣтѣ:
Случается, что васъ въ теченье дня
(Хоть крѣпче узъ не существуетъ въ мірѣ)
Обманываютъ раза по четыре.

XXVI.

Пиратъ Ламбро̀ (такъ назывался онъ),
Увидя вновь знакомыя картины
И дымъ родной трубы, былъ восхищенъ.
Онъ чувствъ своихъ не понималъ причины
И не былъ въ метафизикѣ силенъ,
Но дочь свою любилъ и, полнъ кручины,
Онъ пролилъ бы не мало горькихъ слезъ,
Когда бъ ему разстаться съ ней пришлось.

XXVII.

Свой домъ онъ видѣлъ съ садомъ, полнымъ тѣни;
Вдали журчалъ знакомый ручеекъ;
И лай собакъ былъ слышенъ въ отдаленьи;
Гуляющихъ въ лѣсу онъ видѣть могъ
И блескъ оружья ихъ (Въ вооруженьи,
Гордяся имъ, является Востокъ).
Какъ крылья мотылька, плѣняя взоры,
Одеждъ пестрѣли яркіе узоры.

XXVIII.

Пиратъ, картинкой праздности смущенъ,
Съ высокаго холма спустился шибко;
Не музыку небесъ услышалъ онъ —
О, нѣтъ;—вдали визжала только скрипка.
Старикъ былъ тѣмъ глубоко потрясенъ;
Ужъ не введенъ ли онъ въ обманъ ошибкой?
Чу! громкій хохотъ! вѣрить ли ушамъ?
И барабанъ, и флейты слышны тамъ.

XXIX.

Пиратъ, чтобъ разсмотрѣть, какъ на досугѣ,
Богъ вѣсть съ чего, бѣснуется народъ,
Кусты рукой раздвинулъ и въ испугѣ
Увидѣлъ, что, не двигаясь впередъ,
Какъ дервиши, его вертѣлись слуги,
Собравшись въ оживленный хороводъ.
Пиррійскіе узналъ онъ тотчасъ танцы,
Къ которымъ такъ привержены левантцы.

XXX.

Тамъ дальше во главѣ подругъ своихъ
Платкомъ гречанка юная махала;
Ихъ группа рядъ жемчужинъ дорогихъ,
Въ сплетеніи своемъ, напоминала;
На плечи ниспадали косы ихъ.
Такихъ красивыхъ дѣвъ на свѣтѣ мало!
Одна поетъ; ей вторитъ хоръ подругъ,
Что̀ пляшетъ въ ладъ напѣва, слившись въ кругъ.

XXXI.

За трапезой часть созваннаго люда
Сидѣла, ноги подъ себя поджавъ;
Вино лилось рѣкой; мясныя блюда
Дымилися, и соченъ былъ пилавъ;
Шербетъ въ себя вмѣщала съ льдомъ посуда;
Какихъ тамъ только не было приправъ!
Дессертъ же красовался въ кущахъ сада:
Гранаты, сливы, гроздья винограда.

XXXII.

Съ бараномъ бѣлымъ рой дѣтей игралъ,
Его рога цвѣтами украшая;
Ихъ шумный смѣхъ его не устрашалъ;
Изъ рукъ малютокъ пищу принимая,
Онъ ихъ любилъ и рѣдко наклонялъ
Рога, какъ будто ихъ бодать желая;
Почтенный патріархъ былъ дѣтямъ радъ
И, попугавъ ихъ, отступилъ назадъ.

XXXIII.

Краса ихъ лицъ, нарядъ ихъ пестроватый,
Движеній граціозность, блескъ очей,
Румянецъ, сходный съ пурпуромъ гранаты,
Плѣняли око прелестью своей.
Дни юности невинностью богаты!
Глядя́ на восхитительныхъ дѣтей,
Философъ скрыть своей тоски не можетъ:
Вѣдь время и на нихъ печать положитъ.

XXXIV.

Тамъ занималъ усердно карликъ-шутъ
Курившихъ трубки старцевъ именитыхъ;
Разсказывалъ о силѣ вражьихъ путъ,
О кладахъ, чародѣями зарытыхъ,
О складахъ, гдѣ волшебники живутъ,
О тайнахъ чаръ и вѣдьмахъ знаменитыхъ,
Умѣвшихъ превращать мужей въ скотовъ.
(Такой легендѣ вѣрить я готовъ.)

XXXV.

На островѣ царило оживленье;
Душѣ и тѣлу сладко было тамъ;
Вино и танцы, музыка и пѣнье,
Забавы всевозможныя—гостямъ
Сулили и восторгъ, и упоенье.
Сердился лишь пиратъ, своимъ очамъ
Довѣриться боясь. Онъ былъ скупенекъ,
А пиръ такой не мало стоилъ денегъ!

XXXVI.

Ничтоженъ человѣкъ! Какъ много бѣдъ
Ему грозитъ въ теченье жизни краткой!
Ему весь вѣкъ отъ мукъ спасенья нѣтъ,
А счастья лучъ сіяетъ лишь украдкой;
Съ сиреной схожъ его волшебный свѣтъ:
Чтобъ гибель несть, поетъ сирена сладко!
Пиратъ смутить всѣхъ видомъ могъ своимъ;
Такъ пламя тушатъ войлокомъ сырымъ.

XXXVII.

Онъ словъ своихъ не тратилъ по пустому;
Желая удивить пріѣздомъ дочь,
Нарочно онъ тайкомъ подкрался къ дому
(Всегда онъ отъ сюрпризовъ былъ не прочь,
Но въ морѣ равнозначащъ былъ разгрому
Его сюрпризъ). Ему сдержать не въ мочь
Волненье было. Съ думою тяжелой
Слѣдилъ онъ за компаніей веселой.

XXXVIII.

Незналъ Ламбрò, что слухъ былъ пущенъ въ ходъ
О гибели его. (Какъ люди лживы,
Въ особенности греки!) Развѣ мретъ
Злодѣй, чтò дышетъ кровью и наживой?
По немъ носили трауръ, но чередъ
Насталъ эпохѣ болѣе счастливой;
Гайдэ отерла слезы и дѣла
По своему въ порядокъ привела.

XXXIX.

Вотъ пиршества роскошнаго причина...
Вотъ отчего всѣ ѣли съ мясомъ рисъ,
Веселью предаваясь, и вина
Струею искрометною лились.
Ужъ о пиратѣ не было помина;
Служители—и тѣ перепились,
Но дѣва, пиръ устроивъ пресловутый,
Не отняла у страсти ни минуты.

XL.

Не думайте, однакожъ, что, попавъ
На этотъ пиръ, вспылилъ старикъ суровый,
Жестокости врожденной волю давъ;
Что въ ходъ пустилъ онъ пытки и оковы,
Кровавою расправой тѣша нравъ,
И бросился впередъ, разить готовый,
Доказывая лютостью своей,
Что въ ярости неукротимъ злодѣй.

XLI.

О, нѣтъ—ничуть! Преслѣдуя упрямо
Свой планъ—пиратъ умѣлъ владѣть собой;
Тягаться съ нимъ ни дипломатъ, ни дама
Въ притворствѣ не могли бъ. Кривя душой,
Онъ никогда не мчался къ цѣли прямо.
Какъ жаль, что увлекалъ его разбой!
Въ гостиныя являясь джентельменомъ,
Онъ общества полезнымъ былъ бы членомъ!

XLII.

Онъ подошелъ къ одной изъ группъ кутилъ
И грека, чтò сидѣлъ къ нему спиною,
Съ улыбкою зловѣщею спросилъ
(Коснувшись до плеча его рукою),
Чѣмъ этотъ пиръ богатый вызванъ былъ?
Но грекъ былъ пьянъ и не владѣлъ собою;
Онъ, не узнавъ того, кто рѣчь держалъ,
Виномъ наполнить только могъ бокалъ.

XLIII.

Черезъ плечо и позы не мѣняя,
Ему напитокъ подалъ пьяный грекъ,
Пробормотавъ: «мнѣ болтовня пустая
Не по нутру», и разговоръ пресѣкъ.
— «У насъ теперь хозяйка молодая, —
Сказалъ другой; — нашъ старецъ кончилъ вѣкъ».
— «Онъ умеръ—молвилъ третій,—ну такъ что же?
У насъ теперь хозяинъ есть моложе».

XLIV.

Кутилы тѣ здѣсь были въ первый разъ
И старика не знали. Взоръ суровый
Его сверкнулъ, и буря поднялась
Въ его душѣ, но, наложивъ оковы
На гнѣвъ и равнодушнымъ притворясь,
Онъ ихъ спросилъ съ улыбкой:—«Кто же новый
Хозяинъ вашъ (чтò, глухъ къ чужой бѣдѣ,
Изъ дѣвы въ даму превратилъ Гайдэ)?»

XLV.

— «Откуда онъ и кто—не знаю; мнѣ-то, —
Отвѣтилъ пьяный гость,—не все ль равно?
Да и кого жъ интересуетъ это?
Обѣдъ хорошъ; рѣкой течетъ вино;
О чемъ тужить? но если ты отвѣта
Другого ждешь, тогда ужъ за-одно
Къ сосѣду обратись: въ разсказахъ точенъ,
Все знаетъ онъ и сплетни любитъ очень».

XLVI.

Пиратъ такъ много такта проявилъ,
Такъ сдержанности много и терпѣнья,
Что онъ француза бъ даже удивилъ.
(А кто съ французомъ выдержитъ сравненье
Въ учтивости!) Хоть гнѣвъ его душилъ,
Хоть грудь его рвалася отъ мученья —
Онъ молча снесъ насмѣшки слугъ своихъ,
А вѣдь его жъ добромъ кормили ихъ!

XLVII.

Кого не удивитъ, что въ состояньи
Порывы гнѣва сдерживать и тотъ,
Кто властвовать привыкъ, чьи приказанья—
Законы, кто пустить и пытки въ ходъ,
И казни можетъ, чуждый состраданья?
Кто чуду объясненіе найдетъ?
Но человѣкъ, который такъ спокоенъ
И твердъ душой, какъ Гвельфъ, вѣнца достоинъ.

XLVIII.

Ламбрò бывалъ порою дикъ и яръ;
Но въ случаяхъ серьезныхъ съ гнѣвнымъ нравомъ
Умѣлъ справляться бѣшеный корсаръ
И, сходный съ притаившимся удавомъ,
Безмолвно наносилъ врагу ударъ.
Молчалъ зловѣще онъ, къ дѣламъ кровавымъ
Готовясь. Разомъ онъ кончалъ съ врагомъ,
Въ ударѣ не нуждаяся второмъ.

XLIX.

Разспросы онъ дальнѣйшіе оставилъ
И къ дому своему, тоской объятъ,
Тропинкой потайною путь направилъ.
Никѣмъ въ пути не узнанъ былъ пиратъ.
Любя Гайдэ, быть можетъ мало ставилъ
Онъ ей въ вину поступковъ странныхъ рядъ,
Но могъ ли онъ мириться съ мыслью тою,
Что праздникъ трауръ замѣнялъ собою!

L.

Когда бъ прервали мертвыхъ вѣчный сонъ
(Храни насъ Богъ отъ этого явленья!)
И воскресили бъ вдругъ мужей и женъ,
Нашедшихъ отъ тревогъ успокоенье —
Такой бы поднялся и плачъ, и стонъ,
Какихъ не видѣлъ свѣтъ! Ихъ воскресенье
Не меньше слезъ бы вызвало, чѣмъ день,
Когда укрыла ихъ могилы сѣнь!

LI.

Онъ въ домъ вошелъ, но въ домъ ему постылый;
Чужимъ ему казалося все тамъ;
Отраднѣй слышать смерти зовъ унылый,
Чѣмъ пережить такую муку намъ!
Увидѣть свой очагъ, что̀ сталъ могилой,
Сказать «прости!» надеждамъ и мечтамъ
Возможно ли безъ трепета и боли?
Бобыль спасенъ отъ этой горькой доли!

LII.

Онъ этотъ домъ своимъ считать не могъ:
Гдѣ любятъ насъ—лишь тамъ очагъ родимый!
Не встрѣченный никѣмъ, онъ свой порогъ
Переступилъ и, горестью томимый,
Увидѣлъ, что онъ въ мірѣ одинокъ!
Здѣсь, прежде, возлѣ дочери любимой,
Любуясь ей, онъ воскресалъ душой
И послѣ сѣчъ и бурь вкушалъ покой.

LIII.

Онъ человѣкъ былъ страннаго закала:
Манерами пріятенъ, нравомъ лютъ,
Во всемъ умѣренъ—ѣлъ и пилъ онъ мало;
Въ несчастьи твердъ, любилъ борьбу и трудъ
И благородство въ немъ порой дышало.
Онъ спасся бъ, можетъ быть, отъ вражьихъ путъ
Въ другой странѣ; но, проклиная долю
Раба, другимъ онъ сталъ сулить неволю.

LIV.

Такимъ онъ сталъ, страстямъ отдавшись въ плѣнъ;
Гоняяся за властью и наживой;
Состарѣвшись средь бурь и мрачныхъ сценъ;
Всегда къ борьбѣ стремясь нетерпѣливо;
Не мало перенесъ онъ злыхъ измѣнъ
И тяжкихъ бѣдъ, идя кровавой нивой!
Пиратъ былъ вѣрнымъ другомъ, но какъ врагъ
Въ противникахъ будилъ, являясь, страхъ.

LV.

Геройскій духъ, что̀ Грецію прославилъ
Въ давно былые годы, въ немъ горѣлъ;
Тотъ духъ, что̀ смѣлыхъ выходцевъ направилъ
Въ Колхиду, имъ безсмертье давъ въ удѣлъ;
Но блескъ былой преданья лишь оставилъ.
Пиратъ же бредилъ славой громкихъ дѣлъ
И мстилъ за униженіе отчизны,
Кровавыя по ней свершая тризны.

LVI.

Изящества и мягкости печать
Клалъ на него роскошный климатъ юга;
Артистъ въ душѣ, онъ музыкѣ внимать
Иль пѣнью волнъ любилъ въ часы досуга;
Любилъ красу природы созерцать,
Въ ней видя и наставника, и друга;
Ея покой его душѣ былъ милъ:
Онъ охлаждалъ ея мятежный пылъ.

LVII.

Но только страстью къ дочери согрѣта
Была душа пирата. Только дочь
Его смягчала сердце, волны свѣта
Бросая въ душу, черную, какъ ночь.
Въ немъ было свято только чувство это;
О! еслибы оно умчалось прочь —
Онъ превратился бъ, ни во что не вѣря,
Въ Циклопа разъяреннаго иль звѣря.

LVIII.

Тигрица, что̀ лишилася дѣтей,
Для пастуховъ ужасна и для стада;
Опасенъ океанъ для кораблей,
Когда близъ скалъ бушуетъ волнъ громада;
Но утихаетъ ярость ихъ скорѣй,
Чѣмъ сердца злая скорбь. Чужда пощада
Объятіямъ ея; ей нѣтъ конца;
А съ чѣмъ сравнить нѣмую скорбь отца!

LIX.

Какъ грустно на дѣтей терять вліянье!
Намъ рисовали прошлое они,
Вмѣстивъ въ себѣ всѣ наши упованья.
Когда жъ во мракѣ гаснутъ наши дни,
Насъ покидаютъ милыя созданья;
Но все жъ мы остаемся не одни,
А въ обществѣ терзающихъ насъ яро
Подагры, ревматизма иль катарра!

LX.

Все жъ жизнь въ семьѣ отрадна (если въ ней
Не донимаютъ дѣти пискотнею);
Прелестна мать, вскормившая дѣтей,
(Коль отъ того не высохла). Толпою
Къ ней дѣти нѣжно льнутъ. (Вкругъ алтарей
Такъ ангелы тѣснятся). Мать съ семьею—
Какъ золотой средь мелочи блеститъ.
Растрогаетъ и грѣшника тотъ видъ!

LXI.

Алѣлъ закатъ, когда, трясясь отъ злости,
Пиратъ вошелъ въ свой опустѣлый домъ;
Въ то время пировали сладко гости;
Жуанъ съ Гайдэ сидѣли за столомъ,
Украшеннымъ рѣзьбой изъ цѣнной кости;
Рабы сновали съ блюдами кругомъ;
Роскошный столъ посуда украшала
Изъ перламутра, золота, коралла.

LXII.

На пирѣ красовалось до ста блюдъ:
Съ фисташками ягненокъ, супъ шафранный,
Рядъ рѣдкихъ рыбъ, что̀ сибариты чтутъ;
Напитки подавались безпрестанно;
(Ихъ перечесть не легкій былъ бы трудъ)!
Являлись и шербетъ благоуханный,
И соки фруктъ. (Для вкуса, тамъ всегда
Чрезъ корку выжимаютъ сокъ плода).

LXIII.

Блестѣлъ хрусталь граненый, взоръ плѣняя;
Десертъ всю роскошь края проявилъ;
Душистый мокка, въ чашкахъ изъ Китая,
Дымясь, благоуханье сладко лилъ.
(Вкругъ чашекъ филиграна золотая
Спасала отъ обжоговъ). Кофе былъ
Съ шафраномъ сваренъ, съ мускусомъ, съ гвоздикой...
(По моему, такъ портить кофе дико)!

LXIV.

Окаймлены бордюромъ дорогимъ,
Вдоль стѣнъ висѣли бархатныя ткани;
Шелками были вышиты по нимъ
Цвѣты различныхъ видовъ и названій,
А на бордюрахъ шелкомъ голубымъ
По фону золотому—рядъ воззваній,
Сентенцій и излюбленныхъ стиховъ
Персидскихъ моралистовъ и пѣвцовъ.

LXV.

Тѣ надписи—особенность Востока.
Онѣ должны доказывать гостямъ
Тщету суетъ. Такъ, въ древности глубокой
Въ Мемфисѣ прибѣгали къ черепамъ,
Чтобъ украшать пиры; такъ, гласъ пророка
Встревожилъ Вальтасара; только намъ
Не йдутъ въ прокъ совѣты моралистовъ,
Такъ къ суетѣ порывъ людей неистовъ.

LXVI.

Красавица въ чахоткѣ; человѣкъ
Съ талантомъ, ставшій пьяницей! Кутила,
Который въ ханжествѣ кончаетъ вѣкъ;
(Ханжѣ названье методиста мило).
Ударъ, что̀ альдермэна дни пресѣкъ,—
Все это намъ доказываетъ съ силой,
Что бдѣнья, страсть къ вину и рядъ проказъ
Не менѣе обжорства губятъ насъ.

LXVII.

Жуанъ съ Гайдэ сидѣли на диванѣ,
Что̀ занималъ три части залы той.
Подъ ихъ ногами былъ изъ цѣнной ткани
Коверъ пунцовый съ синею каймой.
Дискъ солнечный горѣлъ на первомъ планѣ
Среди софы. Искусною рукой
Онъ на подушкѣ вышитъ былъ красивой.
Ей даже тронъ украсить бы могли вы.

LXVIII.

Фарфоръ, посуда, мраморъ и хрусталь
Являлись средь роскошной обстановки;
Персидскіе ковры, что̀ было жаль
Ногою мять; индѣйскія цыновки;
Тамъ были негры, карлики (та шваль,
Что добываетъ хлѣбъ черезъ уловки
И униженье), серны и коты;
Тамъ былъ базаръ иль рынокъ суеты.

LXIX.

Повсюду зеркала плѣняли взоры;
Столы, гдѣ инкрустацій дорогихъ
Пестрѣли многодѣльные узоры
Изъ перламутра, кости и другихъ
Богатыхъ матерьяловъ. Были горы
И винъ, и яствъ навалены на нихъ,
Чтобъ каждый гость имѣлъ обѣдъ готовый,
Когда бъ ни появился онъ въ столовой.

LXX.

Я опишу костюмъ Гайдэ одной:
Въ двухъ *джеликàхъ* была пирата дочка:
Одинъ былъ ярко-желтый, а другой
Пунцовый съ золотою оторочкой,
Съ жемчужными запястьями; волной,
Подъ легкой полосатою сорочкой
Вздымалась грудь ея, а чудный станъ
Такъ газъ скрывалъ, какъ свѣтъ луны — туманъ.

LXXI.

Ей кисти рукъ прелестныхъ обвивали
Широкіе браслеты безъ замковъ;
Нуждаться въ нихъ они могли едва ли:
Такъ гибокъ былъ металлъ, что онъ готовъ
Былъ всѣмъ движеньямъ вторить. Не спадали
Тѣ украшенья съ рукъ; о томъ нѣтъ словъ,
Что никогда нѣжнѣе кожи этой
Не видывали цѣнные браслеты!

LXXII.

Такіе жъ замѣчалися у ней
Браслеты на ногахъ. (То выражало
Достоинства и званье). Рядъ перстней
На пальцахъ красовался и сверкала
Въ ея кудряхъ парюра изъ камней;
Прикалывалъ къ одеждѣ покрывало
Аграфъ жемчужный, моря цѣнный даръ.
Оранжевый былъ цвѣтъ ея шальваръ.

LXXIII.

Какъ водопадъ альпійскій въ часъ восхода,
До пятъ катилась яркою волной
Ея коса; будь ей дана свобода —
Она все тѣло дѣвы молодой
Прикрыла бы; ища себѣ прохода,
Рвалися кудри изъ тюрьмы глухой
И развѣвались словно опахало,
Когда дыханье вѣтра ихъ ласкало.

LXXIV.

Предъ нею молкла ложь и клевета;
Гайдэ, какъ благодѣтельная фея,
Лила и жизнь, и свѣтъ, сама чиста,
Какъ до паденья юная Психея.
Ей всякая порочная мечта
Была чужда. Предъ ней благоговѣя,
Никто не могъ сводить съ нея очей,
Но идола никто не видѣлъ въ ней.

LXXV.

У ней чернѣе ночи были брови,
Подъ слоемъ угля. (Краска въ краѣ томъ —
Одно изъ непремѣннѣйшихъ условій
Для красоты). Глаза жъ Гайдэ огнемъ
Горѣли безъ того. Ногтямъ цвѣтъ крови
Давала генна, портя ихъ притомъ:
Такъ розовъ былъ ея красивый ноготь,
Что краскою его не слѣдъ бы трогать!

LXXVI.

Чтобъ выступила кожи бѣлизна,
Не мало надо класть на ногти генны;
Гайдэ въ томъ не нуждалася: она
Тягаться съ бѣлизною несравненной
Снѣговъ вершинъ могла. Видѣньемъ сна
Казался ликъ ея благословенный.
Шекспиръ сказалъ: безсмысленно бѣлить
Лилею иль червонецъ золотить!

LXXVII.

Такъ былъ прозраченъ плащъ Жуана бѣлый,
Что блескъ камней сквозь складки проходилъ;
Они подъ нимъ сверкали то и дѣло
(Такъ сквозь туманъ мерцаетъ лучъ свѣтилъ);
Запястье изумрудное блестѣло
Среди его чалмы; къ ней также былъ
Прицѣпленъ рогъ луны; на темной ткани
Жегъ очи блескъ его алмазной грани.

LXXVIII.

Ихъ забавлялъ танцовщицъ легкій рой;
Смѣшили карлы, негры, лицедѣи;
Тутъ былъ поэтъ, прославленный молвой,
Что̀ въ деньги обращалъ свои идеи,
Онъ, по заказу, то сатирой злой
Гремѣлъ, то льстилъ властямъ, стихомъ владѣя,
И былъ изъ тѣхъ, какъ говоритъ псаломъ,
Что̀ тужатъ о мамонѣ лишь своёмъ.

LXXIX.

Онъ, вопреки обычаю, сурово
Прошедшее хулилъ и восхвалялъ,
Чтя выгоду свою, лишь то, что̀ ново;
Онъ даромъ и строки бъ не написалъ;
Поэтъ въ былые дни громилъ оковы,
Теперь же, округляя капиталъ,
Встрѣчалъ султана громкою хвалою,
Какъ Сѐути или Крэшо чистъ душою.

LXXX.

Съ магнитной стрѣлкой схожъ, онъ безъ труда
Мѣнялъ свой путь, не мало бѣдъ извѣдавъ;
Вертлява и полярная звѣзда
Была поэта. Горькаго отвѣдавъ,
Лишь къ сладкому онъ льнулъ: острилъ всегда
(За исключеньемъ дней дурныхъ обѣдовъ)
И съ жаромъ лгалъ, играя роль льстеца.
Вотъ идеалъ придворнаго пѣвца!

LXXXI.

Онъ былъ уменъ, а, пыль въ глаза бросая,
Всегда умѣетъ умный ренегатъ
Просунуться впередъ; преградъ не зная
Какъ Vates irritabilis, онъ радъ
Встрѣчать хвалу. (И не плутàмъ такая
Присуща страсть!) Но оглянусь назадъ;
Описывалъ влюбленныхъ я забавы
И дальнихъ мѣстъ обычаи и нравы.

LXXXII.

Поэтъ, при всёй вертлявости своей,
Въ компаніи веселой былъ пріятенъ,
Плѣняя остроуміемъ людей;
Хотя на нёмъ не мало было пятенъ,
Его любили всѣ; его жъ рѣчей
Порою смыслъ былъ вовсе непонятенъ;
Но тотъ, кого молва превознесла,
Не знаетъ самъ, за что ему хвала.

LXXXIII.

И принятъ, и обласканъ высшимъ кругомъ,
Предъ властью онъ склонялъ теперь главу;
А прежде былъ свободы лучшимъ другомъ,
Но заглушать старался ту молву,
Оглядывая прошлое съ испугомъ.
Однако на пустынномъ острову
Онъ ложь откинулъ прочь и, льстя народу,
По прежнему сталъ воспѣвать свободу.

LXXXIV.

Ему пришлось не мало изучить
Людей и націй; вѣчно лицемѣренъ,
Онъ всякому былъ мастеръ угодить;
Всегда, вездѣ онъ правилу былъ вѣренъ,
«Что въ Римѣ надо римляниномъ быть».
Для барда не былъ трудъ такой потерянъ,
Онъ лепты получалъ со всѣхъ сторонъ;
Такихъ же правилъ тутъ держался онъ.

LXXXV.

Благодаря натурѣ даровитой,
Искусная велася имъ игра:
«God save the king!» онъ сталъ бы пѣть у бритта,
Пріѣхавъ-же къ французу: «Ça ira!»
Ища товару выгоднаго сбыта,
Онъ то хвалилъ сегодня, что̀ вчера
Громилъ нещадно. Пѣлъ же Пиндаръ скачки:
Такъ могъ и нашъ поэтъ быть съ лестью въ стачкѣ.

LXXXVI.

Во Франціи, веселымъ удальцомъ,
Онъ воспѣвалъ бы въ пѣсенкахъ свободу;
У насъ онъ накропалъ бы толстый томъ
Стиховъ тяжелыхъ публикѣ въ угоду;
У нѣмцевъ бралъ бы Гёте образцомъ;
Въ Испаніи онъ сочинилъ бы оду;
Въ Италіи его плѣнялъ бы Дантъ,
А здѣсь онъ такъ свой проявлялъ талантъ:

1.

Привѣтъ острова̀мъ той священной земли,
Гдѣ Сафо любила; гдѣ сладко ей пѣлось;
Гдѣ, свѣтъ удивляя, искусства цвѣли;
Гдѣ Фебъ родился и воздвигнулся Дѣлосъ!
Васъ солнце, какъ прежде, лучомъ золотитъ,
Но, въ мракъ погрузившись, все прочее спитъ.

2.

Теосская муза [1]) и пѣсни слѣпца
Хіосскаго [2]) стали для міра усладой;
Здѣсь только всё мёртво; и арѳа пѣвца,
И лютня героя забыты Элладой;
Тѣ дивныя пѣсни звучатъ для другихъ;
Моя лишь отчизна не вѣдаетъ ихъ!

3.

Виднѣется съ горныхъ вершинъ Мараѳонъ,
А онъ созерцаетъ лазурныя воды...
Не разъ здѣсь стоялъ я, мечтой упоенъ,
Что Грецiя снова добьётся свободы;
Я, персовъ гроба попирая ногой,
Не въ силахъ мириться былъ съ рабской судьбой!

4.

Когда-то владыка далёкой земли
Сидѣлъ на вершинѣ скалы Саламинской;
Съ нея созерцалъ онъ свои корабли,
Любуяся ратью своей исполинской;
Зарёю свои корабли онъ считалъ —
Съ лучами заката и слѣдъ ихъ пропалъ!

5.

Что́ сталося съ ними? Что̀ сталось съ тобой,
Эллада родная? Умолкли напѣвы
Отважныхъ героевъ, стремившихся въ бой...
Герои отчизны откликнитесь: гдѣ вы?
Ужель неумѣлой рукой дерзну
Божественной лиры я тронуть струну?

6.

Отрадно и то, что средь звона оковъ
Не въ силахъ мириться я съ рабской долей...
Мнѣ больно и стыдно глядѣть на рабовъ;
Геройскаго духа не видно въ нихъ болѣ;
Поэтъ! не пробудишь ихъ лирой своей:
О Греціи плача, за грековъ краснѣй!

7.

Но краска стыда, но слеза или вздохъ
Помогутъ ли? Предки борьбою кровавой
Спасались отъ бѣдъ. О, могила! хоть трёхъ
Верни намъ спартанцевъ, увѣнчанныхъ славой,—
И, полны надеждъ, вдохновенья и силъ
Сроднимся мы съ громомъ другихъ Ѳермопилъ!

8.

Воззванье напрасно! Кругомъ всѣ молчатъ...
Отвѣтствуютъ только исчадья могилы!
Ихъ голосъ ревётъ, какъ вдали водопадъ;
«Пускай хоть одинъ съ пробудившейся силой
«Возстанетъ—и всѣ мы на помощь прійдемъ!»
Молчатъ только греки, объятые сномъ...

---

[1]) Анакреонъ.
[2]) Гомеръ.

9.

Къ другимъ обратиться я долженъ струнамъ...
Наполните кубокъ самосскою влагой!
Оставимъ сраженья турецкимъ ордамъ;
Намъ кровь винограда замѣнитъ всѣ блага...
О, Боже! весь край отозваться готовъ
На этотъ безславный, вакхическій зовъ!

10.

Хоть танцы пиррійскіе сладостны вамъ,
Фаланги пиррійской ужъ нѣтъ знаменитой!
Пустое занятье отрадно рабамъ,
А лучшее ими позорно забыто; —
Вамъ нѣкогда Кадмъ письмена подарилъ.
Ужель для рабовъ онъ трудился и жилъ?

11.

Наполните кубки самосскимъ виномъ!
Оно вамъ замѣнитъ свободы утрату;
Оно воспѣвалось теосскимъ пѣвцомъ,
Который тирану служилъ Поликрату;
Въ тѣ дни передъ властью дрожалъ человѣкъ,
Но срама не вѣдалъ: тираномъ былъ грекъ.

12.

Тиранъ Херсонеса, герой Мильтіадъ,
Былъ другомъ храбрѣйшимъ и лучшимъ свободы;
Такому владыкѣ, кто не былъ бы радъ?
Къ героямъ навстрѣчу несутся народы!
Пускай заковалъ бы онъ въ цѣпи людей —
Такихъ не срываютъ народы цѣпей!

13.

Наполните кубки самосскимъ виномъ!
На Паргскомъ прибрежьѣ, на скалахъ Сулій-
скихъ
Не вымерли люди, что борются со зломъ;
Ихъ матери—жёны героевъ дорійскихъ;
Въ нихъ льется священная кровь Гераклидъ:
Они не снесутъ, безъ отмщенья, обидъ!

14.

Надежда на галла васъ грѣютъ лучи;
Но онъ обнажитъ ли продажную шпагу?
Надѣйтеся только на ваши мечи;
Надѣйтеся только на вашу отвагу;
Латинскія плутни и мощь мусульманъ
Откроютъ вамъ тайны мучительныхъ ранъ.

15.

Самосскую влагу мнѣ въ кубокъ налей;
Въ тѣни безмятежно танцуютъ гречанки;
Любуюсь я блескомъ ихъ черныхъ очей
И граціей дивной ихъ гордой осанки;
Увы!—неутѣшно я плакать готовъ
При мысли, что вскормятъ онѣ лишь рабовъ.

16.

Меня отведите къ Сулійскимъ скаламъ!
Тамъ, глядя на волны, я выплачу горе;—
И съ пѣснью, какъ лебедь, скончаюся тамъ—
Свидѣтелемъ будетъ лишь бурное море!
Въ отчизнѣ могу ль оставаться рабомъ?
Разбейте мой кубокъ съ саммосскимъ виномъ!

Такъ долженъ пѣть, патріотизмомъ грѣемъ,
Въ эпоху скорби греческій поэтъ;
Конечно, не сравню его съ Орфеемъ;
Въ его стихахъ все жъ виденъ чувства слѣдъ,
А доля чувства жизнь даетъ идеямъ,
Волненіемъ охвачивая свѣтъ!
Какъ лгутъ пѣвцы: они какой угодно
Малюютъ краской, съ малярами сходно!

LXXXVIII.

Но въ словѣ—мощь, когда его изрекъ
Великій мужъ! Чернила—мысли сѣмя,
Звено, что̀ сочетаетъ съ вѣкомъ вѣкъ,
И не тягчитъ годовъ бѣгущихъ бремя.
Какъ жалокъ и ничтоженъ человѣкъ!
Его дѣла, гробницу губитъ время,
А писанная геніемъ строка
Переживаетъ царства и вѣка!

LXXXIX.

Когда жъ истлѣетъ онъ въ своей гробницѣ,
Да и она безвѣстно пропадетъ;
Когда въ хронологической таблицѣ
Оставитъ только слѣдъ его народъ, —
Пергамента поблекшія страницы
Иль надпись, что̀ случайно міръ найдетъ,
Былое воскрешаютъ, и предъ міромъ
Забытый геній вновь блеститъ кумиромъ.

XC.

Надъ славою смѣется моралистъ;
Она мечта, шумъ вѣтра, плескъ прибоя;
Ее плодитъ историкъ, что̀ рѣчистъ,
Совсѣмъ не подвигъ доблестный героя.
Такъ мистеръ Гдэль обезсмертилъ вистъ;
Такъ славою Гомера дышетъ Троя!
Почти совсѣмъ забытъ ужъ Мальбро былъ,
Но Коксъ его сказаньемъ воскресилъ.

XCI.

Хоть Мильтона стихи тяжеловаты,
Въ главѣ поэтовъ нашихъ онъ стоялъ;
Почтенный мужъ, познаньями богатый,
Былъ независимъ, вѣрилъ въ идеалъ
И не терпѣлъ ни козней, ни разврата;
Но Джонсонъ жизнь его намъ описалъ,
И свѣтъ узналъ, что домъ держалъ онъ туго,
И что его покинула супруга.

XCII.

Такимъ путемъ узналъ не мало міръ
Курьезныхъ фактовъ: Цезаря и Тита
Продѣлки; что оленей кралъ Шекспиръ;
Что славный Бэконъ взятки бралъ открыто;
Что Бернсъ кутилъ, любя веселый пиръ;
Все это, можетъ быть, путемъ добыто
Изслѣдованій точныхъ, но по мнѣ
Такія сплетни лишнія вполнѣ.

XCIII.

Не всѣ же моралисты съ Соути сходны,
Что̀ *Пантизократію* написалъ;
Какъ Вордсворту не всѣмъ измѣны сродны
(На жалованьи прежній либералъ!),
Не всѣ кадятъ двору въ газетѣ модной,
Какъ Кольриджъ, что клевретомъ знати сталъ!
(Ни онъ, ни Соути не были льстецами
Въ эпоху свадьбъ ихъ съ батскими швеями).

XCIV.

Ботани-бей моральный имъ создать
Теперь легко: ихъ имена позорны;
Біографу работу можетъ дать
Сказаніе о ихъ измѣнѣ черной.
Ахъ, кстати! Вордсвортъ томъ пустилъ въ печать;
Такой поэмы жалкой и снотворной
Доселѣ не видалъ я: что за слогъ!
Ее никакъ осилить я не могъ.

XCV.

Темна его поэма и убога;
Наврядъ ли онъ читателей найдетъ!
Такъ нѣкогда сектантовъ было много,
Что вѣрили въ пророчицу Суткотъ
И ждали отъ нея рожденья бога;
Но отшатнулся отъ нея народъ:
Не божество сроднялось съ старой дѣвой:
Лишь водяная ей вздымала чрево!

XCVI.

Покаюсь въ томъ: мнѣ болтовня мила;
И здѣсь, и тамъ моя мечта порхаетъ,
Въ поэмѣ отступленьямъ нѣтъ числа,
И Муза о герояхъ забываетъ.
Не такъ ли тронной рѣчью всѣ дѣла
До сессіи грядущей отлагаетъ
Король? Не такъ ли, Музою согрѣтъ,
За мыслью Аріосто гнался вслѣдъ?

XCVII.

У насъ не существуетъ выраженья:
Longueurs. (Такъ у французовъ говорятъ).
Но вещь сама — обычное явленье;
Примѣръ: созданій Соути длинный рядъ.
Когда полны *longueurs* стихотворенья,
Читатель, вѣроятно, имъ не радъ,
Но доказательствъ пропасть мы имѣемъ,
Что свойственна снотворность эпопеямъ.

XCVIII.

«Гомеръ»—гласитъ Горацій—«спалъ порой» [1]).
Но Водсвортъ бдитъ, и съ Музою своею
Насъ водитъ вкругъ озеръ. Его герой—
Возница. Совершая одиссею,
Сначала онъ плѣняется «ладьей»;
Не по морю, по воздуху онъ съ нею
Желаетъ плыть; затѣмъ беретъ онъ челнъ;
Слюня жъ поэта роль играетъ волнъ.

XCIX.

Когда его гнететъ желанья бремя
Свершить, паря, по воздуху полетъ,
А слабъ его Пегасъ—что жъ онъ на время
Дракона у Медеи не займетъ?
Но сѣдока, что потеряетъ стремя
(А онъ плохой сѣдокъ!), погибель ждетъ.
Такъ что жъ, любя небесныя дороги,
Въ воздушный шаръ не сядетъ бардъ убогій?

C.

О, Попе, Драйденъ! жалкіе пѣвцы
(Поэзіи и смысла Джэки Кэды [2])
Срываютъ съ васъ лавровые вѣнцы,
Свои пустыя празднуя побѣды;
Поэзіи великіе отцы!
Пигмеи васъ клеймятъ. Такія бѣды
Легко ль переносить? Архитофель [3]),
Съ дороги прочь!—У насъ есть Питеръ Бэль! [4]).

CI.

Но къ дѣлу.—Вотъ оконченъ пиръ богатый;
Альмеи, карлы скрылися толпой;
Умолкъ поэтъ; молчаньемъ все объято;
Не тѣшитъ слухъ арабскихъ сказокъ рой;
Влюбленные—одни; лучомъ заката
Любуются они въ тиши ночной...
Ave Maria! сладокъ и спокоенъ
Твой часъ волшебный; онъ тебя достоинъ!

CII.

Благословенъ тотъ часъ, когда заря
Бросаетъ, угасая, лучъ прощальный
И раздается, миръ душѣ даря,
Вечерній звонъ на колокольнѣ дальней;
Когда звучитъ въ стѣнахъ монастыря
Молитвенныхъ напѣвовъ гласъ печальный,
И въ розовомъ сіяніи небесъ —
Хоть тихо все — молитвѣ вторитъ лѣсъ!

CIII.

Ave Maria! свѣтлый часъ моленья!
Ave Maria! сладкій часъ любви!
Пролей на насъ свое благословенье
И къ Сыну своему насъ призови!
Я созерцаю, полный умиленья,
Твой ликъ; глаза склоненные Твои!
Ужель нѣмой картинѣ жизнь я придалъ?
Нѣтъ! предо мной дѣйствительность—не идолъ.

---

[1]) Aliquando bonus dormitat Homerus.
[2]) Джэкъ Кэдъ—крайне грубый бунтовщикъ; дѣйствующее лицо въ „Генрихѣ VI“ Шекспира.
[3]) Архитофель — герой сатирической поэмы Драйдена.
[4]) „Питеръ Бэль“ — поэма Вордсворта.

CIV.

Безбожникъ я — вотъ грозный приговоръ
Ханжей, что на меня взираютъ строго;
Но имъ со мною выдержать ли споръ?
Прямѣе къ небесамъ моя дорога;
Мнѣ алтарями служатъ: выси горъ,
Свѣтила, море, твердь—созданья Бога,
Чтò человѣка надѣлилъ душой,
И душу ту опять сольетъ съ Собой.

CV.

Какъ часто лучъ зари благословенный
Средь рощь зеленыхъ пиннъ я созерцалъ
Въ окрестностяхъ плѣнительныхъ Равенны,
Гдѣ нѣкогда шумѣлъ Адрійскій валъ
И вѣчною угрозой для вселенной
Оплотъ послѣдній цезарей стоялъ;
Мнѣ милъ тотъ лѣсъ, всегда листвой одѣтый,
Бокачіо и Драйденомъ воспѣтый!

CVI.

Безмолвныхъ рощъ былъ тихъ и сладокъ сонъ;
Цикадъ лишь раздавалось стрекотанье;
Мой конь храпѣлъ, да колокола звонъ,
Сквозь листья доносясь, будилъ молчанье.
Во тьмѣ ко мнѣ неслись со всѣхъ сторонъ
Моей мечты игривыя созданья:
Охотникъ-призракъ съ стаею своей
И свѣтлая толпа воздушныхъ фей.

CVII.

О, Гесперъ! сколько ты несешь отрады!
Усталымъ—отдыхъ; тѣмъ, что ѣсть хотятъ,
Желанный ужинъ; птичкамъ, въ часъ прохлады,
Пріютъ гнѣзда; воловъ ведешь назадъ
Въ покойный хлѣвъ; все то, чему мы рады,
Чѣмъ нашъ очагъ и свѣтелъ, и богатъ,
Приносишь ты. Всѣхъ тѣша, безъ изъятья,
Дитя, ведешь ты къ матери въ объятья.

CVIII.

Въ тотъ свѣтлый часъ, душою умиленъ,
Пловецъ клянетъ тяжелый гнетъ разлуки
И вспоминаетъ милыхъ сердцу онъ;
Съ любовью простираетъ къ небу руки
Усталый путникъ, слыша дальній звонъ;
О днѣ, чтò гаснетъ, плачутъ эти звуки!
Мнѣ кажется, что кто бъ ни кончилъ путь,
А ужъ о немъ льетъ слезы кто-нибудь.

CIX.

Когда Неронъ погибъ по волѣ рока,
И, чествуя свободу, ликовалъ
Спасенный Римъ; когда среди потока
Проклятій и хуленій Цезарь палъ,
Какой-то другъ, скрываясь въ тьмѣ глубокой,
Цвѣтами склепъ злодѣя осыпалъ.
Быть можетъ, проявилося на тронѣ
Къ кому-нибудь участье и въ Неронѣ!

CX.

Опять прямой мнѣ измѣняетъ путь,
И я побрелъ окольною дорожкой;
Имѣютъ ли съ Нерономъ что-нибудь
Мои герои общаго! Немножко
Я утомленъ; пора и отдохнуть;
Не сдѣлался ль я «деревянной ложкой»
Поэзіи? (Такъ въ Кэмбриджѣ зовутъ
Студентовъ, что не очень цѣнятъ трудъ).

CXI.

Эпично, но не въ мѣру отступленье;
Поэтому здѣсь пѣсню пополамъ
Я перервать хочу. Нововведенья
Никто бы не замѣтилъ, если бъ самъ
Не сдѣлалъ я объ этомъ заявленья;
Все жъ радоваться нечему врагамъ:
Такъ учитъ Аристотель, и поэтамъ
Прямой законъ внимать его совѣтамъ.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Въ поэзіи всего труднѣй начало;
Но не легко и завершить разсказъ;
Не разъ поэту сила измѣняла,
И съ кручи внизъ летѣлъ его Пегасъ;
Такъ Сатана выноситъ мукъ не мало
За гордость, что̀ гнѣздится также въ насъ,
Поэта занося въ такія сферы,
Гдѣ гибнетъ онъ, утративъ чувство мѣры.

II.

Но время убѣждаетъ и людей,
И бѣса, что надежды голосъ милый
Обманчивъ; что борьбу съ судьбой своей
Нельзя вести; что слабы мы и хилы;
Въ дни юности, когда игра страстей
Волнуетъ кровь, мы вѣримъ въ наши силы,
Но сознаемъ, узнавъ тщету борьбы,
Что мы безсилья вѣчные рабы.

III.

Была пора, когда, въ свой вѣря геній,
Желалъ я, чтобъ предъ нимъ склонялся міръ;
И что жъ! добился я его хваленій
И передъ нимъ сіяю, какъ кумиръ;
Меня жъ гнететъ тяжелый рядъ сомнѣній
И болѣе не манитъ жизни пиръ;
Мои мечты поблекли, словно листья,
И, вмѣсто пѣсенъ, въ ходъ пускаю свистъ я.

IV.

Смѣюсь я для того, чтобъ слезъ не лить,
И плачу потому, что грудь не льдина;
Какъ можетъ сердце прошлое забыть,
Не окунувшись въ Лету? Въ немъ кручина,
Гнѣздяся, не даетъ ему остыть.
Ѳетида въ Стиксѣ выкупала сына;
А въ Летѣ бы должна дѣтей купать,
Спасая ихъ отъ бѣдъ, земная мать.

V.

Меня язвятъ со злобой лицемѣры;
Ихъ злая брань несется, какъ потокъ;
По ихнему, я—врагъ заклятый вѣры
И чествую въ своихъ стихахъ порокъ.
Нападки наглецовъ не знаютъ мѣры...
Клянусь, отъ этихъ цѣлей я далекъ;
Безъ всякихъ заднихъ мыслей, для забавы,
Шутя, пишу игривыя октавы.

VI.

У насъ же не въ чести шутливый тонъ;
Такъ Пульчи пѣлъ, и я его романовъ
Поклонникъ; воспѣвалъ игриво онъ
Волшебниковъ, шутовъ и великановъ,
Міръ жалкихъ Донъ-Кихотовъ тѣхъ временъ,
Безгрѣшныхъ дамъ и королей-тирановъ.
Весь этотъ міръ исчезъ (лишь деспотъ цѣлъ);
Такъ можно ль пѣть теперь, какъ Пульчи пѣлъ?

VII.

Желая наложить на мысль оковы,
Орава злая нравственныхъ калѣкъ
Кричитъ, что потрясаю я основы;
Зачѣмъ мнѣ спорить съ нею? Человѣкъ
Всегда воленъ итти дорогой новой:
Свободна мысль въ нашъ либеральный вѣкъ!
Но Аполлонъ зоветъ меня къ разсказу,
И я готовъ внимать его указу.

VIII.

Жуанъ съ подругой нѣжною своей
Наединѣ остался. Время злое,
Что̀ врагъ любви и не щадитъ людей,
Жалѣло тронуть ихъ своей косою.
Имъ было суждено во цвѣтѣ дней
Погибнуть, не узнавъ, какъ̀ все земное
Измѣнчиво; пока ихъ грѣла страсть,
Надъ ними не успѣвъ утратить власть.

IX.

Съ годами кровь въ ихъ не остынетъ жилахъ;
Не созданы ихъ лики для морщинъ;
Измѣнъ любви имъ не узнать унылыхъ,
Какъ не узнать ихъ волосамъ сѣдинъ.
Они уснутъ подъ звуки пѣсенъ милыхъ
Весеннихъ дней. Ихъ можетъ въ мигъ одинъ
Сразить гроза, но неземнымъ созданьямъ
Не суждено сродняться съ увяданьемъ.

X.

Они одни; имъ сладко лишь вдвоемъ;
Какъ сильно страсть клокочетъ въ человѣкѣ!
Могучій дубъ, сраженный топоромъ,
Лишенныя своихъ истоковъ рѣки,
Ребенокъ, въ домѣ брошенный пустомъ
И разлученный съ матерью навѣки,—
Обречены на гибель: такъ моихъ
Влюбленныхъ бы сразилъ разлуки мигъ.

XI.

Нѣтъ въ мірѣ ничего сильнѣй влеченья
Сердецъ, что̀ каждый жизненный толчокъ
Разбить на части можетъ. Тронуть тлѣнье
Безсильно ихъ. Имъ не узнать тревогъ
Тяжелаго житейскаго томленья;
И долго ихъ терзать не можетъ рокъ!
Увы! какъ часто жизненная сила
Не гаснетъ въ томъ, кому мила могила!

XII.

«Кто любъ богамъ, тотъ долго не живетъ»,
Сказалъ мудрецъ. Онъ милыхъ не хоронитъ;
Его бѣгущихъ лѣтъ не давитъ гнетъ,
И, вѣря въ страсть, онъ отъ измѣнъ не стонетъ.
Въ концѣ концевъ насъ все жъ могила ждетъ,
И что̀ ни дѣлай—въ мракѣ жизнь потонетъ,—
Такъ умирать не лучше ль въ цвѣтѣ лѣтъ,
Хоть о кончинахъ раннихъ плачетъ свѣтъ?

XIII.

Влюбленные о смерти не мечтали;
Казалось, міръ достался имъ въ удѣлъ;
Они за то лишь время укоряли,
Что слишкомъ быстро каждый часъ летѣлъ.
Какъ зеркала ихъ очи отражали
Тотъ пламень, что̀, пылая, въ нихъ горѣлъ;
А счастье, какъ алмазъ, лучи бросая,
Сродняло души ихъ съ блаженствомъ рая.

XIV.

Пожатье рукъ, краснорѣчивый взоръ,
Невольное, при встрѣчѣ, содроганье —
Имъ замѣняли длинный разговоръ.
Напоминаетъ пташекъ щебетанье
Волшебный лепетъ страсти; сущій вздоръ,
Отрывки фразъ—дарятъ очарованье
Влюбленнымъ. Тотъ, кто страстью не согрѣтъ,
Конечно видитъ въ этомъ только бредъ.

XV.

Они любовью тѣшились, какъ дѣти,
И вѣчно бы остались дѣтьми;
Коварный міръ ихъ не поймалъ бы въ сѣти:
Имъ ладить трудно было бы съ людьми;
Лишь свѣтлыми богами жить на свѣтѣ
Они могли; всѣ помыслы свои
Любви даря и забывая годы
Среди объятій дѣвственной природы!

XVI.

Луна луной смѣнялась; день за днемъ
Безслѣдно проходилъ; а то же счастье
Ихъ озаряло трепетнымъ лучомъ.
Ихъ не могло пресытить сладострастье,
Хотя оно ихъ жгло своимъ огнемъ—
Въ союзѣ съ нимъ являлось и участье;
Съ нимъ пресыщенье, страсти злѣйшій врагъ,
Любви не охлаждало въ ихъ сердцахъ.

XVII.

Въ ихъ жилахъ кровь струилась жгучей лавой;
Любовь ихъ жгла огнемъ своихъ лучей;
Такой любви не знаетъ свѣтъ лукавый,
Что̀ поражаетъ пошлостью своей,
Гдѣ поле для интригъ, гдѣ жалки нравы,
Гдѣ часто освѣщаетъ Гименей
Позоръ блудницы избраннаго круга,
Позоръ лишь скрытый для ея супруга!

XVIII.

Все сказанное мною—не мечта,
А горькая дѣйствительность! Не знала
Минуты скуки юная чета;
Ее отъ пресыщенья охраняла
Невинности святая чистота,
Дарившая ей жажду идеала.
Мы эти чувства бреднями честимъ,
Завидуя, однако, втайнѣ имъ.

XIX.

Любовь порой, играя роль дурмана,
Искусственно вселяется въ иныхъ;
Ее плодитъ иль чтеніе романа,
Иль чувственности пылъ; но чуждъ такихъ
Наитій былъ серьезный нравъ Жуана;
Гайдэ же вовсе не читала книгъ;
Внезапно охватилъ ихъ пылъ мятежный;
Такъ голубки, весной, воркуютъ нѣжно.

XX.

Заката лучъ вдали, блѣднѣя, гасъ.
Они его съ любовью созерцали;
Онъ имъ напоминалъ тотъ свѣтлый часъ,
Когда они, объяты страстью, пали
Въ объятія другъ друга и слилась
Ихъ жизнь навѣки. Такъ они стояли,
Глядя другъ другу въ очи и мечтой
Стремясь невольно къ радости былой.

XXI.

Но въ этотъ часъ таинственный и милый
Внезапный страхъ смутилъ блаженство ихъ;
Такъ вѣтеръ будитъ арфы звонъ унылый
Иль пламя наклоняетъ. Въ этотъ мигъ
На нихъ нахлынулъ вдругъ съ зловѣщей силой,
Ихъ миръ смутивъ, потокъ предчувствій злыхъ.
Жуанъ вздохнулъ, какъ будто въ сердце раненъ,
И взоръ Гайдэ слезой былъ отуманенъ.

XXII.

Пророческій она бросала взглядъ
На горизонтъ, съ трудомъ скрывая муку;
Казалось ей, что гаснувшій закатъ
Сулилъ имъ съ счастьемъ вѣчную разлуку;
Жуанъ, тяжелой думою объятъ,
Стоялъ въ тоскѣ, ея сжимая руку;
Казалось, онъ готовъ былъ несть отвѣтъ,
За то, что скрыть не могъ унынья слѣдъ.

XXIII.

Съ улыбкой, полной горькаго сомнѣнья,
Гайдэ взглянула на него, но силъ
Хватило у нея, чтобъ скрыть мученье,
Хоть тайный страхъ ей душу леденилъ.
Когда Жуанъ о странномъ ихъ смущеньи
Полушутя съ Гайдэ заговорилъ,
Она сказала: «Если сердце вѣще,
Разлуки мнѣ не пережить зловѣщей!»

XXIV.

О томъ же онъ заговорилъ опять,
Но ротъ ему зажала поцѣлуемъ
Гайдэ, стараясь тѣмъ тоску унять;
Такое средство мы рекомендуемъ;
Иной, однако, любитъ прибѣгать
Къ вину, когда невзгодою волнуемъ;
Въ концѣ концовъ, насъ все жъ страданья ждутъ:
Боль сердца тамъ, боль головная тутъ.

XXV.

За каждый мигъ отрады иль веселья,
То дамамъ, то вину мы дань несемъ;
Что сладостнѣе: женщина иль зелье?—
Я не могу дать свѣдѣній о томъ.
Равно хвалю и женщину, и хмель я;
Тѣхъ свѣтлыхъ благъ возможно ль быть врагомъ?
Къ обоимъ льнуть отраднѣй, безъ сомнѣнья,
Чѣмъ ни съ однимъ изъ нихъ не знать общенья.

XXVI.

Какимъ-то упоеньемъ неземнымъ
Влюбленная чета была объята;
Не выразить его! Сроднялась съ нимъ
Привязанность ребенка, друга, брата.
Оно влекло ихъ къ помысламъ святымъ.
Такою чистотой была богата
Ихъ страсть, что не могла не освящать
Избытка чувствъ живую благодать.

XXVII.

Ни слезъ они не вѣдали, ни муки;
Зачѣмъ они не умерли въ тотъ мигъ!
Имъ не по силамъ былъ бы гнетъ разлуки;
Имъ чуждъ былъ свѣтъ, что полонъ козней злыхъ,
Какъ пѣсенъ Сáфо пламенные звуки,
Дышали жгучей страстью души ихъ.
Та страсть была ихъ жизнью, и казалось,
Что неразлучно съ ней она сроднялась.

XXVIII.

Имъ надо было жить не средь людей,
Гдѣ царство лжи, коварства и порока,
А въ тишинѣ лѣсовъ, какъ соловей,
Что распѣваетъ пѣсни одиноко.
Живутъ попарно, прячась средь вѣтвей,
Пѣвцы лѣсовъ; орелъ, паря высоко,
Всегда одинъ; лишь вороны, сплотясь
Какъ люди, стаей ждутъ добычи часъ!

XXIX.

Щека къ щекѣ, Жуанъ съ подругой милой
Заснулъ; но не глубокъ былъ этотъ сонъ;
Предчувствіе бѣды его томило;
И, какъ въ бреду, во снѣ метался онъ.
Гайдэ склоняла голову уныло;
Изъ устъ ея порой стремился стонъ,
Лицо жъ ея всѣ отражало грезы,
Навѣянныя сномъ. Такъ листья розы

XXX.

Колеблетъ вѣтерокъ иль бороздитъ
Нѣмыхъ озеръ поверхность. Насъ сознанья
Лишаетъ сонъ и надъ душой царитъ
Помимо воли нашей. (Прозябанье
Имѣетъ все же смутный жизни видъ).
Не странно ли такое состоянье,
Когда мы зримъ, хоть не имѣемъ глазъ,
И чувствуемъ, хоть чувства дремлютъ въ насъ?

XXXI.

Ей снилось, что, полна нѣмой кручины,
Стоитъ къ скалѣ прикована она —
И двинуться не можетъ. Ревъ пучины
Ее глушитъ, и за волной волна
Несется къ ней. Она до половины
Ужъ залита, а ярости полна
Пучина все ростетъ и гнѣвно стонетъ;
Гайдэ дышать не можетъ, но не тонетъ.

XXXII.

Затѣмъ, освободившись отъ цѣпей
И волнъ,—Гайдэ несется по дорогѣ;
Ея колѣни гнутся; рядъ камней,
Что̀ остры какъ ножи, ей рѣжетъ ноги.
Какой-то призракъ въ саванѣ предъ ней;
Она дрожитъ, но, полная тревоги,
Его ловя, должна бѣжать за нимъ,
А призракъ, какъ мечта, неуловимъ!

XXXIII.

Смѣнился сонъ. Предъ нею гротъ безмолвный,
Гдѣ блещутъ сталактиты, дѣти грозъ;
Тамъ плещутся моржи и льются волны;
Вода струей съ ея спадаетъ косъ —
И очи дѣвы слезъ горючихъ полны;
Тѣ слезы тихо льются на утесъ,
Мгновенно превращаяся въ кристаллы,
Что̀ тѣшатъ взоръ красою небывалой.

XXXIV.

У ногъ ея, безжизненно склонясь,
И холоденъ, и бѣлъ, какъ пѣна моря,
Лежитъ Жуанъ, не открывая глазъ.
Гайдэ напрасно хочетъ, съ смертью споря,
Согрѣть его дыханьемъ — онъ угасъ...
Съ сиреной сходны, волны пѣсню горя
Вокругъ нея поютъ; ихъ пѣснь — что стонъ...
Увы, какъ вѣчность длится этотъ сонъ!

XXXV.

Гайдэ, объята горькою тоскою,
Безпомощно глядитъ на мертвеца;
И вдругъ, съ непостижимой быстротою,
Мѣняются черты его лица;
Все явственнѣй онѣ — и предъ собою
Гайдэ, въ испугѣ, видитъ ликъ отца.
Она, дрожа, проснулась. Боже правый!
Предъ ней пирата образъ величавый.

XXXVI.

Гайдэ, поднявшись съ воплемъ, съ воплемъ вновь
Упала. Радость, страхъ, надежда, горе
Читались въ ней; ее влекла любовь
Къ отцу, что̀ всѣ считали жертвой моря.
Но милаго пролить онъ можетъ кровь!
Всѣ чувства эти, межъ собою въ спорѣ,
Ея давили грудь. Ужасный мигъ!
Никто забыть не въ силахъ мукъ такихъ.

XXXVII.

Услышавъ крикъ Гайдэ, одной рукою
Ее схватилъ взволнованный Жуанъ
И быстро со стѣны сорвалъ другою
Невдалекѣ висѣвшій ятаганъ.
На юношу взглянувъ съ улыбкой злою,
Ламбро̀ такъ молвилъ, гнѣвомъ обуянъ:
«Оружье брось! Сказать мнѣ слово сто̀итъ —
«И сотня сабель пылъ твой успокоитъ!»

XXXVIII.

«То мой отецъ!» — за друга ухватясь,
Воскликнула Гайдэ, полна волненья!
«Падемъ къ его ногамъ, и вѣрно насъ
Утѣшитъ онъ, даруя намъ прощенье.
Отецъ! ужель въ нежданный встрѣчи часъ
Ты презришь бѣдной дочери моленья?
Когда жъ не трону сердца твоего,
Рази меня, но пощади его!»

XXXIX.

Не двигаясь стоялъ старикъ суровый;
Спокойствіемъ онъ тайный гнѣвъ скрывалъ;
Взглянувъ на дочь украдкой, онъ ни слова
На всѣ ея мольбы не отвѣчалъ—
И обратился къ юношѣ. Готовый
Къ отпору, передъ нимъ Жуанъ стоялъ,
Отъ внутренней борьбы въ лицѣ мѣняясь:
Онъ умереть рѣшился, защищаясь.

XL.

«Оружье брось!» вновь молвилъ тотъ. «Пока
Свободенъ я, — сказалъ Жуанъ, — безъ бою
Врагамъ не сдамся!» — Щеки старика
Тутъ блѣдностью покрылись гробовою,
Но не отъ страха. «Что жъ! моя рука
Тебя убьетъ; не я тому виною!»
Отвѣтилъ онъ и, осмотрѣвъ замокъ
И мушку пистолета, — взвелъ курокъ.

XLI.

Тяжелый мигъ! Невольно насъ тревожитъ
Унылый звукъ взведеннаго курка;
Когда на разстояньи близкомъ можетъ
Насъ поразить противника рука;
Минута ожиданья трепетъ множитъ;
Расправа пистолета коротка!
Дуэли притупляютъ чуткость слуха;
Тогда и взводъ курка не рѣжетъ уха.

XLII.

Мгновенье — и погибъ бы мой герой!
Но тутъ Гайдэ Жуана заслонила
И вскрикнула: «Убей меня! виной
«Лишь я всему... Его я полюбила,
«Клялась въ любви; обѣтъ нарушу ль свой?
«Обоихъ насъ не разлучитъ могила;
«Ты глухъ къ мольбамъ; ты жалость гонишь прочь,
«Но если ты кремень, — кремень и дочь!»

XLIII.

Лишь мигъ предъ тѣмъ она, ребенкомъ нѣжнымъ,
Склонивъ главу, стояла вся въ слезахъ;
Теперь же, духомъ полная мятежнымъ,
Ждала грозу, гоня съ презрѣньемъ страхъ.
Станъ выпрямивъ, въ томленьи безнадежномъ
Какъ статуя блѣдна, съ огнемъ въ очахъ,
Она ждала свершенья приговора,
Съ отца не отводя, въ волненьи, взора.

XLIV.

Невѣроятно было сходство ихъ!
Дышали той же твердостью ихъ лица
И тотъ же пылъ горѣлъ въ глазахъ большихъ,
Въ которыхъ лютый гнѣвъ сверкалъ зарницей.
Отцу, какъ ей, былъ сладокъ мщенья мигъ:
Грозна, разсвирѣпѣвъ, ручная львица!
Отецъ и дочь сходилися во всемъ:
И кровь его въ ней вспыхнула огнемъ.

XLV.

Доказывала крови благородство
Краса ихъ рукъ. Въ осанкѣ и чертахъ
Разительно ихъ проявлялось сходство;
Различье было въ полѣ и лѣтахъ.
Межъ тѣмъ они, въ порывѣ сумасбродства,
(Какъ люди необузданны въ страстяхъ!)
Другъ другу, въ гнѣвѣ, дѣлали угрозы,
А лить должны бъ, при встрѣчѣ, счастья слезы!

XLVI.

Ламбрò подумалъ мигъ и опустилъ
Свой пистолетъ; затѣмъ, пронзая взоромъ
Гайдэ, сказалъ: «Пришельца заманилъ
«Сюда не я; кровавымъ приговоромъ
«Другой давно бъ свое безчестье смылъ.
«Могу ль мириться я съ своимъ позоромъ?
«Исполню долгъ; не я причина бѣдъ;
«За прошлое должна ты несть отвѣтъ!

XLVII.

«Пусть онъ сейчасъ свое оружье сложитъ,
«Не то — отца клянуся головой,
«Что онъ свою на мѣстѣ здѣсь положитъ,
«И что она, какъ шаръ, передъ тобой
«Покатится! Упрямство не поможетъ!»
Тутъ свистнулъ онъ, и грозною толпой
Нахлынули враги, звѣрей свирѣпѣй.
Ламбрò имъ крикнулъ: «Франку смерть иль цѣпи!»

XLVIII.

Немедленно Жуанъ былъ окружонъ
Пиратовъ кровожадною оравой,
Нахлынувшей туда со всѣхъ сторонъ.
Ламбрò въ то время, съ силою удава,
Схватилъ Гайдэ, и тѣмъ бороться онъ
Лишилъ ее возможности. Расправа
Съ Жуаномъ началась; но первый врагъ,
Что налетѣлъ, былъ имъ повергнутъ въ прахъ.

XLIX.

Успѣлъ нанесть онъ и другому рану;
Но третій, что былъ опытенъ и старъ,
Искусно подскочить съумѣлъ къ Жуану
И отразилъ ножомъ его ударъ.
Тутъ справиться не трудно было стану,
Что направлялся въ бой, свирѣпъ и яръ,
Съ однимъ бойцомъ,—и, кровью отуманенъ,
Упалъ Жуанъ, въ плечо и руку раненъ.

L.

Старикъ Ламбрò тутъ подалъ знакъ рукой,
И раненаго юношу связали;
Онъ отнесенъ былъ нà берегъ морской
Пиратами; тамъ корабли стояли
Готовые къ отплытью. Мой герой
Ладьею, что гребцы усердно мчали,
На бригъ пирата былъ перевезенъ
И на цѣпи былъ въ трюмъ посаженъ онъ.

LI.

Превратности судьбы для насъ не диво;
Къ нимъ свѣтъ привыкъ; но кто бъ подумать могъ,
Что юноша богатый и красивый
Пройдетъ чрезъ столько горестныхъ тревогъ?
Онъ долженъ былъ итти стезей счастливой,
А вдругъ его взыскалъ такъ злобно рокъ!
Былъ раненъ онъ, закованъ, крѣпко связанъ,
И тѣмъ любви красавицы обязанъ;

LII.

Здѣсь съ нимъ прощусь, чтобъ впасть мнѣ не пришлось
Въ излишній пàѳосъ. Часто возбуждаемъ
Такой экстазъ китайской нимфой слезъ,
Богинсй, что зовутъ зеленымъ чаемъ.
Богео [1]) пью, когда я роемъ грезъ,
Что шлетъ она, не въ моготу смущаемъ.
Увы! болѣю я отъ тонкихъ винъ,
А чай и кофе нагоняютъ сплинъ,

LIII.

Когда коньякъ, наяда Флегетона,
Не оживляетъ ихъ своей струей,
Но печень отъ нея не можетъ стона
Сдержать. Увы! всѣ нимфы родъ людской
Болѣзнями томятъ! Во время дно
Любилъ я пуншъ, но онъ въ враждѣ со мной;
Меня онъ головною болью мучитъ;
Кого жъ она отъ пунша не отъучитъ?

LIV.

Жуанъ страдалъ отъ ранъ; но не могла
Нести сравненья жгучесть этой боли
Съ той, что Гайдэ нещадно душу жгла,
Лишивъ ея сознанія и воли;
Она не изъ такихъ существъ была,
Что, потуживъ, съ своей мирятся долей.
Была изъ Феца мать Гайдэ младой,
А тамъ—иль рядъ пустынь, иль рай земной.

---

[1]) Черный чай.

LV.

Сокъ амбры тамъ въ цистерны льютъ оливы;
Цвѣты, плоды и зерна, безъ преградъ
Изъ нѣдръ земли стремясь, скрываютъ нивы;
Но тамъ деревья есть, что точатъ ядъ;
Тамъ ночью львы рычатъ нетерпѣливо,
А днемъ пески пустынь огнемъ горятъ,
Порою караваны засыпая;
Тамъ съ почвою сходна̀ душа людская.

LVI.

Да, Африка, край солнечныхъ лучей!
Добро и зло тамъ силой роковою
Одарены; земля и кровь людей
Пылаютъ, вторя солнечному зною.
У матери Гайдэ огонь страстей
Сверкалъ въ глазахъ; въ удѣлъ любовь съ красою
Достались ей; но этотъ жгучій пылъ
Съ сномъ льва близъ волнъ студеныхъ сходенъ
былъ.

LVII.

Гайдэ была подобна серебристымъ
И свѣтлымъ облакамъ, что̀ въ лѣтній зной
Блестятъ прозрачной тканью въ небѣ чистомъ;
Они жъ, сплотясь, проносятся грозой,
Надъ міромъ съ трескомъ, грохотомъ и свистомъ,
При блескѣ молній путь свершая свой;
Такъ и въ Гайдэ, подъ взрывомъ думъ унылыхъ,
Самумомъ кровь забушевала въ жилахъ.

LVIII.

Въ ея глазахъ Жуанъ главой поникъ,
Сраженный, обезсиленный и сирый;
Увидя кровь его и блѣдный ликъ,
Гайдэ, лишась надежды, счастья, мира,
Вдругъ бросила унынья полный крикъ
И словно кедръ могучій подъ сѣкирой—
Она, что̀ все боролась до конца,
Склонилася безъ чувствъ на грудь отца.

LIX.

Отъ страшныхъ мукъ въ ней порвалася жила;
Изъ устъ ея кровь брызнула ручьемъ;
Гайдэ уныло голову склонила,
Какъ лилія, что никнетъ подъ дождемъ.
Толпа рабынь съ слезами уложила
Ее въ постель; послали за врачемъ;
Но тщетно рядъ лекарствъ пускалъ онъ въ дѣло:
Хоть смерть не шла, съ ней сходство жизнь имѣла.

LX.

Такъ нѣсколько Гайдэ лежала дней
Безъ чувствъ, объята холодомъ могилы;
Ея не бился пульсъ, но розъ свѣжей
Ея уста алѣли. Жизни силы,
Казалось, не совсѣмъ угасли въ ней;
Не замѣчался тлѣнья слѣдъ унылый,
И все надежды лучъ не гасъ въ сердцахъ:
Боролся до конца со смертью прахъ!

LXI.

Въ ней виденъ былъ недвижный слѣдъ страданья,
Что могъ казаться созданнымъ рѣзцомъ:
Такъ Афродитѣ чуждо увяданье,
Такъ вѣчно смерть витаетъ надъ бойцомъ
И вѣчно вызываетъ состраданье
Лаокоонъ страдальческимъ лицомъ!
Кипятъ въ тѣхъ изваяньяхъ жизни силы,
Но эта жизнь сходна съ нѣмой могилой.

LXII.

Но вотъ Гайдэ очнулась наконецъ...
Ужасенъ пробужденья мигъ желанный
Былъ для нея! На зовъ родныхъ сердецъ
Отвѣтила она улыбкой странной;
Какой-то гнетъ, тяжелый, какъ свинецъ,
Давилъ ей грудь, и грезою туманной
Казались ей страданья прежнихъ дней....
Увы, не возвращалась память къ ней!

LXIII.

Она вокругъ блуждающіе взоры
Бросала, неподвижна и нѣма;
Ей чужды были ласки и укоры;
Загадкой, непонятной для ума,
Казалася ей жизнь; лишась опоры,
Она поблекла; въ ней вселилась тьма;
Гайдэ хранила вѣчное молчанье;
Въ ней обличало жизнь одно дыханье.

LXIV.

Изъ прежнихъ слугъ никто ей не былъ милъ;
Никто не могъ привлечь ея вниманья;
Отецъ, что̀ отъ нея не отходилъ,
Присутствіемъ своимъ ея страданья
Усугублялъ; въ ней гасъ остатокъ силъ.
Однажды привели ее въ сознанье,
Но цѣлый адъ тогда проснулся въ ней;
Всѣхъ испугалъ огонь ея очей...

LXV.

Къ ней привели арфиста; лишь коснулась
Его рука къ рокочущей струнѣ,
Гайдэ, сверкнувъ очами, отвернулась,
Пытаясь вспомнить прошлое, къ стѣнѣ;
Отъ звуковъ струнъ въ ней буря чувствъ про-
снулась.
Вотъ понеслася пѣснь о старинѣ,
О свѣтлыхъ дняхъ, когда, цѣпей не зная,
Тонула въ счастьи Грецiя родная.

LXVI.

Гайдэ смутилъ волшебный арфы звонъ;
Она ловила жадно эти звуки
И пальцемъ била тактъ. Напѣва тонъ
Смѣнилъ арфистъ. Онъ о тоскѣ разлуки
И о любви запѣлъ. Какъ страшный сонъ
Воскресли передъ ней былыя муки—
И ницъ она склонилась, вся въ слезахъ;
Такъ падаетъ дождёмъ туманъ въ горахъ.

LXVII.

Сознанье къ ней вернулося, но скоро
Померкъ навѣкъ огонь его лучей,
Усталый мозгъ не выдержалъ напора
Тяжелыхъ думъ, и мысль угасла въ ней.
Не разверзая устъ, полна задора,
Она бросаться стала на людей,
Какъ на враговъ. Гайдэ, глядя сурово,
Ни одного не проронила слова.

LXVIII.

Порой ей искра свѣта душу жгла;
Такъ, тайному внушенью чувствъ послушна,
Себя она принудить не могла
Взглянуть въ лицо отца. Ей было душно
И тѣсно въ этомъ мірѣ, полномъ зла.
Гайдэ чуждалась пищи, равнодушна
И къ людямъ, и къ себѣ. Не зная сна,
Двѣнадцать дней томилася она.

LXIX.

Она все угасала постепенно
И въ вѣчность отошла; ни стонъ, ни вздохъ
Не возвѣстилъ о томъ; съ ней жизнь мгновенно
Разсталась, и никто сказать не могъ,
Когда тотъ мигъ насталъ благословенный,
Что̀ спасъ ее отъ муки и тревогъ.
Читалась смерть во взорѣ, тьмой одѣтомъ;
Какъ страшенъ мракъ, что былъ когда-то свѣтомъ!

LXX.

Гайдэ разсталась съ жизнью въ цвѣтѣ дней,
Но не одна; нѣмая смерть сгубила
Зародышъ новой жизни вмѣстѣ съ ней;
Безгрѣшный плодъ грѣха свой вѣкъ уныло
Окончилъ, не видавъ дневныхъ лучей;
И стебель и цвѣтокъ взяла могила;
Росой ихъ тщетно будутъ небеса
Кропить; ихъ вновь не оживитъ роса!

LXXI.

Такъ умерла Гайдэ. Въ борьбѣ безсильно
Съ ней оказалось горе. Нѣтъ! она
Для горькой жизни, бѣдами обильной,
Для долгихъ мукъ была не создана;
Её во цвѣтѣ лѣтъ скрылъ сводъ могильный,
Но жизнь ея была любви полна;
И спитъ она, съ судьбой уже не споря,
На берегу любимаго ей моря!

LXXII.

И островъ тотъ безлюднымъ нынѣ сталъ;
И лишь отца и дочери могилы
Остались тамъ; ни кто бъ не отыскалъ,
Гдѣ спятъ они: гробницы нѣтъ унылой
Надъ прахомъ ихъ среди прибрежныхъ скалъ;
Свидѣтелей здѣсь нѣтъ того, что̀ было;
Поетъ лишь море пѣсню похоронъ
Надъ той, чья жизнь прошла, какъ свѣтлый сонъ.

LXXIII.

Но греческія дѣвы въ пѣснѣ страстной
Съ любовью возвращаются не разъ
Къ Гайдэ; и рыбаки, порой ненастной,
О подвигахъ Ламбро̀ ведутъ разсказъ.
Онъ былъ герой, она была прекрасна!
Ей стоилъ жизни свѣтлый счастья часъ...
За каждый грѣхъ насъ ожидаетъ кара;
И мстить сама любовь умѣетъ яро.

LXXIV.

На этомъ кончу горестный разсказъ;
Прибавить больше нечего къ роману;
Прослыть за сумасшедшаго боясь,
Описывать безумье перестану.
Къ тому жъ, какъ эльфъ, то здѣсь, то тамъ носясь,
Моя капризна Муза. Къ Донъ Жуану
Пора вернуться намъ. Полуживой
Пиратами былъ схваченъ мой герой.

LXXV.

Безъ чувствъ лежалъ онъ долго. На просторѣ
Летѣлъ корабль, когда очнулся онъ;
Вокругъ него, клубясь, шумѣло море
И вдалекѣ былъ виденъ Иліонъ.
Въ иное время съ радостью во взорѣ
Онъ на него бъ взглянулъ; но, потрясенъ
Тяжелою невзгодою и скованъ,
Сигейскимъ мысомъ не былъ очарованъ.

LXXVI.

Средь бѣдныхъ хатъ тамъ на горѣ крутой
Курганъ Ахилла виденъ знаменитый.
(Его ль тотъ холмъ? мы гипотѣзой той
—Такъ утверждаетъ Бріантъ—съ толку сбиты.)
Вдали стоитъ еще курганъ другой,
Но доблестныхъ вождей, что̀ въ немъ зарыты,
Назвать не можемъ. Будь въ живыхъ они—
Мы за свои бы опасались дни!

LXXVII.

Скамандръ (коль это онъ), вершина Иды,
Безплодныя долины, цѣпи горъ,
Безъ надписей курганы—вотъ тѣ виды,
Въ которые туристъ вперяетъ взоръ;
Тамъ кровь лилась по волѣ Немезиды;
Но и теперь для брани тамъ просторъ!
Исчезли Иліонскія твердыни;
На мѣстѣ жъ ихъ пасутся овцы нынѣ.

LXXVIII.

Въ горахъ ютится селъ убогихъ рядъ;
На иностранца, ищущаго Трою,
Невольнымъ изумленіемъ объятъ,
Глядитъ пастухъ. (Парисъ, того не скрою,
Съ нимъ не былъ сходенъ!) Турки, возлѣ хатъ,
Куря кальянъ, пускаютъ дымъ струею.
Вотъ Фригія давно минувшихъ дней,
Но только не найти фригійца въ ней.

LXXIX.

Лишь здѣсь Жуанъ съ тюрьмой разстался душной
И понялъ, что неволи злой удѣлъ
Ему на долю выпалъ; равнодушно
Могилы онъ героевъ оглядѣлъ,
Чтò пали, славы голосу послушны;
Такъ Донъ-Жуанъ отъ раны ослабѣлъ,
Что онъ не могъ разспросовъ дѣлать много,
И несся въ даль невѣдомой дорогой.

LXXX.

Съ пѣвцами итальянскими онъ плылъ;
Они, благодаря измѣнѣ черной,
Попались въ плѣнъ. Антрепренеръ ихъ сбылъ
Пирату по дорогѣ изъ Ливорно
Въ Сицилію. Артистовъ захватилъ
Пиратъ всѣхъ разомъ. Этотъ торгъ позорный
Ему принесъ не мало выгодъ въ даръ,
Хоть дешево онъ продалъ свой товаръ.

LXXXI.

Одинъ изъ потерпѣвшихъ, буффъ веселый,
Жуану эту повѣсть разсказалъ;
Хотя его сразилъ ударъ тяжелый,
Въ бѣдѣ, казалось, онъ не унывалъ.
(Мириться не легко съ такою школой!
Турецкій рынокъ—горестный финалъ!)
Все жъ видъ имѣлъ онъ менѣе смущенный,
Чѣмъ теноръ, тосковавшій съ примадонной.

LXXXII.

Не многословенъ былъ его разсказъ:
«Съ Маккіавелемъ схожъ, нашъ impressario
«Условный подалъ знакъ, и тотчасъ насъ
«Забрали въ плѣнъ. Corpo di Caio Mario!
«Перенесли артистовъ всѣхъ за-разъ
«На этотъ бригъ, притомъ же безъ salario!
«Но если любитъ пѣніе султанъ,
«Еще возможность есть набить карманъ!

LXXXIII.

«Хоть примадонна наша истаскалась
«И съ ней давно простилася весна,
«Все жъ нѣсколько у ней еще осталось
«Пріятныхъ нотокъ. Тенора жена
«Красива, но безъ голоса. Случалось
«И ей производить фуроръ. Она
«Въ Болоньѣ графа юнаго съумѣла
«Отбить у принчипессы престарѣлой.

LXXXIV.

«Прелестенъ нашъ балетный персоналъ:
«Талантомъ и лицомъ плѣняетъ Нѝни;
«Пятьсотъ цехиновъ въ прошлый карнавалъ
«Съумѣла заработать Пелегрини;
«Но у нея растаялъ капиталъ;
«Вотъ и Гротеска: къ этой балеринѣ
«Мужчины такъ и льнутъ; не трудно ей
«Съ ума сводить ихъ страстностью своей.

LXXXV.

«Не мало лицъ у насъ красивыхъ видно,
«Но фигурантокъ похвалю не всѣхъ;
«Иныхъ далеко участь не завидна,
«И ихъ продать на рынкѣ бы не грѣхъ.
«Одна изъ нихъ стройна и миловидна;
«Она легко могла бъ имѣть успѣхъ,
«Да силы нѣтъ у ней. Танцуя вяло,
«Она плѣнять имѣетъ шансовъ мало.

LXXXVI.

«У насъ пѣвцовъ хорошихъ нѣтъ совсѣмъ;
«У режиссера труппы голосъ сходенъ
«Съ разбитою кастрюлькой. А межъ тѣмъ
«Пѣвецъ злосчастный (путь предъ нимъ свободенъ!)
«Могъ поступить бы евнухомъ въ гаремъ.
«Для опернаго пѣнья рѣдко годенъ
«Пѣвецъ, что представляетъ средній родъ.
«А мало ль папа ихъ пускаетъ въ ходъ?

LXXXVII.

«У тенора надорванъ голосъ слабый
«Излишней аффектаціей. Нашъ басъ
«Реветъ, какъ быкъ; его прогнать пора бы!
«Имъ примадонна наградила насъ;
«Мы не терпѣли бъ неуча, когда бы
«Онъ не былъ ей роднею. Каждый разъ,
«Когда поетъ онъ, можно думать смѣло,
«Что музыка съ осломъ имѣетъ дѣло.

LXXXVIII.

«Себя хвалить, конечно, средства нѣтъ;
«Могу ль я о своемъ кричать талантѣ?
«Но вы, синьоръ, видали модный свѣтъ,
«И вѣрно вамъ извѣстенъ Рококанти.
«Я это самъ. Примите мой привѣтъ.
«Чрезъ годъ въ театрѣ Луго вы достаньте
«Себѣ абонементъ; я буду тамъ,
«И пѣньемъ угодить надѣюсь вамъ!

LXXXIX.

«Нашъ баритонъ—курьезное явленье:
«Хоть голосокъ его и слабъ, и хилъ,
«Все жъ о себѣ высокаго онъ мнѣнья.
«Себя относитъ онъ къ числу свѣтилъ,
«А созданъ лишь для уличнаго пѣнья!
«Въ немъ нѣтъ души. Когда же страсти пылъ
«Выказывать бѣдняга силы множитъ,
«Показывать онъ зубы только можетъ!»

XC.

Тутъ интересный прерванъ былъ разсказъ;
Всѣмъ плѣннымъ, что̀ на палубѣ стояли,
Пиратами былъ строгій данъ приказъ
Спуститься въ мрачный трюмъ. Полны̀ печали,
Несчастные, съ лазурью волнъ простясь,
Что̀ сводъ небесъ, сіяя, отражали,
Направились къ дверямъ своей тюрьмы,
Гдѣ блескъ небесъ смѣнило царство тьмы.

XCI.

Близъ Дарданеллъ они на якорь стали.
Здѣсь надобно заботиться о томъ,
Чтобъ получить фирманъ, хотя едва ли
Нельзя пробраться и другимъ путемъ.
Мужчинъ и женщинъ парами сковали
Для вѣрности. Ихъ привезли гуртомъ
Въ Константинополь, гдѣ всегда товару
Удобенъ сбытъ, благодаря базару.

XCII.

Но женщинъ было меньше, и пришлось
Сковать мужчину съ дамою (сопрано
Съ прекраснымъ поломъ крестъ тяжелый несъ,
Служа красивымъ спутницамъ охраной:
Къ числу мужчинъ причины не нашлось
Его отнесть); и потому Жуана
По жребію (сюрпризовъ жизнь полна!)
Съ вакханкой сочетала цѣпь одна.

XCIII.

Сковали буффа съ теноромъ. Съ той злобой,
Что̀ театральный міръ плодитъ порой,
Они глядѣли другъ на друга. Оба
Дышали безпредѣльною враждой.
Ругаясь, каждый цѣпь тянулъ особо,
Сосѣдомъ больше мучимъ, чѣмъ судьбой.
Безъ ссоръ не проходило ни минуты...
Arcades ambo! то-есть: оба плуты!

XCIV.

Съ Жуаномъ вмѣстѣ скована была
Красивая романка изъ Анконы;
Ея побѣдамъ не было числа;
Достойная названья bella donna,
Она очами огненными жгла,
Стараясь всѣмъ предписывать законы
И головы кружить. Съ красой лица
Кокеткѣ трудно ль страсть вселять въ сердца!

XCV.

Теперь она успѣха не имѣла;
Жуанъ въ такую скорбь былъ погруженъ,
Что жгучесть взоровъ дивы не согрѣла
Его души. Хотя касался онъ
Ея руки и стана то-и-дѣло,
Все жъ хмелемъ страсти не былъ увлеченъ.
Безъ учащенья бился пульсъ Жуана...
(Тому виной была отчасти рана).

XCVI.

Зачѣмъ причины фактовъ разбирать,
Когда имѣютъ факты лишь значенье!
Такое постоянство благодать,
Тѣмъ больше, что извѣстно изреченье:
«О льдахъ Кавказа можно ль помышлять,
«Огонь въ рукахъ имѣя?» Искушенье
Съ повѣсою не справилось моимъ,
И вышелъ онъ изъ боя невредимъ.

XCVII.

Умѣлъ и я быть твердымъ. Мнѣ легко
То доказать, но продолжать не буду;
Боюсь зайти ужъ слишкомъ далеко.
Издатель мой и такъ трубитъ повсюду,
Что легче чрезъ игольное ушко
(Совсѣмъ сконфуженъ я!) пройти верблюду,
Чѣмъ пѣснямъ музы вѣтренной моей
Попасть въ читальни англійскихъ семей.

XCVIII.

Пускай шипятъ; я не вступаю въ споръ;
Какъ видите, уступчивъ сталъ теперь я;
Вотъ Фильдингъ, Прайоръ, Смоллетъ. Громкій хоръ
Хваленій ихъ встрѣчаетъ. За безвѣрье
И вольности лишь я несу укоръ;
Въ былые дни я маску съ лицемѣрья
Любилъ срывать, вступая съ ложью въ бой—
Теперь же не гонюся за борьбой.

XCIX.

Мнѣ бранный хмель былъ въ юности забавой;
Теперь я мира жажду и готовъ
Забыть вражду. Предоставляю право
Другимъ разить, а самъ щажу враговъ.
Мнѣ все равно—со мной простится ль слава,
Пока я живъ, пройдетъ ли даль вѣковъ:
Подъ громъ хвалы, подъ вѣтра вой унылый
Трава ростетъ все такъ же надъ могилой.

C.

Жизнь для пѣвца, что̀ славенъ и могучъ,
Является частицею пустою
Его существованья. Славы лучъ,
Даря безсмертье, грѣетъ ли собою?
Такъ снѣжный комъ, катясь съ отвѣсныхъ кручъ,
Становится громадною горою,
Что̀, раздуваясь, крѣпнетъ и ростетъ:
А все жъ гора такая—только ледъ.

CI.

Мужей великихъ часто ждетъ забвенье;
Безъ отзвуковъ смолкаетъ громъ похвалъ;
Кто можетъ прахъ спасти отъ разрушенья?
Кто, за безсмертьемъ мчась, не погибалъ?
Законъ природы—вѣчное движенье.
Ахилла прахъ ногой я попиралъ,
А многіе считаютъ миѳомъ Трою.
Не будетъ ли и Римъ забытъ толпою?

CII.

Предъ временемъ склоняется все ницъ!
Могила вытѣсняется могилой;
Вѣка бѣгутъ; забвенью нѣтъ границъ:
Событій рядъ оно похоронило;
Стираются и надписи гробницъ!
Забвеніе немногихъ пощадило;
Межъ тѣмъ не счесть прославленныхъ именъ,
Что̀ скрылись безъ слѣда во мглѣ временъ!

CIII.

Не разъ видалъ я холмъ уединенный,
Гдѣ де-Фуа погибъ во цвѣтѣ дней;
Онъ слишкомъ долго жилъ съ толпой презрѣнной,
Но рано для тщеславія людей
Окончилъ дни. Въ честь бойни подъ Равенной
Воздвигнута колонна-мавзолей;
Но памятникъ оставленъ безъ призора,
И бремя лѣтъ его разрушитъ скоро.

CIV.

Хожу къ гробницѣ Данта я порой;
Ее воздвигнуть люди были правы:
Здѣсь чествуемъ пѣвецъ, а не герой!
Прійдетъ пора, когда и лавръ кровавый,
И пѣснь пѣвца исчезнутъ, скрыты тьмой,
Какъ сгинули безслѣдно пѣсни славы,
Что воспѣвали подвиги тѣхъ лѣтъ,
Когда еще не зналъ Гомера свѣтъ!

CV.

Для той колонны цементомъ служила
Людская кровь. Не разъ осквернена
Была толпой воителя могила;
Къ побѣдамъ чернь презрѣнія полна!
Ничтоженъ лавръ, добытый грубой силой!
Толпа клеймить презрѣніемъ должна
Людей, что превращали міръ (успѣшно
Гонясь за славой) въ Дантовъ адъ кромѣшный.

CVI.

Все жъ барды будутъ пѣть. Пускай твердятъ,
Что слава дымъ; онъ—ѳиміамъ для свѣта;
Страданья и любовь пѣвцовъ плодятъ;
Волна, клубяся, пѣною одѣта,
Когда нельзя ей одолѣть преградъ;
Такъ страсти заставляютъ пѣть поэта;
Поэзія—невольный взрывъ страстей.
(Возможно ли мириться съ модой ей?)

CVII.

Вы правы, люди, силясь сбить съ дороги
Пѣвца, что̀ цѣлый вѣкъ страстямъ служилъ,
Что, испытавъ сердечныхъ бурь тревоги
И боль душевной муки, получилъ
Отъ неба даръ печальный и убогій,
Какъ въ зеркалѣ страстей мятежный пылъ
Волшебно отражать;—но черезъ это
Лишаетесь вы славнаго поэта!

CVIII.

О, синіе чулки! вашъ строгій судъ
Готовитъ-ли парнасское крушенье
Моимъ стихамъ? Ужель имъ дастъ пріютъ
Пирожникъ, превративъ мое твореньe
Въ обертку? Удостоите ль мой трудъ
Вы словомъ «imprimatur»? Я въ волненьи;
Кастальскій чай вы льете всѣмъ пѣвцамъ—
Забытъ лишь я; за что̀? не знаю самъ.

CIX.

Ужель я пересталъ быть львомъ салоновъ,
Любимцемъ дамъ, поэтомъ высшихъ сферъ,
Что̀ средь улыбокъ, вздоховъ и поклоновъ
Всѣхъ восхищалъ изяществомъ манеръ?
Коль болѣе не чтутъ моихъ законовъ,
Я съ Вордсворта, сердясь, возьму примѣръ:
Забытый бардъ сталъ увѣрять, клянусь я,
Что синіе чулки—гнѣздо безвкусья.

CX.

«О, синій цвѣтъ, тобой я восхищенъ!»
Такъ говорилъ, любуясь небесами,
Какой-то бардъ.—Синклитъ ученыхъ женъ!
Къ вамъ обращаюсь съ тѣми же словами.
Повсюду странный слухъ распространенъ,
Что ваши ноги синими чулками
Украшены; но это ложь молвы:
Такихъ мнѣ не показывали вы!

CXI.

Мои стихи читать во время ѳно
Любили вы; тогда и я читалъ,
Какъ въ книгѣ, въ вашихъ взорахъ. Обороной
Вы были мнѣ; теперь я жертвой сталъ;
Все жъ не бѣгу отъ женщины ученой,
Чтѳ часто совершенства идеалъ;
Одну я зналъ: она была прекрасна,
Мила, невинна,--но глупа ужасно!

CXII.

Не мало въ мірѣ видимъ мы чудесъ!
Извѣстье есть, что Гумбольдтомъ (не знаемъ,
Возможно ль дать тому извѣстью вѣсъ)!
Какой-то аппаратъ приспособляемъ
Для измѣренья синевы небесъ
(Названіе его позабываемъ).
О, лэди Дафна! имъ измѣрить васъ
Мнѣ дайте разрѣшенье въ добрый часъ!

CXIII.

Прерву здѣсь нить идей своеобразныхъ.
Корабль на пропускъ получилъ фирманъ,
На немъ болѣзней не было заразныхъ,
И высадить рабовъ приказъ былъ данъ.
На площади не мало было разныхъ
Красивыхъ представительницъ всѣхъ странъ:
Черкешенокъ, татарокъ и грузинокъ
Былъ полонъ, какъ всегда, стамбульскій рынокъ.

CXIV.

За цѣну баснословную пошла
Кавказа дочь, черкешенка-красотка,
Съ ручательствомъ въ невинности. Была
Та дѣвочка для знатоковъ находка;
Надбавка цѣнъ въ унынье привела
Покупщиковъ; товаръ шелъ слишкомъ ходко!
Имъ отойти пришлось на задній планъ:
Красавицу самъ покупалъ султанъ!

CXV.

Двѣнадцать негритянокъ юныхъ тоже
Купцу не мало дали барышей;
Цвѣтной товаръ на рынкахъ сталъ дороже
Съ тѣхъ поръ, какъ негры ходятъ безъ цѣпей.
Къ тому жъ порокъ, свои забавы множа,
Любого короля всегда щедрѣй.
Не любитъ добродѣтель денегъ трату,
Но ѳдержу въ расходахъ нѣтъ разврату!

CXVI.

Что сталось съ итальянцами? Къ пашамъ
Одни пошли; другихъ жиды купили;
Тѣ были причтены къ простымъ рабамъ,
Тѣ ренегатствомъ участь облегчили;
По одиночкѣ раскупили дамъ,
Затѣмъ ихъ по гаремамъ размѣстили;
Несчастныя не знали, чтѳ ихъ ждетъ—
Погибель, бракъ иль просто рабства гнетъ.

CXVII.

Здѣсь пѣснь свою окончить я намѣренъ;
Она длинна и утомила васъ;
Несносно многословье; я увѣренъ,
Что вы меня бранили ужъ не разъ;
Что жъ дѣлать, я своей природѣ вѣренъ!
Здѣсь кончу, и дальнѣйшій свой разсказъ
Я отложу до пятаго «Дуана».
(То слово занялъ я у Оссіана).

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

I.

Поэты, чтò сбираютъ риѳмы въ пары,
Какъ голубковъ Венера, мать утѣхъ,
Чтобъ пѣть любви и сладострастья чары,
Плодятъ развратъ и сѣютъ зло и грѣхъ...
Ихъ тѣмъ неотразимѣе удары,
Чѣмъ ихъ стиховъ блистательнѣй успѣхъ,
Овидій—въ томъ примѣръ. Петрарка тоже.
Когда судить мы станемъ ихъ построже...

II.

Я лютый врагъ безнравственныхъ поэмъ,
И если допускаю сочиненья,
Которыхъ я не одобряю темъ,
То чтобы рядомъ шло нравоученье
Съ ошибками, и требую затѣмъ,
Чтобъ грѣхъ наказанъ былъ для наставленья.
Итакъ, коль не измѣнитъ мнѣ Пегасъ,
Я удивлю моралью строгой васъ.

III.

Дворцовъ прибрежныхъ чудные узоры,
Святой Софіи куполъ золотой,
Плывущій флотъ, синѣющія горы,
Олимпъ высокій въ шапкѣ снѣговой,
Двѣнадцать острововъ, чтò тѣшатъ взоры—
Вотъ чудная картина, что собой
Когда-то Мэри Монтэгю плѣнила...
Такихъ картинъ неотразима сила!

IV.

Люблю я имя Мэри. Много грезъ
И цѣлый рядъ несбывшихся мечтаній
Въ моей душѣ съ тѣмъ именемъ слилось;
Оно еще мнѣ мило, хоть страданій
Не мало я тяжелыхъ перенесъ...
Отраденъ свѣтлый міръ воспоминаній!
Однако я впадаю въ грустный тонъ,
Но не къ лицу моей поэмѣ онъ.

V.

Уныло вѣтеръ дулъ; ревѣло море;
Съ «Могилы Великана»—чудный видъ,
Когда бушуютъ волны на просторѣ,
Когда весь берегъ пѣною покрытъ...
Опасна непогода на Босфорѣ:
Она пловцу погибелью грозитъ...
Картина бури сладостна для взора,
Но моря нѣтъ опаснѣе Босфора.

VI.

Лазурь небесъ скрывалась въ облакахъ;
Былъ день осенній, мрачный и ненастный.
Порой осенней бури въ тѣхъ краяхъ
Для жизни моряковъ всегда опасны...
Пловецъ, въ часъ бури, кается въ грѣхахъ,
Исправиться клянется, но напрасно:
Утонетъ ли—и въ клятвѣ прока нѣтъ;
Когда жъ спасется онъ—забытъ обѣтъ.

VII.

Рабы всѣхъ странъ на площади стояли;
Ихъ привели для торга безъ цѣпей.
Нѣмую скорбь ихъ лица выражали,
Имъ было жаль отчизны и друзей.
Лишь негры въ сонмѣ ихъ не унывали:
Они мирились съ участью своей
И уживались съ тяжкою неволей,
Какъ угорь со своей злосчастной долей [1]).

VIII.

Жуанъ былъ въ цвѣтѣ лѣтъ. Надеждъ и силъ
Еще не могъ утратить онъ избытокъ,
Но видъ его былъ мраченъ и унылъ,
И слезъ скрывать не дѣлалъ онъ попытокъ.
Невѣрный рокъ его всего лишилъ:
Не мало вынесъ онъ душевныхъ пытокъ,
И милую, и деньги потерялъ,
Къ тому жъ рабомъ татаръ презрѣнныхъ сталъ.

IX.

И стоикъ бы навѣрно растерялся
Отъ столькихъ бѣдъ, отъ столькихъ жгучихъ ранъ...
Однако жъ онъ съ достоинствомъ держался.
Его нарядъ богатый, стройный станъ
Въ глаза бросались. Рѣзко отличался
Отъ остальныхъ невольниковъ Жуанъ;
Его наружность всѣхъ собой плѣняла.
Онъ барышей купцу сулилъ не мало.

X.

Базаръ былъ сходенъ съ шахматной доской;
На площади его пестрѣли рядомъ
И бѣлые, и черные толпой.
Ихъ привели для сбыта, жалкимъ стадомъ.
Одинъ невольникъ, статный и лихой,
Лѣтъ тридцати, съ суровымъ, гордымъ взглядомъ,
Въ числѣ другихъ на торгъ былъ приведенъ;
Съ Жуаномъ находился рядомъ онъ.

XI.

Британца въ немъ признать не трудно было:
Онъ былъ румянъ и бѣлъ, въ плечахъ широкъ;
Его чело высокое носило
Слѣды глубокихъ думъ иль злыхъ тревогъ;
Его судьба невзгодой не сломила,—
На все глядѣть онъ съ равнодушьемъ могъ...
Онъ раненъ въ руку былъ; струей багряной
Пятнала кровь его повязку раны.

XII.

Къ Жуану, что̀ немного пріунылъ,
Но все же, не теряя самовластья,
Достоинство и гордость сохранилъ,
Проснулось въ немъ горячее участье.
Невольно онъ сочувствіе дарилъ
Товарищу ихъ общаго несчастья;
А самъ онъ на плачевный свой удѣлъ
Съ полнѣйшимъ безучастіемъ глядѣлъ.

XIII.

Онъ такъ сказалъ Жуану:—«Мы не схожи
Съ толпою этихъ жалкихъ дикарей,
Что окружаютъ насъ. Лишь въ цвѣтѣ кожи
Различье ихъ. Порядочныхъ людей
Лишь вы да я имѣемъ видъ пригожій.
Знакомство мы должны свести скорѣй.
Откуда вы? Я буду радъ, какъ другу,
Вамъ оказать и ласку, и услугу».

XIV.

Жуанъ сказалъ:—«Испанецъ родомъ я».
—«Такого ждалъ я именно отвѣта.
Не можетъ подлый грекъ держать себя
Такъ гордо. Ваша пѣснь еще не спѣта;
Надежды до конца терять нельзя.
Смотрите: перемѣнится все это;
Мы всѣ фортуны жалкіе рабы,
Но я привыкъ къ превратностямъ судьбы».

---

[1]) Съ угря сдираютъ кожу передъ тѣмъ, чтобъ его приготовить.

XV.

—«Позвольте васъ спросить, хоть и неловко:
Что привело нежданно васъ сюда?»
—«Отвѣтъ простой шесть турокъ и—веревка».
—«Но мнѣ узнать хотѣлось бы, когда
И какъ васъ взяли въ плѣнъ?»—«Командировку
Мнѣ далъ Суворовъ... Только въ томъ бѣда,
Что приступомъ не могъ я взять Виддина,
И самъ былъ взятъ; вотъ бѣдъ моихъ причина».

XVI.

—«А есть у васъ друзья?»—«Въ невзгоды часъ
Отыскивать ихъ—тщетное старанье...
Отвѣтилъ я на все; прошу и васъ
Мнѣ разсказать свои воспоминанья».
—«Унылъ и длиненъ будетъ мой разсказъ».
—«А если такъ, то лучшее—молчанье:
Когда пространна повѣсть и грустна,
Длиннѣе вдвое кажется она.

XVII.

Но всё жъ не унывайте. Въ ваши лѣта
Фортуна, что̀ обманчива порой,
Васъ не оставитъ; тѣмъ вѣрнѣе это,
Что вамъ нельзя считать ее женой;
Бороться съ ней никто не дастъ совѣта—
Былинкѣ гдѣ же справиться съ косой?
Тотъ часто въ заблужденіи глубокомъ,
Кто думаетъ, что можетъ править рокомъ».

XVIII.

— «Печалюсь я не о судьбѣ своей»,
Сказалъ Жуанъ: «мнѣ жаль того, что̀ было;
Я лишь скорблю о счастьи прежнихъ дней;
Я былъ любимъ, и—нѣтъ подруги милой».—
Тутъ онъ замолкъ, и тихо изъ очей
Слеза скатилась.—«Счастье измѣнило...
Но все же я со страхомъ незнакомъ,
И если плачу — плачу о быломъ.

XIX.

«Я твердъ душой, но тяжкій гнетъ разлуки
Мнѣ не по силамъ». — Тутъ онъ замолчалъ,
Въ отчаяньи свои ломая руки,
И голову склонилъ.—«Я такъ и зналъ,
Что женщина — причина вашей муки.
Понятна ваша скорбь. Я самъ рыдалъ,
Когда прощался съ первою женою,
А также, какъ былъ брошенъ и второю.

XX.

«Но третья...»—«Какъ», сказалъ Жуанъ: «у васъ
Есть три жены?»—«Въ живыхъ лишь двѣ осталось...
Чему тутъ удивляться?... Вѣдь не разъ
Инымъ вступать три раза въ бракъ случалось».
—«Что жъ третья? Продолжайте свой разсказъ...
Надѣюсь, вамъ она вѣрна осталась
И не ушла?» — «О, нѣтъ!» тотъ отвѣчалъ:
«Отъ третьей самъ я въ страхѣ убѣжалъ».

XXI.

— «Вы смотрите однако хладнокровно
На жизнь», сказалъ Жуанъ.—Я смятъ борьбой...
На вашемъ небѣ и свѣтло, и ровно
Сіяетъ радугъ много; ни одной
Не свѣтитъ мнѣ. Лишь въ юности любовно
Насъ грѣетъ лучъ надежды золотой,
Но время наши мысли измѣняетъ:
Такъ кожу каждый годъ змѣя мѣняетъ.

XXII.

«Сначала эта кожа и яснѣй,
И лучше первой, но потомъ тускнѣетъ
И съ каждымъ днемъ становится блѣднѣй.
Насъ въ юности любовь живитъ и грѣетъ,
Затѣмъ мы узнаемъ другихъ страстей
Тяжелый гнетъ, и сердце леденѣетъ:
Иной честолюбивъ и скупъ другой,
А третій дышетъ местью лишь одной».

XXIII.

Жуанъ сказалъ: — Вы можетъ быть и правы,
Но все жъ судьба тяжелая насъ ждетъ;
Слова мы тратимъ только для забавы».
— «Не много прока въ нихъ», отвѣтилъ тотъ.
«Но если мнѣнья правильны и здравы,
Страданье учитъ насъ. Такъ, рабства гнетъ
Узнавъ, не станемъ мы тѣснить народа,
Когда намъ вновь достанется свобода».

XXIV.

Жуанъ сказалъ, скрывая грустный вздохъ:
— «Какъ побывать хотѣлъ бы я на волѣ,
Чтобъ мстить злодѣямъ!... Да поможетъ Богъ
Несчастнымъ, побывавшимъ въ этой школѣ!»
— «Довольно испытали мы тревогъ
И долго ждать намъ не придется болѣ;
Вотъ черный евнухъ съ насъ не сводитъ глазъ:
Хотѣлъ бы я, чтобы купили насъ!

XXV.

«Конечно, грустно наше положенье,
Но лучшихъ мы дождаться можемъ дней,
Всѣ смертные, почти безъ исключенья,
Рабы своихъ желаній и страстей.
Холодный свѣтъ не знаетъ сожалѣнья;
Онъ глухъ къ мольбамъ безпомощныхъ людей...
Жить для себя, вполнѣ чуждаясь чувства—
Вотъ безсердечныхъ стоиковъ искусство!»

XXVI.

Въ то время подошелъ поближе къ нимъ
Серали стражъ безполый, евнухъ хилый;
Въ осмотрѣ ихъ онъ былъ неутомимъ;
Онъ оцѣнилъ ихъ ростъ, наружность, силы...
Нѣтъ, никогда съ вниманіемъ такимъ
Любовникъ не оглядываетъ милой,
Сукно—портной, проценты—ростовщикъ,
Барышникъ—лошадей, какъ покупщикъ—

XXVII.

Невольника. Должно быть есть отрада—
Существъ себѣ подобныхъ покупать.
Но, впрочемъ, всѣ продажны; только надо
Подкупности и вѣсъ, и мѣру знать:
Кого плѣняетъ мѣсто иль награда,
Кого—успѣхъ; все жъ долженъ я сказать,
Что дѣйствуетъ всего успѣшнѣй злато...
За власть, какъ за пинки—по таксѣ плата.

XXVIII.

Ихъ осмотрѣвъ съ вниманьемъ наконецъ,
Сначала одного, затѣмъ обоихъ,
Сталъ евнухъ торговать... Кричалъ купецъ;
Кричалъ и онъ, словъ не жалѣя строгихъ:
Торгуютъ такъ коровъ, свиней, овецъ
На ярмаркахъ. Такое брало зло ихъ,
Такой враждой пылалъ ихъ гнѣвный взоръ,
Что всѣмъ казалось—драка кончитъ споръ.

XXIX.

Но шумъ утихъ, и евнухъ съ грустной миной
Свой вынулъ кошелекъ и заплатилъ.
Купецъ пересмотрѣлъ всѣ до единой
Монеты, что въ уплату получилъ
(А то и пàры сходятъ за цехины [1]).
Всѣ деньги получивъ, онъ настрочилъ
Расписку и съ довольнымъ выраженьемъ
Сталъ думать объ обѣдѣ съ наслажденьемъ.

XXX.

Но могъ ли аппетитъ проснуться въ немъ
И могъ ли онъ свершить пищеваренье
Безъ всякой боли? Я увѣренъ въ томъ,
Что совѣсти онъ слышалъ угрызенья
За то, что безконтрольно, какъ скотомъ,
Людьми распоряжался. Безъ сомнѣнья,
На свѣтѣ ничего ужаснѣй нѣтъ,
Какъ дурно переваренный обѣдъ.

---

[1]) Пара—мелкая серебряная монета; цехинъ—золотой.

XXXI.

Вольтеръ намъ говоритъ, но это—шутка,
Что лишь поѣвши сладость свѣтлыхъ думъ
Вкушалъ Кандидъ. Вольтеръ неправъ: желудка
Не можетъ гнетъ не дѣйствовать на умъ;
Лишь тотъ, кто пьянъ, лишается разсудка
И дѣйствуетъ, конечно, на-обумъ.
Воззрѣніе мое узнать хотите ль?
Великій сынъ Филиппа [1])—мой учитель...

XXXII.

Вотъ мнѣнье Александра: «Намъ вдвойнѣ
Напоминаетъ смерть процессъ питанья
Съ другими жизни актами». По мнѣ,
Коль пища можетъ радость иль страданье
Въ насъ возбуждать, то лишніе вполнѣ—
Таланты, умъ, искусства и познанья;
Кто станетъ имъ оказывать почетъ,
Когда надъ всѣмъ желудокъ верхъ беретъ?

XXXIII.

Дней шесть тому назадъ я собирался
По городу пройтись; вдругъ близъ меня
Стрѣльбы необычайный звукъ раздался.
Съ поспѣшностью изъ дома вышелъ я.
Народъ шумѣлъ; на лицахъ страхъ читался.
Израненый, молчаніе храня,
На площади лежалъ старикъ почтенный,
Начальникъ войска города Равенны.

XXXIV.

Несчастный!... Чтобы счеты съ нимъ свести,
Въ него пять пуль безжалостно всадили
И бросили. Его перенести
Къ себѣ велѣлъ я. Тщетно мы ходили
За нимъ всю ночь; ужъ пользы принести
Не въ силахъ всѣ старанья наши были...
Пять вѣскихъ пуль и старое ружье
Съ нимъ порѣшили. Месть взяла свое.

XXXV.

Я зналъ его и съ вздохомъ сожалѣнья
Глядѣлъ на хладный трупъ. Не разъ видалъ
Я мертвыхъ, но такого выраженья
Спокойствія я прежде не встрѣчалъ
На блѣдномъ ликѣ жертвы разрушенья.
Казалось, онъ не умеръ—только спалъ...
(Изъ ранъ его кровь не лилась струею).
Я на него глядѣлъ, объятъ тоскою.

XXXVI.

«Что жизнь и смерть?»—у трупа я спросилъ;
Но онъ молчалъ—безмолвна смерть нѣмая...
«Возстань!»... Но онъ лежалъ, лишенный силъ;
Еще вчера, отвагою пылая,
Войсками храбрый вождь руководилъ,
Имъ гордо приказанья отдавая;
Теперь же онъ безпомощно лежалъ,
И барабанъ литавры замѣнялъ.

XXXVII.

Исполнены уныньѣ и печали,
Вокругъ вождя, что̀ пролилъ кровь свою,
Въ послѣдній, но не первый разъ, стояли
Соратники его. Давно ль въ строю
Они, дрожа, словамъ его внимали?
И что жъ?.. Герой, прославленный въ бою,
Побѣдными украшенный вѣнками,
Погибъ—убитъ продажными руками!

XXXVIII.

Близъ старыхъ ранъ, которыми стяжалъ
Онъ славу и почетъ, виднѣлись рядомъ
И новыя. Невольно ужасалъ
Контрастъ такой... Смущеннымъ, робкимъ взглядомъ
Я раны полководца озиралъ.
Отъ мертвеца несло могильнымъ хладомъ.
Глядя на этотъ трупъ, старался я
Умомъ постигнуть тайну бытія.

---

[1]) См. Plutarch. *Alex;* Q. Curtius *Hist. Alex.* etc.

XXXIX.

Но тайною осталась тайна эта.
Насъ окружаетъ вѣчный мракъ тюрьмы...
Что ждетъ насъ за могилой?—Нѣтъ отвѣта.
Сегодня—жизнь, а завтра—царство тьмы.
Желаннаго намъ не дождаться свѣта.
А міръ безсмертенъ, только смертны мы!
Но мудрствовать я болѣе не стану,
И вотъ перехожу опять къ роману.

XL.

Британца и Жуана покупщикъ
Сѣлъ со своей поклажею живою
Въ роскошно-позолоченный кайкъ,
Что̀ по волнамъ понесся съ быстротою.
Друзья смутились; страхъ въ ихъ грудь проникъ:
Трудна борьба съ невѣдомой судьбою...
Вотъ у стѣны, въ тѣни деревъ густыхъ,
Въ концѣ залива, стала лодка ихъ...

XLI.

Лишь проводникъ у двери постучался —
Раскрылась дверь желѣзная. За нимъ
Невольники пошли; онъ подвигался
Съ большимъ трудомъ по зарослямъ густымъ.
Ложилась тѣнь и ночи мракъ сгущался.
Итти труднѣй все становилось имъ.
Гребцы исчезли съ лодкой, скрыты мракомъ,—
Ихъ евнухъ удалилъ условнымъ знакомъ.

XLII.

Сквозь чащу померанцевыхъ деревъ
Они съ трудомъ дорогу пролагали...
(Природу юга былъ бы я готовъ
Описывать, да всѣ поэты стали
Ей посвящать плоды своихъ трудовъ!
Такихъ поэмъ не мало вы читали...
Одинъ поэтъ гостилъ у турокъ разъ, —
Съ тѣхъ поръ метода эта принялась).

XLIII.

Жуанъ слѣдилъ за евнухомъ въ волненьи.
Вдругъ мысль ему блестящая пришла.
И вамъ, и мнѣ, въ подобномъ положеньи,
Такая мысль легко прійти бъ могла.
«Убить проводника — одно мгновенье»,
Шепнулъ Жуанъ: «не вижу въ этомъ зла;
Скорѣй нанесть ударъ, чѣмъ молвить слово,
И мы затѣмъ свободны будемъ снова!»

XLIV.

Товарищъ возразилъ:—«И что жъ потомъ?
Какъ ухитримся дверь раскрыть снаружи?
Мы, можетъ бытъ, и кожи не спасемъ
(Варѳоломея вспомните! [1]). Намъ хуже,
Конечно, будетъ завтра подъ замкомъ
Въ глухой тюрьмѣ. Я голоденъ къ тому же
И, не жалѣя первородства правъ,
Ихъ продалъ бы за бифстекъ, какъ Исавъ.

XLV.

«Конечно, домъ находится за садомъ;
Не сталъ бы этотъ негръ, увѣренъ я,
Итти одинъ съ невольниками рядомъ,
Когда бъ не зналъ о близости жилья.
Лишь крикнетъ—многочисленнымъ отрядомъ
Сюда сбѣгутся въ мигъ его друзья.
Но посмотрите: вотъ дворецъ предъ нами;
Какъ онъ красивъ и залитъ весь огнями!»

XLVI.

Дѣйствительно, дворецъ весь расписной
Представился ихъ изумленнымъ взглядамъ;
Онъ поражалъ отдѣлкой золотой
И ярко разукрашеннымъ фасадомъ.
Турецкій стиль богатъ лишь пестротой,
Но гдѣ жъ ему итти съ искусствомъ рядомъ!
Всѣ виллы вдоль Босфора и дворцы —
Лишь ширмъ иль декорацій образцы...

---

[1]) Преданіе гласитъ, что съ св. Варѳоломея содрали съ живого кожу.

XLVII.

Когда друзья къ роскошному жилищу
Приблизились, ихъ сладко поразилъ
Отрадный запахъ яствъ. Глядя на пищу,
Жуанъ свое рѣшенье отложилъ,
Подумавъ: «Путь себѣ потомъ прочищу!»
Голодному лишь запахъ пищи милъ.
Британецъ молвилъ:—«Намъ теперь лишь нуженъ
Часъ отдыха и вкусный, сытный ужинъ».

XLVIII.

Совѣтуютъ, чтобъ убѣждать людей—
На ихъ разсудокъ дѣйствовать и страсти.
Послѣднее мнѣ кажется вѣрнѣй—
Вѣдь умъ ничьей не поддается власти.
Одинъ ораторъ плачетъ, чтобъ сильнѣй
Подѣйствовать; другой сулитъ напасти;
Желаетъ всякій тронуть, убѣдить,
Но ни одинъ не хочетъ краткимъ быть.

XLIX.

Я твердо вѣрю въ силу убѣжденья
И красоты; порой полезна лесть,
Порою и угрозы; нѣтъ сомнѣнья,
Что въ золотѣ не мало силы есть.
Но все жъ людей въ такое умиленье
Ничто не въ состояніи привесть,
Въ такой восторгъ, какъ сладкій звонъ къ обѣду,
Что славитъ плоти надъ душой побѣду.

L.

Хоть въ Турціи къ обѣду не звонятъ,
Но трапеза и тамъ на первомъ планѣ...
Лакеи не стояли чинно въ рядъ,
И колоколъ не возвѣщалъ заранѣ
О томъ, что столъ накрытъ; все жъ ароматъ
Дымящихся и сочныхъ яствъ въ Жуанѣ
Будилъ неотразимый аппетитъ.
Планъ мщенья былъ отложенъ и забытъ.

LI.

Ихъ проводникъ увѣренно и смѣло
Шелъ впереди. Несчастный и не зналъ,
Что жизнь его на волоскѣ висѣла...
Остановивъ невольниковъ, онъ сталъ
Стучаться въ домъ. Мгновенье пролетѣло—
Съ воротъ глухихъ затворы сторожъ снялъ,
И ихъ глазамъ представилася зала,
Что въ роскоши восточной утопала.

LII.

Я въ описаньяхъ силенъ, но о ней
Не стану говорить. Теперь такъ много
Туристовъ развелось, что ихъ статей
Не перечесть. Мнѣ съ ними—не дорога:
Все только описанья, но идей
Не требуйте отъ нихъ, тѣмъ больше слога...
Цѣль авторовъ—чтобъ ихъ замѣтилъ свѣтъ,
А до природы имъ и дѣла нѣтъ...

LIII.

Вдоль стѣнъ, почти недвижно, возсѣдали
Сыны пророка, ноги подъ себя
Поджавъ. Иные въ шахматы играли;
Другіе, разговоровъ не любя,
Изъ мундштуковъ янтарныхъ дымъ пускали;
Здѣсь спалъ одинъ, свернувшись, какъ змѣя;
А тамъ другой, объ ужинѣ мечтая,
Къ нему приготовлялся, ромъ глотая.

LIV.

Ни толковъ, ни разспросовъ никакихъ
Не вызвало гяуровъ появленье;
Разсѣянно оглядывали ихъ—
И лицъ не измѣнилось выраженье.
Такъ, мимоходомъ, на коней лихихъ
Глядятъ, цѣня ихъ силы и сложенье.
Иные негру отдали поклонъ,
Но ни о чемъ разспрошенъ не былъ онъ.

LV.

Оставивъ турокъ сонное собранье,
Невольниковъ повелъ онъ за собой
По ряду пышныхъ залъ. Вездѣ молчанье
Царило; только въ комнатѣ одной
Фонтана раздавалося журчанье,
Да женскій глазъ выглядывалъ порой
И спрашивали черныя тѣ очи:
«Что тутъ за шумъ, среди покоя ночи?»

LVI.

Довольно лампъ вдоль стѣнъ горѣло въ рядъ,
Чтобъ освѣщать ихъ путь, но слишкомъ мало,
Чтобъ роскошь этихъ царственныхъ палатъ
Во всемъ своемъ величьи выступала.
Тяжелою печалью я объятъ,
Когда передо мной пустая зала,
Гдѣ не видать кругомъ души живой...
Унылъ ея торжественный покой!

LVII.

Близъ скалъ сѣдыхъ, что̀ злобно точатъ волны,
Въ пустынѣ иль въ лѣсу—не страшно намъ
Уединенье... Пусть они безмолвны—
Просторъ и тишь душѣ отрадны тамъ.
Но если мрака и молчанья полны
Палаты, гдѣ веселью свѣтлый храмъ
Воздвигнутъ, тяжекъ этотъ видъ унылый—
Онѣ тогда сходны съ нѣмой могилой...

LVIII.

Веселый ужинъ, ласки и привѣтъ,
Подруги милой образъ идеальный,
Уютный уголокъ и—горя нѣтъ,
И часъ за часомъ мчится безпечально.
Эффектнѣе, конечно, яркій свѣтъ,
Что газъ бросаетъ въ залѣ театральной;
Но мнѣ просторъ пустынныхъ залъ милѣй—
Вотъ отчего тоска въ душѣ моей!

LIX.

Безцѣльны зодчихъ пышныя затѣи:
Чѣмъ больше зданье, тѣмъ виднѣе намъ,
Какъ жалокъ человѣкъ. Зачѣмъ пигмеи
Соборы воздвигаютъ къ небесамъ?
Дворцы, чертоги, храмы, мавзолеи—
Къ чему они съ тѣхъ поръ, какъ палъ Адамъ?
Какъ не умѣритъ эти вожделѣнья
Разительный примѣръ столпотворенья!...

LX.

Великъ былъ Вавилонъ, что всѣхъ дивилъ
Богатствами и силой... Величаво
Навуходоносоръ надъ нимъ царилъ,
Пока не сталъ пастись въ тѣни дубравы;
Со львами тамъ справлялся Даніилъ;
Съ Пирамомъ Тизба увѣнчались славой,
И тамъ жила, собой плѣняя свѣтъ,
Семирамида, жертва злыхъ клеветъ.

LXI.

Всѣ лѣтописцы, злобною толпою,
Пристрастіемъ къ коню ее клеймятъ.
(Любовь, какъ и религія, порою
Впадаетъ въ ересь)! Но такой развратъ
Невѣроятенъ; жалкой клеветою
Все это отзывается. Наврядъ
Могло такъ быть, и я иного мнѣнья:
Скакунъ имѣлъ *курьера* тамъ значенье [1]).

LXII.

Иной, пожалуй, скажетъ: «Вавилонъ—
«Лишь миѳъ пустой!» (Безвѣріе—не чудо
Въ нашъ вѣкъ). Но скептикъ будетъ обличенъ:
У насъ есть доказательствъ вѣрныхъ груда:
Сэръ Ричъ нашелъ, гдѣ былъ построенъ онъ,
И нѣсколько камней привезъ оттуда;
Къ тому жъ о немъ есть въ Библіи разсказъ,
А Библіи слова—законъ для насъ.

---

[1]) Намекъ на процессъ королевы Каролины, которую обвиняли въ любовной связи съ ея курьеромъ Бергами.

LXIII.

Пусть вспомнятъ тѣ, что̀ воздвигаютъ зданья,
Лишь думая о радостяхъ земныхъ,
Горація прелестное воззванье:
«Вы строите дворцы, а васъ въ живыхъ
«Не будетъ скоро, жалкія созданья!»
Какою правдой дышетъ грустный стихъ:
«Et sepulchri immemor struis domos!»
Насъ манитъ жизнь, а смерти слышенъ голосъ.

LXIV.

Невольниковъ все за собою велъ
Ихъ проводникъ. Объятый нѣгой, сонный
Дворецъ молчалъ; вотъ съ ними негръ вошелъ
Въ созданье фей, покой уединенный,
Гдѣ роскоши воздвигнутъ былъ престолъ.
Природа созерцала удивленно
Красу и блескъ въ немъ собранныхъ вещей,
Не зная, какъ съ искусствомъ ладить ей.

LXV.

Навалены богатствъ тамъ были горы.
А цѣлый рядъ покоевъ былъ такихъ...
Диваны красотой плѣняли взоры;
Казалось, страшно даже сѣсть на нихъ!
Ковровъ пестрѣли пышные узоры;
Любуясь рядомъ тканей дорогихъ,
Хотѣлось, чтобы ихъ не смять ногою,
По нимъ скользить, ставъ рыбкой золотою.

LXVI.

Но этотъ блескъ не изумлялъ ничуть
Проводника, тогда какъ отъ волненья
У путниковъ его вздымалась грудь;
Они неслись на крыльяхъ вдохновенья,
Какъ будто бы подъ ними млечный путь,
Весь въ звѣздахъ, разстилался. Въ углубленьи
Одной изъ стѣнъ виднѣлся шкафъ большой.
(Надѣюсь, вамъ разсказъ понятенъ мой,

LXVII.

А если нѣтъ, я неповиненъ въ этомъ).
Негръ отперъ шкафъ; въ немъ былъ нарядовъ складъ,
Что разнились и формою, и цвѣтомъ;
Надѣть ихъ всякій турокъ былъ бы радъ,
Чтобы блеснуть изящнымъ туалетомъ.
Хоть выборъ былъ роскошенъ и богатъ,
Но все же для гяуровъ негръ угрюмый
По вкусу своему избралъ костюмы.

LXVIII.

Британцу онъ нарядъ богатый далъ:
Широкій плащъ, какъ носятъ кандіоты,
И пышныя шальвары; шаль досталъ
Тончайшаго узора и работы,
Прибавивъ туфли и большой кинжалъ,
Чеканенный и съ яркой позолотой.
Британецъ въ одѣяніи такомъ
Выглядывалъ вполнѣ турецкимъ львомъ...

LXIX.

На нихъ глядя внушительно и строго,
Баба̀, ихъ проводникъ, себѣ далъ трудъ
Имъ объяснить, что ждетъ ихъ выгодъ много,
Когда они безропотно пойдутъ
Судьбою имъ указанной дорогой;
Своимъ онъ долгомъ счелъ прибавить тутъ,
Что согласись они на обрѣзанье—
Похвалъ ихъ удостоятъ и вниманья.

LXX.

Онъ такъ окончилъ рѣчь:—«Я былъ бы радъ
«Въ васъ видѣть мусульманъ, но принужденья
«Не пустятъ въ ходъ, чтобъ вы святой обрядъ
«Свершили надъ собой».—Благодаренье
Воздавъ ему за то, что знать хотятъ
Объ этакой бездѣлицѣ ихъ мнѣнье,
Британецъ, чтобъ смиренье заявить,
Турецкіе порядки сталъ хвалить.

LXXI.

Онъ къ этому прибавилъ, что питаетъ
Къ обычаямъ похвальнымъ мусульманъ
Большое уваженье и желаетъ,
Чтобъ для отвѣта срокъ ему былъ данъ;
Принять онъ предложенье полагаетъ
Поужинавъ.—«О, срамъ!» вскричалъ Жуанъ.
«Возможно ль стать посмѣшищемъ для свѣта!
«Скорѣй умру, чѣмъ соглашусь на это...

LXXII.

«Пусть голова скорѣй свалится съ плечъ!»
Британецъ возразилъ:—«Еще два слова,
«Вѣдь я еще свою не кончилъ рѣчь».
Тутъ къ евнуху онъ обратился снова:
—«Поѣмъ сперва, затѣмъ пойду прилечь...
«Рѣшусь ли обратиться къ жизни новой,
«Потомъ скажу; но всё надѣюсь я,
«Что принуждать не станете меня».

LXXIII.

— «И вамъ переодѣться будетъ надо»,
Сказалъ Жуану евнухъ и такой
Досталъ нарядъ, что было бы отрадой
Его надѣть красавицѣ любой;
Жуанъ же оттолкнулъ его съ досадой
Своею христіанскою ногой
И такъ одѣться отказался прямо,
Сказавъ: «Почтенный старецъ, я—не дама».

LXXIV.

—«Какой вашъ полъ»,—съ разсерженнымъ лицомъ
Отвѣтилъ негръ,—«мнѣ это всё едино;
«Но всё же я поставлю на своёмъ».
—«Какая же», спросилъ Жуанъ, «причина
«Такой продѣлки? Что вамъ толку въ томъ,
«Что женщиной нарядится мужчина?»
—«Немного потерпите, и затѣмъ
«Поймёте всё; но я останусь нѣмъ».

LXXV.

—«Я требую!» сказалъ Жуанъ нахально.
—«Прошу», замѣтилъ негръ, «умѣрить пылъ.
«Такая смѣлость, можетъ быть, похвальна,
«Но для борьбы у васъ не хватитъ силъ;
«Она для васъ окончится печально».
—«Что жъ, съ платьемъ я свой полъ не измѣнилъ!»
Воскликнулъ тотъ.—«Коль къ мѣрамъ я тя-
желымъ
«Прибѣгну, вы совсѣмъ проститесь съ поломъ.

LXXVI.

«Я пышный предлагаю вамъ костюмъ»,
Негръ продолжалъ. «Что женскій онъ, нѣтъ спора,
«Но есть на то причина. Крикъ и шумъ
«Напрасны,—въ этомъ убѣдитесь скоро!»
Жуанъ стоялъ и мраченъ, и угрюмъ.
—«Вотъ лоскутокъ отъ женскаго убора...
«Что дѣлать съ нимъ?» Жуанъ, сердясь, спросилъ:
Такъ кружево онъ цѣнное честилъ.

LXXVII.

Затѣмъ Жуанъ шальвары цвѣта тѣла
Надѣлъ, ворча и не скрывая гнѣвъ;
Свой лёгкій станъ, рубашкой скрытый бѣлой,
Онъ поясомъ стянулъ невинныхъ дѣвъ.
Впередъ успѣшно подвигалось дѣло,
Но юбка подвела: ее надѣвъ,
Онъ оступился, въ складкахъ утопая...
Неловкость извинительна такая!

LXXVIII.

Жуанъ, сердясь, урокъ свой первый бралъ,
Какъ одѣваться женщиною; ясно,
Что всѣхъ уловокъ дамскихъ онъ не зналъ.
Когда же наступалъ моментъ опасный,
Баба ему усердно помогалъ,
Чтобъ съ модою все шло вполнѣ согласно;
Самъ платье на Жуана онъ надѣлъ,
Затѣмъ нарядъ съ вниманьемъ осмотрѣлъ.

LXXIX.

Все было хорошо, но вотъ досада:
Прическа дамы требуетъ волосъ,
Жуанъ же былъ остриженъ; но изъ склада
Баба досталъ запасъ фальшивыхъ косъ;
Пригладивъ ихъ душистою помадой,
Убрать Жуана дамой удалось.
Прическа, что и такъ красой плѣняла,
Съ алмазами еще роскошнѣй стала.

LXXX.

Посредствомъ ножницъ, щипчиковъ, бѣлилъ
Жуана совершилось превращенье,—
На дѣвушку вполнѣ онъ походилъ.
Баба сказалъ, исполненъ восхищенья:
—«За мной идите, сударь.,. Ахъ забылъ,
«Сударыня... Возможно ли сомнѣнье?»
Тутъ хлопнулъ онъ рукой, и въ тотъ же мигъ
Четыре негра стали возлѣ нихъ...

LXXXI.

—«Васъ ужинъ ждетъ. Вотъ стража для надзора»,
«Британцу такъ Баба сказалъ. «А вы
«За мной идите, робкая синьора,
«Но выкинуть прошу изъ головы
«Пустую блажь,—я не терплю задора.
«Не опасайтесь, здѣсь не рыщутъ львы.
«Дворецъ Султана—рая Магомета
«Преддверье; мудрецу понятно это.

LXXXII.

«Не бойтесь: зла вамъ сдѣлать не хотятъ».
—«Тѣмъ лучше», былъ отвѣтъ: «я за обиду
«Отмстить съумѣю, Тотъ не будетъ радъ,
«Кто оскорбитъ меня. Я слабъ лишь съ виду.
«Теперь я тихъ; но если мой нарядъ
«Въ обманъ введетъ, я изъ терпѣнья выйду
«И защитить свою съумѣю честь.
«Повѣрьте мнѣ, моя опасна месть!»

LXXXIII.

Когда Баба далъ снова приказанье
Итти за нимъ, Жуанъ прощаться сталъ
Съ товарищемъ. Глядя на одѣянье,
Что юношѣ видъ женщины давалъ,
Тотъ скрыть улыбку былъ не въ состояньи.
—«Здѣсь край чудесъ!» ему Жуанъ сказалъ.
«Мы взяты въ рабство чернымъ чародѣемъ:
«Я дѣвой сталъ, а вы—турецкимъ беемъ.

LXXXIV.

«Прощайте!»—«Если встрѣтимся опять»,
Отвѣтилъ тотъ, «хоть я пойду налѣво,
«Направо вы,—о многомъ разсказать
«Придется намъ. Безропотно, безъ гнѣва
«Судьбы велѣнья надо принимать.
«Но сохраните честь, хоть пала Ева!»
— «Меня не соблазнитъ и самъ султанъ,
«Руки не предложивъ», сказалъ Жуанъ.

LXXXV.

Разстаться для друзей пора настала.
По анфиладѣ залъ и галлерей
Баба провелъ Жуана. У портала,
Что поражалъ массивностью своей,
Они остановились. Все дышало
Здѣсь святостью и миромъ алтарей;
Вездѣ носились волны ѳиміама.
Они, казалось, были возлѣ храма.

LXXXVI.

Порталъ-колоссъ, украшенный рѣзьбой,
Весь вылитъ былъ изъ бронзы позлащенной;
На немъ изображался лютый бой:
Здѣсь побѣдитель шелъ, тамъ побѣжденный
Лежалъ въ пыли и плѣнныхъ за собой
Велъ тріумфаторъ. Эры отдаленной,
Когда Востокомъ кесарь управлялъ,
Созданьемъ былъ роскошный тотъ порталъ.

LXXXVII.

Въ концѣ онъ помѣщался пышной залы...
Какъ бы служа контрастомъ тѣмъ дверямъ,
Два карлика, уродства идеалы,
Стояли на часахъ по ихъ бокамъ.
Такъ жалкіе пигмеи были малы,
Что ихъ никто бъ и не замѣтилъ тамъ,—
Порталъ, что возлѣ нихъ стоялъ стѣною,
Ихъ подавлялъ своей величиною.

LXXXVIII.

Кто наступалъ на нихъ почти совсѣмъ,
Тотъ только могъ, съ невольнымъ отвращеньемъ,
Ихъ разглядѣть черты. Къ уродамъ тѣмъ
Всѣ относились съ злобой и презрѣньемъ;
Къ тому жъ изъ нихъ былъ каждый глухъ и нѣмъ,
И цвѣтъ ихъ лицъ былъ всѣхъ цвѣтовъ смѣшеньемъ.
Границъ не знало безобразье ихъ.
Зато и денегъ стоило большихъ.

LXXXIX.

Они большою обладали силой.
Держать всегда тѣ двери подъ замкомъ —
Ихъ главною обязанностью было;
Но отворять имъ было ни почемъ
Гарема дверь, что̀ плавно такъ скользила,
Какъ плавенъ стихъ у Роджерса. Притомъ
И казни ими тайно совершались:
Для дѣлъ такихъ всегда нѣмые брались!

XC.

Имъ знаки замѣняли разговоръ.
Когда Баба̀ предъ нимъ появился
И приказалъ скорѣе снять затворъ,
Та̀къ на Жуана злобно устремился
Чудовищъ тѣхъ нѣмыхъ змѣиный взоръ,
Что онъ невольно струсилъ и смутился.
Казалось, имъ въ удѣлъ достался даръ
Опутывать людей посредствомъ чаръ.

XCI.

Не мало далъ Жуану наставленій
Баба̀ предъ тѣмъ, чтобъ подойти къ дверямъ:
— «Не дѣлайте порывистыхъ движеній,
«Старайтесь подражать походкѣ дамъ;
«Когда мы не разсѣемъ подозрѣній,
«Живыми не уйти отсюда намъ;
«Примите видъ взволнованный и томный
«Какъ это долгъ велитъ дѣвицѣ скромной.

XCII.

«Остеретайтесь карликовъ: ихъ взоръ
«Пронижетъ васъ; онъ бдителенъ и зорокъ;
«Въ обманъ ввести старайтесь ихъ надзоръ,
«Коль только солнца свѣтъ вамъ милъ и дорогъ;
«Не то—въ мѣшкѣ забросятъ насъ въ Босфоръ
«И никакихъ не примутъ отговорокъ;
«Таковъ обычай мѣстный—и какъ разъ
«Безъ лодки въ даль угонятъ волны насъ».

XCIII.

Съ напутствіемъ такимъ Жуана ввелъ онъ
Въ покой, что̀ убранъ былъ еще пышнѣй,
Чѣмъ прочіе. Онъ былъ настолько полонъ
Невѣроятной роскоши затѣй,
Что глазъ, такою пышностью уколонъ,
Не зналъ, на что̀ глядѣть. Игра камней
Сливалася вездѣ съ сіяньемъ злата:
Все было тамъ и пышно, и богато.

XCIV.

Въ дворцахъ Востока роскошь колетъ глазъ,
Но никогда она тамъ не являлась
Въ соединеньи съ вкусомъ. Мнѣ не разъ
На Западѣ бывать въ дворцахъ случалось—
И тамъ безвкусье поражало васъ,
Хоть менѣе богатства замѣчалось.
Нѣтъ средства перечислить, сколько въ нихъ
Картинъ и статуй видѣлъ я плохихъ.

XCV.

Въ той комнатѣ, объятой полумракомъ,
Султанша возсѣдала, на диванъ
Облокотясь. Предупрежденный знакомъ,
Предъ нею на колѣни палъ Жуанъ,
Что̀ до поклоновъ вовсе не былъ лакомъ.
Его смущали нравы этихъ странъ.
Передъ султаншей также евнухъ черный
Упалъ во прахъ, склонивъ главу покорно.

XCVI.

Венерой, разстающейся съ волной,
Она возстала, ихъ окинувъ взглядомъ,
Что̀ затмѣвалъ и блескомъ, и красой
Сокровища, лежавшія тутъ рядомъ.
Кивнувъ надменно евнуху рукой,
Плѣнявшей нѣжной прелестью и складомъ,
Она его къ себѣ подозвала.
Какъ лунный свѣтъ рука ея бѣла!

XCVII.

Онъ, край ея пурпуроваго платья
Поцѣловавъ, шептаться съ нею сталъ.
Красы ея не въ силахъ описать я
И лучше—я стихомъ бы ослѣплялъ;
Словами невозможно дать понятья
О совершенствѣ. Свѣтлый идеалъ
Лишь можетъ рисовать воображенье,
А потому—и слово безъ значенья.

XCVIII.

Хоть съ ней давно простилася весна
(Лѣтъ двадцать-шесть ей въ это время было),
Но все жъ она была красы полна;
Иныхъ и лѣтъ не побѣждаетъ сила,—
Надъ временемъ имъ свыше власть дана;
Шотландская Марія сохранила
Красу весь вѣкъ, и время не могло
Умалить блескъ Нинoны де-Ленкло.

XCIX.

Съ величіемъ царицы, приказанье
Прислужницамъ султанша отдала.
Всѣхъ одинако было одѣянье.
Жуанъ по платью былъ изъ ихъ числа.
Казалось такъ невинно ихъ собранье,
Что каждую изъ нихъ бы взять могла
Себѣ въ подруги чистая Діана;
Но не скрывалъ ли взглядъ такой обмана?

C.

Прислужницы, почтительный поклонъ
Отдавъ Гюльбеѣ, скрылися толпою,
Минуя дверь, въ которую введенъ
Былъ Донъ-Жуанъ. Богатствомъ и красою
Той пышной залы восхищался онъ.
Мнѣ жалокъ тотъ, кто, полный лишь собою,
Не признаетъ ничьихъ законныхъ правъ,
Nil admirari—лозунгомъ избравъ.

CI.

«Коль ищете вы счастья,—удивленье
«Гоните прочь!» Вотъ Мюррея совѣтъ
И Крѝча; но слова ихъ повторенье:
Горацій, вдохновеніемъ согрѣтъ,
Давно распространялъ такое мнѣнье;
Съ нимъ Попе за-одно; но если бъ свѣтъ
Не дѣлалъ мощнымъ геніямъ овацій,
Не пѣли бы ни Попе, ни Горацій.

CII.

Когда ушли прислужницы, Баба̀
Согнуть колѣни вновь велѣлъ Жуану
И приложиться, съ подлостью раба,
Къ ея ногѣ; но словно истукану
Онъ говорилъ.—«Грустна моя судьба!»
Вскричалъ Жуанъ во гнѣвѣ, «но не стану
«Ни передъ кѣмъ достоинства ронять:
«Лишь туфлю папы можно цѣловать».

CIII.

Баба̀, конечно, дерзостью отвѣта
Былъ возмущенъ и петлю посулилъ;
Но предъ самой невѣстой Магомета
Жуанъ бы ни за что не уронилъ
Достоинства. Законамъ этикета
Подвластны всѣ; ихъ свѣтъ всегда цѣнилъ;
Они не для одной среды придворной,—
И въ захолустьяхъ люди имъ покорны.

CIV.

Отъ бѣшенства сверкалъ Жуана взоръ;
Кастильскихъ предковъ духъ въ немъ пробудился;
Унизиться считалъ онъ за позоръ
И съ арміей скорѣе бы сразился,
Чѣмъ уступилъ. Признавъ напраснымъ споръ,
Баба̀ уступку сдѣлать согласился,
И для того, чтобъ сразу кончить бой,
Придумалъ ногу замѣнить рукой.

CV.

Успѣхомъ увѣнчалось предложенье:
Не поступилъ бы лучше дипломатъ.
Тутъ съ евнухомъ, немедля, въ соглашенье
Вступилъ Жуанъ, что былъ условью радъ.
Онъ молвилъ:—«Всякой дамѣ уваженье
«Оказывать приличья намъ велятъ,
«И мы всегда – такъ принято ужъ это—
«Подходимъ къ ручкѣ дамы для привѣта».

CVI.

И вотъ Жуанъ, не торопясь ничуть,
Къ рукѣ султанши подошелъ небрежно;
Едва ль касался онъ когда-нибудь
Такой руки породистой [1]) и нѣжной.
Восторженно устами къ ней прильнуть
Желалъ бы всякій. Ручки бѣлоснѣжной
Надъ смертными неотразима власть:
Коснешься къ ней—и въ сердцѣ дышетъ страсть.

CVII.

Окинувъ взглядомъ юношу, Гюльбея
Велѣла гордо негру скрыться съ глазъ,
И евнухъ, ей противиться не смѣя,
Исполнилъ тотчасъ данный ей приказъ,
Сказавъ Жуану тихо:—«Не робѣя
«Приблизьтесь къ ней! васъ ждетъ блаженства
часъ!»
Собой довольный, евнухъ вышелъ смѣло,
Какъ будто совершилъ благое дѣло.

CVIII.

Лишь вышелъ негръ—и въ мигъ она покой
Утратила, волненіемъ объята;
Кровь прилила багряною струей
Къ ея лицу. Такъ яркій лучъ заката
На облака, вечернею порой,
Бросаетъ отблескъ пурпура и злата.
Огонь сверкнулъ въ ея глазахъ большихъ:
И страсть, и гордость смѣшивались въ нихъ.

CIX.

Ея краса была неоспорима,
Но сатана съ ней, вѣрно, сходенъ былъ,
Когда онъ принялъ образъ херувима,
Чтобъ Еву обольстить, и тѣмъ открылъ
Неправды путь, столь смертными любимый...
Въ ней гордость охлаждала сердца пылъ;
Рабы могли итти за нею слѣдомъ,
Но рабства гнетъ ей былъ самой невѣдомъ.

CX.

Во всѣхъ ея поступкахъ и словахъ
Гордыня проявлять себя умѣла;
Всѣ предъ Гюльбеей падали во прахъ;
На шеѣ цѣпь у всякаго висѣла
Въ присутствіи ея; но развѣ страхъ—
Надежная опора? Можно тѣло
Поработить, но духъ свое возьметъ;
Онъ лишь одну свободу признаетъ.

---

[1]) Ничто такъ не доказываетъ знатность происхожденія, какъ красота руки. Это почти единственная особенность, которая по рожденію передается аристократіей. *Байронъ.*

CXI.

Ея улыбка, что̀ красой плѣняла,
Была высокомѣрія полна;
Привѣтствіе ея—и то дышало
Надменностью; ни передъ кѣмъ она
Своей главы покорно не склоняла;
Обычаю восточному вѣрна,
За поясомъ она кинжалъ носила.
(Съ такой женой мнѣ бъ трудно ладить было!)

CXII.

Она не знала удержу ни въ чемъ.
Предъ волею ея благоговѣя,
Толпа рабовъ лишь думала о томъ,
Чтобы ея малѣйшая затѣя
Исполнена была. Такимъ путемъ—
Будь только христіанкою Гюльбея—
Открыли бъ для нея—я убѣжденъ—
И вѣчнаго движенія законъ.

CXIII.

Богатства ей безумно расточались
И прихотямъ ея платили дань;
Ей деньги никогда въ разсчетъ не брались:
Чего бъ ни пожелала, все достань!
Но все жъ охотно ей повиновались,
Хотя она и деспотизма грань
Переступала; женщины, порою,
Мирились съ нимъ, но не съ ея красою.

CXIV.

Нечаянно Жуана увидавъ,
Она его немедленно велѣла
Купить. Баба̀, что̀ подлъ былъ и лукавъ,
Съ охотою взялся за это дѣло,—
Могла ль она обуздывать свой нравъ?
Но хитрый негръ свой планъ обдумалъ зрѣло,
И для того, чтобъ лучше скрыть обманъ,
Дѣвицей былъ наряженъ Донъ-Жуанъ.

CXV.

Возможно ли такое приключенье?
Вы странностью его поражены;
Но вами возбужденныя сомнѣнья
Султанши сами разрѣшить должны.
Скажите, развѣ рѣдкое явленье—
Обманутый монархъ? Въ глазахъ жены
Онъ только мужъ, какихъ на свѣтѣ много,
И все идетъ обычною дорогой.

CXVI.

Такихъ примѣровъ горестныхъ полна
Исторія. Но вновь вернусь къ разсказу.
Гюльбея въ томъ была убѣждена,
Что все пойдетъ какъ будто по заказу;
Вѣдь юношу пріобрѣла она
И думала, что ей удастся сразу
Его простымъ вопросомъ побѣдить:
«Христіанинъ, умѣешь ли любить?»

CXVII.

Могло бъ такъ быть; но образъ сердцу милый
Еще Жуанъ носилъ въ груди своей:
Онъ не забылъ Гайдэ, и съ новой силой
Его сдавила сердце мысль о ней;
Онъ вспомнилъ нѣжной дѣвы ликъ унылый,
Ея любовь, и—снѣга сталъ бѣлѣй.
Какъ бы пронзенный острыми стрѣлами,
Онъ залился горючими слезами.

CXVIII.

Такія слезы грудь на части рвутъ;
Ихъ горечь отравляетъ хуже яда...
Онѣ свинцомъ расплавленнымъ текутъ.
Чтобъ слезы лилъ мужчина, сердце надо
И жизнь его разбить... Тѣ слезы жгутъ...
А въ нихъ и облегченье, и отрада
Для женщинъ; мукъ онѣ смываютъ слѣдъ,—
Для насъ же безпощаднѣй пытки нѣтъ!

CXIX.

Она его утѣшить бы хотѣла,
Но какъ—совсѣмъ не знала... Съ юныхъ лѣтъ
Она съ рабами лишь имѣла дѣло,
Встрѣчая только ласки и привѣтъ.
Предъ нею проявляться скорбь не смѣла,
Ей и во снѣ не представлялось бѣдъ:
Лелѣяли ее лишь счастья грезы—
И вдругъ, предъ нею, проливались слезы!

CXX.

Но женщина сердечную печаль
Всегда не прочь утѣшить, и кручина
Въ ней будитъ состраданіе. Едва ль
Одну найдешь, которой сердце—льдина.
Гюльбеѣ Донъ-Жуана стало жаль.
Хоть непонятна ей была причина
Его рыданій, ими смущена,—
Невольно вдругъ заплакала она!

CXXI.

Но свѣтъ не знаетъ вѣчнаго мученья,
И, какъ всему, есть и слезамъ предѣлъ.
Жуанъ унялъ душевное волненье
И смѣло на Гюльбею посмотрѣлъ.
Въ глазахъ исчезъ послѣдній лучъ смятенья;
Хоть онъ предъ красотой благоговѣлъ;
Но все жъ не могъ переносить безъ боли
Сознанья, что онъ—жертва злой неволи...

CXXII.

Гюльбеѣ приходилось въ первый разъ
Встрѣчать отпоръ. Она весь вѣкъ внимала
Лишь лести и мольбамъ; ея приказъ
Закономъ былъ, и все предъ ней дрожало;
Ей жизни стоить могъ блаженства часъ...
И что жъ?—Ее опасность не смущала,
А время уносилось безъ слѣда,
Не принося желаннаго плода.

CXXIII.

Здѣсь ваше обращаю я вниманье
На то, что въ взглядахъ Сѣверъ и Востокъ
Расходятся: для нѣжнаго признанья
На Сѣверѣ дается дольше срокъ;
А тамъ одна минута колебанья
Иль замедленья—пагубный порокъ:
Мгновенно тамъ должна рождаться страстность,
Иль осрамиться вамъ грозитъ опасность.

CXXIV.

Жуанъ бы не ударилъ въ грязь лицомъ,
Но о Гайдэ онъ думалъ, и страданье
Другія чувства заглушало въ немъ;
Гюльбею онъ оставилъ безъ вниманья;
Его жъ своимъ считала должникомъ
Султанша за опасное свиданье.
То вспыхнувъ вдругъ, а то какъ смерть блѣдна,
Стояла рядомъ съ юношей она.

CXXV.

Затѣмъ она дрожащею рукою
Его схватила руку, страстный взоръ
Бросая на него съ нѣмой мольбою;
Просила ласкъ, но встрѣтила отпоръ.
Подавлена душевною борьбою,
Она сдержала гнѣвъ, и лишь укоръ
Сверкнулъ въ очахъ; но страсть въ ней бушевала,
И вотъ она въ его объятья пала.

CXXVI.

Насталъ моментъ опасный; но Жуанъ
Былъ защищенъ броней сердечной боли
И гордости; онъ выпрямилъ свой станъ
И вырвался изъ плѣна: въ рабской долѣ
Томительнѣе боль сердечныхъ ранъ.
Онъ такъ сказалъ:—«Когда орелъ въ неволѣ,
«Не ищетъ онъ подруги, скорбь тая;
«Разврату дань платить не буду я!..

CXXVII.

«Умѣю ль я любить, ты знать хотѣла?
«Суди о томъ, какъ чту любви законъ,
«Коль страсть твоя мнѣ сердца не согрѣла!
«Я—рабъ; нарядъ мой жалокъ и смѣшонъ;
«Любовь лишь для свободныхъ; если тѣло
«Поработить порою можетъ тронъ,
«Заставить ползать, сдерживая страсти,
«Все жъ онъ надъ сердцемъ не имѣетъ власти».

CXXVIII.

Жуанъ сказалъ лишь правду; но границъ
Гюльбеи своеволіе не знало.
По ней, лишь для царей и для царицъ
И ихъ утѣхъ земля существовала!
Могли ль предъ нею не склоняться ницъ
Рабы, когда она повелѣвала?
Легитимизмъ до выводовъ такихъ
Доводитъ всѣхъ сторонниковъ своихъ.

CXXIX.

Къ тому жъ ее природа надѣлила
Такой красой, что нищей будь она—
Безспорно бы надъ смертными царила,
Поклонниковъ толпой окружена...
Такой красы неотразима сила,
А ей и власть была въ удѣлъ дана.
Вѣнецъ царицы украшалъ Гюльбею!
Кто жъ могъ не преклоняться передъ нею?

CXXX.

О, юноши! Прошу припомнить васъ,
Какъ необузданъ гнѣвъ старухи страстной,
Просящей ласкъ, когда она отказъ
Встрѣчаетъ: месть ея всегда опасна—
О томъ вы, вѣрно, слышали не разъ!
Гюльбея же была вполнѣ прекрасна;
Что жъ чувствовать красавица могла,
Когда на зовъ отвѣта не нашла?

CXXXI.

Припомните, какъ поступила строго
Пентефрія супруга, Федры месть,
Иль лэди Буби [1]): жаль лишь, что немного
Въ исторіи такихъ примѣровъ есть.
На этотъ счетъ уроки педагога
Не мало пользы могутъ вамъ принесть.
Опасенъ женскій гнѣвъ; не въ силахъ дать я
О бѣшенствѣ Гюльбеи вамъ понятья.

CXXXII.

Ужасенъ гнѣвъ тигрицы, коль у ней
Дѣтенышей возьмутъ; но безъ сравненья
Бываетъ ярость женщины сильнѣй,
Что̀ привести не можетъ въ исполненье
Облюбленныхъ желаній и затѣй!
Терять дѣтей—тяжелое мученье;
Утрату же возможности имѣть
Ихъ въ будущемъ—еще труднѣй стерпѣть.

CXXXIII.

Страсть къ размноженью—вотъ законъ природы;
Она присуща уткамъ, тиграмъ, львамъ;
Всѣ размножать хотятъ свои породы.
Вы посѣщали-ль дѣтскія?—И тамъ
Ужасный визгъ дѣтей! Въ младые годы
Ихъ вѣчный крикъ отраденъ матерямъ.
Что жъ, этотъ фактъ наглядно подтверждаетъ,
Какъ сильно чувство, что̀ его рождаетъ...

CXXXIV.

Сказалъ бы я, что молніи металъ
Гюльбеи взоръ, но въ этомъ толку мало:
Въ ея очахъ всегда огонь сверкалъ.
Сказалъ бы, что лицо ея пылало,—
Но этимъ бы понятья я не далъ
О томъ, какъ кровь въ ней сильно бушевала...
Предъ ней впервые не склонялись ницъ,
За то и гнѣвъ ея не зналъ границъ!

---

[1]) Лэди Буби—героиня романа Фильдинга: „Іосифъ Андрюсъ“.

CXXXV.

Ужасный гнѣвъ продлился лишь мгновенье,
А то ее навѣрно бъ онъ убилъ;
Не можетъ долго длиться изступленье;
Зловѣщій этотъ мигъ соединилъ
Въ ея душѣ всѣ адскія мученья;
Ревущій океанъ съ ней сходенъ былъ,
Когда онъ точитъ скалы съ злобой фурій;
Она жъ была одушевленной бурей.

CXXXVI.

Такую ярость съ вспышкой не сравнть,
Какъ ураганъ—съ дыханіемъ зефира;
Все жъ не луну хотѣлось ей схватить,
Какъ Готспуру безсмертнаго Шекспира...
Хотѣлось ей «убить, убить, убить!»
(Припомните слова сѣдого Лира).
Но пылъ ея въ концѣ концовъ угасъ,
И слезы градомъ хлынули изъ глазъ.

CXXXVII.

Грозой въ ней гнѣвъ проснулся и грозою
Безъ словъ пронесся мимо. Женскій стыдъ
Впервые пробудился въ ней рѣкою,
Что̀ прорвала плотину и шумитъ;
Ея онъ душу наводнилъ собою.
Невыносима боль такихъ обидъ...
Хоть раны ихъ и жгучи, и глубоки,
Полезны и царямъ порой уроки...

CXXXVIII.

Они напоминаютъ имъ про связь,
Что̀ сочетаетъ смертныхъ, и понятье
Даютъ о томъ, что все же мы—не грязь,
Хоть созданы изъ праха; что, какъ братья,
Горшки и урны сходны; что, гордясь
Породой или саномъ, отъ объятій
Зловѣщей смерти все же не уйдешь...
Какъ иногда такой урокъ хорошъ!

CXXXIX.

Сперва ей мысль пришла убить Жуана,
Затѣмъ въ себѣ любовь къ нему убить [1]),
Затѣмъ, не одобряя эти планы,
Ей захотѣлось зло его язвить,
Затѣмъ улечься спать, хоть было рано,
Потомъ кинжаломъ грудь себѣ пронзить—
Потомъ дать порку негру, въ знакъ привѣта;
Но лишь слезами кончилось все это.

CXL.

Убить себя хотѣлось ей съ тоски,
Да подъ бокомъ она кинжалъ носила,
А на Востокѣ ткани такъ легки,
Что въ мигъ одинъ ее бы сталь пронзила.
Убить Жуана было бъ ей съ руки,
И что жъ?—она рѣшенье измѣнила:
Вѣдь средство плохо, что̀ ни говорить,
Снять голову, чтобъ сердце побѣдить.

CXLI.

Жуанъ былъ сильно тронутъ; съ горькой долей
Мирился онъ и въ томъ былъ убѣжденъ,
Что свѣта дня ужъ не увидитъ болѣ
И что въ мученьяхъ жизнь окончитъ онъ.
Грѣшить онъ могъ, своей согласно волѣ;
Ее лишь признавая какъ законъ,
Онъ презрѣлъ бы и пытки, и угрозы;
Но женщины его смутили слезы...

CXLII.

Онъ потерялъ рѣшимость и, во всемъ
Себя виня, отказу сталъ дивиться
(Но почему—не знаю). Онъ о томъ
Сталъ думать, какъ бы съ нею помириться.
Жалѣлъ онъ, что пошелъ такимъ путемъ,
Какъ инокъ, что̀ обѣтомъ тяготится,
Иль женщина замужествомъ своимъ.
Сдержать обѣтъ тогда возможно ль имъ?

---

[1]) Игра словъ въ подлинникѣ.

CXLIII.

Онъ смутно бормотать сталъ извиненья,
Но въ этихъ обстоятельствахъ слова—
Пустые звуки, чуждые значенья;
Поэзія—и та свои права
Утратила бъ въ подобномъ положеньи.
Гюльбея стала таять; но едва
Клониться къ примиренью стало дѣло,
Вошелъ Баба, смущенно и несмѣло.

CXLIV.

—«Подруга солнца и сестра планетъ»,
Такъ евнухъ ей сказалъ, потупя взоры,
«Передъ тобой склоняется весь свѣтъ;
«Свѣтилъ и тѣхъ тебѣ послушны хоры.
«Отъ солнца я тебѣ несу привѣтъ,
«Оно само появится здѣсь скоро.
«Какъ свѣтлый лучъ, я посланъ имъ впередъ...
«Надѣюсь, своевременъ мой приходъ»

CXLV.

Она сказала:—«На его сіянье
«Лишь завтра мнѣ хотѣлось бы взглянуть.
«Ну, что жъ, зови альмей; пусть ихъ собранье
«Вокругъ меня блеститъ, какъ млечный путь,
«А ты, гяуръ, коль есть въ тебѣ желанье
«Проступокъ свой загладить чѣмъ-нибудь,
«Устройся такъ, чтобъ между ними скрыться,—
«Султанъ идетъ и надо торопиться».

CXLVI.

Дворецъ, что былъ какъ будто пустъ и нѣмъ,
Вдругъ ожилъ, облитой горячимъ свѣтомъ;
Явились одалиски и затѣмъ
Всѣ евнухи, согласно съ этикетомъ,—
Султанъ когда свой посѣщалъ гаремъ,
Заранѣе предупреждалъ объ этомъ.
Гюльбею изъ своихъ законныхъ женъ
Любилъ и баловалъ всѣхъ больше онъ.

CXLVII.

Султанъ былъ строгъ и видъ имѣлъ надменный;
Не брился онъ и не снималъ чалмы;
Крамолой возведенный въ санъ священный,
На тронъ вступилъ онъ прямо изъ тюрьмы.
Онъ смертный былъ вполнѣ обыкновенный.
(Да въ Турціи назвать не можемъ мы
Ни одного великаго султана,
За исключеньемъ развѣ Солимана),

CXLVIII.

Обряды всѣ онъ свято исполнялъ,
Какъ долгъ велитъ намѣстнику Пророка;
Визирь же государствомъ управлялъ,—
Въ занятіяхъ султанъ не видѣлъ прока.
Онъ женами обманутъ ли бывалъ,
Намъ не узнать: по правиламъ Востока,
Разводовъ нѣтъ; считая ихъ за срамъ,
Въ повиновеньи держатъ женщинъ тамъ.

CXLIX.

Онѣ идутъ указанной дорогой;
Когда жъ порой случается грѣшокъ,
О преступленьи говорятъ не много:
Скрываютъ тайну море и мѣшокъ.
Хоть тамъ не существуетъ прессы строгой,
Безжалостно бичуется порокъ;
Напрасно будетъ онъ искать защиты, —
И грѣхъ наказанъ, да и рыбы сыты.

CL.

Что мѣсяцъ—шаръ, султанъ былъ убѣжденъ;
Но о землѣ онъ былъ иного мнѣнья.
Могуществомъ своимъ гордился онъ,
Хотя не зналъ границъ своихъ владѣній;
Возстаньями порой бывалъ смущенъ,
Но ихъ считалъ лишенными значенья,—
Вѣдь никогда съ тѣхъ поръ, какъ онъ царилъ,
До «Семи Башенъ» врагъ не доходилъ.

CLI.

Въ ту крѣпость лишь порою попадали
Посланники воюющихъ державъ,
За то, что много лишняго болтали,
Не признавая Порты вѣскихъ правъ;
Ихъ мѣрами крутыми пріучали
Свой сдерживать неукротимый нравъ;
Сажали ихъ въ твердыню «Семи Башенъ»
Для прекращенья всякихъ смутъ и шашенъ.

CLII.

Султанъ отцомъ громадной былъ семьи:
Десятками дѣтей его считали;
Принцессъ въ дворцахъ держали взаперти
До свадьбы; за пашей ихъ выдавали;
Иныхъ вѣнчали даже лѣтъ шести.
Вы этому повѣрите едва ли;
Но важная на то причина есть:
Богатый даръ обязанъ зять принесть.

CLIII.

Тамъ принцевъ крови незавидна доля:
Они свой вѣкъ влачатъ въ тюрьмѣ глухой;
Что ждетъ ихъ—тронъ, веревка иль неволя—
Про то извѣстно лишь судьбѣ одной;
Ихъ ничему не учатъ, лѣнь ихъ холя;
И если взвѣсить, то изъ нихъ любой
(Такъ хороша имъ пройденная школа)
Равно достоинъ петли иль нрестола.

CLIV.

Войдя, его величество султанъ
Привѣтствовалъ жену съ церемоньяломъ,
Что̀ требовалъ ея высокій санъ;
Она къ нему съ радушьемъ небывалымъ,
Пошла навстрѣчу. Ласкою обманъ
Жена желаетъ скрыть. Ей покрываломъ
Притворство служитъ. Грѣшная жена
Всегда къ супругу нѣжности полна.

CLV.

Султанъ окинулъ взглядомъ все собранье
И на Жуана, въ сонмѣ юныхъ женъ,
Невольно обратилъ свое вниманье;
Онъ этимъ видомъ не былъ пораженъ,
Но у Гюльбеи замерло дыханье.
«Я вижу», такъ женѣ замѣтилъ онъ,
«Что у тебя есть новая служанка;
«Мнѣ жаль, что такъ красива христіанка!»

CLVI.

Султана необычная хвала
Какъ громомъ все собранье поразила
И взоры всѣхъ къ Жуану привлекла;
Любезность эта и его смутила;
Чѣмъ дочь гяура въ честь попасть могла?
Волненье всѣхъ невольно охватило,
И если бъ не придворный этикетъ,
Гаремъ бы поднялъ шумъ, сомнѣнья нѣтъ.

CLVII.

Отчасти турки дѣлаютъ прекрасно,
Что держатъ въ заперти своихъ супругъ;
Свобода тамъ для женщины опасна,
Гдѣ яркіе лучи бросаетъ Югъ;
На Сѣверѣ такъ поступать напрасно:
Тамъ каждый смертный нравственности другъ
И бѣлъ какъ снѣгъ; но жгучія отравы,
Что Югъ вливаетъ въ жилы, губятъ нравы.

CLVIII.

Вотъ почему Востокъ неумолимъ
И бѣдныхъ женщинъ держитъ въ черномъ тѣлѣ;
Свобода даже и не снится имъ;
Тамъ цѣпи брака—цѣпи въ самомъ дѣлѣ.
Такихъ воззрѣній вредъ неоспоримъ;
Гаремъ своей не достигаетъ цѣли;
И многоженство этому виной,—
Ну, то ли дѣло жить съ одной женой!

CLIX.

Здѣсь отдохнуть немного я намѣренъ.
Хоть бодръ еще и силенъ мой Пегасъ,
Но правиламъ эпическимъ я вѣренъ.
Вѣдь классики такъ дѣлали не разъ.
Какъ видите, примѣръ ихъ не потерянъ.
Вздохнувъ, опять примуся за разсказъ.
Такъ отдыхать случалось и Гомеру,
И я его послѣдую примѣру.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

I.

«Минуты есть прилива и отлива
«Въ дѣлахъ людей»—такъ говоритъ Шекспиръ.
Воспользуйся минутою счастливой—
И жизнь ты превратишь въ роскошный пиръ;
Но пропустить ее инымъ не диво...
Сознаться надо, странно созданъ міръ:
Одинъ конецъ имѣетъ лишь значенье;
Гдѣ думаешь погибнуть, тамъ—спасенье.

II.

Приливы и отливы тоже есть
Въ дѣлахъ и жизни женщинъ. Это—море,
Котораго теченій и не счесть;
Довѣриться ему—бѣда и горе.
Мужчиной правятъ воля, умъ и честь,
А женщина съ разсудкомъ часто въ ссорѣ;
Она лишь сердцу щедро платитъ дань;
Кто прихотямъ ея укажетъ грань?..

III.

Красавица, что̀ жертвовать готова
Вселенной, тропомъ, жизнью, чтобы пасть
Лишь къ милому въ объятья; что̀ оковы
Не признаетъ и вѣритъ только въ страсть,—
Опасна всѣмъ: ея всесильны ковы;
Съ ней демона сравниться можетъ власть,
Коль демонъ есть; когда она полюбитъ,—
Отдавшись ей, кто душу не погубитъ?..

IV.

Не разъ страдалъ отъ честолюбцевъ свѣтъ,
И кровь, по ихъ винѣ, лилась рѣкою;
Когда же страсть—причина тяжкихъ бѣдъ,
Мириться съ зломъ готовы мы порою.
Безсмертіе не славою побѣдъ
Стяжалъ Антоній; жертвуя собою
Для Клеопатры, власть утратилъ онъ,
Но славенъ сталъ, хоть былъ и побѣжденъ.

V.

Мнѣ жаль, что сорокъ лѣтъ тогда ей было;
Да и Антоній былъ довольно старъ.
Любовь лишь въ цвѣтѣ лѣтъ—восторгъ и сила;
Цѣной всѣхъ царствъ ея не купишь чаръ,
Какъ молодость пройдетъ. Я отдалъ милой,
За неимѣньемъ царствъ, безцѣнный даръ:
Я отдалъ ей всѣ грезы первой страсти;
Ихъ воскресить, увы, не въ нашей власти!

VI.

Даръ юности такъ примется ль отъ насъ,
Какъ лепта отъ вдовицы—неизвѣстно;
Но все-жь скажу, что безъ любви прикрасъ
На свѣтѣ было бъ холодно и тѣсно.
«Богъ есть любовь»,—твердили намъ не разъ,
Но и любовь вѣдь тоже богъ прелестный;
По крайней мѣрѣ имъ она была,
Когда земля не знала слезъ и зла.

VII.

Оставилъ я въ опасномъ положеньи
Героя, хоть совсѣмъ не жалокъ онъ;
Запретный плодъ вкушать вѣдь наслажденье,
Но горе, коль проступокъ уличенъ:
Султаны не имѣютъ снисхожденья
Къ такимъ грѣхамъ... Не такъ судилъ Катонъ:
Прославленный герой любезно другу
На время уступилъ свою супругу [1]).

VIII.

Я не могу Гюльбею не винить,
Хотя бы то сулило мнѣ напасти;
Но я привыкъ лишь правду говорить.
Гюльбеи умъ былъ слабъ, а сильны страсти;
Вотъ почему, быть можетъ, измѣнить
Она рѣшилась мужу. Мало власти,—
Нужна любовь. Султанъ же много женъ
Имѣлъ, притомъ ужъ былъ не молодъ онъ.

IX.

Коль вычисленья я себѣ позволю,
Плачевны будутъ выводы мои:
Султанъ былъ старъ, а женъ имѣлъ онъ вволю;
Имъ—каждой—доказательства любви
Лишь выпадали изрѣдка на долю...
Такъ плохо жить, когда огонь въ крови;
И тысячной частицы сердца мало
Для той, что всѣмъ бы имъ владѣть желала.

X.

Въ любви у женщинъ нравъ неукротимъ;
Ревниво защищать свои владѣнья
Онѣ всегда готовы. Горько имъ
Сносить такой позоръ, какъ нарушенье
Ихъ вѣскихъ правъ, и уступать другимъ
Хоть часть того, что̀ въ ихъ распоряженьи.
Невыносима боль такихъ обидъ,
И женщина всегда за нихъ отмститъ.

XI.

Востоку тоже не легко измѣны
Переносить; нерѣдко жены тамъ
Изъ ревности готовы дѣлать сцены
Не въ мѣру расходившимся мужьямъ.
Конечно, нѣтъ у нихъ такой арены
Для дѣйствій, какъ у христіанскихъ дамъ,
Но все жъ ихъ страсти сильны и глубоки...
Кровавыхъ драмъ не мало на Востокѣ.

XII.

Гюльбею больше всѣхъ изъ женъ своихъ
Любилъ султанъ, но было ль ей пріятно
Съ нимъ ложе раздѣлять въ числѣ другихъ?
Мнѣ многоженство просто непонятно;
Не мало отъ него послѣдствій злыхъ,
Не говоря о скукѣ необъятной,
Что̀ порождаетъ горечь вѣчныхъ смутъ.
Съ одной женой и то справляться трудъ...

XIII.

Великій падишахъ... (подобострастно
Къ монархамъ относиться всякій радъ;
Предъ ними преклоняться всѣ согласны,
Пока червякъ, голодный демократъ,
Ихъ въ кормъ не обратитъ);—съ улыбкой страстной
Султанъ, любовью пламенной объятъ,
Приблизился въ Гюльбеѣ. Онъ за это
Ждалъ отъ нея и ласки, и привѣта.

XIV.

Но здѣсь оговорюсь я: дѣло въ томъ,
Что ласкамъ можемъ вѣрить не всегда мы,—
Въ нихъ часто ложь. Со шляпой иль чепцомъ,
Что̀ въ видѣ украшенья носятъ дамы,
Онѣ сходны; вѣдь сбросить нипочемъ
Уборъ, что только роль играетъ рамы:
Онъ къ головѣ нисколько не пришитъ;
Такъ и при ласкахъ часто сердце спитъ.

---

[1]) Катонъ уступилъ свою жену, Марцію, своему другу Гортензію; но по смерти послѣдняго взялъ ее обратно къ себѣ. Римляне осмѣивали этотъ поступокъ, замѣчая, что Марція вошла въ домъ Гортензія очень бѣдною, а вернулась къ Катону обремененною сокровищами. Плутархъ.

XV.

Стыда румянецъ, трепетъ сладострастья,
Что̀ женщина готова скрыть скорѣй,
Чѣмъ выказать, невольный вздохъ участья—
Вотъ признаки любви; ихъ нѣтъ вѣрнѣй;
Для женщины тогда свиданье—счастье;
Кривить душой тогда къ чему же ей?
Для истинной любви всегда опасность—
Излишняя холодность, также страстность...

XVI.

Излишній жаръ фальшивъ, а если нѣтъ—
Огонь его не можетъ загораться
На долгій срокъ; лишь пылкость юныхъ лѣтъ
На страстность ласкъ способна полагаться;
И прочности въ такомъ союзѣ нѣтъ:
Какъ векселъ можетъ онъ передаваться
При малой скидкѣ. Также неумны
Тѣ женщины, что̀ слишкомъ холодны.

XVII.

Холодности насъ сердитъ видъ унылый,
Кто не лелѣетъ свѣтлую мечту—
Забросить искру страсти въ сердце милой;
Сердечный холодъ губитъ красоту;
Иной отдать готовъ и жизнь, и силы,
Чтобы найти взаимность. «Medio tu
«Tutissimus ibis»—такъ гласитъ Горацій;
Его слова—девизъ любви всѣхъ націй.

XVIII.

Здѣсь слово «tu» излишне, но мой стихъ
Нуждался въ немъ, и, не имѣя права,
Его вклеилъ я:—вышла изъ плохихъ
Съ гекзаметромъ вставнымъ моя октава.
Просодія не признаетъ такихъ
Погрѣшностей, что̀ для стиха — отрава;
Но *истина* ихъ можетъ допустить,
Когда придется вамъ переводить.

XIX.

Гюльбея ловко справилась съ задачей.
Успѣхъ вѣнчаетъ дѣло; нуженъ онъ
Въ любви, какъ въ туалетѣ; все—въ удачѣ!
Увы, неправдѣ міръ воздвигнулъ тронъ!
Лгутъ дамы; намъ же поступать иначе
Порой нельзя. Но всѣмъ любовь—законъ;
Страсть къ размноженью насъ весь вѣкъ тре-
вожитъ,
И въ насъ ее убить лишь голодъ можетъ...

XX.

Итакъ, пусть спятъ султанша и султанъ.
Кровать—не тронъ; имъ можетъ сладко спаться.
Но на яву какъ горестенъ обманъ,
Когда пришлось намъ разочароваться.
Гдѣ много слезъ, тамъ боль душевныхъ ранъ
Не такъ сильна, мы можемъ съ ней справляться
Но каждый день ядъ мелочныхъ работъ —
За каплей капля — душу изведетъ.

XXI.

Сварливая жена, упрямый съ дѣтства
Ребенокъ-неслухъ; конь, что̀ захромалъ;
Жидовскій долгъ, что̀ заплатить нѣтъ средства:
Сынъ непокорный; пёсъ, что̀ боленъ сталъ;
Старуха, что̀ лишила насъ наслѣдства,
Другимъ отдавъ желанный капиталъ—
Все это вздоръ; но можно ль безъ страданья
Переносить такія испытанья?

XXII.

Людей, скотовъ, а также векселя
Я отправляю къ чорту, какъ философъ;
Конечно, исключаю женщинъ я
Изъ этихъ добровольныхъ чорту взносовъ.
Въ мечты погружена душа моя;
Но что̀ душа и мысль?—такихъ вопросовъ
Не разрѣшить,—ихъ смыслъ сокрытъ для всѣхъ,—
И ихъ отправить къ чорту бы не грѣхъ.

XXIII.

Все проклинать я изъявилъ согласье.
Но что̀ мои проклятья?—звукъ пустой;
Анаѳема святого Аѳанасья—
Вотъ образецъ, какъ попирать ногой
Лежачаго врага... Читалъ не разъ я
Съ глубокимъ умиленьемъ трудъ святой;
Въ молитвенникахъ всѣхъ творенье это—
Какъ радуга блеститъ во время лѣта.

XXIV.

Заснулъ султанъ, но не его жена...
Какъ тяжелы для женъ преступныхъ ночи!
Ихъ страсть томитъ, онѣ не знаютъ сна,
И свѣта ждутъ усталыя ихъ очи...
А ночь все длится, призраковъ полна,
Которыхъ отогнать—увы!—нѣтъ мочи;
Онѣ лежатъ въ жару, боясь къ тому жъ,
Чтобъ не проснулся нелюбимый мужъ...

XXV.

Ни мягкій пухъ подушки бѣлоснѣжной,
Ни балдахинъ изъ ткани дорогой
Отъ муки не спасаютъ неизбѣжной,
Когда проснется страсти роковой
Въ груди жены преступной пылъ мятежный.
Какъ трудно ей тогда владѣть собой!..
Супружество, конечно, лотерея,
И въ этомъ вамъ живой примѣръ Гюльбея.

XXVI.

Вотъ удалиться всѣмъ сигналъ былъ данъ.
Красавицы, поклонъ отвѣсивъ низкій,
Направились къ сералю. Донъ-Жуанъ,
Къ нимъ, какъ извѣстно, по одеждѣ близкій,
Пошелъ въ гаремъ, какъ приказалъ султанъ.
Бозмолвно удалились одалиски,
А жажда страсти ихъ вздымала грудь...
Такъ птичка въ клѣткѣ къ волѣ ищетъ путь.

XXVII.

Калигула—что̀ за злодѣй, о Боже!—
Жалѣлъ, что не съ одною головой
Весь міръ, чтобъ отрубить ее... Я тоже,
Какъ онъ, томился странною мечтой
Въ другомъ лишь родѣ (былъ я помоложе):
Желалъ я, чтобы женщинъ свѣтлый рой
Имѣлъ одни уста, чтобъ въ упоеньи
Расцѣловать ихъ всѣхъ въ одно мгновенье.

XXVIII.

Завидую тебѣ, о Бріарей,
Коль у тебя такъ разныхъ членовъ много,
Какъ рукъ и глазъ; но все женой твоей
Не суждено моей быть Музѣ строгой:
Женою стать Титана страшно ей,—
Къ тому жъ намъ въ Патагонью не дорога...
Итакъ, примуся снова за разсказъ
И къ лилипутамъ вновь верну я васъ.

XXIX.

Жуанъ оставилъ царскія палаты
И двинулся съ толпою юныхъ женъ
Къ гарему, сладкимъ трепетомъ объятый.
Конечно, рисковалъ не мало онъ...
(Вѣдь за безчестье въ Турціи нѣтъ платы,
Лишь только такса въ Англіи законъ!)
Жуанъ, забывъ опасность, страстнымъ взглядомъ
Впиваться сталъ въ альмей, съ нимъ шедшихъ рядомъ.

XXX.

Но роли онъ не забывалъ своей.
Въ сопровожденьи евнуховъ, толпою
По анфиладѣ залъ и галлерей
Шли чинно одалиски. За собою
Начальница вела ихъ. Передъ ней
Дрожалъ гаремъ. За нравовъ чистотою
Ей наблюдать былъ строгій данъ приказъ.
Она въ гаремѣ «матерью» звалась.

XXXI.

«Мать дѣвъ» въ дворцѣ султана—титулъ лестный
(Де-Тотъ и Кантемиръ вамъ указать
На это могутъ), все жъ мнѣ неизвѣстно,
Была ль старуха въ самомъ дѣлѣ мать
И было ли притомъ вполнѣ умѣстно
Названье дѣвъ дѣвицамъ тѣмъ давать.
Старуха ихъ держала въ черномъ тѣлѣ,
Чтобы онѣ пошаливать не смѣли.

XXXII.

Нетрудно было ей исполнить долгъ:
Затворы помогали ей и стѣны
И евнуховъ усердныхъ цѣлый полкъ.
Коль нѣтъ мужчинъ, возможны ли измѣны?
Тогда въ такомъ надзорѣ есть ли толкъ?
Въ гаремѣ дни неслись безъ перемѣны.
Въ Италіи такъ въ кельяхъ жизнь течетъ;
Для страсти тамъ всего одинъ исходъ.

XXXIII.

Какой же?—Благочестье съ чистотою...
Нескромны вы, такой вопросъ мнѣ давъ.
Я продолжаю. Тихою стопою
Альмеи шли, свой сдерживая нравъ;
Такъ лиліи уносятся рѣкою.
Но вѣдь рѣка быстра, и я неправъ:
Онѣ шли тихо. Съ озеромъ, что̀ нѣмо,
Сходнѣе было шествіе гарема.

XXXIV.

Когда онѣ къ себѣ домой пришли
И стража скрылась,—какъ мальчишки въ школѣ,
Какъ волны, что̀ плотину унесли,
Какъ птички, какъ безумные на волѣ,
Какъ жены, что̀ свободу обрѣли,
Иль какъ ирланцы на базарномъ полѣ,—
Онѣ всѣ разомъ, словно сговорясь,
Запѣли вдругъ, танцуя и смѣясь.

XXXV.

Конечно, занялись всѣ безъ изъятья
Подругой новой. Толки любитъ свѣтъ:
Нашли онѣ, что не къ лицу ей платье,
Что у нея безспорно вкуса нѣтъ,
Что о серьгахъ у ней нѣтъ и понятья;
Не всѣмъ она казалась въ цвѣтѣ лѣтъ;
Нашли, что ростъ мужской она имѣла,
Жалѣя, что лишь въ этомъ сходствѣ дѣло.

XXXVI.

Однако же всѣ согласились въ томъ,
Что новая пришелица прекрасна;
Что въ Грузіи красивѣе лицомъ
Отыскивать невольницу напрасно;
Смѣшно вводить такихъ красавицъ въ домъ—
То можетъ для Гюльбеи быть опасно:
Въ султанѣ къ ней остыть вѣдь можетъ страсть,
Тогда другой онъ дастъ любовь и власть.

XXXVII.

Всего страннѣй, что, осмотрѣвъ подругу,
Ее не разнесли и въ пухъ, и въ прахъ;
Такого безпристрастія въ заслугу
Нельзя не ставить имъ. Во всѣхъ странахъ
Несправедливы женщины другъ къ другу;
На то причины: ревность, зависть, страхъ.!.
Красивыхъ лицъ онѣ не переносятъ
И красоту всегда, вездѣ поносятъ.

XXXVIII.

Гаремъ, что̀ на хвалы не тратилъ словъ,
Себѣ позволилъ сдѣлать исключенье;
Но вѣрно есть симпатія половъ, —
Къ Жуану непонятное влеченье
Я объяснить такимъ путемъ готовъ.
Что эта сила: вражье навожденье,
Иль магнетизмъ?.. Предметъ мнѣ незнакомъ,
И спора я не подниму о томъ.

XXXIX.

Симпатіей ихъ грудь была объята
Къ подругѣ юной. Дружбою святой
То чувство было новое богато;
Инымъ хотѣлось звать ее сестрой;
Другимъ въ ней было бъ лестно видѣть брата,
Что предпочли бъ въ странѣ своей родной
И самому намѣстнику Пророка,—
Красавца какъ не полюбить глубоко!..

XL.

Изъ юныхъ женъ, что помѣщалъ гаремъ,
Она троимъ понрэвилась всѣхъ болѣ
И головы вскружила имъ совсѣмъ:
Дуду роскошной, Катенькѣ и Лолѣ.
Краса въ удѣлъ досталася имъ всѣмъ,
Но даже въ незначительнѣйшей долѣ
Никто бы сходства въ нихъ найти не могъ;
Лишь дружбы пылъ сойтися имъ помогъ.

XLI.

Смугла и горяча, какъ индіанка,
Казалась Лола. Въ Катенькѣ собой
Плѣняла ножка, гордая осанка
И глазокъ голубыхъ огонь живой,
Что для любви услада и приманка.
Ей Грузія была родной страной.
Въ Дуду дышали лѣнь и сладострастье...
Кто не нашелъ бы съ ней восторговъ счастья!

XLII.

Съ Венерою заснувшею сходна
Была Дуду; но всякій, я увѣренъ,
Любуясь ей, лишиться могъ бы сна.
Красѣ античной типъ ея былъ вѣренъ.
Быть можетъ черезчуръ была полна
Дуду, но все жъ я вовсе не намѣренъ
Ее хулить, и право бы не могъ
Въ ней отыскать какой-нибудь порокъ.

XLIII.

Въ ней не было большого оживленья,
Но утромъ мая вѣяло отъ ней;
Въ ея лицѣ читалося томленье,
И нѣга умѣряла блескъ очей.
На умъ пришло мнѣ новое сравненье:
Со статуей, что̀ создалъ Прометей,
Когда въ ней жизнь впервые закипѣла,
Мою Дуду могу сравнить я смѣло.

XLIV.

—«А какъ», спросила Лола, «звать тебя?»
—«Жуанною».—«Какъ мило имя это!»
—«Откуда ты?» сказала Катя.—«Я—
«Испанка».—«Но въ какой же части свѣта
«Испанія?»—«О, милая моя,
«На твой вопросъ позорно ждать отвѣта!
«Испанія—то островъ, что лежитъ
«Близъ Африки. Того не вѣдать—стыдъ!»

XLV.

Въ невѣжествѣ такъ Катю укоряла
Язвительная Лола. Томныхъ глазъ
Дуду съ Жуанны милой не спускала;
Рукой ей кудри гладила не разъ,
Играя, молча, тканью покрывала.
Притомъ, вздыхать случалось ей подчасъ,
По добротѣ—ей было жаль бѣдняжки,
Которой крестъ нести достался тяжкій.

XLVI.

Начальница къ дѣвицамъ подошла.
—«Пойти на отдыхъ намъ теперь бы кстати»,
Она сказала. «Жаль, что не могла
«Я для Жуанны отыскать кровати.
«Конечно, завтра справлю всѣ дѣла
«(Гаремъ, едва дыша, ловилъ слова тѣ)...
«Но все жъ грѣху мнѣ слѣдуетъ помочь,
«И съ ней должна провесть я эту ночь».

XLVII.

На это Лола молвила:—«Мамаша!
«Я въ вѣкъ не допущу, чтобъ кто-нибудь
«Васъ безпокоить сталъ: здоровье ваше
«Изъ слабыхъ; не придется вамъ заснуть...
«Я лягу, такъ и быть, съ подругой нашей;
«Сейчасъ же укажу ей къ спальнѣ путь».
Тутъ Катенька вдругъ закричала:—«Что же,
«И я готова раздѣлить съ ней ложе.

XLVIII.

«Къ тому же спать боюся я одна...
«Когда я въ спальнѣ, страхъ мнѣ сердце гложетъ;
«Мнѣ чудится, что комната полна
«Уродливыхъ чертей; меня тревожитъ
«Ихъ сонмъ; порой совсѣмъ не знаю сна...
«Заснуть подруга вѣрно мнѣ поможетъ».
—«Коль это такъ»,—старуха ей въ отвѣтъ,
«Не спать Жуаннѣ, въ томъ сомнѣнья нѣтъ!

XLIX.

«Нѣтъ, не отправлю Лолу я съ Жуанной»,
Сказала мать: «на то причины есть.
«У Катеньки привычки тоже странны
«И всѣхъ ея причудъ не перечесть...
«Дуду скромнѣе всѣхъ; съ ней сонъ желанный
«Жуаннѣ, я увѣрена, обрѣсть!»
Дуду на то не молвила ни слова;
Она молчать всегда была готова.

L.

Дуду старуху чмокнула межъ глазъ;
А Катеньку и Лолу—въ обѣ щеки;
Затѣмъ она, съ подругами простясь,
Съ Жуанною ушла въ покой далекій,
Гдѣ спалъ гаремъ. Старухи злой приказъ,
Конечно, возбудить бы могъ упреки
И юныхъ женъ неудержимый гнѣвъ,
Но строгостью смиряли пылкихъ дѣвъ.

LI.

Дуду съ Жуанной очутились въ «одѣ»,
Роскошной залѣ, гдѣ кроватей рядъ
Стоялъ (то—спальня значитъ въ переводѣ).
Во всѣхъ гаремахъ дамы вмѣстѣ спятъ.
Въ гаремахъ я бывалъ, и что тамъ въ модѣ,
Я изучилъ и описать вамъ радъ.
Все въ «одѣ» есть, что̀ только дамамъ мило:
Съ Жуанною и лишнее тамъ было.

LII.

Дуду красой не поражала глазъ,
Но прелести была неизъяснимой
Она полна. Все въ ней плѣняло васъ,
Все къ ней влекло; никто пройти бы мимо
Не могъ, красѣ подобной не дивясь.
Такая красота неуловима,
И съ лицъ такихъ порою средства нѣтъ
Художнику похожій снять портретъ.

LIII.

Дуду собой ландшафтъ напоминала,
Гдѣ тишь и гладь видны со всѣхъ сторонъ.
Душевныхъ бурь она совсѣмъ не знала.
Со счастьемъ сходенъ свѣтлый сердца сонъ.
Въ страстяхъ кипучихъ, вѣрьте, толку мало:
Не разъ встрѣчалъ я въ жизни бурныхъ женъ,
Не разъ видалъ и бури на просторѣ,
И что жъ?—по мнѣ не такъ опасно море.

LIV.

Дуду была задумчива порой,
Но не грустна (она серьезна съ дѣтства
Всегда была); порочною мечтой
Смутить ее наврядъ нашлось бы средство.
Такъ мало занималася собой
Дуду, такъ мало было въ ней кокетства,
Что, хоть семнадцать лѣтъ ужъ было ей,
Не сознавала красоты своей.

LV.

Зато она была добромъ богата,
Какъ вѣкъ, что̀ называютъ золотымъ,
Хоть человѣкъ тогда не вѣдалъ злата
(Мы часто противъ логики грѣшимъ;
Отъ non lucendo слово lucus взято),
Но я не прочь, въ нашъ вѣкъ путемъ такимъ
Все затемнять. Такъ мнѣнья наши шатки,
Что и для чорта въ нихъ однѣ загадки.

LVI.

Я думаю, что смертныхъ жалкій родъ
Составленъ изъ коринѳскаго металла,
Который смѣсью разныхъ былъ породъ,
Но гдѣ, однако, мѣдь преобладала.
Опять пустилъ я отступленье въ ходъ.
Прости меня, читатель: я немало
Передъ тобою грѣшенъ, но свой нравъ
Я не сдержу, хотя бъ ты былъ и правъ.

LVII.

Пора подумать снова о романѣ.
Итакъ, опять къ разсказу перейду:
Подробно Донъ-Жуану, иль Жуаннѣ,
Въ гаремѣ показала все Дуду.
Не тратя словъ ни для похвалъ, ни брани,
Для молчаливой женщины найду
Сравненье, что̀ быть можетъ, неудобно:
Она грозѣ безъ отзвуковъ подобна.

LVIII.

Затѣмъ Дуду о нравахъ этихъ странъ
Жуаннѣ постаралась дать понятье,
(Все у меня Жуанною Жуанъ:
Причина та, что онъ былъ въ женскомъ платьѣ.)
Сказала, какъ неумолимъ султанъ,
Какъ всѣ должны въ гаремѣ, безъ изъятья,
Невинности святой блюсти законъ;
Тѣмъ бдительнѣй надзоръ, чѣмъ больше женъ.

LIX.

Все разсказавъ своей подругѣ новой,
Дуду ее поцѣловала. Что жъ,
Въ томъ видѣть ничего нельзя дурного;
Какъ поцѣлуй, когда онъ чистъ, хорошъ!
Въ лобзаньяхъ дамъ нѣтъ смысла никакого;
Въ ихъ поцѣлуяхъ часто дышетъ ложь...
Въ стихахъ «лобзай» и «рай», конечно, риѳмы,
Но въ ихъ союзѣ часто видимъ миѳъ мы.

LX.

Дуду передъ подругою своей,
Чужда опаски, стала раздѣваться.
Невинность въ ней дышала дѣтства дней,
Она, какъ дочь природы, заниматься
Собою не старалась. Рѣдко ей
Предъ зеркаломъ случалось оправляться.
Такъ увидавъ себя въ ручьѣ, олень
Испуганно дубравы ищетъ сѣнь.

LXI.

Дуду раздѣть подругу предложила,
Но отъ нея услышала отказъ,—
Въ стыдливости большая вѣрно сила...
Что жъ, ей самой пришлось на этотъ разъ
Булавки вынимать; совсѣмъ не мило
Занятье, что̀ страшитъ увѣчьемъ васъ.
Себѣ Жуанна исколола руки,—
Булавки существуютъ лишь для муки.

LXII.

И женщину способны превращать
Въ ежа, такъ что къ ней страшно прикасаться
Мнѣ въ юности пришлося разъ играть
Роль горничной,—и я былъ радъ стараться—
Я къ маскараду долженъ былъ убрать
Красавицу... и слѣдуетъ признаться
Булавокъ то я пропасть насовалъ,
Но не всегда гдѣ нужно ихъ втыкалъ.

LXIII.

Мудрецъ глядитъ съ презрѣньемъ на все это.
Но мудрствовать я самъ не прочь порой;
Въ наукѣ я искалъ тепла и свѣта,
Но не нашелъ я истины святой.
Какъ много есть вопросовъ безъ отвѣта!
Намъ не провѣдать тайны роковой.
Откуда мы, что̀ скажетъ намъ могила?—
Вопросовъ тѣхъ неотразима сила.

LXIV.

Гаремъ почилъ въ нѣмыхъ объятьяхъ сна.
Вдоль стѣнъ лампады теплились. Въ жилищѣ
Султанскихъ женъ царила тишина.
Картины не создать милѣй и чище.
Коль духи есть, привычка ихъ смѣшна
Лишь посѣщать руины да кладбища;
Имъ выбрать бы, какъ сборный пунктъ, гаремъ,—
Они свой вкусъ бы доказали тѣмъ.

LXV.

Та зала чудный садъ напоминала,
Гдѣ все благоухаетъ и цвѣтетъ;
Всѣхъ странъ красавицъ было тамъ не мало,—
Не трудно потерять имъ было бъ счетъ.
Одна съ косой распущенной лежала,
Склонивъ главу; такъ вѣтку зрѣлый плодъ
Влечетъ къ землѣ. Сквозь розовыя губки,
Какъ жемчугà, ея сверкали зубки.

LXVI.

Другая раскраснѣвшейся щекой
Покоилась на ручкѣ бѣлоснѣжной;
По лбу и груди черною волной
Ея катились локоны небрежно,
Она спала съ улыбкой; такъ порой
Сквозь облако луна сіяетъ нѣжно.
Съ нея покровы спали, и она
Покоилась полу-обнажена.

LXVII.

А третья, въ сонъ погружена глубокій,
Вздыхала, и уныла, и блѣдна,
Ей снился край любимый и далекій,
Что̀ навсегда утратила она.
Ея вздымалась грудь и слезъ потоки
Текли изъ глазъ, не прерывая сна;
Такъ темный кипарисъ въ тѣни лучистой
Блеститъ, одѣтъ росою серебристой.

LXVIII.

Четвертая, какъ мрамора кусокъ,
Покоилась, объятая дремотой;
Съ ней сходенъ былъ застывшій ручеекъ
Иль снѣгъ Альпійскихъ горъ. Съ женою Лота,
Что превратилась въ соль, еще бы могъ
Ее сравнить иль съ статуей. Безъ счета
Сравненья сыплю я, и можетъ быть
Однимъ изъ нихъ съумѣлъ вамъ угодить.

LXIX.

Гаремъ я представляю вамъ въ портретахъ.
Вотъ пятая. Она «извѣстныхъ лѣтъ»,
Что въ переводѣ значитъ просто: «въ лѣтахъ».
Мнѣ въ женщинѣ лишь милъ весны расцвѣтъ;
Года жъ, гдѣ думать о такихъ предметахъ
Приходится, какъ о тщетѣ суетъ
Иль о грѣхахъ прошедшихъ,—безотрадны;
Мнѣ даже вспоминать о нихъ досадно.

LXX.

Дуду въ то время кто опишетъ сны?
Они порой бываютъ крайне сложны;
Въ догадки мы пускаться не должны,—
Предположенья могутъ быть и ложны.
Но вотъ... среди полночной тишины,
Когда явленья призраковъ возможны,
Когда едва едва горитъ ночникъ,—
На весь гаремъ Дуду раздался крикъ.

LXXI.

Вся «ода» поднялась въ мгновенье ока;
Всѣ заметались, словно какъ въ чаду.
Что вдругъ могло такъ потрясти жестоко
Невинную и скромную Дуду?
Ея испугъ всѣхъ изумилъ глубоко;
Я самъ ему причины не найду.
Кругомъ сновали дамы, страха полны.
Такъ въ морѣ, въ часъ ненастья, мчатся волны.

LXXII.

На крикъ Дуду сбѣжалися толпой
Ея подруги. Очи ихъ горѣли
Отъ любопытства; полныя красой,
Тѣла полунагія ихъ бѣлѣли.
Такъ метеоръ блеститъ во тьмѣ ночной.
Дуду, дрожа, сидѣла на постели;
Ея лицо пылало, и въ глазахъ,
Блуждавшихъ дико, сказывался страхъ.

LXXIII.

Но шумъ, толпою дѣвъ произведенный,
Жуанны не разсѣялъ крѣпкій сонъ:
Такъ мужъ храпитъ, когда съ женой законной
Супружеское ложе дѣлитъ онъ.
Невинностью дышалъ Жуанны сонной
Прелестный ликъ... Когда жъ со всѣхъ сторонъ
Толпа ее будить насильно стала,
Она, зѣвая сладко, сонъ прервала.

LXXIV.

Строжайшій начался тогда допросъ;
Онѣ, волнуясь, разомъ всѣ кричали,
И за вопросомъ сыпался вопросъ.
И умный, и дуракъ втупикъ бы стали,
Когда бы здѣсь имъ отвѣчать пришлось.
Дуду (которой дурой не считали),
Не будучи «ораторомъ, какъ Брутъ» [1]).
Какъ объяснить могла—въ чемъ дѣло тутъ.

LXXV.

Вотъ наконецъ она, полна тревоги,
Сказала имъ, что страшный, темный лѣсъ
Приснился ей. (Въ такомъ лѣсу съ дороги
Разъ сбился Дантъ [2]), въ года, когда ужъ бѣсъ
Не силенъ и мы къ нравственности строги,
Когда для женщинъ страсть теряетъ вѣсъ
И на признанье имъ наткнуться—чудо!)...
Въ лѣсу густомъ плодовъ виднѣлась груда.

LXXVI.

Тамъ, въ самой чащѣ, яблоня росла
Съ большими золотистыми плодами;
До нихъ она добраться не могла
И только пожирала ихъ очами...
Тогда ей мысль внезапная пришла—
Околотить тѣ яблоки камнями,
Что бъ хоть одно схватить... Но какъ на грѣхъ,
Ея усилій не вѣнчалъ успѣхъ.

LXXVII.

Она совсѣмъ терять надежду стала,
Какъ вдругъ, непостижимо почему,
Съ высокой вѣтки яблоко упало
Къ ея ногамъ; но лишь она къ нему
Коснулася, пчелы ужасной жало
Вонзилось въ сердце ей! Всю кутерьму
Надѣлалъ крикъ, что ею, противъ воли,
Былъ брошенъ отъ испуга и отъ боли!

LXXVIII.

Смущенія и трепета полна,
Какъ будто бы отъ страшнаго волненья
Тяжелыхъ грезъ, окончила она.
Никто не объяснилъ ей сновидѣнья.
Загадочны бываютъ грезы сна;
Пророчество въ нихъ есть, иль «совпаденье—
Случайное» какъ нынѣ мы зовемъ
То, что считать привыкли вѣщимъ сномъ...

---

[1]) Изъ „Юлія Цезаря Шекспира.
[2]) Nelt' mezzo del cammin' di nostra vita
Mi ritrovai per una selva oscura, etc. „Inferno".

LXXIX.

Узнавъ, что безъ причины вся тревога,
Ворчливо расходиться сталъ гаремъ,
А «мать», что сонъ безъ всякаго предлога
Прервала—разсердилася совсѣмъ
И на Дуду накинулася строго.
Бѣдняжка же вздыхала между тѣмъ
И, чуть не плача, въ томъ себя винила,
Что глупымъ крикомъ «оду» разбудила.

LXXX.

— «Не разъ я на вѣку слыхала вздоръ»,
Сказала ей старуха, «но такого
«Не слыхивала я до этихъ поръ.
«Всѣхъ безпокоить изъ-за сна пустого.
«О яблокѣ и о пчелѣ—позоръ!
«Ты нервами должно-быть нездорова,
«И врачъ султана завтра скажетъ намъ,
«Что за причина этимъ страннымъ снамъ.

LXXXI.

«Жуанны сонъ ты пробудила сладкій;
«Она пріютъ впервые здѣсь нашла...
«Понравятся ль такіе ей порядки?
«За скромность всѣмъ тебя я предпочла,
«А у тебя какіе то припадки!
«Стыдись! Должно быть ты съ ума сошла!
«Чтобъ сонъ Жуанны не тревожить болѣ,
«Теперь ее препоручу я Лолѣ».

LXXXII.

Отъ радости заискрились глаза
У Лолы отъ такого предложенья,
А у Дуду стекла съ щеки слеза.
Она въ разлукѣ видѣла мученье,
И вотъ, надѣясь, что пройдетъ гроза
Она просила жалобно прощенья
За первую вину и поклялась,
Что во второй не провинится разъ...

LXXXIII.

Просила извинить то безпокойство,
Что причинилъ испугъ ея пустой;
Прибавила, что нервное разстройство,
Постигшее ее, всему виной;
Но легкая болѣзнь такого свойства,
Что отдохнуть немного—часъ, другой—
И будетъ вновь она совсѣмъ здорова,
И никогда кричать не будетъ снова.

LXXXIV.

Тутъ принялась подругу защищать
Жуанна и начальницѣ сказала,
Что ей съ Дуду прекрасно было спать,
Что крикъ ея она и не слыхала.
Во время шума сонъ ея прервать
Съ трудомъ могли—то подтвердитъ вся зала;
Грѣшно Дуду лишь укорять за то,
Что ей приснился сонъ «mal â propos» [1]).

LXXXV.

Дуду, смутясь, ловила эти рѣчи,
Припавъ на грудь къ подругѣ молодой,
Чтобъ скрыть лицо. Ея горѣли плечи
И шея отъ стыда. Въ саду весной
Такъ розаны алѣютъ издалеча!
Какъ объяснить испугъ ея пустой
И странную стыдливость—я не знаю:
За вѣрность фактовъ только отвѣчаю.

LXXXVI.

Итакъ, пускай ихъ вновь лелѣютъ сны!
Но ужъ пѣтухъ пропѣлъ и утро скоро.
Блеститъ на минаретахъ рогъ луны;
Алѣютъ волны синяго Босфора;
Вершины Кафскихъ горъ вдали видны;
Владѣнья курдовъ явственны для взора,
И, тихо пробираясь сквозь туманъ,
Въ далекій путь несется караванъ.

---

[1]) Въ подлинникѣ такія же риѳмы: show—propos.

LXXXVII.

Когда лучи денницы заалѣли,
Гюльбея, не смыкавшая очей,
Вскочила, истомленная, съ постели.
Есть басня, что влюбленный соловей,
Пронзенный въ грудь, выдѣлываетъ трели,
Вздыхая нѣжно о любви своей...
Но боль его блѣднѣетъ передъ тою,
Что создается страстью и тоскою!

LXXXVIII.

Какъ видите, читатели, мораль
Всегда мной добросовѣстно воспѣта,
Но правды не дождусь отъ васъ. Мнѣ жаль,
Что вы готовы—чтобъ не видѣть свѣта,
Закрыть глаза; отъ авторовъ едва ль
Я заслужу похвалъ. Понятно это;
Такая бездна расплодилась ихъ,
Что имъ нѣтъ дѣла до трудовъ чужихъ.

LXXXIX.

Хотя Гюльбеи было мягко ложе,
Но ей оно не даровало сна:
Любовь и гордость, грудь ея тревожа,
Боролись въ ней... Разстроена, блѣдна,
На статую она была похожа...
Вотъ наскоро одѣлася она:
Такая мука сердце ей щемила,
Что въ зеркало взглянуть она забыла!

XC.

Султанъ, спустя немного, тоже всталъ...
Онъ и не зналъ границъ своимъ владѣньямъ,
Весь мусульманскій міръ предъ нимъ дрожалъ,
А на него жена съ пренебреженьемъ
Смотрѣла! Ей онъ ненавистенъ сталъ.
Но ненависть жены блѣдна значеньемъ
Въ странѣ, гдѣ мужъ имѣетъ много женъ;
Не то—гдѣ лишь съ одною жить законъ!..

XCI.

Султанъ, минутнымъ прихотямъ послушный,
На тайны сердца холодно смотрѣлъ.
Къ любви онъ относился равнодушно
И для того большой запасъ имѣлъ
Красивыхъ женъ, чтобъ время шло не скучно,
Когда искалъ онъ отдыха отъ дѣлъ...
Но, впрочемъ, больше всѣхъ любя Гюльбею,
Онъ ласковъ былъ и даже нѣженъ съ нею.

XCII.

Когда султанъ былъ вымытъ и одѣтъ,
Согласно съ предписаньями Пророка,
Онъ, кофе выпивъ, собралъ свой совѣтъ:
Войну онъ велъ съ Россіей и глубоко
Былъ опечаленъ громомъ тѣхъ побѣдъ,
Что возмутили сладкій сонъ Востока!
Екатерины опасался онъ,
Славнѣйшей изъ правительницъ и женъ!

XCIII.

Великій внукъ прославленной царицы!
Мои стихи, быть можетъ, долетятъ
Когда-нибудь и до твоей столицы!
(Пускай далекъ туманный Петроградъ:
Въ нашъ вѣкъ стихи летятъ быстрѣе птицы).
Въ стихахъ порой пророчества звучатъ,
И огласитъ быть можетъ пѣснь свободы
Твоихъ морей рокочущія воды!

XCIV.

Но есть черта, которую поэтъ
Переступать не долженъ бы... Потомки
За предковъ не должны нести отвѣтъ:
Былыхъ временъ печальные обломки
Въ исторіи лишь оставляютъ слѣдъ.
Кому пріятенъ былъ бы титулъ громкій,
Когда бъ потомки отвѣчать должны
За темныя дѣянья старины!

XCV.

Но грустно то, что прошлаго уроки
Намъ пользы не приносятъ. Какъ законъ,
Мы не хотимъ признать ихъ смыслъ глубокій,—
И что жъ?—Зіяетъ смерть со всѣхъ сторонъ
И крови льются цѣлые потоки!
Царица и султанъ, я убѣжденъ,
Всегда бъ могли найти вѣрнѣе средство
Для примиренья, чѣмъ пословъ посредство...

XCVI.

Султанъ, что день, то собиралъ совѣтъ,
Отъ недуговъ страны ища лекарство.
Царица, что умомъ дивила свѣтъ,
Въ конецъ его все расшатала царство;
Онъ растерялся отъ ея побѣдъ
И проходилъ чрезъ всякія мытарства,
Глубоко сожалѣя, что не могъ
Придумать хоть еще одинъ налогъ.

XCVII.

Гюльбея, чтобы скрыть свое волненье
И безотраднымъ думамъ дать отпоръ,
Въ свой кабинетъ, пріютъ для наслажденья,
Ушла... Въ немъ все плѣняло сладко взоръ:
Здѣсь искрились рѣдчайшіе каменья;
Тамъ драгоцѣнный видѣлся фарфоръ;
Въ той комнатѣ, гдѣ было все богато,
Цвѣты бросали волны аромата.

XCVIII.

И мраморъ, и порфиръ блестѣли въ ней:
Въ роскошныхъ клѣткахъ птички щебетали;
Цвѣтныя стекла блескъ денныхъ лучей,
Таинственно сіяя, умѣряли.
Не описать всѣхъ роскоши затѣй,
Что уголокъ волшебный наполняли,
А потому прошу вообразить —
Что̀ я перомъ не могъ изобразить.

XCIX.

Желая знать, что сталося съ Жуаномъ,
Къ себѣ Баба̀ Гюльбея позвала.
Къ султанскимъ женамъ онъ попалъ обманомъ...
Удачно ли поведены дѣла,
И суждено ль ея завѣтнымъ планамъ
Осуществиться? Для нея была,
Конечно, интереснѣйшей—проблема,
Какъ ночь провелъ Жуанъ въ стѣнахъ гарема.

C.

Ея вопросы падали какъ градъ
На евнуха: ихъ затруднился бъ счесть я!
Предъ ней стоялъ, смущеніемъ объятъ,
Баба̀, слуга порока и нечестья.
Въ глаза бросалось, что онъ скрыть бы радъ
Какія-то тревожныя извѣстья...
Сконфуженно чесалъ затылокъ онъ,
Какъ всякій, кто взволнованъ и смущенъ.

CI.

Въ удѣлъ Гюльбеѣ не далось терпѣнье:
Всегда ея желанье или спросъ
Мгновенно приводились въ исполненье...
И что же?—Вдругъ отвѣта ждать пришлось!
Чѣмъ болѣе росло Баба̀ смущенье,
Она тѣмъ строже дѣлала допросъ.
Вся покраснѣвъ отъ вспыхнувшей въ ней крови,
Она сидѣла, грозно хмуря брови...

CII.

Лукавый негръ, предчувствуя бѣду,
Просилъ ее не гнѣваться; признался,
Что Донъ-Жуанъ былъ порученъ Дуду;
Все къ лучшему устроить онъ старался—
И этого не могъ имѣть въ виду...
Кораномъ и святымъ верблюдомъ клялся,
Что онъ не виноватъ въ бѣдѣ такой
И безупречно долгъ исполнилъ свой!

CIII.

Жуанъ былъ ввѣренъ строгому надзору
Смотрительницы. Евнухъ сожалѣлъ,
Что, по ея винѣ, такъ много вздору
Нежданно вышло;—права не имѣлъ
Онъ посѣщать гаремъ въ ночную пору.
Къ тому же, если бъ только онъ посмѣлъ
Начальницѣ перечить, безъ сомнѣнья—
Проснуться въ ней могли бы подозрѣнья.

CIV.

Но все жъ Баба былъ твердо убѣжденъ,
Что Донъ-Жуанъ держалъ себя примѣрно...
А иначе въ мѣшокъ попалъ бы онъ!
Кто побѣжитъ навстрѣчу смерти вѣрной?
Однако про Дуду тревожный сонъ
Въ теченье ночи евнухъ лицемѣрный
Гюльбеѣ не рѣшился разсказать;
Въ огонь зачѣмъ же масло подливать!

CV.

Баба не умолкалъ, но уже даромъ
Лились его слащавыя слова:
Она его не слушала. Пожаромъ
Въ ней пробудилась страсть; она едва
Дышала, пораженная ударомъ;
Какъ вихрь ея кружилась голова,
Холодный потъ, роса сердечной муки,
Ей орошалъ и блѣдный лобъ, и руки.

CVI.

Хотя была энергіи полна
Султанша, все же евнуху казалось,
Что въ обморокъ она упасть должна...
Ея лицо отъ муки искажалось;
Въ конвульсіяхъ томилася она.
Инымъ не разъ испытывать случалось
Такое чувство отъ нежданныхъ бѣдъ,
Но дать о немъ понятье—средства нѣтъ.

CVII.

Какъ Пиѳія, въ минуту вдохновенья,
Она стояла. Грудь ея рвалась
На части отъ тяжелаго мученья;
Въ глазахъ, блуждавшихъ дико, пламень гасъ...
Но стало проходить оцѣпенѣнье—
И вотъ, безъ силы, на диванъ склонясь,
Она главу, что злая скорбь томила,
Безпомощно въ колѣни схоронила.

CVIII.

Лицо скрывали пряди длинныхъ косъ,
Что падали на мраморныя плиты,
Какъ вѣтви ивы. Страшенъ сердца грозъ
Стремительный порывъ! Отъ муки скрытой
Вздымалась грудь ея... Такъ на утесъ
Несутся волны, пѣною покрыты;
Разбившись, въ даль стремится бурный валъ
И вновь, шумя, бѣжитъ къ подножью скалъ!

CIX.

Коса ея, вуалію густою,
Ея лицо и наклоненный станъ
Скрывала, на полъ падая волною.
Ея рука держалась за диванъ,
Напоминая мраморъ бѣлизною...
Перо—не кисть... О, если бъ мнѣ былъ данъ
Художника талантъ, а не поэта!
Какъ хороша картина вышла бъ эта!

CX.

Баба, что нравъ ея вполнѣ постигъ,
Стоялъ, храня упорное молчанье;
Онъ, устрашась грозы, совсѣмъ притихъ.
Гюльбеѣ стало легче; замиранье,
Давившее ей грудь, продлилось мигъ,
И стало утихать ея страданье,
Но еще гнѣвомъ искрились глаза.
Такъ въ морѣ—стонъ, хоть пронеслась гроза!

CXI.

По комнатѣ Гюльбея заходила
То медленно, то быстро, что̀ всегда—
Волненья признакъ. Бурь душевныхъ сила
Не можетъ проявляться безъ слѣда!
Походка—духа вѣрное мѣрило.
Саллюстій говоритъ, что «никогда
«Не могъ ходить спокойно Катилина»:
Борьба страстей была тому причина!

CXII.

Гюльбея, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ,
Остановилась и привесть велѣла
Къ себѣ двухъ провинившихся рабовъ...
Баба̀ смекнулъ немедленно, въ чемъ дѣло,
Но сдѣлалъ видъ, что тайну этихъ словъ
Не понимаетъ, и спросилъ несмѣло:
Какихъ рабовъ угодно видѣть ей,
Чтобъ безъ ошибки ихъ привесть скорѣй?

CXIII.

Гюльбея еле слышно отвѣчала:
—«Грузинку... и любовника ея!..
«У двери потайной... чтобъ лодка ждала,
«А остальное—дѣло ужъ твое!..»
Отчаянье въ словахъ ея звучало!
У негра было тонкое чутье...
Замѣтивъ въ ней борьбу и колебанье,
Онъ сталъ просить отмѣны приказанья.

CXIV.

Гюльбеѣ евнухъ далъ такой отвѣтъ:
—«Услышать, что̀ исполнить—это то же!
«Я въ вѣрности тебѣ принесъ обѣтъ,
«И для меня слова твои дороже,
«Чѣмъ всѣ земныя блага! Но совѣтъ
«Даю—помедлить... Юноша пригожій
«Быть можетъ неповиненъ предъ тобой...
«Ты приговоръ должна отсрочить свой!

CXV.

«Казнить легко! Свидѣтели безмолвны!
«Не мало тайнъ на темномъ днѣ своемъ,
«Близъ этихъ стѣнъ, похоронили волны!
«Не разъ здѣсь гибли въ сумракѣ ночномъ
«Сердца, что̀ бились, жгучей страсти полны.
«Ты о рабѣ вздыхаешь молодомъ:
«Убить его—всего одно мгновенье,
«Но отъ любви найдешь ли ты спасенье?»

CXVI.

—«Какъ смѣешь ты о чувствахъ разсуждать,
«Презрѣнный червь!» такъ молвила Гюльбея.
«Твой долгъ лишь приказанья исполнять!
«Уйди скорѣй!»—Баба̀ стоялъ, робѣя.
Онъ зналъ, что споръ опасно поднимать:
Чужой дороже собственная шея...
Чтобы исполнить данный ей приказъ,
Онъ, молніи быстрѣе, скрылся съ глазъ!

CXVII.

Баба̀ ушелъ, но скрыть своей досады
Онъ не былъ въ силахъ. Бѣшенствомъ объятъ,
Всѣхъ женщинъ поносилъ онъ безъ пощады
За ихъ причуды, козни и развратъ!
Онъ порицалъ ихъ прихоти и взгляды,
Особенно султаншу, и былъ радъ,
Что, средній родъ собою представляя,
Могъ мирно жить, страстей не признавая.

CXVIII.

И вотъ созвалъ собратій онъ своихъ,
Чтобъ юныхъ дѣвъ вести къ женѣ султана;
Онъ причесать велѣлъ получше ихъ
И пріодѣть, хотя и было рано.
Такой пріемъ необычайный въ мигъ
Веселость и покой смутилъ Жуана.
Струхнула и Дуду... Но кто жъ бы могъ
Найти для ослушанія предлогъ?

CXIX.

Итакъ, они должны явиться вскорѣ
Къ султаншѣ... Но я здѣсь прерву разсказъ...
Свиданье съ нею—радость или горе
Имъ принесло, иль, просто разсердясь,
Она ихъ утопить велѣла въ морѣ,—
То тайною останется для васъ.
Впередъ бѣжать себѣ я не позволю,
Угадывая женъ капризныхъ волю...

CXX.

Хоть тяжкій крестъ моимъ героямъ данъ,
Желаю имъ удачи и спасенья;
Надѣюсь, что отъ рыбъ уйдетъ Жуанъ,
Хотя его плачевно положенье.
Разнообразить долженъ я романъ
И буду пѣть иныя приключенья.
Простившись здѣсь съ Жуаномъ и Дуду,
Рѣчь о войнѣ въ той пѣснѣ поведу.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

I.

Любовь и слава—шаткія опоры...
О нихъ твердятъ, но рѣдко предъ собой
Мы видимъ ихъ; онѣ, какъ метеоры,
Проносятся, плѣняя насъ красой;
Мы тщетно обращаемъ къ небу взоры,
Чтобъ видѣть ихъ, и путь свой ледяной,
Мгновенье озаренный ихъ лучами,
Мы продолжаемъ, скованы цѣпями.

II.

Какъ жизнь, разнообразенъ мой романъ;
Съ нимъ сходенъ свѣтъ полярнаго сіянья,
Ласкающаго ледъ далекихъ странъ.
Не все жъ свои оплакивать страданья,
И такъ какъ жизнь—лишь горестный обманъ,
Что̀ можетъ привести въ негодованье,
И выставка пустая, то не грѣхъ
Дарить всему на свѣтѣ только смѣхъ.

III.

И что жъ? *Меня*, творца поэмы этой,
Со всѣхъ сторонъ озлобленно язвятъ
За то, что я не вѣрю правдѣ свѣта
И зло во всемъ какъ будто видѣть радъ;
Безжалостно на части рвутъ поэта...
Я не пойму, чего они хотятъ:
О томъ же Данте говорилъ со стономъ
И Сервантесъ съ премудрымъ Соломономъ.

IV.

Земную жизнь не цѣнятъ высоко
Платонъ, Свифтъ, Лютеръ, Тилотсонъ и Весли,
Руссо, Макіавель, Ла-Рошфукò...
Меня и ихъ винить возможно ль, если
Съ судьбою намъ мириться не легко?
Коль правы мы, отвѣтъ за это несть ли?
Къ тому жъ, ни вамъ, ни мнѣ не разрѣшить,
Что̀ лучше: вѣкъ окончить, или жить.

V.

Сократъ сказалъ, что наши всѣ познанья
Лишь шаткость ихъ доказываютъ намъ;
Поэтому имѣемъ основанье
Всѣхъ мудрецовъ приравнивать къ осламъ;
Великій Ньютонъ, тайны мірозданья
Открывшій людямъ, сознается самъ,
Что къ правдѣ путь для смертныхъ не проложенъ
И что предъ ней онъ жалокъ и ничтоженъ.

VI.

Екклезіастъ гласитъ: «все суета»;
Духовные отцы не разъ на дѣлѣ
Доказывали намъ, что не мечта
Подобный взглядъ. Поэты часто пѣли
О томъ, что жизнь ничтожна и пуста,
И мудрецы согласны съ ними. Мнѣ ли
Поэтому, во избѣжанье ссоръ,
Скрывать о жизни строгій приговоръ!

VII.

О, люди или псы! (За честь считайте,
Что мною вы со псами сравнены!
Вы хуже ихъ!) Въ моей поэмѣ, знайте,
Что по заслугамъ вы оцѣнены;
На Музу, сколько вамъ, угодно, лайте;
Ей ваши крики вовсе не страшны,
Какъ волчій вой лунѣ. Все Муза свѣтитъ
И вашей злобы даже не замѣтитъ.

VIII.

«Я вдохновленъ любовью и войной».
(Цитата не вѣрна; боясь споровъ,
Въ томъ сознаюсь, но смыслъ ея такой).
И вотъ съ обоихъ не свожу я взоровъ,
И васъ прошу послѣдовать за мной
Въ тотъ городъ осажденный, что Суворовъ
Со всѣхъ сторонъ искусно обложилъ.
Какъ альдермэнъ мозги [1]), онъ кровь любилъ.

IX.

Построенный на отмели Дуная,
Въ восточномъ стилѣ, городъ Измаилъ
Стоялъ, весь лѣвый берегъ защищая,
И крѣпостью перворазрядной былъ.
Но крѣпость ту постигла участь злая:
Разбивъ враговъ, ее Суворовъ срылъ.
Верстъ шесть считалось крѣпостного вала;
Она жъ отъ моря въ ста верстахъ стояла.

X.

Предмѣстье помѣщалось съ нею въ рядъ,
Хотя фортификаціи законы
Такъ размѣщать построекъ не велятъ.
Въ защиту стѣнъ какой-то грекъ ученый
Возвелъ искусно массу палиссадъ
И тѣмъ ослабилъ средства обороны.
Онъ ими наносилъ лишь вредъ себѣ,
Врагамъ давая перевѣсъ въ стрѣльбѣ.

XI.

Плохой Вобанъ для правильной защиты
Не въ силахъ былъ принять надежныхъ мѣръ;
Онъ не съумѣлъ устроить «путь прикрытый»,
Постройкамъ надлежащій дать размѣръ;
Форпосты были имъ совсѣмъ забыты
(Простите, что пишу какъ инженеръ);
Но стѣны были крѣпки и высоки,
А рвы вкругъ нихъ, какъ океанъ, глубоки.

XII.

Еще одинъ громадный бастіонъ,
Съ проходомъ узкимъ, возвышался съ края;
Въ себѣ вмѣщалъ двѣ батареи онъ;
Одна была съ барбетомъ, а другая
Стояла въ казематахъ; съ двухъ сторонъ
Онѣ громили берега Дуная;
А справа, на горѣ крутой, редутъ
Орудьямъ крѣпостнымъ давалъ пріютъ.

---

[1]) Marrow англійское національное блюдо изъ бычачьихъ мозговъ.

XIII.

Все жъ Измаилъ открытымъ оставался
Со стороны Дуная. Этотъ входъ
Оберегать никто и не старался:
Вѣдь тамъ не могъ явиться русскій флотъ.
Когда жъ онъ на Дунаѣ показался,
Неисправимъ былъ промахъ: гдѣ же бродъ
Найти въ рѣкѣ глубокой? Полны страха,
На помощь турки стали звать Аллаха.

XIV.

Хочу воспѣть, войны и славы богъ,
Я храбрыхъ русскихъ, къ приступу готовыхъ!
Я былъ бы радъ, коль описать бы могъ
Дѣла людей, въ цивилизацьи новыхъ.
Ахиллъ, въ крови отъ головы до ногъ,
Не могъ страшнѣе быть бойцовъ суровыхъ,
Чьи имена полны слоговъ такихъ,
Что невозможно выговорить ихъ.

XV.

Все жъ назову иныхъ, чтобъ васъ плѣнили
Созвучья этихъ мелодичныхъ словъ
Съ двѣнадцатью согласными. Тутъ были:
Арсеньевъ, Майковъ, Львовъ и Чичаговъ,
И о другихъ газеты говорили.
Я многихъ бы еще назвать готовъ,
Но славы не хочу тревожить слуха:
У ней труба, такъ вѣрно есть и ухо.

XVI.

Поэтому именъ прервалъ я нить,
Которыхъ даже молвить трудъ чертовскій;
Подумайте: легко ль въ стихи вклеить
Фамиліи на: *ишкинъ*, *ускинъ*, *овскій*!
Все жъ объ иныхъ я долженъ говорить.
Шихматовъ, Шереметевъ, Разумовскій,
Куракинъ, Мусинъ-Пушкинъ были тамъ,
Погибель и позоръ суля врагамъ.

XVII.

То были люди чести и совѣта,
Которымъ былъ извѣстенъ къ славѣ путь;
Ни муфтіевъ они, ни Магомета,
Конечно, не страшилися ничуть
И были бы готовы—вѣрно это—
Ихъ шкурой барабаны обтянуть,
Явися вдругъ нужда въ телячьей кожѣ,
Иль, при покупкѣ, стань она дороже.

XVIII.

Здѣсь находились люди разныхъ странъ,
Которыхъ страсть къ добычѣ привлекала;
Дрались они—чтобъ свой набить карманъ
Иль крупный чинъ схватить, заботясь мало
О тронѣ и отчизнѣ; англичанъ
При русскомъ войскѣ масса состояла;
Вы Томсоновъ могли бъ шестнадцать счесть
И девятнадцать Смитовъ въ списокъ внесть.

XIX.

Всѣ Томсоны, въ честь славнаго поэта,
Носили имя Джемми, чѣмъ судьба
Ихъ крайне обласкала; имя это
Казалось имъ почетнѣе герба.
Сюда стеклась со всѣхъ окраинъ свѣта
Почтенныхъ Смитовъ цѣлая гурьба.
Одинъ изъ нихъ былъ тотъ полковникъ бравый,
Что въ Галифаксѣ увѣнчался славой.

XX.

По именамъ всѣхъ Смитовъ перечесть
Я не берусь. Петры межъ ними были
(О трехъ изъ нихъ у насъ извѣстья есть);
Затѣмъ встрѣчались: Джэки, Вили, Били.
Въ реляціяхъ вы можете прочесть
О Смитахъ, что отличья получили.
Славнѣйшаго изъ нихъ родной отецъ
Извѣстный въ Кумберлэндѣ былъ кузнецъ.

XXI.

Хоть къ Марсу отношуся я съ почтеньемъ,
Но не могу блестящій аттестатъ
Достаточнымъ признать вознагражденьемъ
За то увѣчье, что̀ нанесъ снарядъ;
Шекспиръ вполнѣ съ моимъ согласенъ мнѣньемъ;
Изъ драмъ его цитаты—сущій кладъ:
За нихъ—такъ любимъ мы Шекспира драмы—
Патентъ на умъ готовы дать всегда мы.

XXII.

При арміи была французовъ рать,
Красивыхъ, остроумныхъ и веселыхъ...
Но смѣю ль я о нихъ упоминать?
Пожалуй, доживешь до дней тяжелыхъ!
Французовъ вѣдь привыкъ на части рвать
Джонъ-Буль,—и разъ, что за враговъ онъ счелъ ихъ,
Пусть миръ давно ужъ съ ними заключенъ,
Съ враждебностью на нихъ все смотритъ онъ.

XXIII.

Преслѣдовали русскіе двѣ цѣли:
На островѣ построивъ бастіонъ,
Они, во-первыхъ, Измаилъ хотѣли
Орудьями громить со всѣхъ сторонъ,
Ни зданій не щадя, ни цитадели.
Амфитеатромъ былъ построенъ онъ,
А потому легко до основанья
Они могли его разрушить зданья.

XXIV.

Еще у нихъ коварный былъ разсчетъ—
Воспользоваться города пожаромъ,
Чтобъ въ щепки обратить турецкій флотъ.
На якорѣ, теряя время даромъ,
Безпечно онъ стоялъ близъ этихъ водъ.
Сраженный непредвидѣннымъ ударомъ,
При этомъ врагъ легко бы сдаться могъ,
Не будь онъ только бѣшенъ, какъ бульдогъ.

XXV.

Не слѣдуетъ пренебрегать врагами.
За то погибли Чичисковъ и Смитъ,
Одинъ изъ тѣхъ, что̀ ужъ воспѣты нами,
Чье имя дружно съ риѳмами на «итъ»;
Вездѣ вы Смитовъ видите толпами;
И мысль меня совсѣмъ не удивитъ,—
Такъ много ихъ разбросано по свѣту,—
Что самъ Адамъ носилъ фамилью эту.

XXVI.

Не удалась постройка батарей,
Воздвигнутыхъ войсками недалеко
Отъ крѣпости. Старались поскорѣй
Устроить ихъ, а въ спѣшкѣ мало прока.
(Стихи, и тѣ врага встрѣчаютъ въ ней).
Пришлося приступъ отложить до срока;
Тяжелъ былъ для вождя такой ударъ:
Одна рѣзня приноситъ славу въ даръ.

XXVII.

Отсрочка боя—грустное событье;
Ошибся ли въ разсчетахъ инженеръ?
Хотѣлъ ли уменьшить кровопролитье
Подрядчикъ непринятьемъ нужныхъ мѣръ,
Спасая этимъ душу,—объяснить я
Вамъ не берусь,—но батарей размѣръ
Мѣшалъ громить враговъ, стѣнами скрытыхъ,
И съ каждымъ днемъ росло число убитыхъ.

XXVIII.

Флотъ тоже мало пользы приносилъ:
Стрѣлялъ онъ неудачно, хоть и рьяно;
Два брандера погибли въ цвѣтѣ силъ;
Ихъ фитили сгорѣли слишкомъ рано,
И взрывъ среди рѣки не причинилъ,
Конечно, ни малѣйшаго изъяна
Противникамъ. Съ зарей раздался взрывъ,
Отъ сна, однакожъ, ихъ не пробудивъ.

XXIX.

Лишь въ семь часовъ, въ минуту пробужденья,
Замѣтили они плывущій флотъ,
Что̀ продолжалъ отважное движенье
Въ виду всѣхъ вражьихъ силъ. Несясь впередъ,
Онъ къ девяти часамъ, безъ затрудненья,
На якорь сталъ близъ крѣпости, и вотъ
Бомбардировку начала̀ эскадра,
И ей въ отвѣтъ посыпалися ядра.

XXX.

Полдня ее громилъ турецкій станъ,
Но и она отстрѣливалась ловко
И, мѣтко поражая мусульманъ,
Дивила ихъ геройскою сноровкой;
Однако отступить приказъ былъ данъ,—
Нельзя взять верхъ одной бомбардировкой;
Къ тому же, непріятель захватилъ
Одинъ корабль, другой же взорванъ былъ.

XXXI.

И мусульмане также—вскользь замѣчу—
Здѣсь понесли значительный уронъ;
Но, видя, что враги бросаютъ сѣчу,
Накинулись на нихъ со всѣхъ сторонъ;
Тутъ графъ Дамасъ понесся къ нимъ навстрѣчу
И столькихъ потопилъ въ Дунаѣ онъ,
Что описаньемъ жаркой схватки этой
Наполнить можно бъ цѣлый листъ газеты.

XXXII.

«Я исписалъ бы нѣсколько томовъ,
«Передавая подвиги флотильи»,—
Гласитъ историкъ. «Русскихъ удальцовъ
«Успѣхомъ увѣнчалися усилья».
О русскихъ онъ не тратитъ много словъ.
За то приводитъ громкія фамильи
Тѣхъ иностранцевъ, что̀ сражались тамъ,
И называетъ Ланжерона намъ,

XXXIII.

Съ Дамасомъ и де-Линемъ. Безпристрастья
Примѣръ историкъ долженъ подавать;
Имъ очень помогло его участье,
А то объ нихъ могли бъ вы не слыхать.
Какъ видно, и для славы нужно счастье.
Но, впрочемъ, принцъ де-Линь пустилъ въ печать
Записки, что̀ полны самохваленья,
Чѣмъ, можетъ быть, онъ спасся отъ забвенья.

XXXIV.

Героевъ много видѣлъ этотъ день;
Но многихъ ли въ вѣнкахъ, изъ лавровъ свитыхъ,
Укрыла отъ забвенья славы сѣнь?
Не счесть именъ, напрасно позабытыхъ;
Забвенія на всѣхъ ложится тѣнь.
И много ль ихъ, сограждан̀ъ именитыхъ,
Героевъ современныхъ эпопей,
Что̀ слѣдъ оставятъ въ памяти людей?

XXXV.

Не привела блестящая атака
Къ желанной цѣли: крѣпость не сдалась;
Чтобъ врагъ не видѣлъ въ томъ безсилья знака.
Взять приступомъ ее старикъ Рибасъ
Совѣтовалъ. Съ нимъ многіе, однако,
Заспорили, на штурмъ не согласясь.
Произнесли рѣчей при этомъ кучу,
Но повтореньемъ ихъ вамъ не наскучу.

XXXVI.

Тогда жилъ мужъ, по силѣ Геркулесъ,
За это безпримѣрно отличенный;
Какъ метеоръ блеснулъ онъ и исчезъ.
Внезапною болѣзнью пораженный,
Одинъ въ степи, подъ куполомъ небесъ,
Онъ кончилъ вѣкъ въ странѣ, имъ разоренной.
Такъ гибнетъ саранча среди полей,
Безжалостно опустошенныхъ ей.

XXXVII.

То былъ Потемкинъ. Въ этотъ вѣкъ отличья
Стяжались чрезъ убійство и развратъ;
Когда чины даютъ въ удѣлъ величье,
Онъ былъ великъ и славою богатъ.
Хоть попиралъ онъ совѣсть и приличья,
А всякій былъ предъ нимъ склоняться радъ.
Своей царицы былъ онъ вѣрнымъ другомъ,
Она жъ людей цѣнила по заслугамъ.

XXXVIII.

Пока совѣтъ рѣшалъ, какъ поступить,
Рибасъ послалъ къ Потемкину курьера,
И князя онъ съумѣлъ уговорить
Одобрить имъ предложенныя мѣры.
Не знаю я, чѣмъ это объяснить.
Межъ тѣмъ, подъ грохотъ пушекъ, инженеры
Воздвигли, чтобы крѣпость взять вѣрнѣй,
На берегу рядъ новыхъ батарей.

XXXIX.

Отвѣтъ пришелъ почти чрезъ двѣ недѣли,
Когда ужъ съ частью войска флотъ отплылъ
И отступить отъ крѣпости хотѣли.
Полученный указъ воспламенилъ
Бойцовъ, что отличиться не успѣли:
Назначенъ былъ вождемъ всѣхъ русскихъ силъ
Любимецъ битвъ и врагъ интригъ и споровъ—
Фельдмаршалъ, знаменитый князь Суворовъ.

XL.

Ему письмо Потемкинъ написалъ
Достойное спартанца. Долгъ тяжелый
Когда бы то письмо продиктовалъ
Въ защиту воли, родины, престола—
Оно бы удостоилось похвалъ.
Но срамъ ему, какъ чаду произвола!
«Во что бы то ни стало»—такъ гласилъ
Потемкина указъ—«взять Измаилъ!»

XLI.

Богъ рекъ: «Да будетъ свѣтъ!»—и съ тьмою
въ спорѣ
Свѣтъ озарилъ весь міръ. «Чтобъ кровь лилась»!—
Рекъ смертный—и ея пролилось море.
Сынъ ночи молвилъ: «Fiat!»—и стряслась
Нежданная бѣда, рождая горе
И сѣя зло. Какъ буря проносясь,
Все вкругъ себя война нещадно губитъ
И не одни сучки, но корни рубитъ.

XLII.

Увидѣвъ уходящія войска,
Обрадовались турки непомѣрно,
Но какъ была ихъ радость коротка!
Побѣду надъ врагомъ считая вѣрной,
Мы на него взираемъ свысока,
И часто результатъ выходитъ скверный.
Не долго ликовалъ турецкій станъ,
Принявшій за дѣйствительность обманъ.

XLIII.

Разъ увидали мчавшихся дорогой
Двухъ всадниковъ вдали. Наружность ихъ
Величія являла такъ немного,
Что ихъ сочли за казаковъ простыхъ:
Въ поту, въ пыли, снаряжены убого,
Они неслися на коняхъ лихихъ,
Безъ багажа, въ нарядѣ небогатомъ:
То ѣхалъ самъ Суворовъ съ провожатымъ.

XLIV.

Джонъ Буля, друга всякихъ крѣпкихъ винъ,
Иллюминацій радуетъ сіянье;
Глядя на нихъ, онъ забываетъ сплинъ;
Любя душой народныя гулянья,
Впадать въ печаль не видитъ онъ причинъ
И радъ лишиться денегъ и сознанья
И даже вѣчной глупости своей,
Чтобъ блескъ увидѣть праздничныхъ огней.

XLV.

Увы, Джонъ Буль, совсѣмъ лишившись зрѣнья,
Ужъ проклинать своихъ не можетъ глазъ [1]):
Въ долгахъ онъ видѣть сталъ обогащенье;
Въ налогахъ всевозможныхъ—счастье массъ;
Ничѣмъ не истощить его терпѣнья;
Пусть голодъ въ дверь стучится: не страшась
Тѣхъ бѣдъ, что грозный гость прольетъ безъ мѣры,
Джонъ Буль твердитъ, что голодъ—сынъ Цереры.

XLVI.

Но вновь къ разсказу! Лагерь ликовалъ;
Перомъ не описать такой картины!
Суворовъ славы вѣстникомъ предсталъ.
Какъ метеоръ, что свѣтитъ надъ трясиной
И манитъ въ топь, фельдмаршалъ засіялъ
Предъ войскомъ и восторговъ былъ причиной:
Всѣ вѣрили, что онъ непобѣдимъ,
И были рады слѣдовать за нимъ.

XLVII.

Лишь появился вождь, одушевленье
Неудержимо охватило всѣхъ,
Все измѣнило видъ; воскресло рвенье;
Войскамъ предсталъ давно желанный брегъ!
Къ атакѣ начались приготовленья,
Съ надеждою на славу и успѣхъ;
Все привели немедленно въ порядокъ;
Тяжелый трудъ порой бываетъ сладокъ.

XLVIII.

Великій человѣкъ толпу ведетъ
И безконтрольно управляетъ ею.
Такъ стадо за быкомъ всегда идетъ;
Такъ за собачкой маленькой своею
Ползетъ слѣпецъ; такъ вѣтру лоно водъ
Послушно, съ нимъ въ борьбу вступить не смѣя;
Такъ, потрясая колокольчикъ свой,
Баранъ ведетъ овецъ на водопой.

XLIX.

Воскресшій лагерь, въ радостномъ порывѣ,
Казалось, свадьбу весело справлялъ.
(Метафоры нельзя найти счастливѣй:
Мнѣ кажется, въ ошибку я не впалъ,—
Гдѣ свадьба, тамъ и ссора въ перспективѣ).
Геройскій духъ все войско обуялъ.
Переворота кто же былъ виною?—
Старикъ, умѣвшій управлять толпою.

L.

Весь лагерь былъ въ работу погруженъ,
Приготовляясь къ штурму. Бредя славой,
Отрядъ передовой, изъ трехъ колоннъ,
Лишь знака ждалъ, чтобъ въ бой вступить кровавый.
Вторымъ отрядомъ былъ поддержанъ онъ,
Такого же значенья и состава;
Затѣмъ отряда третьяго полки
Готовились атаку весть съ рѣки.

LI.

По возведеньи новыхъ укрѣпленій,
Совѣтъ военный тотчасъ созванъ былъ;
На этотъ разъ, безъ личностей и преній,
Онъ все единогласно утвердилъ.
(Плодитъ единогласіе рѣшеній
Лишь крайность) Все Суворовъ обсудилъ,
Все взвѣсилъ,—и, готовясь къ битвѣ славной,
Училъ солдатъ штыкомъ владѣть исправно.

LII.

Училъ онъ рекрутъ, какъ простой капралъ,
Нигдѣ минуты даромъ не теряя;
Водилъ ихъ черезъ рвы и пріучалъ
Къ огню, ихъ въ саламандры превращая;
По лѣстницамъ ихъ лазить заставлялъ,
Готовясь къ штурму. (Лѣстница такая—
Сказать ли надо?—не сходна вполнѣ
Съ той, что Іаковъ увидалъ во снѣ).

---

[1]) Damn my eyes! — любимое англійское простонародное выраженіе, т.-е.: „Будь прокляты мои глаза!“

LIII.

Убравъ фашины алыми чалмами,
Приказывалъ солдатамъ онъ своимъ
Тѣ чучелы атаковать штыками,
Вступая въ бой какъ бы съ врагомъ самимъ.
Онъ шелъ къ побѣдѣ разными путями!
Иные мудрецы, труня надъ нимъ,
Усматривали въ этомъ лишь нелѣпость...
Суворовъ прервалъ споры, взявши крѣпость.

LIV.

Насталъ канунъ атаки. Лагерь стихъ.
Не слышалось ни возгласовъ, ни шума;
Когда борьбы тяжелой близокъ мигъ,
Предчувствуя успѣхъ, молчатъ угрюмо
Тѣ, что̀ хотятъ, цѣной всѣхъ силъ своихъ,
Побѣду одержать; за думой дума
Къ нимъ крàдется. Былые вспомнивъ дни,
О милыхъ сердцу думаютъ они.

LV.

Молясь, остря, весь преданный причудамъ,
То ловкій шутъ, то демонъ, то герой,
Суворовъ былъ необъяснимымъ чудомъ.
За всѣмъ слѣдя, онъ планъ готовилъ свой
И ничего не оставлялъ подъ спудомъ.
Какъ арлекинъ, носясь передъ толпой;
Онъ міръ дивилъ то шуткой, то погромомъ,
И былъ сегодня Марсомъ, завтра—Момомъ.

LVI.

Недалеко отъ русскихъ батарей,
Разъ казаки наткнулися дорогой
На кучку подозрительныхъ людей.
То было наканунѣ штурма. Строго
Къ нимъ отнесясь, схватили ихъ скорѣй.
Одинъ изъ плѣнныхъ говорилъ немного
По-русски и кой-какъ имъ объяснилъ,
Что въ арміи когда-то онъ служилъ.

LVII.

Немедленно, съ товарищами вмѣстѣ,
Его препроводили въ русскій станъ.
(Чинить допросъ удобнѣе на мѣстѣ).
Хотя въ одеждѣ истыхъ мусульманъ
Они явились, все жъ, скажу безъ лести,
Легко признать въ нихъ было христіанъ.
Обманчива бываетъ часто внѣшность;
Судя по ней, не трудно впасть въ погрѣшность.

LVIII.

Суворовъ въ это время, горячась,
Въ одномъ бѣльѣ производилъ ученье;
Уча рѣзнѣ, надъ трусами глумясь,
Онъ расточалъ и брань, и наставленья.
Смотря на плоть людскую какъ на грязь,
Съ горячностью отстаивалъ онъ мнѣнье,
Что смерть, когда причиной ей война,
Отставкѣ съ полной пенсіей равна.

LIX.

Суворовъ, не спуская съ плѣнныхъ взгляда,
Когда они предстали передъ нимъ,
Спросилъ: «Откуда вы?»—«Мы изъ Царьграда»,
Одинъ изъ нихъ отвѣтилъ, «и бѣжимъ
Отъ турокъ».—«Кто же вы?»—«Объ этомъ надо
Насъ разспросить точнѣе вамъ самимъ».
Должно быть зналъ прибывшій, что Суворовъ
Не терпитъ фразъ и долгихъ разговоровъ.

LX.

«Какъ васъ зовутъ?»—«Я Джонсонъ, а со мной
«Жуанъ, что̀ мнѣ товарищъ. Съ нами тоже
«Двѣ женщины и евнухъ».—«За собой
«Таскать балластъ излишній не пригоже»,
Замѣтилъ вождь. «Но вы мнѣ не чужой:
«Васъ помню, а того, что̀ помоложе,
«Я вижу въ первый разъ. Да вы никакъ
«Служили въ гренадерахъ?»—«Точно такъ».

LXI.

«Вы были подъ Виддиномъ?»—«Былъ».—«Ходили
«На приступъ?»—«Да». «Что жъ дѣлали потомъ?»
—«Не знаю, право, самъ».—«Въ Виддинъ не вы ли
«Вступили первымъ?»—Шелъ я на-проломъ,
«Не отставая отъ другихъ».—«Гдѣ были
«Затѣмъ?» «Я въ плѣнъ захваченъ былъ врагомъ,
«Когда отъ раны впалъ въ изнеможенье».
—«Отмстимъ за васъ, и страшно будетъ мщенье».

LXII.

«Гдѣ жъ вы теперь намѣрены служить?»
—«Мнѣ всё равно».—«Я знаю, что вы рады
«Врагамъ за оскорбленья отплатить
«И будете громить ихъ безъ пощады.
«Но какъ же съ этимъ юношей намъ быть?»
—«Объ немъ вамъ безпокоиться не надо:
«Коль будетъ онъ въ бою имѣть успѣхъ
«Такой же, какъ въ любви—затмитъ насъ всѣхъ.

LXIII.

«Такъ пусть же въ штурмѣ приметъ онъ участье!»
Жуанъ поклономъ выразилъ привѣтъ.
Суворовъ продолжалъ: «На ваше счастье,
«Вашъ полкъ въ атаку бросится чѣмъ свѣтъ;
«На крѣпость до зари хочу напасть я
«И произнесъ торжественный обѣтъ,
«Что Измаила ужъ не будетъ болѣ;
«Его твердыни превращу я въ поле!»

LXIV.

«Увѣренъ я, васъ много ждетъ наградъ!»
Затѣмъ Суворовъ, крѣпкими словцами
Приправивъ рѣчь, сталъ вновь учить солдатъ
И, зная, какъ овладѣвать сердцами,
Достигъ того, что каждый былъ объятъ
Желаньемъ въ грозный бой вступить съ врагами,
Чтобъ ихъ за то нещадно разгромить,
Какъ смѣли въ споръ съ царицею вступить.

LXV.

Къ Суворову, что̀ продолжалъ ученье,
Рѣшился Джонсонъ снова подойти,
Замѣтивъ, что его расположенье
Съумѣлъ снискать и у него въ чести.
—«Насъ радуетъ», сказалъ онъ, «позволенье
«Пасть первыми; но гдѣ жъ намъ путь найти?
«Пристроивъ насъ къ мѣстамъ, и мнѣ, и другу
«Вы этимъ оказали бы услугу».

LXVI.

— «Вы правы; я совсѣмъ забылъ о томъ.
«Вернитесь къ прежней службѣ. Путь счастливый!
«Васъ подвезутъ къ полку, что̀ подъ ружьёмъ,
«Чтобъ постъ занять немедленно могли вы;
«А вы—въ распоряженіи моёмъ
«Должны остаться, юноша красивый.
«Здѣсь женщинамъ, конечно, мѣста нѣтъ.
«Ихъ отвести въ обозъ иль лазаретъ!»

LXVII.

Но женщины сопротивляться стали,
Хотя гаремъ ихъ пріучить бы могъ
Къ повиновенью. Тамъ онѣ едва ли
Нашли бъ для ослушанія предлогъ.
Съ слезами на глазахъ онѣ возстали,
Подъ тяжкимъ гнетомъ горестныхъ тревогъ;
Такъ курица свои вздымаетъ крылья,
Когда цыплятъ спасаетъ отъ насилья.

LXVIII.

Онѣ защиты ждали отъ друзей,
Которыхъ удостоилъ разговоромъ
Славнѣйшій изъ громившихъ міръ вождей.
О, люди, люди! долго-ль вашимъ взорамъ
Все будетъ любъ свѣтъ призрачныхъ лучей,
Что̀ слава льетъ, носяся метеоромъ,
И долго ль моремъ будетъ литься кровь,
Чтобъ къ мнимой славѣ чествовать любовь?

LXIX.

Суворовъ видѣлъ слезъ и крови море
И былъ привыченъ къ горестямъ людскимъ,
Однако жъ съ сожалѣніемъ во взорѣ
Взглянулъ на женъ, рыдавшихъ передъ нимъ.
Не трогаетъ вождя народовъ горе,
Онъ можетъ быть къ толпѣ неумолимъ;
Но случай единичнаго мученья
Порой въ немъ пробуждаетъ сожалѣнье.

LXX.

Бывалъ, внѣ боя, и Суворовъ слабъ.
Онъ ласково сказалъ: «Эхъ, Джонсонъ, право,
«На кой вы чортъ пригнали этихъ бабъ?
«Возиться съ ними вовсе не забава...
«Чтобъ имъ грозить опасность не могла бъ,
«Ихъ удалю отъ мѣстъ борьбы кровавой.
«Солдатъ съ женой въ бою—плохой солдатъ,
«Коль года нѣтъ еще, что онъ женатъ!»

LXXI.

— «Не наши, а чужія это жены»,
Суворову тутъ Джонсонъ возразилъ.
«Не допускаютъ строгіе законы,
«Чтобъ на войнѣ съ женою воинъ былъ,
«И мнѣ ль переступать черезъ препоны,
«Что̀ съ мудростью законъ установилъ?
«Когда жена, какъ шмель, жужжитъ надъ ухомъ,
«Храбрѣйшій воинъ можетъ падать духомъ.

LXXII.

«Тѣ женщины—турчанки. Не боясь
«Опасности для жизни и гоненій,
«Онѣ съ слугой спасли отъ смерти насъ
«И слѣдуютъ за нами. Рядъ лишеній
«Случалось мнѣ испытывать не разъ,
«А имъ не перенесть такихъ мученій.
«Чтобъ съ бодрымъ духомъ драться мы могли,
«Мы просимъ, чтобъ вы ихъ поберегли».

LXXIII.

Въ унынье впали дочери гарема,
Утративъ вѣру въ власть своихъ друзей.
Для нихъ былъ непонятною проблемой
Старикъ, пугавшій внѣшностью своей,
Который, простоту избравъ системой,
Чуждался всякихъ пышности затѣй,
А между тѣмъ вселялъ не меньше страха,
Чѣмъ гнѣвный взоръ любого падишаха.

LXXIV.

Вполнѣ имъ было ясно, что онъ могъ
Распоряжаться полнымъ властелиномъ,
А въ ихъ глазахъ былъ жалокъ и убогъ!
Султанъ ихъ пріучилъ къ инымъ картинамъ:
Весь въ золотѣ, держась какъ нѣкій богъ,
Являлся онъ сіяющимъ павлиномъ.
Дивило ихъ не мало, что попасть
Въ такую обстановку можетъ власть.

LXXV.

Не понимавшій нѣжностей Востока,
Ихъ вздумалъ Джонсонъ утѣшать сперва;
Жуанъ же поклялся мечомъ Пророка,
Что къ нимъ съ зарей придетъ; свои права
Онъ отстоитъ иль разгромитъ жестоко
Всю армію. И что жъ? Его слова
Мгновенно принесли имъ утѣшенье—
Такъ женщины склонны на увлеченье.

LXXVI.

Съ слезами и со вздохами простясь,
Онѣ ушли. Начаться скоро бою!
(Ту силу, что̀ рѣшаетъ участь массъ,
Назвать ли провидѣніемъ, судьбою
Иль случаемъ? Неразрѣшимъ для насъ
Вопросъ, что̀ міру не даетъ покою).
Занять мѣста друзьямъ пора пришла,
Чтобъ городъ сжечь, не сдѣлавшій имъ зла.

LXXVII.

Суворовъ, чтобы выиграть сраженье,
Не пожалѣлъ бы арміи своей;
Онъ частностямъ не придавалъ значенья,
Была бъ лишь цѣль достигнута вѣрнѣй,
И, смерть неся, смотрѣлъ безъ сожалѣнья
На гибель странъ и бѣдствія людей.
Такъ Іова страданье столь же мало
Его жену и близкихъ огорчало.

LXXVIII.

Онъ за ничто двухъ женщинъ скорбь считалъ!
Межъ тѣмъ подготовлялась канонада.
Гомеръ бы намъ такую жъ описалъ,
И скрасилась бы ею Иліада,
Когда бы о мортирахъ онъ слыхалъ.
Но не о Троѣ говорить мнѣ надо:
О пушкахъ, бомбахъ, ядрахъ и штыкахъ,
На Музу нагоняя этимъ страхъ.

LXXIX.

Гомеръ! прошли безчисленные годы,
А міръ все полонъ славою твоей.
Ты описалъ, воспѣвъ царей походы,
Оружье, поражавшее людей;
Въ нашъ вѣкъ надъ нимъ трунятъ враги свободы
И порохомъ хотятъ ея друзей
Повергнуть въ прахъ. Пускай, ей яму роя,
Осадой ей грозятъ: она не Троя.

LXXX.

Гомеръ безсмертный! греческій листокъ,
Откуда черпалъ ты свои извѣстья,
Такихъ ужасныхъ дѣлъ и знать не могъ,
Какія собираюсь перечесть я.
Увы! я предъ тобою, что потокъ
Предъ океаномъ! Все жъ, въ нашъ вѣкъ нечестья,
Хоть древнимъ уступаемъ мы вполнѣ
Въ поэзіи, мы ихъ сильнѣй въ рѣзнѣ.

LXXXI.

Все дѣло въ фактахъ. Истина святая
Лишь въ фактахъ проявляетъ образъ свой,
Но бѣдной Музѣ, ихъ передавая,
Иные скрыть приходится порой.
Близка, однако жъ, схватка роковая!
Съумѣю ли воспѣть я грозный бой?
Героевъ тѣни ждутъ побѣдныхъ пѣсенъ,
Чтобъ славу ихъ вѣковъ не скрыла плѣсень.

LXXXII.

Къ тебѣ взываю я, кумиръ молвы,
Наполеона призракъ величавый!
Къ вамъ, греки, что сражалися, какъ львы,
Когда васъ Леонидъ велъ въ бой кровавый!
Къ вамъ, «Коментарьи» Цезаря, чтобъ вы
Своею *увядающею* славой
И краснорѣчьемъ пламенныхъ рѣчей
На помощь къ бѣдной Музѣ шли моей!

LXXXIII.

Да, увядаетъ славное былое!
Такъ выразиться право я имѣлъ:
У насъ, что годъ, то новые герои;
Ихъ всѣхъ не счесть, а слава—ихъ удѣлъ;
Какіе жъ благодатные устои
Наслѣдьемъ намъ отъ этихъ громкихъ дѣлъ?
Увы! они безплодны, да и сами
Герои наши сходны съ мясниками.

LXXXIV.

Отличья всевозможныя должны
Нестись къ героямъ длинной вереницей;
Сроднились съ ними ленты и чины,
Какъ пурпуръ съ вавилонскою блудницей.
Награды честолюбцамъ такъ нужны,
Какъ юношѣ мундиръ, какъ вѣеръ львицѣ.
Но что жъ такое слава? Право, нѣтъ
Возможности на это дать отвѣтъ.

LXXXV.

Сравнивъ ее съ свиньей, что̀ рыщетъ въ полѣ,
Я вамъ бы, можетъ быть, не угодилъ.
Такъ съ шкуною, что носится на волѣ,
Не лучше ли чтобъ я ее сравнилъ,
Иль съ бригомъ? Но сравненій нужно ль болѣ?
Здѣсь кончу, чтобъ не выбиться изъ силъ
Когда опять займусь своей поэмой,
Кровавый штурмъ моею будетъ темой.

LXXXVI.

Вы слышите? Какой то шумъ глухой
Тревожитъ ночи грозное молчанье:
То крадутся войска и, скрыты мглой,
Къ стѣнамъ подходятъ, затаивъ дыханье;
Едва замѣтно, сквозь туманъ ночной,
Проглядываетъ тусклыхъ звѣздъ мерцанье;
Но скоро ихъ затмитъ зловѣщій дымъ,
Все застилая облакомъ густымъ.

LXXXVII.

Не долго ждать—и громъ орудій грянетъ...
Сигналъ дадутъ—и грозная пора
Борьбы на жизнь и смерть для войскъ настанетъ.
Они сплотятся, какъ съ горой гора.
Сольется вмѣстѣ, лишь разсвѣтъ проглянетъ,
Съ Аллахомъ турокъ русское ура!
И павшихъ стоны, вопли и молитвы
Безъ отзвука потонутъ въ шумѣ битвы.

ПѢСНЬ ВОСЬМАЯ.

I.

Увѣчья, грохотъ пушекъ, бой кровавый—
Слова неблагозвучныя вполнѣ,
Но съ ними сплетены всѣ грезы славы,
Что̀ проситъ жертвъ; и такъ какъ я войнѣ
Намѣренъ посвятить свои октавы,
Ихъ повторять придется часто мнѣ.
Но что̀ слова! Назвавъ войну Беллоной,
Тѣмъ не спасете край, ей разоренный.

II.

Какъ вышедшій изъ логовища левъ,
Шла армія въ безмолвіи суровомъ.
Она ждала (до крѣпости успѣвъ
Добраться незамѣтно, подъ покровомъ
Глубокой тьмы), чтобъ пушекъ грозный ревъ
Ей подалъ знакъ къ атакѣ. Строемъ новымъ
Безстрашно замѣщая павшій строй,
Людская гидра вступитъ въ смертный бой.

III.

Когда сочтемъ тѣ страшныя затраты,
Что золотомъ и кровью дѣлалъ свѣтъ
На войны, какъ ничтожны результаты
Окажутся одержанныхъ побѣдъ!
Онѣ одною славою богаты,
Но сколько расплодили горькихъ бѣдъ!
Слезу страданья осушить съ любовью,
Славнѣе, чѣмъ весь міръ забрызгать кровью!

IV.

Да, благодатны добрыя дѣла,
Тогда какъ слава тягостна народу;
Онъ—въ нищетѣ, а жертвамъ нѣсть числа,
Что приносить онъ долженъ ей въ угоду.
Лишь честолюбцы въ ней не видятъ зла.
Война священна только за свободу;
Когда жъ она—лишь честолюбья плодъ,
Кто бойнею ее не назоветъ?

V.

Борьба за волю только—подвигъ громкій!
За то и Леонидъ, и Вашингтонъ
Безсмертны, и позднѣйшіе потомки
Не позабудутъ славы ихъ именъ.
О нихъ гласятъ не жалкіе обломки
Разрушенныхъ міровъ, не плачъ и стонъ
Порабощенныхъ, но дары свободы,
Что черезъ нихъ пріобрѣли народы.

VI.

Зловѣщая царила тьма вокругъ.
Лишь пушки, искры грозныя бросая,
Свои огни сливали въ яркій кругъ,
Что̀ отражался волнами Дуная,
Какъ адскимъ зеркаломъ. Тревожа слухъ,
Пальба не прерывалась роковая.
Огня небесъ страшнѣй огонь земной:
Одинъ—щадитъ, безжалостенъ другой.

VII.

Едва успѣлъ, подъ сѣнью тьмы безмолвной,
До стѣнъ добраться посланный отрядъ,
Какъ мусульманѐ разомъ, злобы полны,
Стрѣляя мѣтко, вышли изъ засадъ.
Земля и воздухъ, крѣпость, горы, волны,—
Все превратилось въ мигъ въ кромѣшный адъ;
Вся мѣстность стала огненнымъ вулканомъ,
Какой-то Этной, взорванной титаномъ.

VIII.

Въ то время словно громъ раздался крикъ:
«Аллахъ!» и, потрясая тучи дыма,
Шумъ битвы заглушилъ, свирѣпъ и дикъ.
Какъ вызовъ онъ звучалъ неумолимый,
Суля погибель,—всюду онъ проникъ,
Какъ ураганъ, несясь неудержимо.
Чу!... въ крѣпости, въ волнахъ, на берегу,
Вездѣ кричатъ: «Аллахъ!» и «Алла-гу!»

IX.

Врасплохъ не захватили оборону:
Давно ужъ крѣпость приступа ждала.
Огонь ужасный встрѣтилъ ту колонну,
Что̀ отъ рѣки атаку повела.
Она подверглась тяжкому урону
И вся почти на мѣстѣ полегла.
Командовалъ безстрашно частью тою
Арсеньевъ—вождь, прославленный молвою.

X.

Въ колѣно принцъ де-Линь былъ пораженъ.
У графа Шапо-Бра, въ началѣ дѣла,
Лишь началось дваженіе колоннъ,
Межъ головой и шляпой пролетѣла
Шальная пуля. Чудомъ спасся онъ.
Аристократа ль пощадить хотѣла
Та пуля, или вѣдала о томъ,
Что лобъ свинцовый не пробить свинцомъ?...

XI.

Маркòвъ хотѣлъ, во что бы то ни стало,
Чтобъ раненаго принца унесли,
Хотя кругомъ простыхъ солдатъ не мало
Безпомощно валялось тутъ въ пыли.
Ихъ стоны не смущали генерала, —
Онъ думалъ лишь о принцѣ: но пошли
Ему не впрокъ заботы о вельможѣ:
Вертясь предъ нимъ, Маркòвъ былъ раненъ тоже.

XII.

Десятки тысячъ ружей, словно громъ,
Тремъ стамъ орудьямъ вторили, смятенье
Внося въ ряды. (Вѣрнѣй всего свинцомъ,
Гдѣ нужно, возбуждать кровотеченье!)
О, люди, вы знакомы съ тяжкимъ зломъ,
Что̀ причиняютъ голодъ, моръ, лишенья,
Но какъ значенье слабо бѣдъ такихъ,
Коль съ полемъ битвы вы сравните ихъ!

XIII.

Тамъ налицо ужаснѣйшія муки...
Онѣ вездѣ, куда ни бросишь взглядъ:
Здѣсь раненый, крича, ломаетъ руки;
Другіе, закативъ глаза, лежатъ
И видны лишь бѣлки ихъ; скорби звуки
И стоны къ небу жалобно летятъ.
Инымъ лишь смерть отъ ранъ приноситъ слава;
Другимъ, быть можетъ, дастъ на крестикъ право.

XIV.

Но все жъ меня волнуютъ славы сны:
Не сладко ли, убравшись сѣдинами,
Безбѣдно проживать на счетъ казны?
Кто не стремится къ пенсіямъ мечтами?
Герои для того еще нужны,
Чтобъ ихъ дѣянья воспѣвать стихами.
Итакъ, чтобъ въ пѣснь попасть, схвативши кушъ,
Нерѣдко въ бой стремится храбрый мужъ.

XV.

Межъ тѣмъ впередъ пустились гренадеры,
Чтобъ брустверъ взять (онъ ихъ одолѣвалъ),
И впрокъ пошли ихъ храбрости примѣры:
Другой отрядъ за ними не отсталъ.
Какъ дѣти рвутся къ матери, такъ съ вѣрой
Въ успѣхъ всползли они на скользкій валъ
И, не волнуясь, словно на парадѣ,
Мгновенно очутились въ палиссадѣ.

XVI.

Невѣроятенъ подвигъ былъ такой!
Вулканъ нанесъ бы меньше злыхъ увѣчій,
Бросая лаву огненной струей,
Чѣмъ встрѣтившій героевъ градъ картечи.
Треть офицеровъ пала подъ грозой;
Ужъ о побѣдѣ не было и рѣчи:
Когда охотникъ падаетъ, никакъ
Въ порядокъ привести нельзя собакъ.

XVII.

Здѣсь перейду я къ своему герою,
Другихъ бойцовъ оставивъ въ сторонѣ;
Я подвиговъ его отъ васъ не скрою,
Но каждаго бойца возможно ль мнѣ
Привѣтствовать хвалебною строфою,
Хотя бъ ее онъ заслужилъ вполнѣ?
Героевъ списокъ сдѣлался бъ длиннѣе,
Но и поэма тоже,—что грустнѣе.

XVIII.

Газета вамъ подробно перечтетъ
Всѣ подвиги героевъ жаркихъ схватокъ,
При этомъ и убитыхъ назоветъ,
И перечень такой не будетъ кратокъ,
Какъ ясно вамъ. О, трижды счастливъ тотъ,
Чье имя попадетъ безъ опечатокъ
Въ реляцію! Такъ Гросъ, что въ битвѣ палъ,
Въ побѣдномъ бюллетенѣ Гровомъ сталъ.

XIX.

Жуанъ и Джонсонъ, удержу не зная,
Съ своимъ отрядомъ смѣло шли впередъ,
Работая штыкомъ или стрѣляя;
Ихъ кровь кипѣла; съ лицъ струился потъ;
Они неслись, преграды разрушая,
Не вѣдая, куда ихъ приведетъ
Опасный путь, и отличились оба;
Къ наградамъ ихъ представили особо.

XX.

Они то подвигалися съ трудомъ
Къ углу редута, цѣли всѣхъ усилій,
То, страшнымъ остановлены огнемъ,
Скользя по лужамъ крови, отходили;
Все обливая огненнымъ дождемъ,
Казалось, силы ада замѣнили
Собою небо. Гдѣ колонна шла—
Въ крови лежали грудами тѣла.

XXI.

Хотя Жуанъ былъ новичекъ неловкій,
Но велъ себя какъ истинный герой,
Попавъ на штурмъ безъ всякой подготовки.
Отвагу пробуждаетъ въ насъ порой
Торжественность блестящей обстановки;
Но, стоя подъ ружьемъ, средь мглы сырой,
Подъ гнетомъ тяжкимъ думъ, Жуанъ смутился,
И хоть струхнулъ немного, все жъ не скрылся.

XXII.

Онъ, убѣжавъ, не удивилъ бы насъ;
Порой герою воля непокорна;
Великій Фридрихъ, выстрѣловъ боясь,
Подъ Мольвицемъ одинъ бѣжалъ позорно;
Но это съ нимъ всего случилось разъ.
Конь, соколъ, дѣва борются упорно
Предъ тѣмъ, чтобы вступить на новый путь,
Затѣмъ съ него ужъ не хотятъ свернуть.

XXIII.

На языкѣ пуническомъ картинно
Скажу, что Донъ-Жуанъ былъ «духомъ живъ».
(Ирландіи богатъ языкъ старинный,
Но онъ для насъ загадоченъ, какъ миѳъ.
Откуда онъ? Ученыхъ споры длинны
На этотъ счетъ. Иные, изучивъ
Всѣ тонкости его, такого мнѣнье,
Что Африка дала ему рожденье.

XXIV.

Быть можетъ справедливъ подобный взглядъ,
Хотя и оскорбляетъ патріота).
Жуанъ, огнемъ поэзіи объятъ,
Не понималъ холоднаго разсчета;
Влеченью чувствъ онъ былъ поддаться радъ,
Тяжелыхъ думъ не ощущая гнета,
И въ обществѣ веселыхъ удальцовъ
Онъ съ радостью подраться былъ готовъ.

XXV.

Жуанъ душой былъ чуждъ всего дурного;
Въ любви, какъ на войнѣ, его вели
Чистѣйшія намѣренья [1]). Вотъ слово,
Что̀ люди, какъ оплотъ, изобрѣли.
Всегда съ нимъ оправданіе готово;
Герой, дѣлецъ, блудница—на мели
Не остаются съ нимъ; но вспомнить надо,
Что такъ мостилась мостовая ада.

XXVI.

Намѣреньямъ чистѣйшимъ хоть не вѣрь!
Ея дѣла, однакожъ, идутъ вяло;
Мнѣ думается даже, что теперь
Та мостовая сильно пострадала:
Попрежнему геенны настежь дверь,
Но ужъ благихъ намѣреній такъ мало,
Что̀ нечѣмъ и чинить ее. Она
Съ Пель-Мель [2]) навѣрно сдѣлалась сходна.

XXVII.

Въ то время, какъ Жуанъ шаги направилъ
Къ турецкой батареѣ, вдругъ одинъ
Остался онъ; отрядъ его оставилъ.
(Такъ, годъ спустя по свадьбѣ, безъ причинъ,
Жена иная, самыхъ честныхъ правилъ,
Развода на себя беретъ починъ).
Жуанъ, когда отрядъ безслѣдно скрылся,
Одинъ средь поля битвы очутился.

XXVIII.

Я затрудняюсь это объяснить:
Должно быть, большинство убито было,
А прочіе рѣшились отступить,
Когда имъ сила воли измѣнила.
Бѣгущихъ не легко остановить;
Разъ бѣгство римлянъ Цезаря смутило;
Схвативши щитъ, къ врагамъ помчался онъ
И тѣмъ вернулъ бѣжавшій легіонъ.

---

[1]) Португальская пословица гласитъ, что адъ вымощенъ благими намѣреніями. (Примѣчаніе Байрона).

[2]) Улица въ Лондонѣ.

XXIX.

Жуанъ, что̀ не былъ Цезарь безъ сомнѣнья,
Да и щита нигдѣ бы не нашелъ,
Смущенъ, остановился на мгновенье,
Затѣмъ впередъ рванулся, какъ оселъ.
(Читатель, не волнуйся: то сравненье
Гомеръ пригоднымъ для Аякса счелъ;
Жуанъ, въ сравненьи не нуждаясь новомъ,
Воспользоваться можетъ и готовымъ).

XXX.

Итакъ, впередъ онъ бросился къ огнямъ,
Что̀ ярче солнца освѣщали мѣстность.
Отважно онъ направился къ холмамъ,
Не бросивъ даже взгляда на окрестность,
Надѣясь свой отрядъ увидѣть тамъ.
Конечно, онъ не могъ привесть въ извѣстность
Его потерь, а также знать не могъ,
Что весь отрядъ почти на мѣстѣ легъ.

XXXI.

Не видя ни начальства, ни отряда,
Котораго исчезъ и самый слѣдъ,
Жуанъ впередъ помчался. (Мнѣ не надо
Вамъ объяснять, какъ, въ цвѣтѣ силъ и лѣтъ,
Жуанъ, что о бояхъ мечталъ съ отрадой,
Любовью къ славѣ движимъ и согрѣтъ,
Могъ забѣжать впередъ, заботясь мало
О томъ, что войско отъ него отстало).

XXXII.

Какъ юноша-наслѣдникъ, что свою
Еще дорогу ищетъ, чуждъ разсчета;
Какъ путникъ, что блудящему огню
Ввѣряется, чтобъ выйти изъ болота;
Какъ выброшенный на берегъ къ жилью
Стремится,—такъ, лишившися оплота,
Жуанъ пошелъ туда, гдѣ жарче бой,
Влекомъ любовью къ славѣ и судьбой.

XXXIII.

Онъ шелъ, своимъ лишь довѣряясь силамъ,
Пальбою безпрерывной потрясенъ.
Въ немъ молніей струилась кровь по жиламъ,
Онъ шелъ любовью къ славѣ вдохновленъ;
Охваченный неудержимымъ пыломъ,
Дыша съ трудомъ, къ мѣстамъ стремился онъ,
Гдѣ Бэкона [1]) излюбленное чадо
Окрестность превращало въ нѣдра ада.

XXXIV.

И вотъ наткнулся на отрядъ лихой,
Колонны Ласси жалкіе остатки.
Ее такъ уменьшилъ кровавый бой,
Что героизма славные осадки
Она могла лишь представлять собой.
(Изъ толстыхъ книгъ экстракты—лишь тетрадки).
Жуанъ примкнулъ съ достоинствомъ къ бойцамъ,
Что̀, храбрости полны, неслись къ врагамъ.

XXXV.

Тутъ Джонсонъ, «совершившій отступленье»,
Къ нимъ подошолъ. (Желая бѣгство скрыть,
Употребляемъ это выраженье).
Онъ зналъ, гдѣ силъ не слѣдуетъ щадить
И вмѣстѣ съ тѣмъ не упускалъ мгновенья,
Когда свою умѣрить можно прыть.
Такъ всѣ его пріемы были ловки,
Что бѣгству видъ онъ придавалъ уловки.

XXXVI.

Когда былъ перебитъ его отрядъ,
Чтобы собрать предъ схваткой роковою
Тѣхъ, что̀ страшилъ «Долины Смерти хладъ»,
Онъ отступилъ. Жуанъ, хранимъ судьбою,
Все лѣзъ въ огонь и съ нимъ итти назадъ
Не согласился бъ. Юному герою
Опасность и не снилась. Такъ въ борьбѣ
Невинность вѣритъ лишь одной себѣ.

---

[1]) Бэкону приписываютъ изобрѣтеніе пороха. (Прим. Байрона).

XXXVII.

Съ бойницъ и казематовъ цитадели,
Съ засадъ, валовъ, редутовъ, батарей
Безъ перерывовъ выстрѣлы летѣли;
Всѣ зданья стали рядомъ крѣпостей,
Гдѣ турки, полны ярости, засѣли.
Отъ выстрѣловъ спасаясь, егерей,
Разстроенныхъ кровавою борьбою,
Вдругъ Джонсонъ увидалъ передъ собою.

XXXVIII.

Онъ кликнулъ ихъ, и всѣ на зовъ пришли
Немедленно, не такъ какъ духи ада,
Что Готспуръ вызывалъ изъ нѣдръ земли,
Но чьи отвѣты ждать съ терпѣньемъ надо.
Боясь, чтобъ ихъ за трусовъ не сочли,
Явились тотчасъ егеря. Какъ стадо,
Послушно люди идутъ за вождемъ,
Въ вопросахъ вѣры иль въ борьбѣ съ врагомъ.

XXXIX.

Клянуся, Джонсонъ не былъ лицемѣромъ,
И, видитъ Зевсъ, онъ могъ бы быть сравненъ
Съ героями, воспѣтыми Гомеромъ.
Рубя враговъ, не волновался онъ
И постоянства могъ служить примѣромъ,
Какъ безпрерывно дующій муссонъ.
Не зная суетливости напрасной,
Онъ шелъ съ покойнымъ духомъ въ бой опасный.

XL.

Планъ бѣгства зрѣло былъ обдуманъ имъ.
Онъ зналъ, что, отойдя лишь недалеко,
Немедленно примкнетъ къ частямъ такимъ,
Что̀ временно разстроилъ бой жестокій.
Не всѣ герои слѣпы, хоть инымъ
Смежить глаза приходится до срока.
Когда имъ смерть грозитъ, они уйти
Порой спѣшатъ, чтобъ духъ перевести.

XLI.

Но Джонсонъ скрылся только на мгновенье;
Энергіей своей онъ далъ толчокъ
Отряду, что ужъ началъ отступленье
Въ порывѣ страха. (Такъ магнитный токъ
Заставить можетъ трупъ притти въ движенье).
Своимъ примѣромъ онъ солдатъ увлекъ
И смѣло ихъ повелъ дорогой тою,
Что Гамлетъ называетъ «роковою».

XLII.

Они въ огонь полѣзли, не смутясь,
Хоть встрѣтили пріемъ, вполнѣ похожій
На тотъ, что̀ ихъ заставилъ въ первый разъ
Покинуть бой и жизнь признать дороже
Всѣхъ обольщеній славы, что̀ подчасъ
Войска ведетъ. (И жалованье тоже—
Хорошій стимулъ!) Въ настоящій адъ
Попалъ пришедшій съ Джонсономъ отрядъ.

XLIII.

Въ безформенную массу превращая
Войска, снаряды сыпались дождемъ,
Все предъ собой губя и разрушая.
Какъ спѣлые колосья подъ серпомъ,
Какъ подъ грозою жатва золотая,
Какъ подъ косой трава,—такъ подъ огнемъ
Убійственнымъ безчисленныхъ орудій,
Купаяся въ крови, валились люди.

XLIV.

Какъ пѣну съ волнъ уноситъ ураганъ,
Такъ цѣлыя шеренги вырывали
Изъ строя пули ярыхъ мусульманъ
(Ихъ крѣпостныя стѣны укрывали);
Но рокъ, что̀ не щадитъ и цѣлыхъ странъ,
Пришелъ на помощь къ Джонсону; едва ли
Не первымъ, сквозь густой и смрадный дымъ,
До вала онъ добрался невредимъ.

XLV.

Сначала двое къ валу подскочило,
Затѣмъ толпа отважныхъ все росла;
Подмога съ каждымъ мигомъ подходила.
Огонь, какъ подожженная смола,
Со всѣхъ сторонъ лился съ такою силой
И причинялъ врагамъ такъ много зла,
Что смерть отставшимъ такъ же угрожала,
Какъ тѣмъ, что ужъ вскарабкались до вала.

XLVI.

Но случай спасъ ворвавшійся отрядъ.
Ученый грекъ, на удивленье свѣта,
Устроилъ рядъ ненужныхъ палиссадъ
Какъ разъ посерединѣ парапета.
Хоть очевиденъ вредъ такихъ преградъ,
Но русскимъ впрокъ пошла ошибка эта.
Конечно, иностранный инженеръ
Не принялъ бы такихъ зловредныхъ мѣръ.

XLVII.

Широкій парапетъ, какъ оказалось,
Тѣмъ палиссадомъ ровно пополамъ
Разрѣзанъ былъ, и мѣста оставалось
Довольно, чтобъ могла сомкнуться тамъ
Та кучка храбрыхъ, что на валъ взобралась
Предъ тѣмъ, чтобъ снова кинуться къ врагамъ.
Такъ были слабы эти укрѣпленья,
Что ихъ войска снесли безъ затрудненья.

XLVIII.

Кто первымъ взлѣзъ, о томъ напрасенъ споръ,—
О первенствѣ вопросы щекотливы;
Они плодятъ не мало жгучихъ ссоръ
И даже между странами разрывы;
Какой молніеносный броситъ взоръ
На васъ Джонъ-Буль, пристрастно-терпѣливый,
Коль скажете ему, что Веллингтонъ
Въ бою при Ватерло былъ побѣжденъ!

XLIX.

А пруссаки отстаиваютъ мнѣнье,
Что если бъ Блюхеръ, Бюловъ, Гнейзено
Не подошли тогда, въ сопровожденьи
Богъ знаетъ сколькихъ лицъ на *овъ* и *но*,
То было бы проиграно сраженье,
И Веллингтонъ, которому оно
Такъ много принесло отличій разныхъ,
Не получалъ бы пенсій безобразныхъ.

L.

Но все жъ и короля, и королей
Храни, Господь! Имъ въ тягостные годы
Не сдобровать безъ помощи Твоей!
Мнѣ чуется, что верхъ возьмутъ народы;
Брыкается и кляча, если ей
Не въ моготу. Народъ, ища свободы,
Устанетъ наконецъ, забитъ и сѣръ,
Брать съ Іова въ терпѣніи примѣръ.

LI.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . ,
. . . . . .
. . . . . .

LII.

Но будемъ продолжать: какъ я сказалъ,
Не первымъ, но однимъ изъ первыхъ, ловко
Нашъ юный другъ Жуанъ вскочилъ на валъ;
Держался онъ съ искусною сноровкой
Героя, что̀ не разъ въ бояхъ бывалъ,
И новой не смущался обстановкой.
Какъ женщина красивъ и чистъ душой,
Онъ, бредя только славой, несся въ бой.

LIII.

Какъ эта обстановка сходства мало
Имѣла съ той, къ которой онъ привыкъ!
Его досель одна любовь плѣняла;
Онъ съ дѣтства понималъ ея языкъ;
Его душа отъ счастья трепетала,
Когда надъ нимъ склонялся милый ликъ;
Не могъ онъ, какъ Руссо, въ измѣны вѣрить
И слишкомъ честенъ былъ, чтобъ лицемѣрить.

LIV.

Жуанъ лишь подъ давленіемъ судьбы
Могъ измѣнить горячему участью;
Теперь же былъ онъ тамъ, гдѣ, какъ рабы,
Склонялись люди въ прахъ предъ грозной властью
Желѣза и огня. Въ пылу борьбы
Впередъ онъ несся съ бѣшеною страстью;
Такъ, чуя шпоры, чистокровный конь
Бросается и въ воду, и въ огонь.

LV.

Какъ спо́ртсмэнъ, что, опасность забывая,
Несется черезъ рвы мечты быстрѣй,
Такъ, на пути препятствія встрѣчая,
Жуанъ, волнуясь, къ цѣли шелъ своей;
Борьба, дурныя страсти разжигая,
Безжалостными дѣлаетъ людей;
Но на него вліянья не имѣла:
Его душа въ бою не очерствѣла.

LVI.

Нежданною подмогой подкрѣпленъ,
Вздохнулъ свободнѣй Ласси, что борьбою
Разстроенъ былъ; его со всѣхъ сторонъ
Враги тѣснили грозною толпою.
Жуана, что́ стоялъ съ нимъ рядомъ, онъ
За помощь сталъ благодарить. Не скрою,
Что дворянинъ изъ прибалтійскихъ странъ
Не лучше былъ бы встрѣченъ, чѣмъ Жуанъ.

LVII.

Съ нимъ по-нѣмецки, самымъ мягкимъ тономъ
Заговорилъ почтенный генералъ;
На эту рѣчь безмолвнымъ лишь поклономъ
Жуанъ ему учтиво отвѣчалъ.
Съ нѣмецкимъ, какъ съ санскритскимъ, лексикономъ
Онъ мало былъ знакомъ, но понималъ,
Регальи созерцая генерала,
Что онъ имѣлъ значенія не мало.

LVIII.

Ихъ разговоръ лишь длился мигъ одинъ.
Но могутъ ли слова имѣть значенье
Средь душу раздирающихъ картинъ,
Что́ представляетъ смерть и разрушенье,—
Когда среди дымящихся руинъ
Проклятья, вопли, стоны и моленья
Уныло раздаются, какъ набатъ,
И, слухъ тревожа, жалобно звучатъ?

LIX.

Всѣ звуки битвы въ ревъ сливались дикій;
Казалось, адъ всѣ силы въ бой стянулъ;
Такъ были общій шумъ и трескъ велики,
Что даже громъ безслѣдно бъ потонулъ
Средь шума битвы. Стоны, вопли, крики,
Сливаясь, пушекъ затмѣвали гулъ.
Но вотъ минута страшная настала:
Ударъ судьбы свершился—крѣпость пала.

LX.

«Богъ создалъ свѣтъ, а смертный—города»,
Такъ Куперъ говоритъ; но какъ ихъ много
Съ теченьемъ лѣтъ исчезло безъ слѣда!
Гдѣ Тиръ и Ниневія? Гдѣ дорога,
Что въ Вавилонъ ведетъ? Прошли года
И смыли слѣдъ столицы и чертога.
Развалины повсюду; можетъ быть
Въ лѣсахъ придется снова людямъ жить.

LXI.

Изъ всѣхъ людей, прославленныхъ молвою,
Счастливѣйшимъ считаю Буна [1]) я
(За исключеньемъ Силлы, что̀ судьбою
До смерти былъ хранимъ). Въ глуши живя,
Охотой занимался онъ одною,
Людей рѣзней напрасной не дивя,
И, духомъ бодръ, въ лѣсахъ страны далекой,
Достигъ безъ горя старости глубокой.

LXII.

Душою чистъ, онъ прожилъ долгій вѣкъ;
Уединенью только грезы милы;
И жизнь его до срока не пресѣкъ
Недугъ,—лишь трудъ поддерживаетъ силы;
Живя въ столицахъ душныхъ, человѣкъ
Доказываетъ тѣмъ, что сѣнь могилы
Ему милѣе жизни. Вѣкъ трудясь,
Съ улыбкой встрѣтилъ Бунъ кончины часъ.

LXIII.

И что жъ? Почтенный мужъ себя прославилъ,
Хоть массами не убивалъ людей,
И всюду память добрую оставилъ;
Завидна слава лишь въ союзѣ съ ней!
И злость, и зависть онъ молчать заставилъ,
Не прибѣгая къ помощи цѣпей.
Отшельникъ Россы и дитя природы,
Онъ прожилъ вѣкъ поборникомъ свободы.

LXIV.

Согражданъ Бунъ чуждался, и отъ нихъ
Онъ уходилъ туда, гдѣ воздухъ чище;
Любя просторъ и тишь лѣсовъ густыхъ,
Къ нимъ рвался онъ. (Гдѣ скучены жилища,
Себя стѣсняя, все жъ тѣснимъ другихъ).
Бунъ не былъ мизантропомъ: если нищій
Ему порой встрѣчался на пути,
Къ нему на помощь онъ спѣшилъ притти.

LXV.

Но жилъ онъ не одинъ: дѣтей природы
Вкругъ Буна племя цѣлое росло;
Душевныхъ бурь тяжелыя невзгоды
Невѣдомы имъ были; ихъ чело
Морщинъ не знало; свѣтлый духъ свободы
Ихъ оживлялъ; имъ чуждо было зло.
Свободно взросшій лѣсъ, что ихъ взлелѣялъ,
Одну любовь къ добру въ ихъ души сѣялъ.

LXVI.

Заботъ не зная, стройны и сильны,
Они въ странѣ привольной процвѣтали;
Какъ городовъ тщедушные сыны
Предъ ними жалки! Тяжкій гнетъ печали
Не отравлялъ ихъ сладостные сны;
Ихъ моды въ обезьянъ не превращали;
Просты, хотя не дики,—изъ-за ссоръ
Они борьбу считали за позоръ.

LXVII.

Веселость ихъ всегда сопровождала;
Поденный трудъ ихъ не томилъ ничуть;
Среда развратъ въ ихъ души не вливала;
Въ тѣни лѣсовъ свободно дышетъ грудь!
Гнетъ роскоши, распутства злое жало
Не направляли ихъ на ложный путь:
Подъ свѣтлой сѣнью дѣвственнаго лѣса
Нужда и горе не имѣютъ вѣса.

LXVIII.

Довольно о природѣ! Мы должны
Опять вернуться къ благамъ просвѣщенья:
Къ пожарамъ и чумѣ, плодамъ войны,
Къ картинамъ смерти, бѣдъ и разрушенья,
Что жаждою побѣдъ порождены.
Чтобы себѣ доставить развлеченье,
Пролить хоть море крови деспотъ радъ:
Взять Измаилъ велѣли, и—онъ взятъ.

---

[1]) Генералъ Даніилъ Бунъ основалъ первое поселеніе въ Кентуки (Сѣверная Америка).

LXIX.

Палъ Измаилъ. Одинъ отрядъ сначала
Въ немъ проложилъ кровавый путь. За нимъ
Другой ворвался слѣдомъ. Смерть зіяла
И острый штыкъ, какъ рокъ неумолимъ,
Въ толпу врѣзался. Все кругомъ стонало.
Какъ облако, носился сѣрный дымъ,
Тяжелымъ смрадомъ воздухъ отравляя.
А турки все дрались, не отступая.

LXX.

Кутузовъ, что̀, при помощи снѣговъ,
Впослѣдствіи отпоръ далъ Бонапарту,
Съ солдатами попалъ въ глубокій ровъ,
Благодаря излишнему азарту.
Предъ другомъ и врагомъ онъ былъ готовъ
Всегда шутить и, ставя жизнь на карту,
Острилъ надъ всѣмъ, веселый тѣша нравъ;
Но тутъ онъ пріунылъ, въ бѣду попавъ.

LXXI.

Безумною отвагою согрѣтый
И храбрости желая дать примѣръ,
Онъ бросился къ подножью парапета;
Но турки смяли храбрыхъ гренадеръ,
Что̀ съ нимъ пошли въ атаку. Въ схваткѣ этой
Въ числѣ убитыхъ былъ и Рибопьеръ,
Что̀ палъ, оплаканъ всѣми въ русскомъ станѣ.
Загнали въ ровъ обратно мусульмане.

LXXII.

На парапетъ взобравшихся солдатъ;
Но ихъ спасла нежданная подмога:
Какой-то заблудившійся отрядъ,
Что проплуталъ невѣдомой дорогой,
Пришелъ на помощь къ нимъ, а то наврядъ
Подъ градомъ пуль ихъ уцѣлѣло бъ много,
И храбрый весельчакъ Кутузовъ—самъ
Съ колонною своей погибъ бы тамъ.

LXXIII.

Отрядъ прибывшій, послѣ жаркой схватки,
Оплотомъ овладѣлъ турецкихъ силъ.
Когда бѣжали турки въ безпорядкѣ,
Провелъ онъ за собою въ Измаилъ
Килійскими воротами остатки
Отряда, что Кутузовъ погубилъ.
Во рву, среди кроваваго болота,
Пріютъ нашла разбитая пѣхота.

LXXIV.

Казаки иль, пожалуй, казаки́
(На правильность и точность ударе́ній
Мнѣ обращать вниманье не съ руки,
Лишь избѣгаю фактовъ искаженій)
Всѣ полегли, изрублены въ куски.
Не знатоки по части укрѣпленій,
Привыкшіе сражаться лишь верхомъ,
Не въ силахъ были справиться съ врагомъ.

LXXV.

Хоть ихъ огонь преслѣдовалъ жестоко,
Толпой они вскарабкались на валъ
И думали, покорны волѣ рока,
Что грабежа отрадный мигъ насталъ;
Но зубъ порой нейметъ, хоть видитъ око:
Предъ ними непріятель отступалъ
Лишь для того, чтобъ ихъ, собравши вмѣстѣ,
Всѣхъ окружить и положить на мѣстѣ.

LXXVI.

Когда разсвѣтъ, алѣя, заблестѣлъ,
Никто изъ нихъ въ живыхъ не оставался;
Но слава имъ досталася въ удѣлъ:
Погибли всѣ, но ни одинъ не сдался.
По грудѣ ихъ окоченѣвшихъ тѣлъ
Есуцкій, какъ по лѣстницѣ, взобрался
И въ крѣпость ворвался такимъ путемъ
Съ неустрашимымъ полоцкимъ полкомъ.

LXXVII.

Отважный вождь налѣво и направо
Рубилъ враговъ, но скоро палъ отъ ранъ.
Хоть стѣны были взяты, бой кровавый
Все длился, не разстроивъ мусульманъ.
Кого побѣда увѣнчаетъ славой,
Никто бъ сказать не могъ. Со станомъ станъ
Боролся на смерть; храбро янычары
Ударами платили за удары.

LXXVIII.

Не меньше пострадалъ отрядъ другой
Подъ выстрѣлами турокъ. Здѣсь замѣчу,
Что лишнее имѣть запасъ большой
Патроновъ тамъ, гдѣ, направляясь въ сѣчу,
Въ виду имѣютъ рукопашный бой.
Солдатъ, боясь къ врагу итти навстрѣчу,
Стрѣляетъ второпяхъ, издалека,
Не прибѣгая къ помощи штыка.

LXXIX.

Отрядъ Мехнова (что́ въ бою сначала
Отъ выстрѣловъ не мало потерпѣлъ
И своего лишился генерала)
На выручку удачно подоспѣлъ
Къ тѣмъ храбрецамъ, что́ добрались до вала,
И взялъ редутъ, гдѣ сераскиръ засѣлъ
И защищался съ бѣшеной отвагой,
Не устрашенъ нагрянувшей ватагой.

LXXX.

Когда онъ былъ врагами окруженъ,
Ему была предложена пощада,
Но сераскиръ былъ этимъ возмущенъ;
Вождю-герою милости не надо;
Какъ мученикъ, погибъ безстрашно онъ;
Отчизны скорбь была его награда.
Морякъ, что̀ взять его хотѣлъ живымъ,
Былъ наповалъ убитъ мгновенно имъ.

LXXXI.

На предложенье сдаться — пистолетомъ
Отвѣтилъ онъ; тогда приказъ былъ данъ:
Всѣхъ турокъ перерѣзать; въ дѣлѣ этомъ
Три тысячи погибло мусульманъ.
Рѣзня была немедленнымъ отвѣтомъ
На выстрѣлъ сераскира, что̀ отъ ранъ
Окончилъ вѣкъ. Онъ палъ передъ войсками,
Пронизанный шестнадцатью штыками.

LXXXII.

Сдавался шагъ за шагомъ Измаилъ
И превращался въ мрачное кладбище;
Дрались турки изъ послѣднихъ силъ,
Отстаивая каждое жилище.
Лучъ солнца, согрѣвая нильскій илъ,
Чудовищамъ даетъ и жизнь, и пищу:
Такъ породилъ зловѣщій битвы адъ
Безжалостныхъ дѣяній цѣлый рядъ.

LXXXIII.

Какой-то офицеръ, что̀, наступая
На груды тѣлъ, впередъ отважно шелъ,
За пятку схваченъ былъ. Изнемогая
Отъ боли, тщетно онъ борьбу завелъ
Съ зубами, что̀, его не выпуская,
Въ него впились. Плодя не мало золъ,
Такъ держитъ насъ змѣя, чье вѣроломство
Сгубило Еву и ея потомство.

LXXXIV.

Сраженный турокъ, попранный ногой
Врага, зубами за нее схватился,
Въ ту жилу, что̀ Ахилловой пятой
Мы называемъ, яростно онъ впился,
Дыша непримиримою враждой,
И стиснулъ зубы. Слухъ распространился,
Что голову, отрубленную съ плечъ,
Не могъ разъединить съ ногою мечъ.

LXXXV.

Она, держась за пятку, все висѣла,
Въ борьбѣ нѣмой сцѣпившися съ врагомъ;
Не знаю вѣрно я, какъ было дѣло,
Но русскій офицеръ остался хромъ.
Тотъ врачъ, что за леченье неумѣло
Взялся, конечно виноватъ кругомъ;
А турка осуждать нельзя за мщенье,
Что породилъ порывъ остервенѣнья.

LXXXVI.

Но фактъ—все фактъ, и истинный поэтъ
Остерегаться выдумокъ обязанъ;
Въ стихахъ, какъ въ прозѣ, лгать—заслуги нѣтъ;
Поэтъ, что долженъ быть лишь правдой связанъ,
Грѣшитъ красою фразъ, мороча свѣтъ.
Поэту срамъ, когда во лжи погрязъ онъ:
Неправду сатана пускаетъ въ ходъ,
Какъ бы приманку, чтобъ губить народъ.

LXXXVII.

Нѣтъ, не сдались твердыни Измаила,
А пали подъ грозою. Тамъ ручьемъ,
Алѣя, кровь свои струи катила;
Безъ страха передъ смертью и врагомъ
Валились турки. Верхъ брала лишь сила.
Хоть все, пылая, рушилось кругомъ,
Они не прекращали обороны,
Побѣды крики превращая въ стоны.

LXXXVIII.

Штыки вонзались; длился смертный бой;
И здѣсь, и тамъ людей валились кучи.
Такъ осенью, уборъ теряя свой,
Въ объятьяхъ бури стонетъ лѣсъ дремучій!
Руины представляя лишь собой,
Палъ Измаилъ; онъ палъ, какъ дубъ могучій,
Взлелѣянный вѣками великанъ,
Что вырвалъ съ корнемъ грозный ураганъ.

LXXXIX.

Описывать лишь ужасы—въ систему
Я вовсе не намѣренъ возвести;
Хоть выбралъ благодарную я тему,
Къ другимъ картинамъ надо перейти.
Разнообразить долженъ я поэму:
Чего-то нѣтъ на жизненномъ пути!
А потому представлю, міръ рисуя,
Его и безобразья, и красу я.

XC.

Нашъ фарисей, любитель звонкихъ фразъ
И вычурно слащавыхъ выраженій,
Навѣрно бы сказалъ: «чаруетъ насъ
«Отрадный фактъ средь массы преступленій».
Я о такомъ хочу повесть разсказъ.
Мой стихъ, что опаленъ въ пылу сраженій
(Всегда вѣдь эпосъ битвами богатъ),
Я освѣжить такимъ разсказомъ радъ.

XCI.

Валялась въ взятомъ шанцѣ, взоръ пугая,
Убитыхъ женщинъ куча; перейти
Онѣ сюда спѣшили, убѣгая
Отъ смерти и надѣясь тутъ найти
Убѣжище. Свѣтла, какъ утро мая,
Малютка, лѣтъ не больше десяти,
Живою межъ тѣлами оказалась
И скрыться возлѣ нихъ, дрожа, старалась.

XCII.

Два казака, свирѣпѣе медвѣдѣй,
Накинулись на дѣвочку; ихъ лики
Вселяли страхъ жестокостью своей;
Не менѣе страшны ихъ были крики...
Что можетъ порождать такихъ звѣрей?
Кто этому виной? Ихъ нравъ ли дикій,
Иль тѣ, что, получивъ отъ Бога власть,
Въ сердцахъ людей лишь къ злу вселяютъ страсть?

XCIII.

Надъ маленькой головкой засверкало
Оружье ихъ. Дрожавшее дитя
Лицо свое межъ трупами скрывало.
(Оно перепугалось не шутя).
Жуана это зрѣлище взорвало.
Что̀ онъ сказалъ, волненью дань платя,
Не повторю,—приличьями я связанъ,—
Но что онъ сдѣлалъ, я сказать обязанъ.

XCIV.

Онъ налетѣлъ на нихъ, свирѣпъ и рьянъ,
И, съ ними не вступая въ разговоры,
Имъ нѣсколько нанесъ тяжелыхъ ранъ;
Затѣмъ, карая звѣрство, безъ призора
Оставилъ ихъ. Тоской объятъ, Жуанъ
На груды тѣлъ кровавыхъ бросилъ взоры
И дѣвочку, что̀ только чудомъ рокъ
Помогъ спасти, изъ ихъ среды извлекъ.

XCV.

Какъ трупы тѣ былъ блѣденъ ликъ унылый
Малютки. Мечъ, что̀ мать ея убилъ,
Скользнулъ по ней; о близости могилы
Зловѣщій шрамъ невольно говорилъ.
Со всѣми, что̀ ей въ жизни были милы,
Тотъ крови слѣдъ послѣдней связью былъ;
Но не была опасна эта рана;
Дитя, дрожа, взглянуло на Жуана.

XCVI.

Они другъ съ друга не спускали глазъ.
Читались въ немъ: надежда, сожалѣнье,
Восторгъ, что онъ дитя отъ смерти спасъ,
За бѣдную малютку опасенье;
Она жъ въ него глазенками впилась,
И радость выражая, и смятенье,
Притомъ была прозрачна и блѣдна,
Какъ ваза, что̀ внутри освѣщена.

XCVII.

Въ то время подошелъ къ нимъ Джонсонъ. (Право,
Я Джэкомъ не могу его назвать;
Въ такой моментъ торжественный октава
Должна приличья строго соблюдать).
За нимъ неслася цѣлая орава
Солдатъ. «Я счастливъ друга увидать»,
Сказалъ Жуану онъ. «Скорѣй за дѣло!
«Разсчитывать на крестъ мы можемъ смѣло!

XCVIII.

«Намъ надо брать послѣдній бастіонъ;
«Онъ держится еще, хоть это чудо.
«Паша̀, что не сдается, окруженъ
«И помощи не ждетъ ужъ ни откуда.
«Сидя въ дыму, спокойно куритъ онъ,
«Хоть вкругъ него кровавыхъ труповъ груда;
«Все жъ онъ картечь еще пускаетъ въ ходъ:
«Такъ старая лоза роняетъ плодъ.

XCIX.

«Итакъ, мой другъ Жуанъ, впередъ за мною!»
—«Я спасъ дитя», сказалъ Жуанъ въ отвѣтъ.
«Нельзя малютку бросить здѣсь одною.
«Какъ уберечь ее, мнѣ дай совѣтъ,
«И всюду я помчуся за тобою!»
—«Ты правъ, конечно», жалостью согрѣтъ,
Отвѣтилъ Джонсонъ; бросить безразсудно
«Дитя; но какъ тутъ быть, придумать трудно!»

C.

—«Я не уйду», сказалъ Жуанъ, «пока
«Дитя не будетъ въ безопасномъ мѣстѣ.
—«Но вѣдь вездѣ опасность велика»,
Товарищъ возразилъ ему.—«Такъ вмѣстѣ
«Пускай раздавитъ насъ судьбы рука,
«Но я останусь вѣренъ долгу чести.
«Ребенокъ этотъ ввѣренъ мнѣ судьбой;
«Онъ сирота, а потому онъ мой!»

CI.

— «Жуанъ!» воскликнулъ Джонсонъ: «ни мгновенья
«Терять нельзя. Ребенокъ очень милъ,
«Но славѣ долженъ дать ты предпочтенье
«Предъ чувствомъ. Коль разграбятъ Измаилъ,
«Всѣ оправданья будутъ безъ значенья.
«Мнѣ ждать нельзя; атаки часъ пробилъ.
«Ты слышишь крики? Каждый мигъ намъ дорогъ,
«А время мы теряемъ въ разговорахъ!»

CII.

Жуанъ былъ непреклоненъ. Чтобъ скорѣй
Уладить дѣло, Джонсонъ постарался
Двухъ провожатыхъ выбрать повѣрнѣй
И ввѣрилъ имъ малютку. Онъ поклялся,
Что если что-нибудь случится съ ней,
То разстрѣляетъ ихъ; но обѣщался
Не пожалѣть значительныхъ наградъ,
Когда они ребенка сохранятъ.

CIII.

За Джонсономъ тогда, сквозь тучи дыма
И выстрѣловъ неумолкавшій громъ,
Пошелъ Жуанъ. Хоть смерть неутомимо
Людей косила, царствуя кругомъ,
Войска впередъ неслись неустрашимо.
Герой добычи проситъ и, влекомъ
Любовью къ ней, всегда дерется съ жаромъ.
Гдѣ тотъ герой, что̀ будетъ драться даромъ?

CIV.

Увы, какъ много есть людей такихъ,
Чьи ужасаютъ гнусныя дѣянья!
Зачѣмъ людьми мы называемъ ихъ?
Имъ надо бы другое дать названье,
Тѣмъ отличая праведныхъ отъ злыхъ.
Но снова перейду къ повѣствованью.
Въ редутѣ атакованномъ засѣвъ,
Одинъ татарскій ханъ дрался какъ левъ.

CV.

Старикъ съ *пятью* своими сыновьями
(Гаремъ всегда плодитъ бойцовъ толпой!),
Не вѣря въ то, что городъ взятъ врагами,
Отчаянно дрался за край родной.
Титана ли хочу воспѣть стихами?
Ахиллъ иль Марсъ стоятъ предо мной?
О, нѣтъ! Лишь старца я воспѣть намѣренъ,
Который палъ съ дѣтьми, отчизнѣ вѣренъ.

CVI.

Когда герой въ бѣдѣ, ему помочь
Толпа отважныхъ витязей готова;
Но иногда имъ гнѣвъ сдержать не въ мочь;
Ихъ души — смѣсь и добраго, и злого;
Они въ борьбѣ то жалость гонятъ прочь,
То ихъ сердца она смягчаетъ снова
И властвуетъ надъ черствою душой;
Такъ вѣтерокъ колеблетъ дубъ порой.

CVII.

Хотѣли завладѣть упрямцемъ старымъ,
Щадя его; но не сдавался ханъ;
Ударъ имъ наносился за ударомъ:
Старикъ рубилъ нещадно христіанъ,
И сыновья его дралися съ жаромъ,
Не мало нанося тяжелыхъ ранъ.
Сочувствіе къ нимъ русскихъ охладѣло;
Ему, какъ и терпѣнью, есть предѣлы.

CVIII.

Жуанъ и Джонсонъ тщетно въ разговоръ
Вступали съ старикомъ. Забрызганъ кровью,
Онъ не хотѣлъ умѣрить свой задоръ;
Неумолимъ, какъ докторъ богословья,
Со скептикомъ вступившій въ жаркій споръ,
Онъ съ гордостью всѣ отвергалъ условья
И расправлялся такъ съ толпой друзей,
Какъ гнѣвный мальчикъ съ нянькою своей.

CIX.

Онъ страхъ внушалъ своимъ суровымъ ликомъ;
Имъ раненъ былъ британецъ и Жуанъ;
Тогда Жуанъ со вздохомъ, Джонсонъ съ крикомъ
Напали на него. Упрямый ханъ,
Съ дѣтьми, сражался въ изступленьи дикомъ.
На нихъ грозой обрушился весь станъ;
Но не страшны пескамъ пустыни тучи:
И подъ грозою сухъ песокъ сыпучій!

CX.

Но наконецъ погибли всѣ они:
Сраженный пулей, сынъ второй палъ мертвый;
Изрубленъ саблей, третій кончилъ дни;
Пронизанный штыкомъ, погибъ четвертый,
Отца любимецъ и кумиръ семьи;
А пятый, нелюбимый и затертый,
Гречанки сынъ, чтò былъ отцомъ гонимъ,
Его спасти желая, палъ предъ нимъ.

CXI.

Глубоко назареевъ презирая,
Былъ истымъ туркомъ хана старшій сынъ;
Онъ видѣлъ предъ собою кущи рая,
Гдѣ воинъ, павшій въ битвѣ, властелинъ,
И гурій передъ нимъ толпа густая
Носилась. Кто взглянулъ хоть разъ одинъ
На райскихъ дѣвъ, тотъ къ нимъ пылаетъ страстью,
Склоняясь ницъ предъ ихъ волшебной властью.

CXII.

Какъ отнеслися гуріи къ нему,
Не знаю и не въ силахъ отгадать я;
Но, право, ясно сердцу и уму,
Что имъ милѣе юноши объятья,
Чѣмъ стараго героя; потому
За истину тотъ взглядъ готовъ признать я,
Что старцы рѣдко падаютъ въ огнѣ,
А юноши все гибнутъ на войнѣ.

CXIII.

Тѣ гуріи увлечь всегда готовы
Недавно обвѣнчавшихся мужей,
Когда въ разгарѣ мѣсяцъ ихъ медовый;
Когда о жизни холостой своей
Они еще не тужатъ, съ жизнью новой
Мирясь и даже наслаждаясь ей.
Какъ видно, райскимъ дѣвамъ лишь отрада
Срывать цвѣты; плодовъ же имъ не надо.

CXIV.

Забывъ и женъ, и собственный гаремъ,
Красивый ханъ стремился къ волнамъ свѣта,
Скрывающимъ и гурій, и Эдемъ.
Надеждою увидѣть ихъ согрѣтый,
Пророка сынъ не дорожитъ ничѣмъ,
Какъ будто только въ небѣ Магомета
Возможно свѣтлый миръ душѣ обрѣсть.
Межъ тѣмъ небесъ, какъ слышно, семь или шесть.

CXV.

Игрою увлеченъ воображенья,
Почувствовавъ въ груди конецъ копья,
Онъ прошепталъ: «Аллахъ!»—и въ то жъ мгно-
венье
Предъ нимъ сверкнула вѣчности заря,
И рай предъ нимъ, какъ свѣтлое видѣнье,
Предсталъ, огнями яркими горя.
Пророки, дѣвы, ангелы, святые
Ему явились, свѣтомъ облитые.

CXVI.

И умеръ онъ съ сіяющммъ лицомъ.
Тутъ старый ханъ, чтò на дѣтей молился,
Лишь о потомствѣ думая своемъ,
Когда послѣдній сынъ его свалился,
Какъ мощный дубъ, сраженный топоромъ,
Борьбу прервалъ на мигъ и наклонился
Надъ первенцомъ. Лишившись разомъ силъ,
Онъ тусклый взоръ на блѣдный трупъ вперилъ.

CXVII.

Прервали бой немедленно солдаты,
Надѣясь, что онъ сдастся; но старикъ,
Тоскою безъисходною объятый,
О нихъ забылъ. Его былъ мертвенъ ликъ;
Надломленный тяжелою утратой,
Герой, не знавшій страха, какъ тростникъ
Вдругъ задрожалъ: одинъ, исполненъ горя,
Остался онъ средь жизненнаго моря.

CXVIII.

Но дрожь лишь длилась мигъ. Однимъ прыжкомъ
Онъ бросился на штыкъ окровавленный.
Такъ мотылекъ, плѣняемый огнемъ,
Въ немъ погибаетъ, пламенемъ спаленный.
Попавъ на штыкъ, старикъ повисъ на немъ,
Чтобъ умереть скорѣй; насквозь пронзенный,
Онъ бросилъ на дѣтей прощальный взглядъ
И кончилъ жизнь, отчаяньемъ объятъ.

CXIX.

Когда же смерть глаза навѣкъ смежила
Отважнаго и гордаго бойца,
Въ солдатахъ, хоть война ихъ пріучила
Къ кровавымъ схваткамъ, дрогнули сердца.
Пускай слеза, скатившись, не смочила
Ни одного суроваго лица,—
Всѣхъ тронулъ этотъ старецъ величавый,
Погибшій, презирая жизнь, со славой.

CXX.

Хотя на уцѣлѣвшій бастіонъ
Всѣхъ русскихъ силъ обрушилась громада,
Паша все не сдавался, окруженъ,
И длилася, какъ прежде, канонада;
Но, наконецъ, спросить рѣшился онъ,
Успѣшно ль подвигается осада,
И, получивъ въ отвѣтъ, что городъ взятъ,
Сдался, спасая этимъ свой отрядъ.

CXXI.

Спокойно онъ сидѣлъ во время боя,
Куря кальянъ, невозмутимъ и строгъ
(Такихъ бойцовъ не видѣла и Троя!),
Все защищаясь, хоть почти полегъ
Его отрядъ. Глядя на ликъ героя,
Подумать бы, конечно, всякій могъ,
Что разрѣшилъ онъ трудную задачу —
Къ тремъ бунчукамъ три жизни взять въ придачу

CXXII.

Въ крови купаясь, рухнулъ Измаилъ...
И рогъ луны, утратившій значенье,
Пурпурный крестъ собою замѣнилъ;
Но не была символомъ искупленья
Та кровь, которой бой его покрылъ.
Въ волнахъ луны сіяетъ отраженье:
Такъ кровью, что̀ стеклась со всѣхъ сторонъ
Пожара блескъ былъ грозно отраженъ.

CXXIII.

Все то, что̀ умъ придумать можетъ злого,
Что̀ плоть дурного можетъ совершить,
Все зло, что̀ поражать людей готово,
Всѣ бѣдствія, что̀ можетъ адъ излить,
Все то, что̀ описать безсильно слово,
Всѣ ужасы, что̀ можетъ породить
Въ союзѣ съ властью дающая сила, —
Все это здѣсь, свирѣпствуя, царило.

CXXIV.

Хоть доброта сердечная порой
Себя дѣяньемъ добрымъ проявляла,
Но смыслъ она теперь теряла свой,
Когда война все кровью затопляла
И разрушала все передъ собой.
О, вы, Парижа модные нахалы
И Лондона зѣваки, вы должны
Подумать о послѣдствіяхъ войны!

CXXV.

Подумайте, цѣною сколькихъ жизней
Дается людямъ чтеніе газетъ!
Подъ тяжестью долговъ легко ль отчизнѣ?
Какъ много крови стоитъ громъ побѣдъ!
Придется помянуть намъ скоро въ тризнѣ
Ирландію,—предъ нею чаша бѣдъ,
Голодный край сдержать не можетъ стона;
Насытится ль онъ славой Веллингтона?

CXXVI.

Все жъ люди бредятъ славой и войной...
Такъ воспѣвай ихъ, муза! Смертный холодъ
Пусть не смущаетъ гимнъ побѣдный твой!
Пускай нужда дробитъ народъ, какъ молотъ,
И разоренье жадной саранчей
Летитъ къ нему—не доберется голодъ
До трона. Если голоденъ Эринъ,
Худѣть Георгу все же нѣтъ причинъ!

CXXVII.

Но кончить тороплюсь я. Крѣпость сдалась,
И зарево пылающихъ домовъ
Въ Дунаѣ, полномъ крови, отражалось.
Гремѣлъ побѣдный крикъ, но пушекъ ревъ
Среди развалинъ смолкъ. Въ живыхъ осталась
Лишь горсть людей, а тысячи бойцовъ
Въ кровавомъ снѣ лежали распростерты,
Съ лица земли рукою смерти стерты.

CXXVIII.

Теперь коснуся я, читатель мой,
Сюжета щекотливаго. Старанья
Я приложу, чтобъ вкусъ изящный твой
Не оскорбить, цѣня твое вниманье.
Усталость ли была тому виной,
Зима, иль недостаточность питанья,—
Не вѣдаю; но русскимъ честь отдамъ:
Насилій приключилось мало тамъ.

CXXIX.

Лишь къ грабежу наклонность обнаружа,
Щадить прекрасный полъ былъ воинъ радъ.
Французы поступили бъ вѣрно хуже,
Но ихъ кумиръ, какъ знаютъ всѣ—развратъ.
Отчасти я приписываю стужѣ
Примѣрную воздержанность солдатъ.
Хоть были исключенья (ихъ всегда мы
Встрѣчаемъ)—мало пострадали дамы.

CXXX.

Во мракѣ потерпѣть пришлось такимъ,
Что храбреца бы обратили въ труса
При блескѣ дня. Винить ли въ этомъ дымъ,
Что ѣлъ глаза? Отсутствіе ли вкуса,
Иль свѣта, что̀ всегда необходимъ,
Поспѣшность ли?—рѣшить я не берусь.
Отъ гренадеръ такъ натерпѣлись бѣдъ
Шесть одалискъ семидесяти лѣтъ.

CXXXI.

Иныхъ почтенныхъ дѣвъ—того не скрою—
Холодность опечалила солдатъ.
Готовыя пожертвовать собою
(Одинъ бы рокъ остался виноватъ!),
Надѣялись онѣ, мирясь съ судьбою,
Союзы заключить безъ всякихъ тратъ,
Какъ римляне съ сабинками. Легко ли
Все въ дѣвствѣ обрѣтаться противъ воли!

CXXXII.

Смущалися и вдовы зрѣлыхъ лѣтъ;
Бросая вопросительные взгляды,
Онѣ кричали: что жъ насилій нѣтъ?
И не могли скрывать своей досады;
Съ отвагою несясь навстрѣчу бѣдъ,
Онѣ просить не стали бы пощады;
Но принесла ль погоня за врагомъ
Желанный плодъ—нѣтъ свѣдѣній о томъ.

CXXXIII.

Суворовъ побѣдилъ, затмивъ собой
Тимура. Лишь пальбы умолкли громы,
Онъ написалъ кровавою рукой,
Въ виду домовъ, горѣвшихъ, какъ солома,
Императрицѣ первый рапортъ свой,
Ей сообщая результатъ погрома:
«*Благодаренье Богу, слава Вамъ*»,
Писалъ онъ: «*крѣпость взята, и я тамъ*».

CXXXIV.

Ужасныя слова! Лишь изреченье,
Что прочиталъ на пирѣ Даніилъ,
Съ словами тѣми выдержитъ сравненье,
Хоть смыслъ его иной, конечно, былъ:
Пророкъ, читая Божье откровенье,
Надъ бѣдствіемъ народа не трунилъ,
Тогда какъ русскій вождь, съ Нероном пара,
Острилъ въ стихахъ при заревѣ пожара.

CXXXV [1]).

Подъ звуки стоновъ гимнъ побѣды громкій
Онъ написалъ. Тѣхъ ужасовъ забыть
Не можетъ міръ. Кровавые обломки
И камни я заставлю говорить
О гнетѣ зла, чтобъ вѣдали потомки,
Что власть не всѣхъ могла поработить;
Что мы стояли за права народа,
Хоть намъ была невѣдома свобода.

CXXXVI.

Ея мы не дождемся; но они
Узнавъ ея волшебное сіянье,
Пусть проклинаютъ тягостные дни,
Плодившіе подобныя дѣянья!
Не лучше ли оставить ихъ въ тѣни,
Чтобъ сгинуло о нихъ воспоминанье!
Героя не сравню я съ дикаремъ:
Расписанъ онъ, но крови нѣтъ на немъ.

CXXXVII.

Читая съ страхомъ лѣтопись разврата,
О, внуки! на героевъ прежнихъ лѣтъ
Смотрите, изумленіемъ объяты,
Какъ смотримъ мы на мамонта скелетъ,
Дивясь тому, что могъ онъ жить когда-то;
Какъ созерцаетъ пирамиды свѣтъ,
Желаніемъ объятъ—хотя бъ случайно
Понять ихъ смыслъ и разгадать ихъ тайны.

CXXXVIII.

Читатели, сознаться вы должны,
Что я свои исполнилъ обѣщанья:
Любовныхъ сценъ и бури, и войны
Подробныя я сдѣлалъ описанья;
Къ эпическимъ должны быть причтены
Моей мечты правдивыя созданья;
Пою я безъискусственно вполнѣ,
Но Фебъ порою помогаетъ мнѣ.

CXXXIX.

Съ такой опорой твердою, украдкой,
Могу я забавляться и шутить,
Но здѣсь съ моей поэмою-загадкой
Разстанусь и прерву разсказа нить;
Я утомленъ войной, и отдыхъ сладкій
Хочу себѣ на время разрѣшить;
Съ моимъ героемъ встрѣчусь я въ столицѣ,
Куда курьеромъ посланъ онъ къ царицѣ.

CXL.

За храбрость и за подвигъ громкій свой
Такой онъ удостоился награды;
Насытившись и кровью, и рѣзней,
Хвалить поступокъ добрый люди рады,
Желая скрыть жестокость добротой.
Жуану данъ былъ орденъ; но отрады
Ему дарила больше во сто разъ
Та мысль, что онъ дитя отъ смерти спасъ.

---

[1]) Октавы CXXXV, CXXXVI, CXXXVII смягчены въ переводѣ.

CXLI.

Дитя осталось съ нимъ. Его лишила
Война родныхъ и крова. Цѣлый свѣтъ
Сталъ для него пустынею. Уныло
Молчалъ среди развалинъ минаретъ.
Глядя на блѣдный призракъ Измаила,
Жуанъ былъ потрясенъ и далъ обѣтъ
Не покидать невиннаго созданья,
И данное сдержалъ онъ обѣщанье.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

I.

О, Веллингтонъ! благодаря французамъ,
Что̀ съ радости и съ горя все острятъ,
Ты прозванъ Vilain-ton; но ты союзомъ
Съ всемірною извѣстностью богатъ,
Хоть пенсіи твои тяжелымъ грузомъ
На злополучной родинѣ лежатъ.
Тебя вездѣ и всюду превозносятъ
И грязи комъ тебѣ въ лицо не бросятъ.

II.

Однакожъ ты безчестно поступилъ
Съ Кинердомъ, не оставшись слову вѣренъ;
Къ тому же, ты не разъ душой кривилъ;
Но сплетень повторять я не намѣренъ.
Себя ты предъ потомствомъ очернилъ,
А судъ его не будетъ лицемѣренъ!
Хоть ты достигъ весьма преклонныхъ лѣтъ,
Давно ль тебя призналъ героемъ свѣтъ?

III.

Британіи неимовѣрны траты,
Чтобъ наградить тебя; скажи, не ты ль,
Чиня Европы старыя заплаты,
Легитимизма вновь скрѣпилъ костыль?
Твоихъ дѣяній жалки результаты;
Поддерживать напрасно тлѣнъ и гниль!
Хоть Ватерло—блестящая эпоха,
Что жъ подвигъ твой такъ воспѣваютъ плохо?

IV.

Безспорно, ты «головорѣзъ» лихой
(Тѣмъ прозвищемъ обязанъ ты Шекспиру),
Но пользу ли принесъ кровавый бой—
О томъ судить не королямъ, а міру;
Одинъ кружокъ лишь возвеличенъ твой
Да ты, что̀ уподобился кумиру;
Другимъ же причинила только зло
Нещадная рѣзня при Ватерло.

V.

Я лести врагъ и замѣчаю пятна,
А ты съ ея ужъ свыкся языкомъ
И любишь восхваленья, что̀ понятно:
Тебѣ пріѣлся вѣчныхъ схватокъ громъ;
Одна лишь похвала тебѣ пріятна;
Ты радъ, когда тебя зовутъ притомъ
Спасителемъ народовъ неспасенныхъ
И другомъ странъ досель порабощенныхъ.

VI.

Я высказалъ, что̀ думалъ. Безъ заботъ
Садись за столъ; отъ трапезы богатой
Ты часовымъ, стоящимъ у воротъ,
Пошли подачку; и они когда-то
Сражались, но нужды ихъ давитъ гнетъ;
Народъ безъ хлѣба; хоть не даромъ плата
Взимается тобою—на мой взглядъ
Ты часть пайка отдать бы могъ назадъ.

VII.

Я надъ твоею не глумлюся славой,
Да можно ли тебя критиковать?
Другія времена, другіе нравы:
Примѣръ тебѣ не съ Цинцинната брать.
Ты, какъ ирландецъ, любишь ѣсть приправы
Съ картофелемъ, но не тебѣ жъ пахать!
Ты полмильона взялъ,—сознаться надо,
Что черезчуръ ужъ велика награда.

VIII.

Въ былые дни наградъ не зналъ герой:
На похороны денегъ не оставилъ
Эпаминондъ, окончивъ путь земной;
Великій Вашингтонъ себя прославилъ,
Свободу даровавъ странѣ родной,
Но онъ иныхъ, чѣмъ ты, держался правилъ;
Хоть разорилъ свою отчизну Питтъ,
Но онъ вполнѣ былъ безкорыстный бриттъ.

IX.

Въ рукахъ имѣлъ ты власть, и, безъ сомнѣнья,
Спасти Европу могъ бы отъ цѣпей
И заслужить ея благословенья...
Что жъ сдѣлалъ ты для страждущихъ людей?
Такъ мало, какъ никто. За что жъ хваленья?
Не гимновъ ли отъ музы ждешь моей?
На Англію обрушились всѣ бѣды,—
Глядя на нихъ, кляни свои побѣды!

X.

Въ своихъ стихахъ я зло карать привыкъ;
Мнѣ сладкій голосъ лести ненавистенъ;
Внимая мнѣ, твой омрачился ликъ:
Въ газетахъ не прочтешь подобныхъ истинъ;
Дѣлами, но не духомъ ты великъ,
Къ тому же, далеко не безкорыстенъ.
Стремиться къ высшей цѣли ты не могъ,
И міръ, какъ прежде, бѣденъ и убогъ.

XI.

Смѣется смерть... Порвавъ съ землей оковы,
Намъ оставляетъ жизнь нѣмой скелетъ.
(Такъ скрывшееся солнце съ силой новой
Другимъ странамъ даритъ тепло и свѣтъ).
Надъ чѣмъ въ тоскѣ мы слезы лить готовы,
Смѣется смерть; отъ ней пощады нѣтъ.
Скелета ротъ безъ губъ и безъ дыханья
Невольно насъ приводитъ въ содроганье.

XII.

Смотрите, какъ скелетъ, что глухъ и нѣмъ,
Смѣется съ злой гримасою надъ нами
И злобно издѣвается надъ тѣмъ,
Чѣмъ былъ недавно самъ. Когда крылами
До насъ коснется смерть, ее ничѣмъ
Не удалишь; костлявыми руками
Со всѣхъ содрать придется кожу ей.
(А кожа всякихъ платьевъ намъ цѣннѣй).

XIII.

Смѣется смерть своимъ беззвучнымъ смѣхомъ,
И жизнь примѣръ съ нея должна бы брать;
Она могла бъ, служа ей вѣрнымъ эхомъ,
Всѣ призрачныя блага попирать,
Глумясь надъ славой, властью и успѣхомъ.
Ничтожества на насъ лежитъ печать.
Ничтожны мы, какъ капли въ бурномъ морѣ,
Да и земля—лишь àтомъ въ звѣздномъ хорѣ.

XIV.

«Быть иль небыть—вопросъ лишь только въ томъ»
Сказалъ Шекспиръ. Мечтой неуловимой
Я никогда не тѣшился, влекомъ
Любовью къ славѣ призрачной и мнимой.
Отраднѣй быть здоровымъ бѣднякомъ,
Чѣмъ Цезаремъ больнымъ; неоспоримо,
Что счастья дать не можетъ громъ побѣдъ,
Когда нельзя переварить обѣдъ.

XV.

O, dura ilia messorum! [1]) Надо
Латинской фразы сдѣлать переводъ
Для жертвъ катарра, что страшнѣе яда:
«Желудкомъ здравъ трудящійся народъ».
Инымъ добыть насущный хлѣбъ отрада;
Другихъ же только радуетъ доходъ.
Въ концѣ концовъ, счастливѣй тотъ, конечно,
Кто крѣпче спитъ, тоски не зная вѣчной.

XVI.

Быть иль не быть?—такъ ставится вопросъ,
А жизнь, по мнѣ, таинственнѣй загадки;
Не мало мнѣній слышать мнѣ пришлось,—
И что жъ?—о ней понятія такъ шатки,
Что, право, всѣ они туманнѣй грёзъ:
То ей хвалы, то на нее нападки;
Иные рады руки къ ней простерть;
Она же—если взвѣсить—та же смерть.

XVII.

Que sais-je?—девизъ Монтэня. Аксіомой
Считаютъ, что намъ чуждъ познаній свѣтъ,
Что съ бреднями однѣми мы знакомы
И что ни въ чёмъ увѣренности нѣтъ;
Чужое принимаемъ за свое мы;
Познанья наши—только дѣтскій бредъ:
Такъ сбивчивы и шатки наши мнѣнья,
Что сомнѣваться можно и въ сомнѣньѣ.

XVIII.

Съ Пирономъ [2]) мнѣ скитаться не съ руки;
По безднѣ мысли плавать безразсудно;
Опасности отъ бурь тамъ велики;
Нагрянетъ шквалъ—какъ разъ потонетъ судно;
Всѣ мудрецы—плохіе моряки;
Такъ плавать утомительно и трудно;
Не лучше ли пріютъ на берегу,
Гдѣ отдохнуть средь раковинъ могу?

XIX.

Съ тѣхъ поръ, какъ насъ, со всѣмъ животнымъ царствомъ,
Сгубила Ева жадностью своей,
Молитва намъ должна служить лекарствомъ
Отъ всякихъ бѣдъ: такъ обратимся къ ней,
Чтобы найти исходъ своимъ мытарствамъ.
Безъ воли неба даже воробей
Не гибнетъ; но его проступки, гдѣ вы?
Ужъ не видалъ ли онъ паденья Евы?

XX.

Какъ часто грезы тѣшатъ насъ однѣ!
Что значитъ теогонія, о Боже?
Постичь и космогонію вполнѣ
Я не могу,—и филантроповъ тоже;
Что значитъ мизантропъ? скажите мнѣ!
Къ ихъ сонму причислять меня за что же?
Въ ликантропіи вижу только толкъ:
Какъ часто человѣкъ свирѣпъ, какъ волкъ!

XXI.

Я съ Меланхтономъ схожъ и съ Моисеемъ
Терпимостью и кротостью своей;
Никто меня не назоветъ злодѣемъ,
Хоть я порой не сдерживалъ страстей
И ходъ давалъ всегда своимъ идеямъ,
Но безъ причинъ не задѣвалъ людей.
За что жъ въ поэтѣ мизантропа видятъ?
За то, что люди правду ненавидятъ.

XXII.

Но вновь пора приняться за разсказъ.
Что онъ хорошъ—не сомнѣваюсь въ этомъ;
Хоть не совсѣмъ понятенъ онъ для васъ,
Все жъ остаюсь правдивымъ я поэтомъ.
Когда-нибудь пробьетъ желанный часъ,
Когда онъ будетъ понятъ цѣлымъ свѣтомъ!
Теперь, его изгнаніе дѣля,
Одинъ его красой любуюсь я.

---

[1]) Горацій.
[2]) Элисскій философъ, сомнѣвавшійся во всемъ.

XXIII.

Герой моей поэмы (вашъ онъ тоже,
Надѣюсь я) отправленъ въ Петроградъ,
Что создалъ Петръ Великій, силы множа,
Чтобъ тьмою не былъ край его объятъ.
Хвалить Россію въ модѣ, но за что же?
Мнѣ жаль, что самъ Вольтеръ кадить ей радъ;
Но въ этомъ брать примѣръ съ него не стану
И деспотизмъ карать не перестану.

XXIV.

Я выступить всегда готовъ бойцомъ,
Не только на словахъ, но и на дѣлѣ,
За мысль и за свободу. Съ тяжкимъ зломъ,
Что рабство создаетъ, мириться мнѣ ли?
Борьбу я увѣнчаю ль торжествомъ—
Не вѣдаю,—наврядъ достигну цѣли;
Но все, что̀ человѣчество гнететъ,
Всегда во мнѣ противника найдетъ.

XXV.

Я вовсе не намѣренъ льстить народу;
Найдутся демагоги безъ меня,
Готовые всегда, ему въ угоду,
Все разрушать, толпу къ себѣ маня,
Чтобъ властвовать надъ ней. Зову свободу,
Но къ демагогамъ не пристану я;
Чтобъ равныя права имѣли всѣ мы,
Веду борьбу. (Увы, теперь всѣ нѣмы!)

XXVI.

Я всякихъ партій врагъ, и оттого
Всѣ партіи озлоблю, безъ сомнѣнья;
Но непритворны мнѣнія того,
Кто держится противнаго теченья.
Ничѣмъ не связанъ я и никого
Я не боюсь. Пусть, полны озлобленья,
Шакалы рабства поднимаютъ вой,—
Въ ихъ хорѣ не раздастся голосъ мой.

XXVII.

Съ шакалами, что̀ близъ руинъ Эфеса
Стадами мнѣ встрѣчались, я сравнилъ
Противниковъ свободы и прогресса,
Которымъ голосъ лести только милъ
(Они безъ власти не имѣютъ вѣса);
Но я шакаловъ этимъ оскорбилъ;
Шакалы кормятъ льва, тогда какъ эти
Для пауковъ лишь разставляютъ сѣти.

XXVIII.

Народъ, очнись отъ сна! не дай себя
Опутать ихъ зловѣщей паутиной;
Иди впередъ, тарантуловъ губя!
Бояться ихъ не будетъ ужъ причины;
Борись со зломъ, свои права любя!
Когда жъ протесть раздастся хоть единый?
Теперь одно жужжанье тѣшитъ слухъ
Пчелъ Аттики и злобныхъ шпанскихъ мухъ.

XXIX.

Жуанъ курьеромъ посланъ былъ въ столицу
И важныя депеши везъ съ собой;
Въ нихъ посвятилъ шутливую страницу
Борьбѣ кровавой русскихъ силъ герой.
Побѣдою онъ радовалъ царицу,
Что̀ на войну, какъ на пѣтушій бой
Взирала, о потеряхъ не жалѣя,
Когда успѣхъ вѣнчалъ ея затѣи.

XXX.

Жуанъ въ кибиткѣ ѣхалъ. Хуже нѣтъ
Такой ѣзды. Когда дороги тряски,
Натерпишься не мало всякихъ бѣдъ;
Ѣзда такая стоитъ доброй таски.
Жуанъ, надеждой свѣтлою согрѣтъ,
Все видѣлъ только въ розовой окраскѣ;
Жалѣлъ, что не несетъ его Пегасъ,
Но о рессорахъ онъ вздыхалъ не разъ.

XXXI.

Жуанъ глядѣлъ съ заботливостью нѣжной
На спутницу свою. Тяжелый путь
Ее совсѣмъ разбилъ. Пустыней снѣжной
Толчки вамъ мнутъ бока и давятъ грудь;
Подъ гнетомъ ихъ страданья неизбѣжны.
О путникахъ не думаютъ ничуть;
Одна природа чинитъ здѣсь дорогу,
Все прочее принадлежитъ лишь Богу.

XXXII.

Онъ въ полномъ смыслѣ фермеръ этихъ странъ;
У насъ же въ эти тягостные годы
Злосчастный фермеръ скрылся, какъ туманъ.
Церера, у него отнявъ доходы
И всласть опустошивъ его карманъ,
Погибла съ Бонапартомъ въ часъ невзгоды.
Смѣшной контрастъ на умъ приходитъ мнѣ:
Палъ Цезарь—и овесъ упалъ въ цѣнѣ.

XXXIII.

Жуанъ смотрѣлъ на дѣвочку съ любовью.
Онъ спасъ ее; блестящъ такой трофей:
Онъ жало притупляетъ и злословью!
По мнѣ, Жуанъ за подвигъ свой славнѣй,
Чѣмъ шахъ Надиръ, что міръ забрызгалъ кровью
И всѣхъ дивилъ жестокостью своей.
(Желудкомъ онъ страдалъ и, злобы полный,
Любилъ смотрѣть, какъ крови льются волны),

XXXIV.

Отраднѣй жизнь цвѣтущую спасти,
Даря участье долѣ сиротливой,
Чѣмъ, смерть неся, за лаврами итти,
Взрощенными залитой кровью нивой.
Душѣ не можетъ счастья принести
Похвалъ незаслуженныхъ голосъ льстивый:
Что̀ слава, если совѣсть не чиста?—
Лишь звукъ пустой, лишь жалкая мечта!

XXXV.

Писатели! къ вамъ всѣмъ безъ исключенья
Я обращаюсь съ рѣчью,—къ тѣмъ изъ васъ,
Которые, продавъ заранѣ мнѣнья,
Въ налогахъ разныхъ видятъ счастье массъ,—
И къ бардамъ, сытымъ громомъ обличенья,
Которые, обидѣть не боясь
Стоящихъ у кормила, всюду трю̀бятъ,
Что полстраны нужда и голодъ губятъ.

XXXVI.

Писатели!.. Но à propos de bottes
Я мысль свою забылъ! (И съ мудрецами
Не разъ такой случался эпизодъ!)
Хотѣлось мнѣ искусными словами
Всѣхъ успокоить—власти и народъ,
Миря лачуги съ пышными дворцами.
Я вѣрно бы безцѣнный далъ совѣтъ,
Но знаю, что его не приметъ свѣтъ.

XXXVII.

Когда нашъ міръ, изъ хàоса рожденный,
Вторично будетъ въ хàосъ превращенъ;
Когда онъ, на погибель обреченный,
Исчезнетъ въ мракѣ будущихъ временъ,
Разрушенный, раздавленный, сожженный,
И допотопнымъ міромъ станетъ онъ,—
Быть можетъ, къ удивленію потомковъ,
Мой трудъ найдутъ среди другихъ обломковъ.

XXXVIII.

Въ томъ ничего несбыточнаго нѣтъ.
(Къ трудамъ Кювье питаю я почтенье).
Разсматривать служившій намъ предметъ
Грядущія такъ будутъ поколѣнья,
Какъ смотримъ мы на мамонта скелетъ,—
Какъ смотримъ мы, полны недоумѣнья,
На ѳстовы гигантовъ прежнихъ дней
И крокодиловъ сгинувшихъ морей.

XXXIX.

Георгъ Четвертый, найденный нежданно,
Всѣхъ изумитъ фигурою своей.
Вопросъ, какъ добывалъ онъ кормъ желанный,
Чтобъ сытымъ быть, займетъ тогда людей,
Что̀ карликами будутъ. Безпрестанно
Мельчаетъ въ мірѣ все съ теченьемъ дней,
И человѣкъ — хоть видятъ въ немъ кумира —
Лишь гробовой червякъ иного міра.

XL.

Когда народъ появится опять
И будетъ снова, не жалѣя силы,
Съ трудомъ свой хлѣбъ насущный добывать,
Пахать, молоть и жать, съ тоской унылой,
Какъ мы, платить налоги, воевать,—
Найдя случайно старыя могилы,
Не приметъ ли онъ за чудовищъ насъ,
Скелеты наши ставя на показъ?

XLI.

Увы! я философствую не въ мѣру,
Но «время соскочило съ колеи»,
И я его послѣдовалъ примѣру:
Порывы не могу сдержать свои
И въ путь прямой давно утратилъ вѣру;
Все то, что̀ можетъ мнѣ на умъ притти,
Въ свои стихи вношу я безъ отсрочки,
Не зная тайны слѣдующей строчки.

XLII.

Хоть я блуждалъ не мало, перейти
Спѣшу, однакожъ, къ своему роману.
Героя я оставилъ на пути;
Но длинный путь описывать не стану.
(У многихъ описанія въ чести:
Мнѣ жъ—не до нихъ!) Я возвращусь къ Жуану,
Не тратя безполезно много словъ,
Въ столицѣ пышной крашенныхъ снѣговъ [1]).

XLIII.

И вотъ, въ одной изъ залъ дворца, съ толпою
Чиновъ двора и дамъ Жуанъ стоитъ,
Въ мундирѣ аломъ съ черною каймою;
Мундиръ ему даетъ блестящій видъ.
Чулки его плѣняютъ бѣлизною;
Надъ шляпою его султанъ дрожитъ,
Какъ рваный парусъ, бурею задѣтый;
Въ рейтузахъ онъ топазоваго цвѣта.

XLIV.

Какъ вылитый, мундиръ сидитъ на немъ.
Портной, какъ чародѣй, всегда представить
Имѣетъ рѣдкій даръ товаръ лицомъ,
Иглой, какъ бы жезломъ, умѣя править.
Жуаномъ всѣ любуются кругомъ.
Прошу на пьедесталъ его поставить,
И тотчасъ же предъ вами Купидонъ
Въ артиллериста будетъ превращенъ.

XLV.

Повязка, съ глазъ упавъ, послушна магу,
На шеѣ станетъ галстухомъ; колчанъ
Въ ножны преобразится, стрѣлы—въ шпагу,
Что̀ ихъ острѣе; луку будетъ данъ
Видъ треуголки; крылышки, давъ тягу,
Вернутся эполетами. Въ обманъ,
Наряженъ такъ, введетъ онъ и Психею,
И за Амура будетъ принятъ ею.

XLVI.

Императрица улыбнулась. Дворъ
Смутился. Дамы всѣ пришли въ волненье;
Любимецъ дня склонилъ уныло взоръ.
(Не помню, кто тогда имѣлъ значенье.)
Такихъ не мало видѣли съ тѣхъ поръ,
Какъ началось блестящее правленье
Царицы. Всѣ временщики тогда
Большого роста были господа.

---

[1]) That pleasant capital of painted snows.

XLVII.

Жуанъ безъ бороды, и худъ, и строенъ,
Совсѣмъ не подходилъ фигурой къ нимъ;
Но онъ отличій всякихъ былъ достоинъ
И только по лицу былъ серафимъ.
Въ глаза бросалось, что онъ храбрый воинъ,
Притомъ же и въ страстяхъ неукротимъ.
Царица, схоронившая Ланского,
Такимъ, какъ онъ, могла увлечься снова.

XLVIII—XLIX.

Легко понять, что взволновался тотъ,
Кто занималъ «довѣрья постъ высокій».
Какъ этой фразы сдѣлать переводъ?
О, дамы, если смыслъ ея глубокій
Не ясенъ вамъ, не Кэстельри найдетъ
Загадки ключъ; рѣчей его потоки—
Пустой подборъ витіеватыхъ фразъ,
Что̀ съ толку сбить легко съумѣютъ васъ.

L.

Совсѣмъ намъ сфинкса этого не надо,
Котораго загадочны слова,
Но дѣйствія ясны́! Ему отрада
Лишь попирать священныя права,
Которыя для смертнаго награда.
Не даромъ же клеймитъ его молва!
И безъ него найду я объясненье.
Вотъ анекдотъ, что̀ не лишенъ значенья.

LI.

У итальянской дамы какъ-то разъ
Шутя спросила англійская дама:
— «Скажите, въ чемъ обязанность у васъ
«Кавалiеръ-сервенте, что̀ упрямо
«Съ синьоръ замужнихъ не спускаетъ глазъ?»
Такъ итальянка отвѣчала прямо:
— «Чтобъ отношенья эти уяснить,
«Вы ихъ должны себѣ вообразить».

LII.

Прошу и васъ, читатели, теперь я
Себѣ вообразить, что̀ дѣлалъ тотъ,
Кто занималъ «высокій постъ довѣрья»,
Дававшій деньги, силу и почетъ.
Не дорожить имъ—было бъ лицемѣрье:
Легко ль терять своей удачи плодъ?
И потому достигнувшіе цѣли
Со страхомъ на соперниковъ глядѣли.

LIII.

Наружностью Жуанъ былъ вѣрно схожъ
Съ Парисомъ, злымъ виновникомъ погрома
Злосчастной Трои. Свѣтъ черезъ него жъ
Узналъ судовъ бракоразводныхъ громы.
Кого они ни приводили въ дрожь?
Исторія разводовъ мнѣ знакома.
Она гласитъ, что гибель Трои—счетъ,
Уплаченный впервые за разводъ.

LIV—LV.

О, ты всѣхъ belli teterrima causa!
Таинственная дверь небытія
И жизни—неба вѣчная угроза,
Ты—и закатъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ заря!
Постичь тебя—несбыточная греза;
Какъ смертный палъ, того не знаю я,
Но ты съ тѣхъ поръ причина, безъ сомнѣнья,
Погибели его и возвышенья.

LVI.

Зовутъ тебя причиной всякихъ бѣдъ.
Воззрѣніе такое непонятно;
Мы чрезъ тебя рождаемся на свѣтъ
И отъ тебя къ тебѣ жъ идемъ обратно;
Міры ты населяешь; спора нѣтъ,
Все безъ тебя погибло бъ безвозвратно;
На почвѣ міра скудной и сухой
Ты—океанъ, несущій жизнь съ собой.

LVII.

Императрица миромъ и войною
Располагать по прихоти могла,—
И юношу, сіявшаго красою,
Съ почетомъ и радушьемъ приняла;
Когда же увидала предъ собою
Колѣнопреклоненнаго посла,
Остановилась вдругъ, не вскрывъ пакета,
Къ нему лучомъ сочувствія согрѣта.

LVIII.

Лишь мигъ на немъ остановивъ свой взоръ,
Она затѣмъ съ величіемъ царицы,
Сврывая чувствъ нахлынувшихъ напоръ,
Прочла депешъ хвалебныя страницы.
За ней слѣдилъ съ подобострастьемъ Дворъ,
И вотъ съ ея улыбкою всѣ лица
Мгновенно прояснились. Красоты
Печать носили царскія черты.

LIX.

Она прочла о взятьи Измаила,
И слава торжествующимъ лучомъ
Ея лицо волшебно озарила;
Такъ тонетъ море въ блескѣ золотомъ
Восхода; но довольно ли ей было
Одной побѣды? Сухъ и подъ дождемъ
Песокъ нѣмыхъ пустынь; въ рѣкѣ кровавой
Готовъ купаться тотъ, кто жаждетъ славы.

LX.

Прочтя стихи Суворова, она
Невольно улыбнулася при этомъ.
(Фельдмаршала кровавая война
И груды труповъ сдѣлали поэтомъ!)
Количествомъ потерь потрясена,
Она на мигъ смутилась, но предъ свѣтомъ
Смятеніе свое съумѣла скрыть
И разомъ грустныхъ думъ прервала нить.

LXI.

Весь Дворъ ея улыбка освѣтила,
И онъ расцвѣлъ, надеждою согрѣтъ,
Какъ послѣ злыхъ засухъ цвѣтникъ унылый,
Отъ ливня увидавшій снова свѣтъ.
Когда жъ императрица, что̀ любила
Прекрасное не менѣе побѣдъ,
Окинула юнца привѣтнымъ окомъ,
Всѣ замерли въ волненіи глубокомъ.

LXII—LXIII.

Преградъ не допуская, ни помѣхъ,
Она прямымъ путемъ стремилась къ цѣли
И щедрою рукой дарила тѣхъ,
Которые ей угождать умѣли;
Кого хоть разъ увѣнчивалъ успѣхъ,
Того въ пути ужъ не страшили мели;
Хоть гнѣвъ ея народовъ не щадилъ,
Въ ней человѣкъ опору находилъ.

LXIV.

Загадки непонятныя—мужчины,
А женщины—подавно. Въ головѣ
У нихъ бушуютъ вихри и пучины,
Опасныя во всемъ ихъ существѣ;
Мѣняются ихъ мысли безъ причины,
Какъ вѣтеръ, шелестящій по травѣ...
Законъ для нихъ—одинъ порывъ сердечный!
Избиты эти истины, но вѣчны.

LXV.

Какъ трудно услѣдить за ходомъ думъ!
Сначала мысль о взятьи Измаила
Екатерины охватила умъ;
Затѣмъ она награды обсудила,
Не признавая дѣйствій наобумъ,
И, наконецъ, вниманье обратила
На юнаго гонца, что̀ ей принесть
Былъ удостоенъ счастья эту вѣсть.

LXVI.

Жуанъ стоялъ въ тревожномъ ожиданьи
У ногъ Екатерины. Ею былъ
Замѣченъ онъ. Цѣня ея вниманье,
Съ надеждою онъ взоръ къ ней устремилъ.
Стоящимъ на горѣ среди сіянья
Меркурія Шекспиръ изобразилъ.
Найди Жуанъ недежную опору,
Взобраться бы и онъ съумѣлъ на гору.

LXVII.

Когда любви мы слышимъ сладкій гласъ
Не исподволь, а сразу сердцу милый,
Волшебный зовъ порабощаетъ насъ.
(Такъ разомъ спиртъ огонь вливаетъ въ жилы.)
Сочувствіе, нежданно появясь,
Всѣ поглащаетъ жизненныя силы,
Другія чувства отгоняя прочь;
Лишь слезы осушить ему не въ мочь.

LXVIII.

Когда же самолюбіе при этомъ
Утѣшено отличьемъ и для всѣхъ
Мы зависти становимся предметомъ,
Сочувствіе ростетъ; намъ льститъ успѣхъ;
Быть отличенныхъ предъ цѣлымъ свѣтомъ—
Не мало самолюбію утѣхъ
Приноситъ въ даръ, и хорошо ли, худо ль—
Намъ выказать свою отрадно удаль.

LXIX.

Жуанъ былъ въ тѣхъ годахъ, когда намъ милъ
Призывъ любви; когда, съ разсудкомъ въ ссорѣ,
Борьбу со львами весть, какъ Даніилъ,
Готовы мы, съ отвагою во взорѣ,
И внутренно сжигающій насъ пылъ
Тушить готовы въ первомъ встрѣчномъ морѣ;
Такъ солнце гаситъ свѣтъ въ пучинѣ водъ,
Когда къ Ѳетидѣ свѣтлый богъ идетъ.

LXX.

И выгодно, и вмѣстѣ лестно было
Къ царицѣ въ милость случаемъ попасть;
Нещадно лишь враговъ она разила,
Но щедро награждать умѣла страсть.
Плѣнясь ея чарующею силой,
Къ ея ногамъ готовъ былъ всякій пасть,
И тотъ, кого царица отличала,
Вкушалъ лишь медъ, пчелы не слыша жала.

LXXI.

Она была во всемъ расцвѣтѣ лѣтъ;
Всѣхъ сѣрые глаза ея плѣняли;
Мы знаемъ, какъ всесиленъ этотъ цвѣтъ;
Такими же глазами обладали
Шотландская Марія и побѣдъ
Любимецъ, Бонапартъ. Мы всѣ слыхали,
Что и Минерва, чтобъ плѣнять людей,
Такой же цвѣтъ избрала для очей.

LXXII.

Императрицы лестное вниманье,
Ея красы чарующій расцвѣтъ,
Съ величіемъ и властью въ сочетаньѣ,
Ея обворожительный привѣтъ,
Къ Жуану обращенный, средь собранья,
Гдѣ на-лицо былъ всей столицы цвѣтъ,—
Все это (я скрывать того не стану)
Совсѣмъ вскружило голову Жуану.

LXXIII.

Другого и не надо для любви;
Она лишь эгоизма проявленье
И самолюбья; легкій жаръ въ крови,
Что̀ угасая, губитъ увлеченье;
Порою предъявлять права свои
Готова страсть; но это исключенье,
И потому любовь признать нельзя
За главную пружину бытія.

LXXIV.

Любви разнообразныхъ видовъ много;
Есть та любовь, что̀ выдумалъ Платонъ;
Одна насъ заставляетъ жить для Бога,
Другая... (Но я риѳмою стѣсненъ—
Увы! поэта риѳма держитъ строго;
Гонясь за ней, онъ часто принужденъ
Грѣшить и противъ смысла.) Въ заключенье
Есть чувственности страстныя стремленья.

LXXV.

Кто чувственности пламенемъ объятъ,
Тотъ къ женщинѣ стремится, какъ къ богинѣ.
Онъ передъ ней во прахъ склоняться радъ,
Уподобляя милую святынѣ.
Заря любви свѣтла, ея жъ закатъ
Уныло въ мракѣ тонетъ; жаль, что въ глинѣ,
Какъ плѣнница, душа заключена,
Когда волшебныхъ грезъ она полна!

LXXVI.

Я чту любовь, что̀ чествуетъ каноны
(Духовныхъ лицъ доходныя статьи).
Любви безгрѣшной также чту законы;
Но есть еще и третій родъ любви,
Которому извѣстныхъ лѣтъ матроны
Дарятъ усердно помыслы свои
И, сохраняя прежніе союзы,
Къ нимъ подбавляютъ тайныхъ браковъ узы.

LXXVII.

Иду опять проселочнымъ путемъ,
Но больше философствовать не стану;
Анализовъ довольно; перейдемъ
Теперь опять, читатели, къ роману.
Царицы неожиданный пріемъ,
Какъ вамъ извѣстно, голову Жуану
Совсѣмъ вскружилъ; она жъ смутила Дворъ,
На юношу привѣтный бросивъ взоръ.

LXXVIII.

Во всѣхъ углахъ шептаться дамы стали;
У старыхъ обозначились яснѣй
Морщины, что бѣлила прикрывали;
Съ улыбочками дамы въ цвѣтѣ дней
Другъ другу эту вѣсть передавали;
Не мало привела она людей
Въ отчаянье; отъ зависти и злобы
Заплакали и важныя особы.

LXXIX.

Царицею замѣченный, Жуанъ
Немедленно привлекъ къ себѣ вниманье
Пословъ и представителей всѣхъ странъ;
Всѣ полагать имѣли основанье,
Что постъ ему высокій будетъ данъ;
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

LXXX—LXXXI.

Царица, добротой всегда согрѣта,
Ее умѣла проявлять во всемъ;
Какъ передъ ней блѣдна Елизавета,
Скупая и бездушная притомъ,
Которая, любимца сживъ со свѣта,
Старухой умерла, скорбя о немъ!
Ея и злость, и скаредность, понятно,
На санъ ея и полъ бросаютъ пятна.

LXXXII.

Окончился пріемъ; со всѣхъ сторонъ
Къ Жуану понеслися поздравленья
Посланниковъ; толпою окруженъ
Красивыхъ дамъ, пылавшихъ отъ волненья,
Заискиваньемъ ихъ онъ былъ почтенъ.
Къ героямъ дамы чувствуютъ влеченье,—
Особенно, когда ихъ красота
Возводитъ ихъ на высшія мѣста.

LXXXIII.

Всеобщаго вниманія предметомъ,
Причинъ тому не зная, сталъ Жуанъ;
Спокойно относился онъ къ привѣтамъ,
Какъ будто съ малолѣтства важный санъ
Его ужъ пріучилъ царить надъ свѣтомъ;
Ему самой природою былъ данъ
Тотъ свѣтскій лоскъ, что принадлежность знати.
Не много говорилъ Жуанъ, но кстати.

LXXXIV.

Затѣмъ императрицею самой
Былъ порученъ особому вниманью
Высокихъ лицъ поручикъ молодой,—
И свѣтъ, ея послушенъ приказанью,
Къ нему отнесся съ лаской и хвалой.
Непостояненъ свѣтъ; его вліянью
Опасно поддаваться; жалокъ тотъ,
Кто въ немъ обрѣсть надѣется оплотъ.

LXXXV.

Здѣсь отдохну, и вотъ остановилъ я
Пегаса; до ужасной высоты
Добрался онъ, но тяжкія усилья
Измучили его; отъ дурноты
Кружится голова; какъ мельницъ крылья,
Пестрѣютъ предо мной мои мечты;
Чтобъ мозгъ и нервы привести въ порядокъ,
Спущусь въ луга—тамъ отдыхъ будетъ сладокъ

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

I.

Увидѣвъ разъ, какъ яблоко упало,
Смущенный тѣмъ явленіемъ, Ньютонъ
Открылъ (хоть я ученымъ вѣрю мало)
Всемірный тяготѣнія законъ.
Когда молва не ложь распространяла,
То со временъ Адама первый онъ
Съумѣлъ найти звено соединенья
Межъ яблокомъ и слѣдствіемъ паденья.

II.

Отъ яблокъ пали мы; но этотъ плодъ
Возвысилъ снова родъ людской убогій
(Коль вѣренъ приведенный эпизодъ).
Проложенная Ньютономъ дорога
Страданій облегчила тяжкій гнетъ;
Съ тѣхъ поръ открытій сдѣлано ужь много,
И вѣрно мы къ лунѣ когда-нибудь,
Благодаря парамъ, направимъ путь.

III.

Вы спросите: зачѣмъ вступленье это?
А потому, что въ сердцѣ пышетъ жаръ
И вдохновеньемъ грудь моя согрѣта.
Я міру не принесъ открытій въ даръ
И ниже тѣхъ, что, къ удивленью свѣта,
Изобрѣли и телескопъ, и паръ,
И противъ вѣтра шли; но къ ихъ союзу
Хочу пристать, призвавъ на помощь Музу.

IV.

Я также противъ вѣтра плылъ и волнъ;
Бороться и донынѣ продолжаю;
Про землю позабывъ, отваги полнъ,
По океану вѣчности блуждаю;
Средь грозныхъ волнъ плыветъ мой утлый чолнъ,
А бѣшенымъ валамъ не видно краю!
Но онъ, несясь впередъ, проходитъ тамъ,
Гдѣ гибель бы грозила кораблямъ.

V.

Вернусь къ Жуану. Свѣтлая дорога
Лежала передъ нимъ; онъ лишь вкушалъ
Завидный плодъ веселаго пролога,
Но злой судьбы превратностей не зналъ.
О, Музы! (мнѣ всегда ихъ служитъ много)
За нимъ нейдите дальше пышныхъ залъ!
Скажу лишь, что Жуанъ, годами юный,
Осыпанъ былъ щедротами фортуны.

VI.

Но счастью можно ль ввѣриться вполнѣ?
Какъ птичка, упорхнуть оно готово.
Давидъ поетъ: «О, крылья дайте мнѣ,
Чтобъ, улетѣвъ, покой нашелъ я снова!»
Кто въ старости не плачетъ о веснѣ?
Кому не милы отзвуки былого?
И кто бъ не промѣнялъ, когда бы могъ,
Хрипъ старости на юношескій вздохъ?

VII.

Но молкнетъ вздохъ, хотя судьба коварна;
Слезъ (даже вдовьихъ) грустные слѣды
Стираются. Такъ затопляетъ Арно
Весною всю окрестность, а воды
Въ ней лѣтомъ нѣтъ. На почвѣ благодарной
Людского горя—сочные плоды;
Они всегда обильны; счесть ихъ гдѣ же?
Но пахари работаютъ не тѣ же.

VIII.

Однакожъ многихъ губитъ жизни путь;
Былыя муки этому причиной;
Не вздохъ любви, а кашель сушитъ грудь
И раннія являются морщины.
Приходится глаза навѣкъ сомкнуть
До срока многимъ; тяжкій гнетъ кручины
Въ могилу сводитъ ихъ. О, счастливъ тотъ,
Кто кончилъ съ жизнью тягостный разсчетъ!

IX.

Но смерть Жуану вовсе не грозила;
Случайно возвеличенный судьбой,
Онъ ликовалъ; его и не страшила
Непрочность всякой радости земной;
За холодъ, что̀ декабрь несетъ уныло,
Возможно ль презирать іюньскій зной?
Умнѣе запастись, конечно, лѣтомъ
На холодъ злой зимы тепломъ и свѣтомъ.

X.

Притомъ, Жуанъ былъ качествъ полнъ такихъ,
Что женщинъ среднихъ лѣтъ въ восторгъ при-
водятъ,
Но не дѣвицъ. Увы! любовь для нихъ
Загадка. Мысли ихъ въ туманѣ бродятъ;
Онѣ о страсти знаютъ лишь изъ книгъ
И томно глазъ своихъ съ небесъ не сводятъ.
По солнцу и годамъ нельзя, по мнѣ,
Ихъ возрастъ исчислять, а по лунѣ.

XI.

Измѣнчива луна и непорочна;
Вотъ почему такъ выразился я;
Причины не найдете вы побочной;
Но въ сказанномъ (правдивость не цѣня)
Всѣ будутъ тайный смыслъ искать нарочно,
Чтобъ такъ, какъ Джèффри, уязвить меня.
Но онъ—мой другъ, и мстить ему не стану;
Зачѣмъ же растравлять больную рану?

XII.

Когда сталъ другомъ врагъ — безчестенъ онъ,
Вновь уязвляя стрѣлами своими;
Я злобою такою возмущенъ.
Какъ съ чеснокомъ, съ людьми ужиться злыми
Нельзя. Враговъ нѣтъ хуже новыхъ женъ
И отставныхъ любовницъ. Вмѣстѣ съ ними
Грѣшно итти тому, кто пересталъ
Быть недругомъ и клятву въ дружбѣ далъ.

XIII.

Гдѣ не клеймятъ отступничествъ позорныхъ?
Бобъ Сѳути, перебѣжчикъ, лжецъ,—и тотъ,
Попавъ въ вонючій хлѣвъ пѣвцовъ придворныхъ,
Къ противникамъ наврядъ ли перейдетъ.
Нигдѣ измѣнъ не переносятъ черныхъ,
И флюгеровъ вездѣ презрѣнье ждетъ;
Постыдно наносить тогда удары,
Когда лишился силъ противникъ старый.

XIV.

Не оставляя ничего въ тѣни,
Юристъ и критикъ видятъ только пятна.
Живя людскими распрями, они
Все замѣчаютъ и имъ все понятно.
Мы, большинство, свои проводимъ дни,
Не видя жизни стороны обратной;
Юристъ же, какъ хирургъ, ища изъянъ,
Старается извѣдать тайны ранъ.

XV..

Юристъ всегда въ грязи, того не скроемъ;
Какъ нравственности жалкій трубочистъ,
Всегда покрытъ онъ сажи толстымъ слоемъ;
Смѣнивъ бѣлье, онъ все жъ не будетъ чистъ;
Онъ превращенъ въ змѣю житейскимъ строемъ;
Но вы, о Джеффри, праведный юристъ
И носите (величья въ васъ такъ много!)
Плащъ адвоката цезарскою тогой.

XVI.

Теперь, загладивъ старые грѣхи,
Съ былымъ врагомъ, въ меня метавшимъ громы
(Насколько могутъ ссорить насъ стихи
И критика озлобленные томы),
Хочу я выпить за былые дни,
За Auld Lang Syne [1]). Мы съ вами незнакомы;
Быть можетъ и не встрѣчусь съ вами я,
Но вашу честность не хвалить нельзя.

XVII.

Хотя не прочь поддаться я желанью
Васъ чествовать, но посвятилъ не вамъ
Мечты объ Auld Lang Syne,—воспоминанью.
На половину я шотландецъ самъ
По крови и совсѣмъ—по воспитанью.
Скептически прошу къ моимъ словамъ
Не отнестись,—я не шучу нимало;
Мысль о быломъ мнѣ душу взволновала.

XVIII.

Когда слова завѣтныя звучатъ,
Шотландіи родной мнѣ снятся горы;
Ея потоковъ свѣтлыхъ шумный рядъ;
Балгунскій мостъ надъ бездною; уборы
Красивыхъ дѣвъ и пестрый ихъ нарядъ;
Въ прошедшее я устремляю взоры,
И много дѣтскихъ грезъ и нѣжныхъ тайнъ
Мнѣ въ памяти рисуетъ Auld Lang Syne.

XIX.

Хотя, въ припадкѣ ριѳмъ и озлобленья,
Шотландцамъ (юность мстительна всегда!)
Тяжелыя нанесъ я оскорбленья,—
Не въ силахъ мимолетная вражда
Въ насъ заглушить былыя впечатлѣнья;
Въ себѣ шотландца ранилъ я тогда,
Но не убилъ его, и съ прежнимъ пыломъ
О «краѣ рѣкъ и горъ» [2]) мечтаю миломъ.

XX.

Отчасти былъ идеалистъ Жуанъ,
Но на реальной почвѣ. Трудно очень
Намъ распознать, что̀—правда, что̀—обманъ;
Межъ тѣломъ и душой союзъ непроченъ.
Одной душѣ удѣлъ безсмертья данъ,
А человѣкъ и тѣломъ озабоченъ.
Что̀ ждетъ его, узнать желаетъ онъ,
Но скрыты тайны будущихъ временъ.

---

[1]) Доброе старое время.
[2]) Стихъ Вальтеръ-Скотта въ „Послѣднемъ „Трубадурѣ“.

XXI.

Жуана шло успѣшно обрусенье.
(Вотъ вамъ примѣръ слѣпой судьбы игры!)
Кто устоитъ предъ силой искушенья,
Когда она обильные дары
Несетъ съ собой? Двора увеселенья,
Побѣды, танцы, выходы, пиры,
Безъ счета деньги—для него все это
Ледъ превращали въ рай и холодъ—въ лѣто.

XXII.

Его ласкалъ, какъ прежде, Дворъ и свѣтъ;
Хоть постъ, имъ занимаемый, порою
И утомлялъ его— бѣды въ томъ нѣтъ;
Легко мириться юношѣ съ судьбою,
И трудъ не въ трудъ, когда мы въ цвѣтѣ лѣтъ;
Тогда мы бредимъ славой и войною,
Любви невольно признавая власть;
Лишь въ старости въ насъ дышетъ къ деньгамъ страсть.

XXIII.

Средь молодежи праздной и развратной
Герой мой жизнь разгульную повелъ;
Губя въ насъ свѣжесть чувства безвозвратно,
Такая жизнь плодитъ не мало золъ;
На нравственность она бросаетъ пятна,
Будя въ насъ эгоизмъ и произволъ
Даря страстямъ. Душа тогда забыта
И, какъ улитка, въ раковинѣ скрыта.

XXIV.

О нѣжной связи дамы среднихъ лѣтъ
Съ поручикомъ красивымъ я не стану
Распространяться долго. Средства нѣтъ
Спастися отъ тяжелаго изъяна
Бѣгущихъ дней; царямъ покоренъ свѣтъ,
Одной природѣ дѣла нѣтъ до сана;
Гдѣ жъ демократовъ вы найдете злѣй
Морщинъ, враговъ и лести и цѣпей?

XXV.

Смерть—царь царей и вмѣстѣ Гракхъ вселенной.
Ея законъ, не признающій кастъ,
Равняетъ всѣхъ. Бѣднякъ, трудомъ согбенный,
И властелинъ—въ земли ничтожный пластъ
Обращены ей будутъ неизмѣнно;
И тотъ клочокъ земли лишь жатву дастъ,
Когда ихъ совершится разложенье.
Смерть—нигилистка [1]), въ этомъ нѣтъ сомнѣнья.

XXVI.

Межъ тѣмъ Жуанъ веселый тѣшилъ нравъ,
Ища повсюду только наслажденій;
Случайно въ край медвѣжьихъ шкуръ попавъ,
Кружился онъ средь вихря развлеченій
И суеты. Хоть я и не лукавъ
И не терплю напрасныхъ осужденій,
Но думаю, что шкуры медвѣдѣй
Пугаютъ взоръ средь роскоши затѣй.

XXVII.

Ту жизнь, что̀ велъ Жуанъ, боясь укора,
Не опишу, хоть съ нею я знакомъ,
Но я—увы!—добрался ужъ до «бора» [2]),
Что̀ Дантъ воспѣлъ. Кто очутился въ немъ,
Тотъ съ юностью проститься долженъ скоро
И, проливая слезы о былом̀ъ,
Стремиться долженъ къ старости убогой,
Идя съ трудомъ пустынною дорогой.

XXVIII.

Поменьше разсуждать себѣ зарокъ
Я далъ; мнѣ философія постыла;
Но мнѣ такой обѣтъ пойдетъ ли впрокъ?
Порою думъ неотразима сила;
Къ намъ мысль бѣжитъ—какъ къ матери щенокъ,
Какъ травы льнутъ къ скаламъ, какъ къ губкамъ милой
Льнетъ поцѣлуй... Но такъ какъ жажду я
Читателей найти,—сдержу себя.

---

[1]) Reformer — радикалъ. (Death) по-англійски муж. рода.
[2]) Ma ritrovai per un selva oscura. — „Inferno“, Canto 1.

XXIX.

Ухаживать всѣ стали за Жуаномъ;
Лишь онъ не увивался за толпой;
Какъ въ скакунѣ породистомъ и рьяномъ,
Въ немъ чистокровность видѣлась. Красой
И юностью плѣнялъ онъ, стройнымъ станомъ,
Отвагою, одеждой дорогой,
Но важный постъ, имъ занятый недавно,
Его успѣховъ былъ причиной главной.

XXX.

Онъ написалъ въ Испанію роднымъ.
Узнавъ, что онъ въ блестящемъ положеньи
И очень пригодиться можетъ имъ,
Они отвѣтъ, не медля ни мгновенья,
Ему послали. Снилась ужъ инымъ
Въ Россію эмиграція. Въ волненьи
Они твердили: «шубу заведешь—
«И Петербургъ съ Мадридомъ станетъ схожъ»!

XXXI.

Жуана мать, узнавъ, что денегъ мало
У своего банкира сынъ беретъ
(Расходы умѣряя), написала,
Что свой привѣтъ ему за это шлетъ.
Отъ тратъ она его остерегала
И прибавляла, что уменъ лишь тотъ,
Кто, бурныхъ удовольствій избѣгая,
Живетъ, безумно денегъ не мотая.

XXXII.

Мадоннѣ и Христу о немъ молясь
Его просила въ Папу вѣрить свято,
Отнюдь, однакожъ, явно не глумясь
Надъ ересью, соблазнами богатой.
Сказавъ, что вновь семьей обзавелась,
Поздравила его съ рожденьемъ брата;
Затѣмъ царицу стала восхвалять,
За то, что обошлася съ нимъ какъ мать.

XXXIII.

Она ее за то вѣнчала славой,
Что молодежи ходъ она даетъ,
За Донъ-Жуана не боялась нравы
Заботливая мать. Гдѣ солнце жжетъ,
Тамъ страсть порою льетъ свои отравы;
Въ странѣ жъ такой, гдѣ холодно весь годъ,
Гдѣ никогда почти не таютъ льдины,
И нравственности таять нѣтъ причины.

XXXIV.

Хотѣлъ бы лицемѣрье я хвалить
(Прибѣгнувъ даже къ лести самой грубой),
Какъ добродѣтель—пасторы. Имъ чтить
Лишь на словахъ ее, конечно, любо.
Для этого желалъ бы я добыть
Архангеловъ иль серафимовъ трубы,
Иль даже старой тетушки рожокъ,
Чтобъ громъ хвалы пойти могъ людямъ въ прокъ.

XXXV.

Не зная лицемѣрья, безъ сомнѣнья,
Старушка въ рай попала безъ труда.
Межъ праведными райскія селенья
Раздѣлятся въ день страшнаго суда.
Такъ раздробилъ саксонскія владѣнья
Вильгельмъ Завоеватель. Онъ тогда
Всѣ разомъ раздѣлилъ чужія земли,
Мольбамъ людей, ему служившихъ, внемля.

XXXVI.

Однакоже, не мнѣ тужить о томъ:
Мои два предка множество угодій
Себѣ пріобрѣли такимъ путемъ.
Сдирать въ тѣ годы шкуру было въ модѣ,
Не церемонясь съ попраннымъ врагомъ;
Мои жъ два предка при большомъ доходѣ
Съ имѣній тѣхъ церквей воздвигли рядъ,
Чѣмъ оправдали сдѣланный захватъ.

XXXVII.

Жуанъ и въ счастьѣ сходенъ былъ съ мимозой,
Прикосновеній не терпя ничьихъ.
(Такъ королямъ стихи тошнѣе прозы,
Когда не Соути славный авторъ ихъ!)
Возможно, что наскучили морозы
Герою моему; въ мечтахъ своихъ,
Быть можетъ, онъ стремился къ солнцу Юга
И бредилъ красотой въ часы досуга.

XXXVIII.

Быть можетъ... Но намъ надобности нѣтъ
Отыскивать причины. Червь заботы
Подтачиваетъ молодости цвѣтъ,
Намъ поднося еженедѣльно счеты,
Какъ метръ д'отель. Сердись ты или нѣтъ—
А заплати, хотя и нѣтъ охоты.
Шесть дней живя безъ горя и тревогъ—
Въ седьмой—плати чудовищный итогъ.

XXXIX.

Но вдругъ... (не знаю, какъ случилось это)
Слегъ Донъ-Жуанъ, къ смятенію Двора.
Придворный врачъ, мужъ дѣла и совѣта
(Который прежде пользовалъ Петра),
Упадокъ силъ считая злой примѣтой,
Рѣшилъ, что онъ опасенъ. Доктора
Удвоили микстуры; Дворъ смутился
И ликъ царицы скорбью омрачился.

XL.

Въ догадкахъ всѣ терялись. Слухъ прошелъ,
Что Донъ-Жуанъ Потемкинымъ отравленъ.
Болтали, что онъ самъ себя извелъ,
Всѣ силы истощивъ (трудомъ подавленъ,
Что для него былъ черезчуръ тяжелъ);
Иными же былъ иначе поставленъ
Вопросъ: по увѣреньямъ тѣхъ господъ,
Его сгубилъ Суворовскій походъ.

XLI.

Вотъ какъ врачи пеклися о Жуанѣ:
Mannae optim. 3 v. Sodae sulphat.
Aquae fervent. Tinctura haustus Sannae
(Тутъ врачъ ему поставилъ банокъ рядъ).
R. Pulv. Com. gr. iij. Ipecacuanhae
(Сердить врача порой Жуанъ былъ радъ).
Bolus Potassae sulphurat. Sumendus
Et haustus ter in die capiendus.

XLII.

Такъ лечатъ и порою губятъ насъ
Врачи, secundum artem. Мы надъ ними
Посмѣиваться любимъ и не разъ
Язвили ихъ насмѣшками своими;
Когда же раздается смерти гласъ
И Лета насъ волнами роковыми
Готова поглотить, мы въ тотъ же мигъ
Къ себѣ на помощь призываемъ ихъ.

XLIII.

Жуану не на шутку смерть грозила,
Но крѣпкая натура верхъ взяла,
И сталъ онъ выздоравливать; но сила
Къ нему вернуться разомъ не могла,
И блѣдность лика ясно говорила,
Что не совсѣмъ болѣзнь его прошла.
(Врачи нашли, замѣтя ту истому,
Что южный зной необходимъ больному).

XLIV.

Среди снѣговъ—увы!—не можетъ цвѣсть
Привыкшее къ теплу растенье Юга.
Царицу огорчила эта вѣсть;
Но, видя, что онъ гаснетъ отъ недуга
И климата не можетъ перенесть,
Рѣшилась, наградивъ его заслуги,
Торжественно его отправить въ даль,
Хоть бросить ей любимца было жаль.

XLV.

Какъ разъ тогда, уловками богаты,
Какой-то разбирали договоръ
Межъ Англіей и Русью дипломаты.
Торговые вопросы жаркій споръ
Межъ ними возбуждали, и трактаты
О плаваньи причиной были ссоръ.
Морей мы никому не уступаемъ
И «uti possidetis» только знаемъ.

XLVI.

И вотъ Жуанъ назначенъ былъ посломъ,
Чтобъ какъ нибудь уладить это дѣло.
Блеснуть своимъ могуществомъ притомъ
Царица горделивая хотѣла.
Ему чрезъ день назначенъ былъ пріемъ
(Любимцевъ отличать она умѣла)!
Особою инструкціей снабженъ,
Жуанъ былъ ею щедро награжденъ.

XLVII.

Во всѣхъ дѣлахъ ей улыбалось счастье;
Но счастіе—удѣлъ вѣнчанныхъ женъ.
Какъ объяснить слѣпой судьбы пристрастье—
Не знаю, но таковъ судьбы законъ.
Открыто выражать свое участье
Царица не могла: безстрастенъ Тронъ;
Но такъ ее смутилъ отъѣздъ больного,
Что постъ его не вдругъ былъ занятъ снова.

XLVIII—XLIX.

Жуанъ готовъ; карета подана
Изящнаго и царственнаго вида;
Царица, съ Ифигеніей сходна,
Въ ней посѣтила нѣкогда Тавриду.
Жуану ей она подарена;
И вотъ онъ скоро скроется изъ виду,
Россію покидая. Экипажъ
Своимъ гербомъ герой украсилъ нашъ.

L.

Въ каретѣ, не враждуя межъ собою,
Съ нимъ были: чижъ, бульдогъ и горностай;
Животныхъ онъ любилъ, того не скрою
(Кто хочетъ, эту странность объясняй)!
Такъ любятъ дѣвы старыя порою
Котятъ и птицъ, которымъ съ ними рай.
Но сходствомъ тѣмъ язвить его за что же?
Онъ не былъ старъ и дѣвой не былъ тоже.

LI.

Въ другихъ каретахъ, чинно размѣстясь,
Секретарей и слугъ не мало было;
Жуана свита вслѣдъ за нимъ неслась.
Съ нимъ рядомъ помѣщалася Леила,
(Малютку чудомъ онъ отъ смерти спасъ
Въ зловѣщій день погрома Измаила).
Хоть съ Музою не мало я бродилъ,
Жемчужины Востока не забылъ.

LII.

Серьёзна и нѣжна была красотка;
Такіе типы поражаютъ насъ,
Какъ, по словамъ Кювье, дивитъ находка
Средь мамонтовъ костей погибшихъ расъ;
Опасно въ жизнь вступать съ душою кроткой
И любящей: судьба заѣстъ какъ разъ.
Но десять лѣтъ всего малюткѣ было:
Невѣдома въ тѣ дни страданій сила.

LIII.

Любимый ей, Жуанъ её любилъ.
Конечно, было свято чувство это,
Но рѣдко мы такой встрѣчаемъ пылъ;
Къ роднымъ другой любовью грудь согрѣта.
Чтобъ быть отцомъ, онъ слишкомъ молодъ былъ;
Въ своей семьѣ же братскаго привѣта
Онъ не встрѣчалъ. Жуанъ, сестру имѣй,
Какъ горько бъ тосковалъ въ разлукѣ съ ней!

LIV.

Жуанъ былъ чистъ душою, хоть не тѣломъ,
И думъ въ себѣ порочныхъ не таилъ.
(Развратникъ только льнетъ къ плодамъ незрѣлымъ,
Чтобъ возбуждать въ крови остывшій пылъ;
Такъ щелочи ключомъ вскипаютъ бѣлымъ
Отъ кислоты.) Хоть онъ порой грѣшилъ,
Поддаться искушеніямъ готовый,
Но платонизмъ былъ чувствъ его основой.

LV.

Какъ патріоты любятъ край родной,
Такъ онъ любилъ невинное творенье,
Гордяся тѣмъ, что отъ неволи злой
Спасъ дѣвочку. Онъ думалъ путь спасенья
Ей указать, при помощи святой
Благочестивыхъ лицъ. Предположенья
Порою и ошибочны: вѣрна
Традиціямъ осталася она.

LVI.

Никакъ не соглашалася Леила
Перемѣнить религіи своей;
Увы! святую воду мало чтила
И съ ужасомъ глядѣла на ханжей;
На исповѣдь къ аббатамъ не ходила
(Грѣховъ, быть можетъ, не было за ней)
И, относясь презрительно къ урокамъ,
Все Магомета славила Пророкомъ.

LVII.

Она чуждалась назареевъ злыхъ;
Лишь для Жуана дѣлала изъятье;
Онъ замѣнилъ ей близкихъ и родныхъ,
Ей спасши жизнь,—и онъ свои объятья,
Какъ братъ, ей открывалъ. Хоть годы ихъ
И рознились, а также и понятья,
Отсутствіе межъ ними всякихъ узъ
Еще сильнѣй скрѣпляло ихъ союзъ.

LVIII.

Чрезъ Польшу, что̀ подъ тяжкимъ стонетъ игомъ,
Въ Курляндію свой путь направилъ онъ;
Тамъ герцогомъ, благодаря интригамъ,
Бездушный Бирономъ былъ провозглашенъ.
(Искусство въ томъ, чтобъ пользоваться мигомъ!)
Дорогой той же шелъ Наполеонъ,
Чтобъ въ дѣйствіе привесть свои угрозы;
Но взяли верхъ надъ кесаремъ морозы.

LIX.

«О, гвардія моя!»—низринутъ въ прахъ,
Такъ восклицалъ богъ, слѣпленный изъ глины.
Тотъ ореолъ, что онъ стяжалъ въ бояхъ,
Похоронили снѣжныя равнины.
Но жизнь порой таится и въ снѣгахъ:
Кто видѣлъ Польши свѣтлыя картины,
Тотъ знаетъ, что рождаетъ пламя ледъ,
Какъ только о Косцюшкѣ рѣчь зайдетъ.

LX.

Въ богатый Кёнигсбергъ, что Кантъ прославилъ,
Затѣмъ попалъ мой вѣтренный герой;
Но онъ, сознаюсь въ томъ, ни въ грошъ не ставилъ
Философовъ, и путь дальнѣйшій свой
Въ Германію, безъ отдыха, направилъ,—
Страну, гдѣ полный умственный застой,
Гдѣ гражданъ, все переносить готовыхъ,
Такъ шпоритъ власть, какъ жалкихъ клячъ почтовыхъ.

LXI.

Проѣхавъ черезъ Дрезденъ и Берлинъ,
Добрался онъ до древнихъ замковъ Rhein'a.
Какъ чуденъ видъ готическихъ руинъ!
Все дышетъ въ нихъ и прелестью, и тайной.
Кто бъ не хотѣлъ, глядя на рядъ картинъ,
Плѣняющихъ красой необычайной,
Узнать легенды этихъ мшистыхъ плитъ!—
И въ глубь временъ невольно мысль летитъ.

LXII.

Жуанъ Мангеймъ увидѣлъ величавый
И посѣтилъ затѣмъ красивый Боннъ;
Гдѣ Драхенфельсъ стоитъ, какъ призракъ славы,
Какъ грозный призракъ рыцарскихъ временъ.
(Но недосугъ мнѣ посвящать октавы
Тѣмъ временамъ.) Былъ въ Кёльнѣ также онъ;
Одиннадцати тысячъ дѣвъ невинныхъ
Тамъ кости спятъ на кладбищахъ старинныхъ.

LXIII.

Оттуда онъ въ Голландію попалъ
И видѣлъ Гаги пестрыя постройки.
Тамъ, что ни шагъ, плотина иль каналъ;
Народъ безъ можжевеловой настойки
Не можетъ дня прожить; но я слыхалъ,
Что запретить ему хотятъ попойки;
Какъ перенесть ему такой запретъ?
Чѣмъ будетъ онъ насыщенъ и согрѣтъ?

LXIV.

Сѣвъ на корабль, вотъ къ острову свободы
Понесся Донъ-Жуанъ, судьбой гонимъ;
Подъ кораблемъ, шумя, клубились воды
И вѣтеръ дулъ съ стенаніемъ глухимъ.
Морской недугъ, столь дружный съ непогодой,
Замучилъ всѣхъ. Жуанъ же свыкся съ нимъ;
На палубѣ бродя, онъ край желанный
Старался разглядѣть въ дали туманной.

LXV.

Вотъ заблестѣлъ какой-то бѣлый валъ,
И мѣловыя скалы Альбіона
Жуанъ, смутясь, въ туманѣ увидалъ
На сѣроватомъ фонѣ небосклона.
Онъ видѣть торгашей давно желалъ,
Которые товары и законы
Повсюду разсылаютъ и съ морей
Взимаютъ дань, гордясь казной своей.

LXVI

Я Англіи обязанъ лишь рожденьемъ,
И у меня причинъ особыхъ нѣтъ
Ее любить; но вижу съ сожалѣньемъ,
Что гибнетъ славный край, дивившій свѣтъ
И силою своею, и значеньемъ.
Въ разлукѣ съ нимъ живу я много лѣтъ
И, позабыть успѣвъ вражду былую,
Жалѣю отъ души страну родную.

LXVII.

О, если бъ только знать она могла,
Какъ за ея коварство всѣ народы
Ее клеймятъ! Проклятья безъ числа
Ей дружно шлютъ, надѣясь въ часъ невзгоды
Вонзить ей въ сердце ножъ; она жъ была
Когда-то свѣтлой вѣстницей свободы;
Теперь не то: ей милъ лишь звонъ цѣпей;
Сковать и мысль отрадно было бъ ей.

LXVIII.

Ее, порабощенную, едва ли
Свободною назвать рѣшимся мы:
Всѣ націи въ оковахъ; не она ли—
Зловѣщій сторожъ мрачной ихъ тюрьмы,
Опора тѣхъ, что кандалы сковали?
Свобода жаждетъ свѣта, а не тьмы;
Тюремщика жъ плачевна такъ же доля,
Какъ и того, чью жизнь гнететъ неволя.

LXIX.

Корабль присталъ; кипѣла жизнь вокругъ;
Жуанъ увидѣлъ Дувра *дорогого* [1])
Таможню; зданій свѣтлый полукругъ;
Пакботы, что ограбить васъ готовы;
Отель съ толпой снующихъ всюду слугъ
И, наконецъ... (увы, не можетъ слово
О немъ понятья дать!) длиннѣйшій счетъ,
Что въ день отъѣзда кельнеръ подаетъ.

---

[1]) Байронъ сдѣлалъ каламбуръ на слово: dear, т.-е. милый и также обходящійся дорого.

LXX.

Хотя Жуанъ былъ не скупого нрава
И о богатой не тужилъ казнѣ,
Но счетъ отеля (плодъ мечты лукавой)
Его смутилъ. Съ нимъ не мирясь вполнѣ,
Все жъ долженъ былъ онъ расплатиться. Право
Дышать свободнымъ воздухомъ въ странѣ,
Гдѣ свѣтлый солнца лучъ хоть и рѣденекъ,
Конечно, если взвѣсить, стоитъ денегъ.

LXXI.

Эй, лошадей! Въ Кентербёри впередъ!
Какъ кони быстро мчатся по дорогѣ!
Въ Германіи совсѣмъ не то васъ ждетъ;
Тамъ путника везутъ, какъ возятъ дроги
Съ покойникомъ; къ тому жъ, возница пьетъ
Все время шнапсъ; и какъ ни будьте строги,
Ферфлухтеромъ язвя его не разъ,
Быстрѣе все жъ не повезетъ онъ васъ.

LXXII.

Какъ красный перецъ вкусъ даетъ приправамъ,
Такъ кровь волнуетъ быстрая ѣзда,
Восторгъ и упоеніе даря вамъ.
Когда впередъ не горькая нужда
Васъ гонитъ, сладко пользоваться правомъ
Летѣть стремглавъ, не вѣдая куда,
И тѣмъ для насъ отраднѣй та утѣха,
Чѣмъ менѣе важна причина спѣха.

LXXIII.

Въ Кентербёри соборъ имъ показалъ
Церковный стражъ, держась обычныхъ правилъ:
Плиту, гдѣ Бекетъ, другъ свободы, палъ,
И шлемъ, что Черный Принцъ въ бояхъ прославилъ.
Какой же результатъ громъ славы далъ?
Какіе по себѣ слѣды оставилъ?
Чредой промчались годы—и затѣмъ
Остался лишь скелетъ да ржавый шлемъ,

LXXIV.

Жуану шлемъ отважнаго героя
И Бекета унылый мавзолей
Напомнили великое былое;
За то погибъ служитель алтарей,
Что, міръ отъ зла спасая и застоя,
Хотѣлъ права умѣрить королей.
Леила, обративъ на храмъ вниманье,
Спросила: «для чего такое зданье?

LXXV.

Сказали ей, что это Божій домъ;
Она нашла, что помѣщенье Бога
Красиво, но дивилася, что въ немъ
Невѣрныхъ терпитъ онъ, мечетей много
Разрушившихъ; жалѣла и о томъ,
Что Магометъ не взялъ того чертога,
Который брошенъ (такъ казалось ей),
Какъ жемчугъ передъ сонмищемъ свиней.

LXXVI.

Впередъ къ лугамъ! Живая зелень луга
Влечетъ къ себѣ. Поэтъ ей больше радъ,
Чѣмъ роскоши плѣнительнаго юга,
Что̀ свѣтлыми картинами богатъ.
На лугъ, подобный саду, какъ на друга,
Глядитъ поэтъ и, нѣжностью объятъ,
Забыть готовъ, на немъ покоя взоры,
Снѣга, волканы, пропасти и горы.

LXXVII.

О кружкѣ пива я бы вспомнить могъ;
Но нѣтъ,—боюсь заплакать! Съ быстротою
Летитъ впередъ Жуанъ, красой дорогъ
Любуясь и свободною толпою,
Снующею по нимъ. Тотъ уголокъ
Какъ не назвать прекраснѣйшей страною?
И если злой зоилъ ее бранитъ,
То самъ себѣ онъ этимъ лишь вредитъ.

LXXVIII.

Люблю шоссе. Безъ всякаго мученья
И за свои не опасаясь дни,
Сходны съ орломъ парящимъ, въ упоеньи
Вы мчитесь по нему. Будь искони
Устроенъ этотъ путь, тамъ, безъ сомнѣнья,
Катаясь, Фебъ лучи бы лилъ свои.
Но васъ въ пути ждетъ легкая отрава:
Surgit amari aliquid [1])—застава.

LXXIX.

Для всякаго расплата—острый ножъ.
Маккіавель, всѣхъ правящихъ учитель,
Гласитъ: «Тяжелъ повинностей платежъ!
«Вы съ подданнымъ не ссорясь жить хотите ль—
«Его казну не трогайте. И что жъ?
«Убей его семью, родныхъ властитель,—
«Простить все это подданный бы могъ,
«Но денежный онъ не проститъ налогъ».

LXXX.

Ложилась тѣнь, когда, объятъ волненьемъ,
Жуанъ на холмъ взобрался, что̀ глядитъ
На Лондонъ (имъ гордяся иль съ презрѣньемъ—
Загадку эту кто намъ разъяснитъ?).
Жуанъ смотрѣлъ съ невольнымъ упоеньемъ
На Лондона необычайный видъ,
Дивясь его могуществу и силѣ...
О, гордый бриттъ! Жуанъ на Шутерсъ-Гиллѣ!

LXXXI.

Какъ изъ волкана гаснущаго, дымъ
Надъ городомъ носился чернымъ паромъ.
Столицу съ видомъ сумрачнымъ своимъ
«Гостиной Сатаны» зовутъ не даромъ!
Хотя Жуанъ былъ въ Англіи чужимъ,
Но онъ не могъ не относиться съ жаромъ
Къ народу, что̀ часть міра разгромилъ,
Другую часть лишивъ отъ страха силъ.

LXXXII.

Рядъ темныхъ крышъ, кирпичныхъ зданій кучи:
Гарь, копоть, грязь, царящія кругомъ;
Высокихъ мачтъ на Темзѣ лѣсъ дремучій,
Гдѣ парусъ скрытъ отъ взоровъ даже днемъ;
Огромный куполъ, цвѣта мрачной тучи,
Что̀ схожъ вполнѣ съ дурацкимъ колпакомъ
На головѣ шута; рядъ темныхъ башенъ—
Вотъ Лондонъ, что̀ всегда унылъ и страшенъ.

LXXXIII.

Но не таковъ былъ Донъ-Жуана взглядъ:
Онъ находилъ, что эти тучи дыма
Вселенной благоденствіе сулятъ;
Что польза ихъ вполнѣ неоспорима;
Хоть солнца свѣтъ онѣ собой мрачатъ
И копоть ихъ порой невыносима,—
Онъ находилъ (счастливый оптимистъ!),
Что воздухъ здѣсь здоровъ хоть рѣдко чистъ.

LXXXIV.

Какъ мой герой, здѣсь на минуту стану.
(Такъ дѣлаетъ команда корабля,
Готовя залпъ). Но скоро вновь къ роману
Вернусь; отчизнѣ время удѣля,
Ей много истинъ выскажу. Обману
И клеветѣ служить не въ силахъ я;
Язвить же буду всѣхъ лишь правдой голой,
Какъ миссисъ Фрэй, но лишь другого пола.

LXXXV.

О, миссисъ Фрэй! ошибоченъ разсчетъ
Учить добру преступниковъ Ньюгета;
Гораздо больше пользы принесетъ
Начать свой трудъ съ грѣховъ большого свѣта.
Идея — исправлять простой народъ —
Нелѣпость, фраза, вздоръ, — поймите это, —
Покуда не удастся, миссисъ Фрэй,
Исправить вамъ сперва его вождей.

---

[1]) Вдругъ появляется нѣчто горькое.

LXXXVI.

Скажите имъ, что грѣшныя забавы
Одинъ позоръ приносятъ старикамъ;
Что время имъ свои исправить нравы,
Не предаваясь юношескимъ снамъ;
Что съ толку ихъ сбиваетъ сонмъ лукавый
Наемщиковъ продажныхъ; что шутамъ,
Фальстафамъ жалкимъ сгорбленнаго Галя,
Ввѣряться стыдно, родину печаля.

LXXXVII.

Скажите имъ, что надо позабыть
Тщеславіе, когда ужъ смерть готова
Похитить ихъ, и для добра лишь жить.
Скажите имъ... однакожъ, вы ни слова
Не скажете, а я ужъ, можетъ быть,
И лишнее сказалъ; но скоро снова
Раздастся голосъ мой, правдивъ и строгъ,
Какъ въ Ронсевò Роланда мощный рогъ!

ПѢСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

I.

Епископъ Бёрклей былъ такого мнѣнья,
Что міръ, какъ духъ, безплотенъ. Лишній трудъ
Опровергать то странное ученье
(Его и мудрецы-то не поймутъ!);
Но я готовъ, посредствомъ разрушенья
Свинца, алмаза, разныхъ глыбъ и рудъ,
Доказывать вездѣ безплотность свѣта
И, голову нося, не вѣрить въ это.

II.

Во всей природѣ видѣть лишь себя,
Ее за духъ считая—толку мало;
Но ереси не вижу въ этомъ я;
Свести сомнѣнье надо съ пьедестала,
Чтобъ, вѣру въ духъ и правду не губя,
Оно насъ не лишало идеала.
Хоть отъ него, порой, несносна боль,
Все жъ идеалъ—небесный алкоголь.

III.

Понятья наши сбивчивы и шатки;
Къ тому жъ, душа съ большимъ трудомъ идетъ
За тѣломъ вслѣдъ; ей грезы только сладки;
Какъ Аріэля, даль ее влечетъ,
А плоть гнетутъ болѣзней злыхъ припадки;
Глядя на смѣсь понятій и породъ,
Мы дѣлаемся жертвами сознанья,
Что жалкая ошибка—мірозданье.

IV.

Согласно ли Писанью созданъ свѣтъ?
Явилась ли вселенная случайно?
Объ этомъ даже спорить средства нѣтъ:
Для насъ неразъяснима эта тайна.
Быть можетъ, смерть желанный дастъ отвѣтъ,
И намъ ея приходъ необычайный
Глаза откроетъ... Кончивъ путь земной,
Быть можетъ, мы обрящемъ лишь покой.

V.

Безплодныя прерву я размышленья
И, прекративъ вполнѣ напрасный споръ,
Хочу отбросить въ сторону сомнѣнья;
Но дѣло въ томъ, что съ нѣкоторыхъ поръ
Я чувствую чахотки приближенье
(Мнѣ, вѣрно, вреденъ воздухъ мѣстныхъ горъ);
Когда болѣзнь гнететъ меня не въ мѣру,
Она во мнѣ нежданно будитъ вѣру.

VI.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

VII.

Вернусь къ разсказу. Тотъ, предъ кѣмъ Эллада
Развертывала свѣтлый рядъ картинъ,
Кто любовался видами Царьграда
И ѣздилъ въ Томбуктў или Пекинъ,
Кто видѣлъ акропольскихъ скалъ громады
И въ Ниневіи мрачный рядъ руинъ,
Тотъ Лондонъ посѣтитъ безъ удивленья,
Но, годъ спустя, иного будетъ мнѣнья.

VIII.

На Лондонъ, этотъ долъ добра и зла,
Съ вершины Шутерсъ-Гилля въ часъ заката
Жуанъ взглянулъ. На все ложилась мгла;
Столица, лихорадкою объята,
Имѣла видъ кипящаго котла,
И суетой, и грохотомъ богата;
Носившійся надъ нею шумъ глухой
Жужжанье пчелъ напоминалъ собой.

IX.

Жуанъ, весь погруженный въ созерцанье,
Шелъ за своей каретою пѣшкомъ
И не скрывалъ въ порывѣ ликованья
Отрадныхъ чувствъ, что̀ пробуждались въ немъ.
«Здѣсь», говорилъ онъ, «мѣстопребыванье
«Законности! Ни пыткой, ни мечомъ
«Нельзя попрать священныхъ правъ народа;
«Его удѣлъ—законность и свобода!

X.

«Здѣсь жизнь патріархальна и чиста;
«Незыблемы законы; жены строги;
«Коль дорого все здѣсь, причина та,
«Что деньги нипочемъ. Народъ налоги
«Лишь платитъ тѣ, что хочетъ. Не мечта,
«Что безопасны въ Англіи дороги!»
Тутъ крикъ: God damn! иль жизнь, иль кошелекъ!»
Его живыхъ рѣчей прервалъ потокъ.

XI.

Жуанъ, за экипажемъ шедшій сзади,
Наткнулся вдругъ, нежданно изумленъ,
На четырехъ разбойниковъ въ засадѣ
И ими былъ немедля окруженъ.
Бѣда, коль путникъ струситъ! О пощадѣ
Не можетъ быть и рѣчи; разомъ онъ
Лишиться можетъ жизни, денегъ, платья
На островѣ, гдѣ бѣдность—лишь изъятье.

XII.

По-англійски Жуанъ лишь зналъ: «God damn!»
И думалъ, что такое выраженье
У англичанъ привѣтственный *селямъ*:
«Пошли вамъ Богъ свое благословенье!»
Я это мнѣнье раздѣляю самъ;
Я—полубриттъ, къ несчастью; по рожденью,
И сотни разъ случалось слышать мнѣ
То слово, какъ привѣтъ, въ родной странѣ.

XIII.

Жуанъ ихъ сразу понялъ; не робѣя,
Онъ свой карманный пистолетъ досталъ
И весь зарядъ пустилъ въ животъ злодѣя,
Который ближе всѣхъ къ нему стоялъ.
Отъ раны задыхаясь и слабѣя,
Какъ быкъ, свалился онъ и застоналъ.
Барахтаясь въ грязи родного края,
Товарищамъ онъ крикнулъ, умирая:

XIV.

«Меня французъ проклятый уходилъ!»
Испуганные воры безъ оглядки
Пустилися бѣжать. Ихъ слѣдъ простылъ,
Когда Жуана свита, въ безпорядкѣ
И проявляя безполезный пылъ,
Явилась впопыхахъ на мѣсто схватки.
Межъ тѣмъ злодѣй кончалъ въ мученьяхъ вѣкъ;
Жуанъ жалѣлъ, что дни его пресѣкъ.

XV.

«Быть можетъ», думалъ онъ, «и въ самомъ дѣлѣ
«Такъ иностранцевъ принято встрѣчать;
«Не такъ ли содержатели отелей
«Съ пріѣзжими привыкли поступать?
«Они съ поклономъ низкимъ идутъ къ цѣли,
«А тѣ съ ножемъ хотятъ васъ обобрать.
«Грабежъ все тотъ же! Раненаго вора
«Нельзя же тутъ оставить безъ призора!»

XVI.

Когда хотѣли вору помощь дать,
Онъ тихо простоналъ: «Я скоро сгину;
«Не трогайте меня; ужъ мнѣ не встать;
«Изъ жалости стаканъ мнѣ дайте джину!»
Теряя кровь, онъ сталъ ослабѣвать
И вотъ, предвидя скорую кончину,
Съ распухшей шеи онъ сорвалъ платокъ,
«Отдайте это Салли,»—только могъ

XVII.

Онъ прошептать и умеръ въ то жъ мгновенье;
Кровавый даръ къ ногамъ Жуана палъ;
Но онъ не могъ понять его значенья.
Лихой гуляка, щеголь и нахалъ,
Когда-то Томъ, любившій развлеченья,
Съ друзьями беззаботно пировалъ;
Когда жъ его поранили [1]) карманы,
Свихнулся онъ и самъ погибъ отъ раны.

XVIII.

Затѣмъ Жуанъ направилъ въ Лондонъ путь
(Окончивъ объясненія съ судьею);
Отъ боли у него сжималась грудь,
И не давала мысль ему покоя,
Что долженъ былъ на жизнь онъ посягнуть
Свободнаго британца, отъ разбоя
Себя спасая. Сильно потрясенъ
Убійствомъ этимъ былъ, конечно, онъ.

XIX.

Убитый былъ мошенникъ очень ловкій,
Извѣстный по искусству и уму;
Онъ шулеровъ зналъ тонкія уловки
И грабилъ, не боясь попасть въ тюрьму,
Дивя воровъ искусною сноровкой;
Въ любезности и юморѣ ему
Соперникъ отыскался бы едва ли,
Когда онъ пировалъ съ красивой Салли.

XX.

Но Томъ погибъ; что жъ говорить о немъ!
Не вѣчно у героевъ сердце бьется,
И большинство изъ нихъ (нѣтъ горя въ томъ)
До срока съ этимъ свѣтомъ разстается.
О, Темза! свой привѣтъ тебѣ мы шлемъ.
Вдоль береговъ ея Жуанъ несется;
Чрезъ Кеннингтонъ (здѣсь всякихъ «тоновъ» власть)
Торопится въ столицу онъ попасть.

---

[1]) Тутъ игра словъ въ подлинникѣ.

XXI.

Вотъ и сады, гдѣ тѣни и прохлады
Нельзя найти. (Такъ non lucendo—тьма
Рождаетъ lucus—свѣтъ.) Вотъ Холмъ Отрады,
Гдѣ нѣтъ отрады, даже нѣтъ холма.
Вотъ рядъ кирпичныхъ хатъ, гдѣ безъ пощады
Васъ душитъ пыль (ихъ можно брать съ найма).
А тамъ кварталъ, носящій имя «Рая».
(Съ нимъ Ева бы разсталась не вздыхая!)

XXII.

На улицахъ и шумъ, и толкотня:
Колеса вихремъ движутся предъ вами;
Порой мальпостъ, по мостовой звеня,
Проносится. Вся залита огнями,
Стоитъ таверна, пьяницу маня.
Въ цирюльняхъ видны куклы съ париками.
Солдатъ-фонарщикъ масло въ лампу льетъ
(Въ то время газъ не освѣщалъ народъ).

XXIII.

Такъ Лондонъ представляется вамъ съ виду,
Когда вы въ этотъ новый Вавилонъ
Въѣзжаете. Я упустилъ изъ виду
Не мало бытовыхъ его сторонъ,
Но не хочу подрыва дѣлать «Гиду».
Тонулъ во мракѣ ночи небосклонъ,
Когда чрезъ мостъ, безспорно знаменитый,
Жуанъ перебрался съ своею свитой.

XXIV.

Плѣняя слухъ, тамъ Темза волны льетъ;
Но вѣчный крикъ и брань толпы лукавой
Унылый заглушаютъ ропотъ водъ.
Глядите—вотъ Вестминстеръ величавый;
Въ сіяніи предъ вами онъ встаетъ,
Собой изображая призракъ славы,
Бросающій на зданье яркій свѣтъ.
Въ Британіи священнѣй мѣста нѣтъ!

XXV.

Одинъ «Стонъ-Генжъ» свидѣтель дней прошедшихъ,
Но гдѣ жъ лѣса друидовъ? Вотъ Бэдлэмъ,
Гдѣ въ кандалахъ содержатъ сумасшедшихъ,
Чтобъ не могли вредить они ничѣмъ;
Вотъ Королевскій Судъ для дурно ведшихъ
Свои дѣла. Вотъ Ратуша затѣмъ,
Дивящая громадностью своею,
Но можно ли сравнить Вестминстеръ съ нею?!

XXVI.

Весь городъ залитъ массами огней;
Въ Европѣ нѣтъ такого освѣщенья!
Тягаться съ нами въ этомъ трудно ей:
Грязь съ золотомъ не выдержитъ сравненья.
Парижъ не зналъ когда-то фонарей;
Когда же ихъ ввели въ употребленье,
Къ нимъ, вмѣсто лампъ (нежданный переходъ!),
Измѣнниковъ сталъ прицѣплять народъ.

XXVII.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

XXVIII.

Когда бы Діогенъ пошелъ искать,
Какъ въ дни былые, мужа честныхъ правилъ
Средь Лондона, гдѣ свѣта благодать,—
И поиски бъ напрасные оставилъ,—
Не мракъ за то пришлось бы обвинять!
Всю жизнь себѣ задачею я ставилъ—
Безъ устали искать людей такихъ,—
Но прокуроровъ [1]) лишь встрѣчалъ однихъ.

---

[1]) Т.-е. плутовъ. Слово attorney (прокуроръ или адвокатъ) служитъ синонимомъ плута или негодяя въ Англіи, гдѣ юристы очень жестоки къ своимъ кліентамъ.

XXIX.

Въ вечернiй часъ, когда толпа густая
Расходится и лампъ дрожащiй свѣтъ
Блеститъ, лучи денные замѣняя,
Когда въ дворцахъ садятся за обѣдъ,—
Жуанъ, свой путь столицей продолжая,
Среди снующихъ кэбовъ и каретъ,
Пронесся мимо набережной Темзы,
Домовъ игорныхъ и дворца Сентъ-Джемса.

XXX.

И вотъ отель. Въ ливреѣ дорогой
Его лакеи встрѣтили у входа;
По улицамъ голодною гурьбой
Сновали нимфы ночи; имъ свобода,
Когда одѣтъ стыдливый Лондонъ тьмой.
Иные пользу видятъ для народа
Отъ этихъ жрицъ паѳосскихъ, чтò подчасъ,
Какъ Мальтусъ, склонность къ браку будятъ
въ насъ.

XXXI.

Жуану номеръ отвели богатый
Въ отелѣ, полномъ роскоши затѣй;
Все хорошо въ немъ было, кромѣ платы,
Доступной для однихъ лишь богачей;
Въ немъ зачастую жили дипломаты
(Чтò дѣлало его притономъ лжей).
Но временно здѣсь жили эти лица,
Ища квартиръ достойнѣй ихъ въ столицѣ.

XXXII.

Жуанъ не настоящимъ былъ посломъ,
Хоть тайное имѣлъ онъ порученье;
Но въ Англiи провѣдали тайкомъ,
Что миссiя его не безъ значенья;
Что онъ уменъ, красивъ, богатъ, притомъ
Особое имѣетъ положенье,
И прибавляли шопотомъ, что онъ
Самой императрицей отличенъ.

XXXIII.

Пронесся слухъ, толпою повторенный,
Что онъ сердецъ плѣнитель и герой;
А такъ какъ англичанки очень склонны
Дѣйствительность прикрашивать мечтой
И, головой влекомы воспаленной,
Теряютъ даже здравый смыслъ порой,—
Жуанъ сталъ моднымъ львомъ; а для народа,
Чтò много мыслитъ, страсти стдитъ мода.

XXXIV.

Безстрастны ли онѣ? Наоборотъ;
Но бурныя ихъ страсти—лишь созданья
Не сердца, а ума. Принявъ въ разсчетъ,
Что тотъ же результатъ, къ чему старанья—
Узнать, какая сила ихъ влечетъ?
Не въ томъ вопросъ. Понятно лишь желанье
Достичь завѣтной цѣли поскорѣй;
Зачѣмъ намъ знать, какъ мы дошли до ней?

XXXV.

Жуанъ представилъ грамоты царицы
И встрѣтилъ подобающiй прiемъ
Отъ всѣхъ великихъ мiра. Эти лица,
Почти еще ребенка видя въ немъ,
Рѣшили, что красавецъ блѣднолицый
Ихъ не минуетъ рукъ. Имъ нипочемъ
Обманывать (политиковъ замашка)!
Такъ соколу дается въ жертву пташка.

XXXVI.

Но старички ошиблись. Не могу
Съ двуличностью политиковъ мириться!
Они весь вѣкъ на каждомъ лгутъ шагу,
Но лгать открыто даже имъ не снится.
Отъ женской лжи я только не бѣгу;
Безъ лжи не могутъ дамы обходиться;
Но такъ у нихъ плѣнительна она,
Что правда передъ ней блѣднѣть должна.

XXXVII.

Но что такое ложь? Лишь правда въ маскѣ.
На всемъ мы видимъ фальши грустный слѣдъ.
Нѣтъ факта безъ обманчивой окраски.
Исчезли бъ лѣтописецъ и поэтъ,
И все у насъ бы превратилось въ сказки,
Когда бъ блеснулъ желанной правды свѣтъ!
(Мы только вѣрить стали бы въ пророковъ
Не безъ провѣрки ихъ пророчествъ сроковъ!)

XXXVIII.

Да здравствуютъ лжецы! Теперь за что жъ
Ко мнѣ, какъ къ мизантропу, обращаться,
Когда въ стихахъ я воспѣваю ложь
И всѣхъ учу предъ властью пресмыкаться,
Дрожа предъ ней, и тѣхъ не ставлю въ грошъ,
Что̀ не хотятъ позорно унижаться?
Намъ въ подлости Эринъ [1]) даетъ урокъ,
Но гербъ [2]) его отъ этого поблекъ.

XXXIX.

Жуанъ представленъ былъ; своею миной
И платьемъ всѣмъ онъ головы вскружилъ;
Костюмъ ли былъ тутъ главною причиной,
Иль красота—не знаю. Всѣхъ плѣнилъ
Алмазъ огромный, даръ Екатерины,
Который Донъ-Жуанъ всегда носилъ.
За тяжкіе труды, сознаться надо,
Ему въ удѣлъ досталась та награда.

XL.

Ему оказанъ былъ большой почетъ.
Съ нимъ обошлись съ любезностью примѣрной
Сановники. (Пуская ласки въ ходъ,
Они такимъ путемъ лишь долгу вѣрны:
Любезничать съ посломъ—прямой разсчетъ).
Заискивали въ немъ и субалтерны,
Что̀ исключенье въ Англіи; писецъ
Всегда у насъ и пройда, и наглецъ.

XLI.

Всегда грубятъ чернильныя піявки;
Лишь въ томъ должна ихъ служба состоять!
Бѣда насчетъ иль паспорта, иль справки
Ихъ просьбами своими утруждать!
Какъ не дадутъ имъ разомъ всѣмъ отставки?
Отъ дармоѣдовъ можно ль прока ждать?
Какъ злѣе нѣтъ собакъ болонокъ-крошекъ,
Такъ хуже тварей нѣтъ тѣхъ мелкихъ сошекъ!

XLII.

Вездѣ съ «радушьемъ» принятъ былъ Жуанъ,
Avec epressement. То выраженье
Придумали французы. Даръ имъ данъ
Вселять въ слова условное значенье;
У нихъ запасъ готовыхъ фразъ; въ карманъ
Имъ за̀ словомъ не лѣзть. Мы, безъ сравненья,
Грубѣй. Не море ль грубости виной?
Торговки рыбой въ томъ примѣръ прямой.

XLIII.

Все жъ англійское dam'me не безъ соли;
Съ нимъ не сравнить другихъ народовъ брань;
Аристократъ своей измѣнитъ роли,
Прибѣгнувъ къ ней: приличья ставятъ грань.
И потому ея касаться болѣ
Не буду я, платя приличью дань.
Но слово damn' воздушно и прилично,
Душа всѣхъ клятвъ, хоть слишкомъ платонично.

XLIV.

Мы откровенно грубы. Чтобъ найти
Изысканность манеръ и выраженій,
Намъ надо черезъ море перейти;
Французы до̀ки въ этомъ отношеньи;
Намъ въ свѣтскомъ лоскѣ ихъ не превзойти!
Но къ дѣлу! Врагъ я праздныхъ размышленій.
Въ поэмахъ надо строго соблюдать
Единство; мнѣ ль о томъ напоминать?!

---

[1]) Эринъ—Ирландія.
[2]) Гербъ Ирландіи—трилистникъ.

XLV.

Жуанъ вращаться сталъ средь львицъ и франтовъ
Вестъ-Энда; имъ вельможи всѣ сродни;
Ихъ тысячи четыре; ни талантовъ,
Ни умницъ нѣтъ межъ ними. Ночи въ дни
Преобразуя, съ тупостью педантовъ
На міръ глядятъ презрительно они.
Вотъ то, что̀ называютъ «высшимъ свѣтомъ»!
Жуанъ какъ свой въ кругу былъ принятъ этомъ.

XLVI.

Онъ хо̀лостъ былъ, а для дѣвицъ и дамъ
Тотъ фактъ имѣетъ важное значенье;
Однѣ неравнодушны къ женихамъ,
Другихъ же увлекаютъ приключенья,
Когда ихъ не удерживаетъ срамъ.
Съ женатымъ связь вселяетъ опасенья:
Что̀, если свѣтъ провѣдаетъ о ней?
И грѣхъ тяжеле, и скандалъ сильнѣй!

XLVII.

Жуанъ, сроднившись съ новой обстановкой,
Нашелъ себѣ арену для побѣдъ;
Онъ обладалъ искусною сноровкой
Всѣмъ нравиться; какъ Мо̀царта дуэтъ,
Онъ нѣжностью плѣнялъ; все дѣлалъ ловко
И, хоть былъ юнъ, ужъ много видѣлъ свѣтъ,
Котораго и ко̀зни, и интриги
Ошибочно описываютъ книги.

XLVIII.

Дѣвицы, съ нимъ вступая въ разговоръ,
Смущались и краснѣли; дамы тоже;
Но ихъ румянецъ, словно метеоръ,
Не исчезалъ: чтобъ быть на видъ моложе,
Онѣ румяна клали. Дочекъ хоръ
Одеждою плѣнялъ Жуанъ пригожій;
А хоръ мамашъ тайкомъ разузнавалъ.
Есть братья ль у него и капиталъ.

XLIX.

Модистки, отпускавшія наряды
Инымъ дѣвицамъ въ долгъ, съ условьемъ тѣмъ,
Чтобъ счетъ уплаченъ былъ въ часы отрады,
Когда еще для мужа бракъ—Эдемъ,
Ловя Жуана въ сѣть, нашли, что надо
Кредитъ удвоить. Не одинъ затѣмъ
Злосчастный мужъ сидѣлъ, унынья полонъ:
Модистки счетъ былъ въ полномъ смыслѣ солонъ.

L.

Накинулись и синіе чулки
На Донъ-Жуана. Жалкіе сонеты
Съ ума свести ихъ могутъ; ихъ башки —
Конспектъ статей прочитанной газеты.
Хоть плохо имъ даются языки,
Они всегда желаніемъ согрѣты
Коверкать ихъ. О книгахъ дальнихъ странъ
Вопросами засыпанъ былъ Жуанъ.

LI.

Экзаменомъ синклита женъ ученыхъ
Онъ былъ втупикъ поставленъ. Мой герой
Немного думалъ о вещахъ мудреныхъ
И лишь любовью бредилъ и войной.
Отъ Ипокрены береговъ зеленыхъ
Давно ужъ онъ оторванъ былъ судьбой;
Ихъ цвѣтъ теперь ему казался синимъ.
(Упрекъ за то ученымъ женамъ кинемъ.)

LII.

Хоть наобумъ, но бойко (бойкость вѣсъ
Даетъ словамъ) онъ отвѣчалъ матронамъ
И свелъ съ ума почтенныхъ поэтессъ.
Миссъ Смитъ (что̀ въ мірѣ славилась ученомъ
И рьяно книгу: *Рьяный Геркулесъ*
Перевела почти ребенкомъ) тономъ
Съ нимъ самымъ нѣжнымъ стала рѣчь вести,
Спѣша его слова въ альбомъ внести.

LIII.

Жуанъ владѣлъ прекрасно языками
И всѣ свои таланты въ ходъ пускалъ;
Ведя бесѣды съ синими чулками,
Онъ этихъ дамъ вполнѣ очаровалъ,
И если бъ онъ умѣлъ писать стихами,
Онѣ ему воздвигли бъ пьедесталъ.
Миссъ Мэнишъ съ лэди Фрицки—обѣ страстно
Желали, чтобъ воспѣлъ ихъ грандъ прекрасный.

LIV.

Онъ всѣми былъ обласканъ и любимъ;
Всѣ съ радостью его къ себѣ тянули,
И десять тысячъ авторовъ предъ нимъ,
Какъ тѣни передъ Банко, промелькнули.
(Не меньше ихъ; за то мы постоимъ!)
Онъ видѣлъ также (сочинять могу ли?)
Всѣхъ «восемьдесятъ главныхъ риѳмачей».
У каждаго журнала свой пигмей.

LV.

У насъ, что̀ десять лѣтъ, всегда на сцену
Является «извѣстнѣйшій поэтъ»
И долженъ, для борьбы избравъ арену,
Доказывать, какъ уличный атлетъ,
Свои права. (А кто ихъ знаетъ цѣну?)
Я, самъ того не чуя, много лѣтъ,
Хоть шутовскимъ владѣть нелестно тропомъ,
Считался въ царствѣ риѳмъ Наполеономъ.

LVI.

Но «Донъ-Жуанъ» моею былъ Москвой,
«Фальеро»—грустнымъ Лейпцигомъ зову я,
А «Каинъ»—Ватерло̀ плачевный мой.
На льва, что̀ палъ, глупцы глядятъ, ликуя;
Коль я паду,—паду, какъ мой герой;
Лишь самодержцемъ царствовать могу я,—
Не то пустынный островъ мнѣ милѣй,
Гдѣ Со̀ути будетъ [1]) Ло тюрьмы моей.

LVII.

Пока не появлялся я, на тронѣ
Сидѣлъ, любимый всѣми, Вальтеръ-Скоттъ;
Теперь царятъ въ сіяющей коронѣ
Муръ съ Кэмбелемъ; но иначе поетъ
Въ нашъ вѣкъ поэтъ; витая на Сіонѣ,
Онъ псалмопѣвцемъ сталъ, уча народъ,
Какъ пасторъ. Этотъ духъ хвалить могу ли,
Когда Пегасъ поставленъ на ходули?

LVIII—LIX.

Есть у меня двойникъ, какъ говорятъ,
Но болѣе моральный; въ этой роли
Не осѣчется ль бѣдный мой собратъ?
И у Вордсворта есть два-три, не болѣ,
Льстеца. Иные Ко̀льриджу кадятъ;
Кадятъ и Соути; но не видятъ, что ли,
Что онъ не лебедь, а гусакъ простой,
Забитый въ грязь безсмысленной хвалой?

LX.

Джонъ Китсъ погибъ. Къ нему отнесся строго
Злой критикъ и убилъ его статьей.
Хотя надеждъ онъ подавалъ не много,
Еще стиховъ туманныхъ томъ большой,
Быть можетъ, накропалъ бы бардъ, убого
Окончившій до срока путь земной...
Не странно ли, что умъ, исчадье свѣта,
Способна погубить статьей газета?

LXI.

Должны бы поумѣрить свой задоръ
Тѣ, что такъ рьяно гонятся за славой:
Когда потомство дастъ свой приговоръ,
Въ могилахъ будутъ правый и неправый.
Безъ насъ рѣшится этотъ жгучій споръ,
А кандидатовъ—цѣлыя оравы!
Тираны, опозорившіе Римъ,
Его повергли въ прахъ числомъ своимъ.

---

[1]) Гудсонъ Ло (Hudson Lowe) — безсердечный тюремщикъ Наполеона.

LXII.

Но мы у преторьянцевъ. Это царство
Нахаловъ, укрѣпившихъ лагерь свой.
Черезъ какія тяжкія мытарства
Проходитъ тотъ, кто осужденъ судьбой
Ихъ восхвалять и козни, и коварства!
Будь дома я, гремя сатирой злой,
Я показалъ бы этимъ янычарамъ,
Какую силу можно дать ударамъ!

LXIII.

Мой вѣренъ глазъ, я попадаю въ цѣль,
И ихъ задѣть съумѣлъ бы за живое.
Но весть борьбу съ бездѣльниками мнѣ ль?
Не лучше ли оставить ихъ въ покоѣ?
Меня не отуманиваетъ хмель
Порывовъ желчныхъ. Музѣ чуждо злое;
Она одной улыбкою разитъ,
Затѣмъ, присѣвъ, уйти отъ зла спѣшитъ.

LXIV.

Жуана въ положеніи тяжеломъ
Оставилъ я средь бардовъ и матронъ,
Но онъ не долго шелъ безплоднымъ доломъ;
Ареопагъ ученый бросилъ онъ,
Не подвергаясь злымъ его уколамъ;
Отдѣлавшись отъ хора мудрыхъ женъ,
Жуанъ попалъ къ свѣтиламъ настоящимъ
И между ними сталъ лучомъ блестящимъ.

LXV.

Жуанъ дѣламъ все утро посвящалъ;
Отъ нихъ подчасъ рождается досада;
Ни отъ кого имъ не слыхать похвалъ!
Они, какъ платье Несса, полны яда.
Кто мелкихъ срочныхъ дѣлъ не проклиналъ,
Когда не объ отчизнѣ думать надо!
Но идутъ ли о ней заботы въ прокъ?
О, нѣтъ!—какъ это я замѣтить могъ.

LXVI.

Онъ дѣлалъ послѣ завтрака визиты,
Окончивъ неотложныя дѣла;
Затѣмъ въ Гайдъ-Паркъ стремился знаменитый,
Гдѣ съ голоду пчела бы умерла,
Гдѣ тоще все, куда ни погляди ты.
Тамъ дамы ищутъ свѣта и тепла.
Все жъ въ этомъ жалкомъ Паркѣ воздухъ чище,
Чѣмъ въ Лондонѣ, гдѣ скучены жилища.

LXVII.

Затѣмъ Жуанъ, перемѣнивъ костюмъ,
Обѣдать ѣхалъ, пышно разодѣтый.
Тогда въ разгарѣ жизнь; повсюду шумъ:
Какъ метеоры въ упряжи, кареты
Мелькаютъ: мѣста нѣтъ для грустныхъ думъ;
Огни горятъ; налощены паркеты,
И словно въ рай—въ палаты богачей
Толпа вступаетъ избранныхъ гостей.

LXVIII.

Хозяйка, стоя, сколько бъ ихъ ни было,
Встрѣчаетъ ихъ, весь вечеръ не присѣвъ;
Играютъ вальсъ; своей волшебной силой,
Онъ научаетъ думать юныхъ дѣвъ;
Его намъ недостатки даже милы.
Всѣ гости, уже съѣхаться успѣвъ,
Биткомъ набили залы; нѣтъ прохода;
А лѣстница еще полна народа.

LXIX.

Блаженъ, кто въ тихій уголъ попадетъ,
Что въ сторонѣ, но съ бальной залой рядомъ,
Откуда пестрыхъ массъ водоворотъ
Во всей красѣ является предъ взглядомъ;
Восторга полный—иль, наоборотъ,
Съ улыбкою, пропитанною ядомъ,
Слѣдить онъ можетъ за игрой страстей,
Сидя въ обсерваторіи своей.

LXX.

Нѣтъ въ поискахъ за мѣстомъ часто толку!
Тому жъ, кто сталъ случайно моднымъ львомъ,
Еще труднѣй пробраться; втихомолку
Нестись онъ долженъ опытнымъ пловцомъ
Средь моря кружевъ, лентъ, алмазовъ, шелку,
Чтобъ завладѣть желаннымъ уголкомъ,
Порою въ вальсъ втираясь ловко—или
Въ фигуры оживленныя кадрили.

LXXI.

Кто не танцоръ, а былъ бы радъ плѣнить
Богатую невѣсту, или съ дамой —
Замужнею сиреной—въ связь вступить,
Тому итти опасно къ цѣли прямо;
Свою игру отъ всѣхъ онъ долженъ скрыть,
Бояся неудачи или драмы.
Декорумъ намъ во всемъ необходимъ:
Серьезно мы и глупости творимъ.

LXXII.

Старайтесь, не спуская съ милой взора,
За ужиномъ поближе къ ней подсѣсть;
Съ предметомъ думъ минута разговора
Отъ радости съ ума насъ можетъ свесть.
Такой волшебный мигъ забыть не скоро!
Въ мечтѣ о немъ и то отрада есть.
Какъ много балъ порой приноситъ горя
Иль счастья, насъ съ судьбой миря иль ссоря!

LXXIII.

Учу лишь тѣхъ, которые борьбы
Не въ состояніи выдержать со свѣтомъ
И передъ нимъ трепещутъ, какъ рабы,—
Лишь тѣ должны внимать моимъ совѣтамъ;
Къ чему они для бальовней судьбы?
Имъ лишнее стѣсняться этикетомъ,
Когда умомъ иль массою заслугъ
Обворожить съумѣли высшій кругъ.

LXXIV.

Мой вѣтренный герой, какъ всѣ герои,
Былъ знатенъ, юнъ, любовь вселялъ въ сердцахъ;
Понятно, что не могъ онъ быть въ покоѣ
Оставленъ. Говорятъ, какъ о вещахъ
Ужаснѣйшихъ, объ умственномъ застоѣ,
О бѣдности, болѣзняхъ и стихахъ:
Но что бъ сказали люди, Боже правый,
Узнавъ, какъ нашихъ лордовъ жалки нравы!

LXXV.

Да, наши лорды, молодость сгубивъ,
Красивы, но изношены; богаты,
Но безъ гроша (имѣнья заложивъ
Жидамъ); игрой, попойками измяты,
Они на доблесть смотрятъ, какъ на миѳъ.
Порою, съ изумленіемъ, палаты
Внимаютъ ихъ рѣчамъ. Затѣмъ финалъ—
И новый лордъ въ фамильный склепъ попалъ!

LXXVI.

«Гдѣ свѣтъ, въ которомъ человѣкъ родился?»
Такъ Юнгъ взывалъ восьмидесяти лѣтъ;
А я спрошу: куда же испарился
Лѣтъ семь тому существовавшій свѣтъ?
Увы! какъ шаръ стеклянный онъ разбился;
Онъ прахомъ сталъ; его погибъ и слѣдъ:
Министры, полководцы, королевы,
Ораторы, поэты, дэнди—гдѣ вы?

LXXVII.

Гдѣ Бонапартъ великій?—средь тѣней!
Гдѣ Кэстельри ничтожный?—взятъ могилой;
Гдѣ Грэттэнъ, Кёрренъ, съ массою людей,
Дивившихъ насъ и мудростью и силой?
Гдѣ королева съ горестью своей?
Гдѣ дочь ея, что Англія любила?
Гдѣ жертва биржи—рента? Гдѣ доходъ,
Что прежде обезпечивалъ народъ?

LXXVIII.

Гдѣ Веллеслей и Бруммель?—смертью стерты
Съ лица земли. Гдѣ Ромильи?—зарытъ.
Гдѣ Третій нашъ Георгъ, судьбой затертый?
(Кто смыслъ его духовный разъяснитъ?)
Гдѣ птица царской крови, «Фумъ» [1]) Четвертый?
Ему теперь Шотландія кадитъ,
И онъ туда поѣхалъ, чтобъ на мѣстѣ
Отвѣдать ѳиміамъ народной лести.

LXXIX.

Гдѣ вы, милорды, лэди, мистриссъ, миссъ?
Забытыя толпой, однѣ въ разбродѣ;
Другія вышли замужъ, развелись
И снова обвѣнчались (это въ модѣ).
Гдѣ клики, что̀ въ Ирландіи неслись?
Гдѣ лондонскіе вопли о свободѣ?
Гдѣ Гренвили?—побиты какъ всегда.
Гдѣ виги?—тамъ, гдѣ были и тогда.

LXXX.

О, *Morning Post*, почтенная газета,
Оракулъ и изящества, и модъ!
Я отъ тебя жду точнаго отвѣта:
Скажи, какъ жизнь на родинѣ течетъ?—
Львы лѣтъ былыхъ сошли со сцены свѣта;
Иные съ жизнью кончили разсчетъ;
Другіе жъ дни влачатъ на континентѣ,
Проклятья посылая павшей рентѣ.

LXXXI.

Иныя миссъ, искавшія связей,
Давно разстались съ свѣтлыми мечтами;
Однѣ, какъ я сказалъ, нашли мужей,
Другія стали только матерями;
Однѣ простились съ свѣжестью своей,
Другихъ плуты опутали сѣтями;
Всѣхъ смѣнъ не перечтешь; лишь то дивитъ,
Какъ быстро свѣтъ свой измѣняетъ видъ.

LXXXII.

Такъ много перемѣнъ въ семь лѣтъ случилось,
Что̀, право, всякій можетъ встать втупикъ.
Съ трудомъ пересчитаешь, сколько скрылось—
Не только лицъ извѣстныхъ, но владыкъ;
Все въ это время въ мірѣ измѣнилось.
Но впрочемъ къ перемѣнамъ я привыкъ:
И люди измѣняются, и страсти,—
Лишь виги все достичь не могутъ власти!

LXXXIII.

Наполеонъ, игравшій въ мірѣ роль
Юпитера, былъ обращенъ въ Сатурна.
Нашъ Веллингтонъ преобразился въ ноль
За то, что велъ дѣла страны такъ дурно;
Я видѣлъ, какъ освистанъ былъ король
Толпою разъяренною и бурной;
Затѣмъ какъ стали всѣ ему кадить.
(Что̀ лучшее изъ двухъ—не мнѣ рѣшить).

LXXXIV.

Лэндгольдеровъ [2]) несчастныхъ слышалъ стоны,
Палату видѣлъ, что̀ давала вѣсъ
Однимъ налогамъ; на шутахъ — короны;
Несчастной королевы злой процессъ;
Пророчицу Суткотъ; въ стѣнахъ Вероны
Дышавшій лишь неправдою конгрессъ;
Случалось видѣть также въ эти годы
Свое ярмо свергавшіе народы.

LXXXV.

Прозаиковъ я видѣлъ и гурьбы
Поэтиковъ; ораторовъ безцвѣтныхъ,
Хотя рѣчистыхъ; грустный плодъ борьбы
Имѣній съ биржей; наглость лжей газетныхъ;
Я видѣлъ, какъ надменные рабы
Въ грязь стаптывали гражданъ безотвѣтныхъ;
И слышалъ, какъ Джонъ Буль сознался самъ,
Что можетъ быть причисленъ къ дуракамъ.

---

[1]) Авторъ разумѣетъ здѣсь Георга IV.
[2]) Лэндгольдеры—арендаторы.

LXXXVI.

Живи, Жуанъ, но carpe, carpe diem [1])!
Насъ завтра жъ смѣнитъ новый сонмъ людей,
Покорный тѣмъ же бѣшенымъ стихіямъ.
«*Пустая пьеса жизнь: своихъ ролей*
Въ ней не бросайте жъ, плуты! [2]) Хитрымъ зміемъ
Предъ свѣтомъ ползай и скрывать умѣй
Намѣренья! Не разставаясь съ маской,
Все затемняй фальшивою окраской!

LXXXVII.

Въ странѣ, что̀ мы «моральнѣйшей изъ странъ»
Зовемъ, но гдѣ морально все лишь съ виду,
Вращаться долженъ будетъ Донъ-Жуанъ.
Боясь создать вторую *Атлантиду* [3]),
Не допишу, быть можетъ, свой романъ.
Мои слова сочтутся за обиду.
Все жъ я скажу (хоть это не секретъ
Для англичанъ): въ нихъ нравственности нѣтъ!

LXXXVIII.

Всегда приличья строго соблюдая,
Я опишу, что̀ видѣлъ мой герой,
Что̀ дѣлалъ; но пою, предупреждая,
Что мой романъ—лишь плодъ мечты одной.
Хотя иныхъ писакъ орава злая
Намековъ будетъ въ немъ искать порой,
Мнѣ дѣла нѣтъ до злобныхъ ихъ упрековъ;
Въ глаза я правду рѣжу безъ намековъ.

LXXXIX.

Впослѣдствіи узнаете о томъ,
Что̀ сдѣлаетъ любезный мой повѣса:
Помчится ль онъ за золотымъ тельцомъ,
Иль женится на дѣвушкѣ безъ вѣса,
Любовью къ размноженію влекомъ;
Иль, наконецъ, покоренъ воли бѣса,
Интрижку заведетъ ли въ свѣтѣ онъ,
За что караетъ праведный законъ.

XC.

Лети жъ, моя поэма! Всѣ на части
Тебя, какъ я предвижу, будутъ рвать.
Ну что жъ! — тѣмъ лучше. Пусть клокочутъ страсти:
Все жъ бѣлое не можетъ чернымъ стать;
Но злыя не страшатъ меня напасти:
Пусть буду одинокимъ я стоять,
Пусть тучи надъ главой моей повисли—
За тронъ не измѣню свободѣ мысли!

---

[1]) Carpe diem, quam minimum credula prostero. (т.-е. наслаждайся настоящимъ) Hor.
[2]) Шекспиръ—„Генрихъ IV“.
[3]) „Атлантида“—сатира на высшее общество, соч. миссисъ Манлей.

ПѢСНЬ ДВѢНАДЦАТАЯ.

I.

Изъ среднихъ всѣхъ вѣковъ, сознаться надо,
Что человѣка средніе года—
Эпоха колебаній и разлада—
Всего на свѣтѣ хуже. Мы тогда
Чего хотимъ—не знаемъ и съ досадой
О юности, погибшей безъ слѣда,
Мечтаемъ. Злобный рокъ, насколько могъ онъ,
Насъ измѣнилъ и ужъ сребритъ нашъ локонъ.

II.

Лѣтъ въ тридцать-пять еще не стары мы,
Но съ молодежью намъ нельзя рѣзвиться,
А старость насъ страшитъ, какъ мракъ тюрьмы.
Возможно ль съ этимъ возрастомъ мириться?!
Сознаться надо, сумерки зимы
Ужасны! Слишкомъ поздно, чтобъ жениться;
Другихъ связей не признаемъ ужъ власть,
А къ деньгамъ въ насъ еще не дышетъ страсть.

III.

Скупецъ въ насъ пробуждаетъ сожалѣнье,
А между тѣмъ онъ счастливъ и богатъ
И, обладая якоремъ спасенья,
Изъ рукъ не выпускаетъ тотъ канатъ,
Что̀ можетъ притянуть всѣ наслажденья.
По нищенски скупецъ питаться радъ;
Намъ жаль его, а для него побѣда,
Когда сберегъ онъ корку отъ обѣда.

IV.

Терзаютъ честолюбца много мукъ;
Любовь и пьянство разслабляютъ тѣло;
А страсть къ азартнымъ играмъ даромъ съ рукъ
Намъ никогда не сходитъ; то ли дѣло—
По горсточкамъ класть золото въ сундукъ,
Своей мечтѣ предавшися всецѣло!
О, золото! сравню ли я съ тобой
Бумаги, что̀ такъ падаютъ порой?

V.

Кто разновѣсье міра охраняетъ
И на конгрессахъ властвуетъ одинъ?
Кто въ бой дескамиза̀досъ [1]) направляетъ,
Возстанья взявши на себя починъ?
Кто міръ то въ скорбь, то въ радость повергаетъ,
Надъ биржою царя, какъ властелинъ?
Кто велъ борьбу съ самимъ Наполеономъ?
Жидъ Родшильдъ. Міръ подвластенъ милліонамъ.

VI.

Банкиры—олигархи въ наши дни;
Ихъ капиталы намъ даютъ законы:
То укрѣпляютъ націи они,
То ветхіе расшатываютъ троны;
Республикамъ готовя западни,
Они и имъ тяжелые уроны
Порой наносятъ жадностью своей:
Такъ Перу обобралъ одинъ еврей.

---

[1]) Испанскіе патріоты.

VII.

За что жъ къ скупцу относимся мы строго?
Воздержанность похвальна и въ святомъ,
И въ циникѣ. Отшельниковъ есть много,
Чтò святости украсились вѣнцомъ
За то, что шли такою же дорогой,
Умѣя отказать себѣ во всемъ.
За чтò жъ клеймить скупца? ужъ не за то ли,
Что жертва онъ своей лишь доброй воли?

VIII.

Богатства, восхищающія свѣтъ,
Въ его рукахъ. Хотя скупца причуды
Вамъ странны, все же онъ въ душѣ поэтъ:
Ему лучи дарятъ алмазовъ груды
И слитки золотые, много лѣтъ
Дремавшіе въ землѣ; а изумруды
Его ласкаютъ нѣжностью своей,
Бросая тѣнь на блескъ другихъ камней.

IX.

Владѣніямъ его не видно края!
Ему везутъ богатые дары
Изъ Индіи, Цейлона и Китая;
Ему подвластны цѣлые міры;
Повсюду зрѣетъ жатва золотая
Лишь для него. Онъ задавать пиры
И королямъ бы могъ; но онъ безстрастенъ,
Хоть, какъ монархъ, могучъ и полновластенъ.

X.

Кто знаетъ цѣль его? Быть можетъ, онъ
Создать больницу, храмъ иль школу хочетъ
(Скупого бюстъ тамъ будетъ помѣщенъ,
Чѣмъ за собой безсмертье онъ упрочитъ);
Быть можетъ, онъ мечтою увлеченъ
Страдальцамъ, чтò нужда и горе точатъ,
Тѣмъ золотомъ помочь, а можетъ быть
Лишь міръ сокровищъ хочетъ накопить.

XI.

Покорные поклонники рутины,
Глупцы, на нихъ глядятъ, какъ на больныхъ,
Хоть никакой на это нѣтъ причины.
Скажите, чѣмъ же лучше страсти ихъ?
Пусть гнутъ они свои усердно спины —
Какой же толкъ отъ жалкихъ ихъ интригъ?
Наслѣдники! вопросъ вы не рѣшите ль:
Кто былъ умнѣй — скупецъ иль расточитель?

XII.

На свѣтѣ ничего прелестнѣй нѣтъ
Сверкающихъ червонцевъ высшей пробы;
Невольно насъ чаруетъ блескъ монетъ,
Но для того необходимо, чтобы
На каждой ясно видѣнъ былъ портретъ
Какой-нибудь владѣтельной особы:
Портретъ смѣшонъ, но дòрогъ золотой, —
Съ нимъ лампа Аладина подъ рукой.

XIII.

„*Какъ небо есть любовь, любовь есть небо*“[1]);
„*Въ дворцахъ, дубравахъ, лагеряхъ она*
„*Царитъ*“. Такъ пѣлъ поэтъ, любимецъ Феба;
Но мысль его мнѣ не совсѣмъ ясна.
(Поэзія осталась бы безъ хлѣба,
Когда бы стала ясности вѣрна).
«Дубрава» для любви пріютъ прекрасный,
Но «лагерь» и «дворецъ» ей не подвластны.

XIV.

Не страсть, а злато царствуетъ надъ всѣмъ
И рощу на дрова порой срубаетъ.
Дворецъ бы смолкъ и лагерь сталъ бы нѣмъ—
Исчезни деньги. Мальтусъ научаетъ
Безъ денегъ женъ не брать. Любви Эдемъ, —
И тотъ металлъ презрѣнный созидаетъ.
Не соглашусь съ поэтомъ я никакъ,
Что небо есть любовь; нѣтъ, небо—бракъ!

---

[1]) Стихи Вальтеръ-Скотта въ „Послѣднемъ Трабадурѣ“.

XV.

Законъ святой даетъ намъ только право
На брачную любовь; хотя она
Порой для насъ ужасная отрава,
Лишь ей одной душа внимать должна;
А иначе насъ ждетъ худая слава.
Любовь иная намъ запрещена,
И всякій мужъ почтенный, безъ сомнѣнья,
Усмотритъ въ ней и срамъ, и преступленье.

XVI.

Поэтому «дворецъ» и «лѣсъ густой»,
И «лагерь»—всѣ должны дрожать предъ бракомъ;
И если въ нихъ найдется мужъ такой,
Который до плодовъ запретныхъ лакомъ,
То пѣсть поэта смыслъ утратитъ свой:
Безнравственность ее одѣнетъ мракомъ.
А Джеффри мнѣ благой совѣтъ даетъ:
Уйдя отъ зла, писать, какъ Вальтеръ-Скоттъ.

XVII.

Найду ль успѣхъ? Но мнѣ его не надо!
Я насладиться имъ успѣлъ вполнѣ
Въ томъ возрастѣ, какъ успѣхъ—отрада:
Улыбки онъ дарилъ моей веснѣ;
Съ нимъ я стяжалъ желанныя награды,
И блага тѣ принадлежали мнѣ.
Хоть не одну нанесъ онъ сердцу рану,
Я все же проклинать его не стану.

XVIII.

Иные, недовольные толпой,
Къ суду потомства обращаютъ взоры
(Къ суду, что вѣкъ еще не началъ свой)
И будущихъ судей ждутъ приговоры.
Могу ли раздѣлять я взглядъ такой?
По моему, слабѣе нѣтъ опоры;
Для насъ потомство—это царство тьмы;
Предъ нимъ въ такой же роли будемъ мы.

XIX.

Подумайте, вѣдь, мы—потомство тоже,
А предковъ ста именъ не назовемъ,—
Споткнемся на двадцатомъ; такъ за что же
Потомство, тѣмъ же шествуя путемъ,
Сочтемъ за долгъ къ намъ отнестися строже?
Плутархъ намъ рядъ сказаній о быломъ
Оставилъ; въ нихъ наперечетъ всѣ лица,
А ложью дышетъ каждая страница.

XX.

Теперь серьезенъ буду, видитъ Богъ,
И, выходокъ чуждаясь слишкомъ смѣлыхъ,
Какъ Вильберфосъ и Мальтусъ, буду строгъ.
Нашъ Веллингтонъ рабами сдѣлалъ бѣлыхъ,
Тогда какъ неграмъ Вильберфорсъ помогъ;
Великій мужъ освободить съумѣлъ ихъ.
О Мальтусѣ скажу, что онъ въ дѣлахъ
Далеко не такой, какъ на словахъ.

XXI.

Серьезенъ я, какъ на бумагѣ всѣ мы
Серьезны; что жъ не выступить впередъ,
Когда въ нашъ вѣкъ труднѣйшія проблемы
Рѣшаютъ люди, паръ пуская въ ходъ
И конституцій сложныя системы;
Когда отъ брака отклонять народъ
Стараются философы, въ надеждѣ,
Что нищихъ будетъ менѣе, чѣмъ прежде?

XXII.

Подобный взглядъ возможно ли хвалить?
Намъ всѣмъ присуща «жажда размноженья».
(Конечно, я бы могъ употребить
Весьма легко другое выраженье,
Но я хочу вполнѣ приличнымъ быть).
Итакъ, я осуждаю это мнѣнье:
Не грѣхъ ли охлаждать тотъ жгучій пылъ,
Который намъ присущъ и вѣчно милъ?

XXIII.

Но къ дѣлу я вернуться долженъ снова.
Жуанъ, вращаясь въ избранномъ кругу,
Живетъ въ странѣ, гдѣ для него все ново,
Гдѣ юношей на каждомъ ждутъ шагу
Ловушки, гдѣ не скажутъ даромъ слова;
Звать новичкомъ Жуана не могу,
Но Лондонъ, гдѣ царитъ наружный глянецъ,
Постичь вполнѣ не можетъ иностранецъ.

XXIV.

По климату и признакамъ инымъ
Страну любую могъ бы описать я,
Не насмѣшивъ людей трудомъ моимъ.
Для Англіи лишь дѣлаю изъятье:
О странностяхъ ея путемъ такимъ
Не дашь и приблизительно понятья.
Въ другихъ странахъ и львы, и львицы есть;
Въ звѣринцѣ жъ нашемъ всѣхъ звѣрей не счесть.

XXV.

Но продолжать мнѣ бъ, право, не мѣшало!
Средь свѣтскихъ волнъ Жуанъ искусно плылъ,
Мелей не опасаяся нимало;
Порою шашни въ свѣтѣ заводилъ
Съ кокетками, что̀ пыткою Тантала
Готовы насъ терзать, по мѣрѣ силъ;
Онѣ, хотя невинно строятъ глазки,
Боятся не порока, но огласки.

XXVI.

Но такъ какъ совершенства въ мірѣ нѣтъ,
Порой и согрѣшитъ иная дама,
И всякій разъ приходитъ въ ужасъ свѣтъ;
Заговори ослица Валаама—
Она бъ не натворила столько бѣдъ!
Дѣваться просто некуда отъ гама;
Всѣ кумушки вопятъ: «каковъ скандалъ!
«О, Боже! кто бы это ожидалъ!»

XXVII.

На всѣ затѣи Запада Леила
Бросала равнодушья полный взглядъ
(Она себѣ и здѣсь не измѣнила:
Востокъ невозмутимостью богатъ);
Но свѣтъ глубоко этимъ поразила:
Онъ празденъ и новинкѣ всякой радъ;
И вотъ она, замѣченная свѣтомъ,
Всѣхъ разговоровъ сдѣлалась предметомъ.

XXVIII.

О ней различны были мнѣнья дамъ,—
Онѣ вѣдь любятъ споры и шумливы;
О, дамы! не съ хулой иду я къ вамъ:
Что васъ люблю—замѣтить ужъ могли вы,
Но, признаюсь (какъ видите, я прямъ),
Что иногда вы черезчуръ болтливы.
Вопросъ: какъ дочь Востока воспитать,
Понятно, долженъ бурю былъ поднять.

XXIX.

Онѣ нашли, что всякая пэресса
(Лишь въ томъ единогласью дань платя)
Тѣхъ лѣтъ, когда не страшны шашни бѣса,
Съумѣетъ лучше воспитать дитя,
Чѣмъ юный Донъ-Жуанъ. Легко повѣса,
Жемчужиной любуясь, не шутя
Современемъ увлечься можетъ ею.
Кто въ силахъ съ страстью справиться своею?

XXX.

Засуетился, споря, дамскій кругъ:
Вопросовъ много есть второстепенныхъ,
Которыхъ не рѣшить, конечно, вдругъ.
И вотъ, не мало давъ совѣтовъ цѣнныхъ,
Явились съ предложеніемъ услугъ
Шестнадцать вдовъ и десять дѣвъ почтенныхъ.
(Ихъ всѣхъ къ эпохѣ средневѣковой
Причислить бы историкъ могъ любой.)

XXXI.

Еще два-три затертыя созданья,
Покинутыя жены зрѣлыхъ лѣтъ,
Взялись Леилы кончить воспитанье
И, *въ ходъ ее пуская*, вывезть въ свѣтъ,
Уча ее на раутъ, балъ, собранье
Смотрѣть, какъ на арену для побѣдъ.
При деньгахъ, впрочемъ (этотъ фактъ замѣченъ),
Успѣхъ дѣвицы въ свѣтѣ обезпеченъ.

XXXII.

И франтъ безъ средствъ, и обнищавшій мотъ
Вокругъ невѣсты съ деньгами искусно
Порхаютъ, тьму интригъ пуская въ ходъ,
Чтобъ ихъ не миновалъ кусочекъ вкусный.
(Такъ привлекаетъ мухъ голодныхъ медъ.)
Для этихъ хватовъ всякій способъ гнусный
Хорошъ: будь это ложь, обманъ иль лесть,—
Чтобъ къ барышнѣ богатой въ душу влѣзть.

XXXIII.

Сестрицы, тетки, маменьки, кузины,
Желая имъ помочь, снуютъ окрестъ.
Я далъ знавалъ, что съ хитростью змѣиной
Искали для любовниковъ невѣстъ.
Tantaene! [1])—воспѣвать не безъ причины
Мы можемъ добродѣтель здѣшнихъ мѣстъ,
Гдѣ иногда—такъ всѣхъ бояться надо—
Дѣвица и приданому не рада.

XXXIV.

Иныхъ легко поймать; такія жъ есть,
Что заставляютъ зубы класть на полку
Всѣхъ жениховъ; отказовъ ихъ не счесть!
За это ихъ язвятъ порою колко:
«Зачѣмъ вамъ было съ Фрэдомъ шашни весть?
«Зачѣмъ его всегда сбивали съ толку?
«Казалось, «да» пророчитъ вашъ привѣтъ,
«И вдругъ сегодня говорите: «нѣтъ»!

XXXV.

«Вотъ за любовь достойная награда!
«Онъ самъ богатъ; за что такой отказъ?
«Ему чужого золота не надо;
«О немъ вы пожалѣете не разъ!
«Но впрочемъ это легкая досада,—
«Онъ партію найдетъ приличнѣй васъ;
«Отказъ ему теперь развяжетъ руки;
«Да это все маркизы старой штуки!»

XXXVI.

Военный, пэръ, блестящій дипломатъ —
Всѣ ею оставляются за флагомъ:
Но вѣчный съ жизнью тягостенъ разладъ;
Дорога все несноснѣй съ каждымъ шагомъ;
Приходитъ часъ, когда желанный кладъ
Берется въ плѣнъ искуснымъ свѣтскимъ магомъ;
Вотъ выбранъ мужъ, и недовольныхъ хоръ
Спѣшитъ о нёмъ дать строгій приговоръ.

XXXVII.

Назойливой нахальностью своею
Иные побѣждаютъ господа;
Какъ выигрышъ, что̀ краситъ лотерею,
Богатая невѣста иногда
Тому даётся въ руки, кто за нею
Совсѣмъ и не ухаживалъ. Всегда
Везетъ вдовцамъ лѣтъ сорока и болѣ [2]).
Скажите, бракъ—не лотерея, что ли?

XXXVIII.

Вотъ свѣжій фактъ: правдивъ, но грустенъ онъ;
Я двадцати усерднымъ волокитамъ
Былъ дамою одною предпочтенъ,
Хоть былъ не юнъ и празднымъ сибаритомъ
На свѣтѣ жилъ, мечтой лишь вдохновленъ.
Съ той дамою въ разрывѣ я открытомъ,
Но нахожу, что мой успѣхъ назвавъ
Чудовищнымъ, добрѣйшій свѣтъ былъ правъ.

---

[1]) Tantaene animis coelestibus! „Столько великодушія въ этихъ небесныхъ душахъ“.
[2]) Эта строчка удивитъ болѣе будущихъ комментаторовъ, чѣмъ современниковъ“ (Байронъ).

XXXIX.

Поэму не бросая, отступленья
Простите мнѣ; вѣдь мой кумиръ—мораль,
Что̀ мнѣ необходима, какъ моленье
Предъ трапезой. Мнѣ грѣшныхъ смертныхъ жаль,
И потому даю имъ наставленья,
Какъ тетушка-ханжа, какъ скучный враль,
Какъ проповѣдникъ или менторъ важный,
И мой Пегасъ несется въ бой отважно.

XL.

Однакожъ, поневолѣ я впаду
Въ безнравственность; личину снявъ съ порока,
Я рядъ печальныхъ фактовъ приведу;
Коль почву зла не пропахать глубоко
И ложь людскую не предать суду,
Какая жъ будетъ польза отъ урока?
Покуда жалкій свѣтъ и глухъ, и слѣпъ,
Не упадетъ въ цѣнѣ нечестья хлѣбъ.

XLI.

Сперва найдемъ Леилѣ помѣщенье.
Чиста, какъ лучъ денницы иль какъ снѣгъ,
(Увы! старо послѣднее сравненье)
Была она. Хоть снѣгъ и чистъ, утѣхъ
Намъ мало онъ сулитъ, и наслажденья
Иныхъ людей сравнить бы съ нимъ не грѣхъ.
Жуанъ искалъ для дѣвочки опору,—
Нельзя жъ дитя оставить безъ надзору.

XLII.

Онъ счастливъ былъ, что мысль его нашла
Поддержку: предложеній было много.
У «Общества для упраздненья зла»
Спросивъ совѣтъ, онъ съ лэди Пинчбэкъ строгой
Сошелся, и Леила ей была
Поручена. Чуждъ роли педагога,
Онъ не хотѣлъ за выборъ несть отвѣтъ
И строгій соблюдалъ нейтралитетъ.

XLIII.

Старушка, свято чтившая приличья,
Была честнѣйшихъ правилъ, хоть о ней
Коварный свѣтъ шепталъ... но злоязычья
Я вынесть не могу; что сплетенъ злѣй?
Какъ терпятъ ихъ, не въ силахъ и постичь я;
Онѣ, скотами дѣлая людей,
Являются въ позорной роли жвачки.
Такому злу нельзя давать потачки.

XLIV.

Тѣ дамы, что̀ рѣзвились въ цвѣтѣ лѣтъ
(Я наблюдать всегда любилъ немножко),
Хорошій въ состояньи дать совѣтъ,
При случаѣ окольною дорожкой
Отъ пропасти отвесть и знаютъ свѣтъ;
Тѣ жъ дамы, что̀ знакомы лишь съ обложкой
Житейской книги и страстей чужды́,
Предостеречь не могутъ отъ бѣды.

XLV.

Тогда какъ свѣта злыя недотроги—
Бичи немилосердные страстей
Невѣдомыхъ, хотя желанныхъ—строги
Къ порокамъ и шипятъ не хуже змѣй;
Тѣ, что̀ порой сбивалися съ дороги,
Являться любятъ въ роляхъ добрыхъ фей
И, чуждыя жеманности суровой,
На выручку притти всегда готовы.

XLVI.

Не потому ли дочери тѣхъ дамъ,
Что̀ свѣтъ не по однѣмъ печатнымъ книгамъ
Старались изучать, а, внявъ страстямъ
И имъ служа, по собственнымъ интригамъ,
Пригоднѣе къ супружескимъ цѣпямъ
И менѣе ихъ тяготятся игомъ,
Чѣмъ дочери безчувственныхъ ханжей,
Дивившихъ свѣтъ холодностью своей?

XLVII.

Когда-то лэди Пинчбэкъ уязвляла
Молва, что рада молодость хулить;
Но у злословья притупилось жало
И хоромъ стали всѣ превозносить
И умъ ея, и качества. Не мало
Она добра старалася творить;
Къ тому жъ, была супругою примѣрной
(Съ которыхъ поръ—никто не зналъ навѣрно).

XLVIII.

Въ своемъ кругу любезна и мила,
Она средь высшихъ сферъ держалась чинно;
Къ ошибкамъ снисходительна была.
(Когда же молодежь въ нихъ не повинна?)
Когда бъ ея всѣ добрыя дѣла
Я перечелъ, то черезчуръ ужъ длинной
Поэма вышла бъ. Нѣжности полна,
Съ Леилой стала няньчиться она.

XLIX.

Старушка полюбила и Жуана
За то, что онъ не очерствѣлъ душой,
Хоть жертвою коварства и обмана
Бывалъ не разъ. Увы, гонимъ судьбой,
Превратности ея узналъ онъ рано,
Но не былъ смятъ тяжелою борьбой.
Другой бы, злому року не противясь,
Къ дурнымъ страстямъ давно попалъ на привязь.

L.

Въ дни юности, коль горе сушитъ грудь,
Его считая достояньемъ общимъ,
Миримся съ нимъ. Страданье—къ правдѣ путь;
Въ годахъ же зрѣлыхъ скорбь узнавъ, мы ропщемъ;
Но можно ль мигъ спокойно отдохнуть?
Мы вѣчно тяжкій путь страданья топчемъ
И опытъ—этотъ горькій даръ судьбы—
Лишь плодъ лишеній, горя и борьбы.

LI.

Жуанъ былъ радъ, что дѣло воспитанья
Леилы обезпечено впередъ:
Старушка, обративъ на все вниманье,
Ей передастъ, полна о ней заботъ,
Свои всѣ совершенства и познанья.
Такъ свой корабль лордъ-мэръ передаетъ;
Но есть и поэтичнѣе примѣры:
Передается такъ ладья Цитеры.

LII.

Такимъ путемъ дѣвицамъ цѣлый рядъ
Передается качествъ и талантовъ;
Иныя вальсомъ головы кружатъ;
Бренча, другія корчатъ музыкантовъ;
Однѣ умомъ и граціей блестятъ,
Другія—принимаютъ видъ педантовъ;
Случается и на такихъ напасть,
Что̀ признаютъ однѣхъ истерикъ власть.

LIII.

Но дѣло въ томъ, что всѣ таланты эти
(Такая масса ихъ, что всѣхъ не счесть!)
Всегда одно имѣютъ лишь въ предметѣ—
Ихъ нѣжныхъ обладательницъ привесть
Къ той цѣли, что̀ всѣ барышни на свѣтѣ
Преслѣдуютъ: супруга пріобрѣсть.
Пускай порой ихъ жребій крайне жалокъ,
Скорѣе выйти замужъ—цѣль весталокъ.

LIV.

Теперь свою поэму я начну.
Покажется немножко страннымъ это—
Что долго такъ я свой разсказъ тяну
А не дошелъ до самаго сюжета.
На лирѣ я лишь пробовалъ струну
Хоть мной уже двѣнадцать пѣсенъ спѣто;
Но кончена прелюдія моя:
Теперь начну и увертюру я.

LV.

Пою, но мнѣ успѣхъ совсѣмъ не нуженъ.
Хочу «великій нравственный урокъ»
Преподнести. Я думалъ, что двухъ дюжинъ
Мнѣ грозныхъ пѣсенъ хватитъ, чтобъ порокъ
Склонился въ прахъ, совсѣмъ обезороженъ;
Но я, увы, отъ истины далекъ
Такой размѣръ мнѣ въ полномъ смыслѣ тѣсенъ:
Спою, коль Фебъ позволитъ, до ста пѣсенъ.

LVI.

Вернувшись вновь къ герою моему,
Я «свѣтъ большой» описывать вамъ буду;
Онъ малъ, но на ходуляхъ, потому
Онъ кажется большимъ простому люду,
Который повинуется ему,
Какъ рукояти мечъ. Царя повсюду
И въ рукояти видя образъ свой,
Онъ властвуетъ надъ робкою толпой.

LVII.

Героя моего, безъ исключенья,
Ласкали всѣ; хотя сердечный тонъ
Не подкрѣплялъ такія отношенья,
Жуанъ встрѣчалъ и отъ мужей и женъ
Привѣтъ, радушья полный. Приглашенья
Къ нему, что день, неслись со всѣхъ сторонъ.
Такъ пышный свѣтъ свои утѣхи множитъ,
Что эта жизнь плѣнить на время можетъ.

LVIII.

Холостяку, при средствахъ, въ томъ кругу
Вращаться не легко. Игру, что̀ въ свѣтѣ
Ведутъ, съ «игрой въ гуська» сравнить могу:
У каждаго навѣрно на примѣтѣ
Особый планъ; на всякомъ васъ шагу
Хотя поймать въ раскинутыя сѣти;
Дѣвицы страстно рвутся къ женихамъ,
Межъ тѣмъ ловить мужчинъ—забота дамъ.

LIX.

Нѣтъ правила, конечно, безъ изъятья;
Иныя дѣвы стойче всякихъ стѣнъ,
Но грустный фактъ обязанъ все жъ признать я,
Что большинство забрать насильно въ плѣнъ
Старается мужчинъ, въ свои объятья
Маня съ искусствомъ опытныхъ сиренъ.
Съ одной изъ нихъ, разъ шесть иль семь, не болѣ,
Поговоривъ,—готовьтесь къ брачной долѣ!

LX.

То маменька вамъ объяснить спѣшитъ,
Что дочку вы ея плѣнить съумѣли;
То нѣжный братъ, принявши грозный видъ,
Приходитъ къ вамъ, желая ваши цѣли
Узнать вѣрнѣй; вамъ въ ротъ кладутъ, что стыдъ
Не сдѣлать предложенья; вы бъ хотѣли
Спастись отъ нихъ, бѣжать куда-нибудь,
Но къ отступленью ужъ отрѣзанъ путь.

LXI.

Не разъ такъ налагались цѣпи брака;
Подобныхъ свадьбъ я знаю цѣлый рядъ,
Но храбрецы такіе есть, однако,
Которыхъ, что̀ ни дѣлай, не страшатъ
Ни пройда-мать, ни братецъ-забіака —
И что жъ?—боясь скандала, ихъ щадятъ;
А жертвы, хоть ихъ сердце и разбито,
Товару все, какъ прежде, ищутъ сбыта.

LXII.

Для новичковъ еще опасность есть,
Съ которой имъ приходится считаться;
Я не хочу позорить женщинъ честь,
Что̀ маскою привыкли прикрываться
Невинности; но между ними есть
Амфибіи: вамъ трудно догадаться—
Къ какимъ онѣ принадлежатъ родамъ,—
Къ кокеткамъ, иль къ разряду свѣтскихъ дамъ.

LXIII.

Чужда любви, бездушная кокетка,
Боясь промолвить «нѣтъ», не шепчетъ «да».
Она то рай сулитъ, то шуткой ѣдкой
Терзаетъ васъ. Ея тріумфъ—когда
Разбито ваше сердце. Такъ нерѣдко
Со сцены свѣта сходитъ безъ слѣда
Рядъ Вертеровъ, ей сгубленныхъ до срока.
Такъ что жъ?—за то она чужда порока!

LXIV.

(О, боги, какъ я дѣлаюсь болтливъ!)
Когда жъ, объята страстью роковою,
Свихнется дама, долгу измѣнивъ,—
Здѣсь надъ ея не сжалятся судьбою
И съ гордымъ свѣтомъ ей грозитъ разрывъ.
Въ другихъ странахъ прощаютъ грѣхъ порою,
Но здѣсь проступокъ съ яростью клеймимъ.
Паденье Евы меркнетъ передъ нимъ!

LXV.

Въ странѣ, гдѣ всякихъ низостей такъ много,
Въ странѣ процессовъ, сплетенъ и клеветъ,
Мгновенно поднимается тревога,
Когда хоть что-нибудь замѣтитъ свѣтъ.
Малѣйшій грѣхъ преслѣдуется строго,
И вотъ, чтобъ переполнить чашу бѣдъ,
Пускаютъ въ ходъ процессъ, что̀ ваши нравы
Чернитъ, служа читателямъ забавой.

LXVI.

Кто опытенъ, тому въ такой капканъ
Нельзя попасть, и все жъ грѣшкамъ нѣтъ счета!
Но вѣчно лицемѣрье и обманъ
Спасаютъ грѣшницъ высшаго полета;
Судьбою имъ завидный жребій данъ:
Онѣ царятъ, и въ томъ ихъ вся забота,
Чтобъ скрыть концы; какой печальный фактъ:
Имъ добродѣтель замѣняетъ тактъ.

LXVII.

Любви святой лишь чары признавая,
Себя легко Жуанъ могъ уберечь
Отъ пыла чувствъ поддѣльныхъ. Не желая
Насмѣшкой на себя вашъ гнѣвъ навлечь,
Все жъ не скрываю язвъ родного края,
Гдѣ столько бѣлыхъ скалъ и бѣлыхъ плечъ,
Чулковъ и глазокъ синихъ, шашней разныхъ,
Процессовъ и налоговъ безобразныхъ.

LXVIII.

Покинувъ знойный край сердечныхъ грозъ,
Гдѣ за измѣну часто ждетъ могила,
А не процессъ, исполненный угрозъ,
Жуанъ попалъ въ страну, гдѣ въ деньгахъ сила,
Гдѣ увлеченье—модный лишь вопросъ,
И потому въ немъ тихо сердце стыло;
Къ тому жъ, на первый взглядъ (о стыдъ и срамъ!)
Онъ не былъ пораженъ красою дамъ.

LXIX.

Здѣсь тороплюся сдѣлать заявленье,
Что я сказалъ: «на первый только взглядъ».
Впослѣдствіи перемѣнилъ онъ мнѣнье
И въ Англіи нашелъ красавицъ рядъ;
Выходитъ, что поспѣшныя сужденья
Порою противъ истины грѣшатъ,
Доказывая общества готовность
Закономъ вкуса признавать условность.

LXX.

Я не видалъ ни африканскихъ рѣкъ,
Ни Томбукту, что̀ для Европы диво,
Хоть странствовалъ не мало цѣлый вѣкъ.
(Тѣхъ странъ не знаемъ мы; какъ волъ, лѣниво
Въ глубь Африки плетется человѣкъ);
Но если бъ я попалъ въ тотъ край счастливый,
Сказали бы мнѣ тамъ, сомнѣнья нѣтъ,
Что цвѣтъ красы—безспорно черный цвѣтъ.

LXXI.

Я на вѣтеръ бросать не стану зеренъ
И утверждать, что черное бѣло;
Но дѣло въ томъ, что цвѣтъ-то бѣлый черенъ.
Слѣпецъ рѣшитъ нашъ споръ. Склонивъ чело,
Сознаетесь, что взглядъ такой не вздоренъ:
Не вѣдая о томъ, что днемъ свѣтло,
Слѣпецъ знакомъ съ однимъ лишь чернымъ цвѣтомъ,
А вы и тусклый лучъ зовете свѣтомъ.

LXXII.

Но бредни метафизики сходны
Съ лекарствами, что слабаго больного
Отъ злой чахотки вылечить должны;
А потому оставлю ихъ и снова
Къ жемчужинамъ родимой стороны
Я обращу привѣтливое слово.
Онѣ блестятъ, какъ солнце, но, притомъ,
По холоду, сходны съ полярнымъ льдомъ.

LXXIII.

Еще могу подобье имъ прибрать я:
Съ сиренами—полрыбами—ихъ всѣхъ
Сравнить бы надо. Хладны ихъ объятья,
И если даже ими правитъ грѣхъ,
То это лишь изъ правила изъятье
(Такъ русскіе изъ бани лѣзутъ въ снѣгъ);
Онѣ всегда раскаяться готовы,
На днѣ души клеймя грѣха оковы.

LXXIV.

По виду—чувствъ британки не узнать;
Она строга, и для нея отрада
Достоинства свои отъ глазъ скрывать,
Поклонниковъ щадя, какъ думать надо.
Она не штурмомъ сердце хочетъ брать,
А исподволь къ нему прокрасться рада;
Но, кладомъ завладѣвъ, что дорогъ ей,
Съ добычей не разстанется своей.

LXXV.

Съ ней поступью сравнится ль дочь Гренады,
Когда она идетъ молиться въ храмъ,
Иль аравійскій конь? Носить наряды
Съ изящной простотой французскихъ дамъ
Возможно ль ей? Не жгутъ британки взгляды;
Ей не пропѣть бравурныхъ арій вамъ.
(Въ семь лѣтъ со мной сдружиться не могли вы,
Италіи бравурные мотивы!)

LXXVI.

Ей многаго того недостаетъ,
Что́ привлекаетъ общее вниманье;
Она улыбкамъ ходу не даетъ
И ужъ навѣрно въ первое свиданье
Интригу до конца не доведетъ.
Надъ нею верхъ лишь время да старанья
Берутъ. За то обильные плоды —
Впослѣдствіи награда за труды.

LXXVII.

Дѣйствительно, ее сдержать нѣтъ средства,
Когда въ ней страсть кипитъ; почти всегда
Ея любовь—капризъ, мечта, кокетство;
Минутный пылъ, что̀ создаетъ вражда
Къ соперницѣ; привычка съ малолѣтства
Игрушкой забавляться; но когда
Въ ней вспыхнетъ страсть могучимъ ураганомъ,
Предѣловъ нѣтъ ея порывамъ рьянымъ.

LXXVIII.

Понятно это: свѣтскій приговоръ
Богинь за грѣхъ преобразуетъ въ парій.
(Вѣдь свѣтъ-то самъ бѣлѣе, чѣмъ фарфоръ!)
Къ тому же, грязь газетныхъ комментарій
Усугубляетъ тяжкій ихъ позоръ.
Такъ выгнанъ былъ изъ Карѳагена Марій.
Здѣсь женщинъ честь—такой же Карѳагенъ,
Что̀ возсоздать не могъ упавшихъ стѣнъ.

LXXIX.

Вполнѣ неправы праведники свѣта,
Пуская въ ходъ карающій законъ,
Когда Господь, не признавая это,
Сказалъ блудницѣ: «Грѣхъ тебѣ прощенъ!»
Въ другихъ странахъ съ улыбкою привѣта
Встрѣчаетъ свѣтъ раскаявшихся женъ,
И, по моимъ понятьямъ, преступленье —
Отрѣзывать для грѣшницъ путь спасенья.

LXXX.

Какъ строгъ бы ни былъ праведный юристъ,
Насильственно нельзя исправить нравы;
Лишь съ виду будетъ свѣтъ душою чистъ;
Порока разновидныя отравы
Не въ силахъ уничтожить скорбный листъ
Казненныхъ жертвъ. Нѣтъ, палачи неправы,
Отчаянье вселяя въ душу тѣхъ,
Что искупить могли бъ случайный грѣхъ!

LXXXI.

Но не было Жуану вовсе дѣла
До нравственныхъ уроковъ, и притомъ
Толпа красивыхъ лэди не съумѣла
Разжечь любви отрадный пламень въ немъ;
Его немного сердце очерствѣло;
Онъ утомленъ былъ пройденнымъ путемъ
И, не забывъ утѣхъ былого счастья,
Чуждался упоеній сладострастья.

LXXXII.

Къ тому жъ, не мало видѣлъ онъ вещей,
Что приковали все его вниманье;
Въ парламентѣ провелъ онъ рядъ ночей,
Внимая преньямъ бурнаго собранья,
(Когда-то сила пламенныхъ рѣчей
Европу приводила въ содроганье).
Но онъ свѣтилъ палаты не видалъ:
Въ гробу былъ Питтъ, а Грэй еще молчалъ.

LXXXIII.

Однажды тамъ онъ чудною картиной
Былъ поражонъ: король, на тронъ садясь,
Предсталъ во всемъ величьи властелина [1]);
Священно и для сердца и для глазъ
То зрѣлище; но этому причина
Не блескъ его, красой дивящій насъ;
Причина та, что, чуждо лицемѣрья,
Его плодитъ народное довѣрье.

LXXXIV.

Въ парламентѣ встрѣчался онъ порой
И съ юнымъ принцемъ, въ полномъ смыслѣ сходнымъ
Съ богатою надеждами весной.
Платя лишь дань порывамъ благороднымъ
(То было прежде!), юный принцъ, собой
Чаруя всѣхъ, кумиромъ былъ народнымъ;
Притомъ, сердца всѣ забирая въ плѣнъ,
Онъ съ ногъ до головы былъ джентельмэнъ.

LXXXV.

Жуанъ какъ свой былъ принятъ высшимъ кругомъ;
Вездѣ встрѣчалъ онъ ласку и привѣтъ;
Всѣ обращались съ нимъ какъ съ добрымъ другомъ;
Талантами обворожилъ онъ свѣтъ,
Что всѣхъ цѣнить умѣетъ по заслугамъ.
Понятно, что, обласканъ и пригрѣтъ,
Жуанъ подвергся искушеньямъ разнымъ,
Хоть поддаваться не хотѣлъ соблазнамъ.

LXXXVI.

Но нàскоро поговорить о нихъ
Не въ силахъ я. Моральные уроки
Давая всѣмъ, читателей своихъ
Заставлю лить я горькихъ слезъ потоки.
Ихъ потрясетъ дышàщій скорбью стихъ:
Я памятникъ воздвигну ей высокій,
Какъ тотъ, что Александръ возвесть хотѣлъ
Чтобъ обезсмертить славу громкихъ дѣлъ [2]).

---

[1]) Это происходило въ концѣ сессіи. Октава LXXXIII смягчена въ переводѣ.
[2]) Александръ Македонскій хотѣлъ превратить Аѳонскую гору въ статую.

LXXXVII.

Двѣнадцатую пѣсню предисловья
Кончаю здѣсь. Самой поэмы планъ
Почти готовъ. Я уличу злословье,
Васъ введшее насчетъ ея въ обманъ,
Хоть не могу поставить, какъ условье,
Чтобъ вы прочли правдивый мой романъ.
Искать презрѣнья мощный умъ не станетъ,
Но на него всегда безъ страха взглянетъ.

LXXXVIII.

Хоть не всегда пороки я громилъ,
Но сколько ужъ раскинулъ передъ вами
Картинъ ужасныхъ! Съ вами въ бурю плылъ
И васъ знакомилъ съ грозными боями.
Ростовщику и то бъ я угодилъ!
Но впереди все лучшее: стихами
Созвѣздья опишу я, и потомъ
Васъ приведу въ восторгъ, какъ агрономъ.

LXXXIX.

Такъ сдѣлаю я публикѣ въ угоду, —
Она въ нашъ вѣкъ иныхъ не любитъ темъ;
Не дурно бъ указать, притомъ, народу,
Какъ чрезъ преграды, сгнившія совсѣмъ,
Ему пройти, чтобъ пріобрѣсть свободу.
Мой планъ – секретъ, но угожу я всѣмъ,
А вы читайте мудрые трактаты
О томъ, какъ сократить долги и траты.

ПѢСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ.

I.

Преступенъ смѣхъ! твердитъ нашъ вѣкъ серьезный
И шутокъ надъ порокомъ даже онъ
Не переноситъ, ихъ бичуя грозно;
Поэтому приму я важный тонъ
(Исправиться вѣдь никогда не поздно);
Хочу признать серьезность, какъ законъ,
И храмъ напомнятъ вамъ мои октавы—
Разрушенный, но все же величавый.

II.

Милэди Амондвиль была знатна
И древностью могла гордиться рода
(Ихъ родъ извѣстенъ былъ въ тѣ времена,
Когда норманны дѣлали походы).
Красавицей считалася она
Въ странѣ, гдѣ красота—законъ природы.
(Здѣсь каждый патріотъ увѣренъ въ томъ,
Что совершенна Англія во всемъ).

III.

Пусть будетъ такъ; считаю споръ напраснымъ;
Предъ красотой склоняется весь свѣтъ;
Предъ нею наблюдателемъ безстрастнымъ,
Конечно, оставаться средства нѣтъ;
Прекрасный полъ останется прекраснымъ,
И вѣрить мы должны до зрѣлыхъ лѣтъ—
О, дочери плѣнительныя Евы!—
Что красотою свѣтъ дивите всѣ вы!

IV.

Но жизнь течетъ; доживъ до грустныхъ дней,
Когда въ насъ нѣтъ ужъ прежняго задора,
И равнодушье гаситъ пылъ страстей,
Не отдаемъ мы сердца безъ разбора
И разсуждаемъ, дѣлаясь умнѣй.
Но все жъ нельзя съ годами вынесть спора:
Они на насъ кладутъ свою печать
И молодежи надо мѣсто дать.

V.

Есть люди, принимающіе мѣры,
Чтобъ скрыть отъ всѣхъ гнетущій ихъ разладъ;
Но ихъ желанья—жалкія химеры:
Дни юности нельзя вернуть назадъ;
Но можно орошать струей мадеры
Сухую степь, гдѣ гаснетъ нашъ закатъ;
Есть также и другія утѣшенья:
Парламентъ, сходки, выборы и пренья.

VI.

Религія, налоги, миръ, война
Занять собою могутъ наше время;
Порою (страсть къ отличіямъ сильна!)
Честолюбивыхъ думъ насъ давитъ бремя.
Да, наконецъ, намъ ненависть дана;
Когда ея запало въ душу сѣмя,
Лишь ей одною дышетъ человѣкъ;
Онъ любитъ мигъ, а ненавидитъ вѣкъ.

VII.

«Люблю лишь тѣхъ, что̀ ненавидятъ смѣло!»
Такъ Джонсонъ, критикъ грубый, но прямой,
Служенью правдѣ преданный всецѣло,
Открыто говорилъ въ сатирѣ злой.
Шутилъ ли онъ—мнѣ до того нѣтъ дѣла;
Я не актеръ, а зритель лишь простой,
Такой же, какъ у Гёте Мефистофель:
Увидѣвъ ликъ, желаю зрѣть и профиль.

VIII.

И пылъ любви, и ненависти ядъ
Въ моей душѣ изгладились съ годами;
Смѣюся я, но правдой смѣхъ богатъ;
Къ тому жъ съ моими свыкся онъ стихами.
Въ бѣдѣ помочь я былъ бы людямъ радъ,
Хотѣлъ бы зло искоренить словами,
Но какъ такой ошибоченъ разсчетъ—
Намъ доказалъ безсмертный Донъ-Кихотъ...

IX.

Печальнѣе романа нѣтъ на свѣтѣ,
Тѣмъ болѣе, что онъ толпу смѣшитъ;
Герой его имѣетъ лишь въ предметѣ
Борьбу со зломъ; пороки онъ клеймитъ
И хочетъ, чтобы сильный былъ въ отвѣтѣ,
Когда неправъ. Безуменъ лишь на видъ
Другъ чести, Донъ-Кихотъ! Грустнѣй морали
Той эпопеи сыщемъ мы едва ли.

X.

Карать несправедливость; слабыхъ женъ
Поддерживать; спасать отъ угнетенья
Народы, признавая, какъ законъ,
Лишь правду—вотъ высокія стремленья!
Ужели доблесть—только свѣтлый сонъ,
На дѣлѣ жъ—миѳъ иль свѣтлое видѣнье
Изъ царства грезъ? Ужель Сократъ—и тотъ
Лишь мудрости злосчастный Донъ-Кихотъ!

XI.

Духъ рыцарства сатира Сервантеса
Въ Испаніи сгубила. Ѣдкій смѣхъ
Направилъ бѣдный край на путь прогресса,
Но въ немъ—увы!—героевъ вывелъ всѣхъ.
Какъ только романтизмъ лишился вѣса,
Исчезла доблесть. Дорого успѣхъ
Писателя его отчизнѣ стоилъ:
Насмѣшкою онъ жизнь ея разстроилъ.

XII.

Опять призналъ я отступленій власть;
Однакожъ вновь займусь той милой дамой,
Съ которою пришлось Жуану пасть.
Не удалося имъ спастись отъ ямы,
Что вырыли для нихъ судьба и страсть.
(Судьбу жестокосердую всегда мы
Винимъ во всемъ: всесильна вѣдь она).
Я не Эдипъ, но съ сфинксомъ жизнь сходна!

XIII.

Скрывая фактовъ тайныя причины,
Я за разсказъ примуся—«Davus sum» [1]).
Склонялись всѣ предъ лэди Аделиной;
Превознося ея красу и умъ,
Къ ней съ льстивыми рѣчами шли мужчины;
А женщины, полны тревожныхъ думъ,
Нѣмѣли передъ ней. Явленье это,
Конечно, рѣдкость въ лѣтописяхъ свѣта.

XIV.

Злословье прикусило язычекъ:
Она была примѣрною женою;
Супругъ ея, невозмутимъ и строгъ,
Доволенъ былъ и ею, и собою;
Онъ важенъ былъ и холоденъ, но могъ,
Разгорячившись, дѣйствовать съ душою;
Обоихъ свѣтъ лелѣялъ и ласкалъ
И не жалѣлъ для нихъ своихъ похвалъ.

XV.

Жуана съ лордомъ сблизили сношенья
Служебныя. Съ нимъ видясь, какъ съ посломъ,
Надменный лордъ, не знавшій увлеченья,
Былъ восхищенъ талантами, умомъ
И ловкостью Жуана. Уваженье
Къ искусному послу вселилось въ немъ;
Затѣмъ пріязнью это чувство стало.
Не разъ пріязнь намъ дружбу замѣняла).

XVI.

Надменъ былъ и крайне сдержанъ лордъ;
Въ него съ трудомъ вселялось убѣжденье;
Но, взглядъ себѣ составивъ, онъ былъ твердъ.
И для него былъ вовсе безъ значенья
Вердиктъ молвы общественной. Кто гордъ,
Тотъ никогда не измѣняетъ мнѣнья
И, повинуясь взгляду своему,
Въ любви и злобѣ вѣренъ лишь ему.

XVII.

Въ сужденіяхъ излишнюю поспѣшность
Лордъ Генри гналъ, и потому въ обманъ
Его ввести была безсильна внѣшность;
Незыблемъ въ мнѣньяхъ, какъ законъ мидянъ,
Онъ въ собственную вѣрилъ непогрѣшность
И ставилъ произволъ на первый планъ;
Припадковъ лихорадочныхъ пристрастья
Не вѣдалъ онъ, даря свое участье.

XVIII.

«*Семпроній! намъ судьба даритъ успѣхъ,*
«*Но ты схитри: не будь его достоинъ*»! [2])
И удивишь своей удачей всѣхъ;
Терпи и унижайся; будь спокоенъ;
Лови моментъ и не считай за грѣхъ
Предъ силой отступать. Кто жъ въ полѣ воинъ,
Когда одинъ? О совѣсти забудь;
Ей выправкой укажешь правый путь!

XIX.

Первенствовать лордъ Генри, безъ сомнѣнья,
Любилъ; да кто жъ бѣжитъ отъ льстивыхъ словъ?
Тѣ даже, чье ничтожно положенье,
Стараются найти себѣ льстецовъ;
Гнетъ гордости тяжелъ въ уединеньи,
И потому гордецъ всегда готовъ
Имъ подавлять, среди кантатъ побѣдныхъ,
Верхомъ катаясь, пѣшеходовъ бѣдныхъ.

XX.

Какъ лордъ, богатъ и знатенъ былъ Жуанъ
И съ нимъ былъ равенъ саномъ и чинами;
Но лордъ считалъ славнѣйшею изъ странъ
Британію, гордясь ея правами;
Кто жъ въ мірѣ былъ свободнѣй англичанъ?
Къ тому жъ онъ старше былъ его годами
И славился пространностью рѣчей.
(Парламентъ оставлялъ онъ всѣхъ позднѣй).

---

[1]) Davus sum, non Oedipus.—Ter.

[2]) Пародія изреченія Катона: „Смертные не располагаютъ успѣхомъ; но мы, Семпроній, сдѣлаемъ лучше: мы его заслужимъ!“

XXI.

Гордился лордъ и тѣмъ, что зналъ не мало
Интригъ придворныхъ (онъ министромъ былъ);
Съ дворцовыхъ тайнъ срывая покрывало,
О нихъ распространяться онъ любилъ
И думалъ, что ничто не ускользало
Отъ зоркости его; трудовъ и силъ
Онъ не жалѣлъ, чтобъ родинѣ оплотомъ
Служить, и былъ горячимъ патріотомъ.

XXII.

Его плѣнилъ серьезностью своей
Любезный Донъ-Жуанъ; въ пустые споры
Онъ не вступалъ, касаясь мелочей,—
И съ знаньемъ дѣла велъ переговоры
Безъ рѣзкостей. Лордъ Генри зналъ людей
И юность не лишалъ своей опоры
За промахи, не видя въ этомъ бѣдъ.
Созрѣетъ хлѣбъ—глядишь—и плевелъ нѣтъ.

XXIII.

Они вели бесѣды межъ собою
О тѣхъ странахъ, гдѣ безъ контроля власть
И гдѣ рабы покорною толпою
Всегда готовы въ прахъ предъ нею пасть;
О скачкахъ рѣчь они вели порою;
Къ ѣздѣ верхомъ питалъ лордъ Генри страсть:
Жуанъ же управлялъ конемъ такъ смѣло,
Какъ деспотъ, что съ рабомъ имѣетъ дѣло.

XXIV.

Они встрѣчались всюду; съ каждымъ днемъ
Ихъ дружба все росла. Усвоивъ взгляды
И тонъ большого свѣта, моднымъ львомъ
Сталъ Донъ-Жуанъ; всѣ были видѣть рады
Посла, что̀ красотою и умомъ
Всѣ головы кружилъ. Сознаться надо,
Что всякій могъ вельможу въ немъ признать,
И потому къ Жуану льнула знать.

XXV.

Близъ площади Трехъ Звѣздъ... Я изъ приличья
Не назову той улицы, боясь
Присущаго всѣмъ людямъ злоязычья;
А то, пожалуй, къ сплетникамъ какъ разъ
Меня причтутъ, не дѣлая различья
Межъ фикціей и правдой. Мой разсказъ
Любовныхъ тайнъ коснется, и нарочно
Я лорда Генри не далъ адресъ точно.

XXVI.

Еще причина есть не называть
Той улицы: безъ крупнаго скандала
Сезонъ проходитъ рѣдкій; наша знать
Семейныхъ драмъ ужъ видѣла не мало.
Случайно скверъ могу я указать,
Гдѣ приключился грѣхъ, злословья жало
Какъ будто въ ходъ пуская. Чтобъ ничѣмъ
Не заслужить хулы—останусь нѣмъ.

XXVII.

На Пикадилли, не прибѣгнувъ къ лести,
Я могъ бы указать. Невинность тамъ
Царитъ; но умолчу объ этомъ мѣстѣ.
(Причинъ на то не сообщу я вамъ.)
Когда бъ я уголъ зналъ, гдѣ можно бъ Вестѣ
Воздвигнуть, чтя невинность, свѣтлый храмъ,—
Конечно, я бъ не скрылъ его отъ свѣта;
Но самъ не знаю я, гдѣ мѣсто это.

XXVIII.

Итакъ скажу, что лорда Генри домъ
Собою красилъ площадь «Безъ названья».
Жуанъ, какъ другъ, всегда былъ принятъ въ немъ.
Въ томъ кругѣ обращаютъ лишь вниманье
На знатность и богатство. Кто притомъ
Взлелѣянъ модой—свѣтскаго собранья
Всегда кумиръ. Тамъ рѣдкій гость—талантъ,
И первенствуетъ всюду модный франтъ.

XXIX.

Премудрый Соломонъ сказалъ когда-то,
Что тѣмъ дѣла успѣшнѣе идутъ,
Чѣмъ болѣе совѣтниковъ. Палата
Прямой примѣръ того, а также судъ.
Не оттого ли Англія богата,
Не оттого ль всѣ блага къ ней текутъ
И счастлива она, что безъ стѣсненья
Въ ней царствуетъ общественное мнѣнье?

XXX.

Полезно многолюдство и для дамъ;
Когда слѣдятъ за женщиною строго,
Ей страшенъ грѣхъ, и выборъ труденъ тамъ,
Гдѣ на лицо поклонниковъ есть много.
Съ опаскою несется по волнамъ
Пловецъ, когда невѣдомой дорогой
На скрытый рифъ наткнуться можетъ онъ;
Вздыхателей толпа—охрана женъ.

XXXI.

Но добродѣтель лэди Аделины
Въ такомъ щитѣ нуждаться не могла;
Опасность представляютъ ли мужчины
Для дамы твердыхъ правилъ? Козней зла
Бояться ей, конечно, нѣтъ причины;
Пустая лесть и жалкая хвала
Для гордой лэди были безъ значенья:
Ужъ ей давно прискучили хваленья.

XXXII.

Ея привѣтъ былъ холодно учтивъ:
Даря инымъ, порой, свое вниманье,
Ей чуждъ былъ сердца пламенный порывъ,
И видъ ея, средь пышнаго собранья,
Всегда былъ величавъ и горделивъ.
Ея привѣтъ былъ лестное признанье
Какихъ-нибудь заслугъ, но въ немъ, увы!
Искать души напрасно стали бъ вы.

XXXIII.

Какъ слава тяжела! Одни мученья—
Удѣлъ молвой прославленныхъ людей;
Что слава имъ приноситъ?—лишь гоненья!
Они вкушаютъ ядъ, сроднившись съ ней;
Взгляните и на тѣхъ, что̀ исключенье
Изъ правила: средь солнечныхъ лучей,
Которые ихъ обливаютъ свѣтомъ,
Увидите вы тучи въ блескѣ этомъ.

XXXIV.

Была еще особенность одна,
Сроднившаяся съ нравомъ Аделины:
Равно скрывать имѣла даръ она
И радость торжества, и гнетъ кручины
(Въ безстрастіи порядочность видна).
Такъ держатся въ Китаѣ мандарины,
Не удивляясь ничему. Примѣръ
Берутъ не съ нихъ ли люди высшихъ сферъ?

XXXV.

Признавъ «nil admirari» тайной счастья,
На тотъ же путь Горацій насъ ведетъ.
(Увы! артистамъ чуждо безпристрастье
И разны мнѣнья ихъ на этотъ счетъ.)
Опасно выражать свое участье,—
И сдержанность, порой, прямой разсчетъ:
Къ тому же «свѣтъ» твердитъ, исполненъ чванства,
Что энтузьязмъ—лишь нравственное пьянство.

XXXVI.

Но холодъ лэди былъ лишь напускной:
Такъ иногда (избитое сравненье!)
Подъ снѣгомъ лава огненной струей
Проносится. (Волкана изверженье
Воспѣто ужъ въ поэмѣ не одной,
И мнѣ всегда противны повторенья).
Волканъ, мнѣ жаль тебя! Твой вѣчный дымъ,
Встрѣчаяся въ стихахъ, невыносимъ!

XXXVII.

Старинное сравненіе отбросьте;
Другое есть и лучше, и новѣй:
Шампанскаго бутылку заморозьте,
И вы найдете *вымороэки* въ ней;
Вкушая ихъ, въ восторгъ приходятъ гости:
Напитка нѣтъ пріятнѣй и цѣннѣй;
Клокочетъ онъ подъ ледяной корою,
Сверкая искрометною струею.

XXXVIII.

Тѣ капли—квинтъ-эссенція вина
Искусно замороженной бутылки.
Такъ иногда лишь съ виду холодна
Красавица, ея же чувства пылки;
Подъ маскою скрываетъ ихъ она,
И ледъ играетъ только роль настилки.
Кто раздробить съумѣетъ этотъ ледъ,
Тотъ драгоцѣнный кладъ подъ нимъ найдетъ.

XXXIX.

Однакожъ не легко сквозь эти льдины
Найти проходъ, чтобъ въ душу заглянуть.
Обманчивы опасныя пучины;
Носясь по нимъ, не трудно утонуть!
Ввѣряться имъ, конечно, нѣтъ причины.
Такъ, къ полюсу отыскивая путь,
Ужъ не одинъ корабль терпѣлъ крушенье;
Средь вѣчныхъ льдовъ возможно ли спасенье!

XL.

Лишь въ юности легко крейсировать
По океану страсти; скрыться надо
Въ надежный портъ, когда на васъ печать
Кладетъ сѣдое время; хуже яда
Fuimus дней промчавшихся спрягать,
Когда въ быломъ лишь теплится отрада,
Когда подагра скоро скоситъ васъ,
Наслѣдникамъ даря блаженства часъ.

XLI.

Но небу нужны тоже развлеченья;
Что жъ дѣлать, если тягостенъ ихъ гнетъ!
Людская жизнь все жъ стоитъ изреченья,
Что «къ лучшему на свѣтѣ все идетъ».
Доктрина персовъ — странное ученье
О двухъ началахъ жизни—не даетъ
Намъ на вопросы жгучіе отвѣта;
Но не темнѣй другихъ доктрина эта.

XLII.

Прошла зима; прощаемся мы съ ней
Въ іюлѣ, чтобъ къ ней въ августѣ вернуться.
То время—сущій рай для почтарей.
Въ свои помѣстья всѣ тогда несутся,
Почтовыхъ не жалѣя лошадей.
Вѣдь люди о себѣ однихъ пекутся.
(Отцы, порой, жалѣютъ и сынковъ,
Но если нѣтъ у нихъ большихъ долговъ.)

XLIII.

Въ іюлѣ—иногда еще позднѣе —
Конецъ условной лондонской зимы;
Клянусь, я правъ! барометра вѣрнѣе,
Чѣмъ сессіи палатъ, не знаемъ мы,
Пусть радикалъ, отъ злости пламенѣя,
Парламентъ называетъ царствомъ тьмы
И о его плачевной долѣ тужитъ, —
Онъ все жъ намъ Альманахомъ лучшимъ служитъ.

XLIV.

Во всѣ концы, лишь кончится сезонъ,
Летятъ фургоны, кэбы и кареты;
Густая пыль летитъ со всѣхъ сторонъ;
Не рыщутъ львы, по модѣ разодѣты,
На Роттенъ-Ро: отъѣздъ для всѣхъ законъ;
Купцы снуютъ, надеждою согрѣты
По счетамъ получить; но въ этотъ мигъ
Длиннѣе длинныхъ счетовъ лица ихъ.

XLV.

Платить долги намъ вовсе нѣтъ охоты
И къ чорту отсылаютъ торгашей,
А вмѣстѣ съ ними дутые ихъ счеты.
Безъ денегъ, въ ожиданьи лучшихъ дней,
Приходится имъ посвящать заботы
Дисконту долгосрочныхъ векселей.
Одно ихъ утѣшаетъ въ этомъ горѣ,
Что длинные ихъ счеты съ правдой въ ссорѣ.

XLVI.

«Впередъ, впередъ! давайте лошадей!»
Всѣ, суетясь, спѣшатъ въ свои усадьбы,
И лошади мѣняются быстрѣй,
Чѣмъ пламенныя чувства послѣ свадьбы.
Всѣхъ щедро награждаютъ почтарей,
Издержекъ не жалѣя,—только гнать бы
Во весь опоръ, несясь стрѣлой впередъ,
Что̀ для возницъ и конюховъ доходъ.

XLVII.

Подачки баръ ихъ оживляютъ лики;
Въ дормёзѣ ѣдетъ лордъ съ своей женой,
А сзади камердинеръ—плутъ великій —
Съ служанкою, вострушкой продувной,
Сидятъ. «Così viaggino i ricchi!»
Слова я иностранныя порой
Пускаю въ ходъ, чтобъ публика узнала,
Что въ жизни я постранствовалъ не мало.

XLVIII.

Кончалася столичная зима,
И вмѣстѣ съ ней ужъ проходило лѣто;
Скажите—развѣ городъ не тюрьма,
Когда природа пышно разодѣта?
Пустымъ рѣчамъ, безъ проблесковъ ума,
Легко ль внимать и несться въ вихрѣ свѣта,
Тогда какъ соловей въ саду поетъ?
(Но лорды не спѣшатъ: вѣдь нѣтъ охотъ

XLIX.

До осени.) Простите отступленье.
Опять вернусь къ разсказу. Высшій свѣтъ
Отправился искать уединенья,
Слугъ тридцать взявъ съ собою и въ обѣдъ
Гостей сзывая столько жъ. Приглашенья
Мы щедро разсылаемъ; спора нѣтъ,
Что радуютъ насъ гости, но не очень
Ихъ качествомъ британецъ озабоченъ.

L.

Лордъ Амондвиль былъ знатенъ и богатъ;
Въ свой зàмокъ родовой, согласно съ модой,
Уѣхалъ онъ. Тамъ предковъ длинный рядъ
Напоминалъ, что древняго онъ рода;
Вблизи отъ тѣхъ готическихъ палатъ
Дубовый лѣсъ, что̀ пощадили годы,
Стоялъ какъ славы памятникъ нѣмой:
Въ немъ каждый дубъ надгробной былъ плитой.

LI.

Отъѣздъ вельможи занялъ всѣ газеты;
Вотъ современной славы жалкій плодъ,
Что̀ быстро поглощаютъ волны Леты;
О насъ трубятъ, а насъ забвенье ждетъ!
Самъ «Morning Post», кумиръ большого свѣта,
О фактѣ томъ подробный далъ отчетъ.
«Лордъ Амондвиль»—гласило такъ извѣстье—
«Уѣхалъ съ лэди А. въ свое помѣстье.

LII.

«Обширный кругъ знакомыхъ и друзей
«Почтенный лордъ созвалъ въ свое имѣнье
«И въ пышной резиденціи своей
«Всю осень проведетъ. Ужъ приглашенья
«Разосланы. Въ числѣ другихъ гостей, —
«Охотничьи дѣля увеселенья, —
«Тамъ будетъ герцогъ Д. На весь сезонъ
«Посланникъ русскій также приглашенъ».

LIII.

Въ извѣстья «Morning Post'a» вѣрить твердо,
Какъ въ догматъ англиканскій, мы должны;
Итакъ, Жуанъ въ роскошномъ замкѣ лорда,
Плѣняя всѣхъ, пробудетъ до весны,
Средь свѣтской знати, чопорной и гордой.
Не странно ль, что въ тяжелый годъ войны
Газеты объ обѣдахъ толковали
Пространнѣй, чѣмъ о тѣхъ, что въ битвахъ пали?

LIV.

Вотъ вамъ примѣръ: «Въ четвергъ большой обѣдъ
Давалъ графъ Х.» Затѣмъ на полстраницѣ
(Вѣдь всѣхъ интересуетъ высшій свѣтъ!)
Перечтены всѣ бывшія тамъ лица.
А ниже—точно намъ и дѣла нѣтъ
До тѣхъ, что не находятся въ столицѣ—
Лишь въ двухъ строкахъ передаетъ журналъ,
Что полкъ такой-то сильно пострадалъ.

LV.

Въ свой замокъ, бывшій нѣкогда аббатствомъ,
Уѣхалъ лордъ. Готическихъ временъ
Исчадьемъ замокъ былъ. Своимъ богатствомъ
И красотой плѣнялъ туристовъ онъ.
Построенный благочестивымъ братствомъ,
Не на горѣ онъ былъ расположенъ.
Монахи, вѣроятно, не хотѣли,
Чтобъ вѣтра вой тревожилъ миръ ихъ келій.

LVI.

Стоялъ тотъ замокъ, сумраченъ и тихъ,
Въ долинѣ живописной. Онъ лѣсами
Былъ окруженъ. Дубы, временъ иныхъ,
Шептали о друидахъ и вѣтвями
Стремились въ небеса. Изъ чащи ихъ
Олень-самецъ съ вѣтвистыми рогами
Предъ стадомъ выбѣгалъ, на водопой
Къ волнамъ ручья его ведя, зарей.

LVII.

Предъ самымъ замкомъ озеро красиво,
Сверкая, разстилалось. Съ нимъ смѣшавъ
Свои струи, что̀ въ даль неслись бурливо,
Рѣка смирялась, силу потерявъ.
Мирьяды птицъ ютились суетливо
Среди прибрежныхъ зарослей и травъ.
До озера спускался лѣсъ дремучій,
Волшебно отраженъ волной пѣвучей.

LVIII.

Изъ озера стремглавъ неслася внизъ
Рѣка, съ зловѣщимъ грохотомъ и трескомъ;
Какъ водопадъ струи ея лились,
Чаруя взоръ молніеноснымъ блескомъ;
Затѣмъ рѣка, какъ дѣвочки капризъ,
Смиряла гнѣвъ и дальше съ тихимъ плескомъ
Среди лѣсовъ струилась,—неба сводъ
И зелень отражая въ лонѣ водъ.

LIX.

Развалины готическаго храма
Виднѣлись въ сторонѣ. Одинъ лишь сводъ
Отъ зданья уцѣлѣлъ и велъ упрямо
Борьбу съ порывомъ бурныхъ непогодъ.
Среди руинъ одинъ стоялъ онъ прямо,
Не снесъ его и времени полетъ.
Невольно этотъ памятникъ искусства
Будилъ въ артистѣ горестныя чувства.

LX.

Рядъ нишъ пустыхъ виднѣлся вдоль стѣны.
Тамъ изваянья нѣкогда стояли
Двѣнадцати святыхъ; но въ дни войны,
Когда Стюарта лорды защищали,
Ихъ въ прахъ повергли. Вѣрные сыны
Престола кровь напрасно проливали
За короля, что, потерявши власть,
Ни править не умѣлъ, ни съ славой пасть.

LXI.

Не тронута войною и годами,
Мадонна уцѣлѣла лишь одна
Какимъ-то чудомъ. Съ этими мѣстами,
Ихъ освятивъ, сроднилася она.
Когда руины храма передъ нами,
Душа благочестивыхъ чувствъ полна.
Религіозность, суевѣрье ль это?—
Я не могу дать точнаго отвѣта.

LXII.

Въ былые дни огромное окно
Блестѣло въ храмѣ стеклами цвѣтными;
Теперь зіяло пропастью оно;
Не оглашался гимнами святыми
Разрушенный тотъ храмъ, гдѣ ужъ давно
Лишь мракъ царилъ подъ сводами нѣмыми,
И замѣняли пѣніе псалмовъ
Унылый вѣтра вой и крики совъ.

LXIII.

Когда жъ луна таинственно сіяла
И вѣтеръ дулъ съ извѣстной стороны,
Руина вдругъ какъ будто оживала:
Грустна, какъ тихій стонъ иль плескъ волны,
Тамъ дивная мелодія звучала;
Иные говорили, что слышны
Лишь отзвуки далекаго каскада
И что другихъ причинъ искать не надо.

LXIV.

Народъ же былъ глубоко убѣжденъ,
Что мѣстный духъ, носяся по руинѣ,
Молчанье ночи будитъ. Такъ Мемнонъ,
Согрѣтый солнцемъ пламеннымъ пустыни,
Зарею издаетъ протяжный стонъ.
Тотъ грустный стонъ я помню и донынѣ;
Въ Египтѣ я не разъ внималъ ему,
Но все жъ его причины не пойму.

LXV.

Фонтанъ среди двора своей структурой
Шепталъ о вѣкѣ, что давно угасъ;
Его и украшенья, и контуры
Причудливостью формъ кололи глазъ.
Изъ странныхъ ртовъ гранитныя фигуры
Въ бассейнъ бросали воду, что, дробясь,
Все въ брызги разлеталась; такъ безслѣдно
Минутной славы гибнетъ призракъ блѣдный.

LXVI.

Слѣды давно забытой старины
Кой гдѣ въ огромномъ зданьи уцѣлѣли;
Мѣстами были ясно въ немъ видны
Остатки комнатъ, трапезы и келій.
Удары лѣтъ и бѣдствія войны
Все жъ невполнѣ своей достигли цѣли:
Часовня сохраняла видъ былой,
Среди руинъ сіяя красотой.

LXVII.

Но не изящность древняго строенья
Дивила всѣхъ, а колоссальность залъ.
(Глядя на великана, безъ сомнѣнья,
Никто, любуясь имъ, въ разсчетъ не бралъ:
Естественно ль подобное явленье?)
Такъ всякаго невольно поражалъ
Массивностью своихъ громадныхъ рамокъ
Готическихъ временъ старинный замокъ.

LXVIII.

Портреты предковъ въ рамкахъ золотыхъ
Служили украшеньемъ галлереи:
Здѣсь рыцари въ доспѣхахъ боевыхъ,
Тамъ рядъ вельможъ съ подвязкою на шеѣ;
Красавицы, въ костюмахъ дней иныхъ,
Блистали между ними, словно феи;
Богато разодѣтыхъ старыхъ дамъ
Не мало также видѣлося тамъ.

LXIX.

Пестрѣли тутъ и судьи съ строгимъ взоромъ,
Въ обшитыхъ горностаемъ епанчахъ;
Встрѣчались вы и съ мрачнымъ прокуроромъ,
Который цѣлый вѣкъ, внушая страхъ,
Давалъ лишь ходъ тяжелымъ приговорамъ;
Тамъ красовались также на стѣнахъ
Духовные отцы, которыхъ нравы
Мирились плохо съ пастырскою славой;

LXX.

Бароны тѣхъ эпохъ, когда булатъ
Одерживалъ побѣды надъ врагами,
А не свинецъ; военные безъ латъ,
Но въ парикахъ напудренныхъ, съ косами
Мальбруковскихъ временъ; придворныхъ рядъ
Съ ключами золотыми иль жезлами;
Встрѣчался и угрюмый патріотъ,
Вкушавшій неудачъ унылый плодъ.

LXXI.

Картины *Карло Дольче, Тиціана*,
Плѣняя взоръ, встрѣчались также тамъ;
Амуры сладострастные *Альбана*
Съ улыбками неслись навстрѣчу вамъ;
Вернета кисти—волны океана
Рвались, покрыты пѣной, къ берегамъ;
А вотъ и *Спаньолетто;* онъ съ любовью
Живописалъ не красками, а кровью!

LXXII.

Тутъ и пейзажъ, что̀ подписалъ *Лорренъ*;
Здѣсь *Рембрандтъ* тѣни смѣшиваетъ съ свѣтомъ;
Тамъ *Караваджъ*, любитель мрачныхъ сценъ,
Является съ сѣдымъ анахоретомъ;
А дальше, лѣтъ не знающій измѣнъ,
Теньеръ веселымъ тѣшитъ васъ сюжетомъ;
Такъ симпатиченъ видъ его пивныхъ,
Что пить весь вѣкъ я былъ бы счастливъ въ нихъ.

LXXIII.

Условій надо выполнить не мало,
Чтобъ заслужить читательскій дипломъ.
(Опять дорогу Муза потеряла
И понеслась проселочнымъ путемъ!)
Для этого читайте все съ начала
И пропусковъ не дѣлайте при томъ;
А если вы начнете съ заключенья,
Все жъ до начала доводите чтенье!

LXXIV.

Читатель! длинной описью своей
Я надоѣсть успѣлъ тебѣ не въ мѣру.
Смутилъ и Феба тонъ моихъ рѣчей:
Въ оцѣнщика, перемѣнивъ карьеру,
Не превратился ль я на склонѣ дней?
Хоть перечни присущи и Гомеру,
Все жъ я тебя, читатель, пощажу:
Объ утвари ни слова не скажу.

LXXV.

Настала осень; жатва золотая
Давно вся убрана; гостей синклитъ
Ужъ съѣхался, чтобъ, время убивая,
Охотиться. Не мало лѣсъ таитъ
Звѣрей и птицъ; ягдташъ свой наполняя,
Охотникъ за собакою спѣшитъ.
Но вы не попадайтесь, браконьеры!
Холопамъ съ баръ опасно брать примѣры!

LXXVI.

Хотя у насъ не зрѣетъ виноградъ,
Какъ въ солнечныхъ странахъ, гдѣ климатъ жарокъ,
Но погребъ англичанина богатъ
И клэретомъ, и ромомъ лучшихъ марокъ.
(Мѣнять товаръ на деньги кто не радъ?)
Пусть не дала природа намъ въ подарокъ
Пурпурныхъ гроздій—плакать нѣтъ причинъ:
Сравниться ль виноградникъ съ складомъ винъ?

LXXVII.

Увы! не щеголяетъ наша осень
Тепломъ и яркимъ свѣтомъ южныхъ странъ;
Деревьевъ обнаженныхъ, мрачныхъ сосенъ
Печаленъ видъ; невыносимъ туманъ,
Гнетущій насъ, и вѣчный дождь несносенъ—
Все это такъ—за то намъ комфортъ данъ;
А онъ миритъ насъ съ скучнымъ желтымъ цвѣтомъ,
Что зелень замѣняетъ намъ и лѣтомъ.

LXXVIII.

Сезонъ охотъ веселіемъ богатъ;
Такъ хороша у насъ villeggiatura,
Что ею и святой увлечься бъ радъ;
Нимвродъ, не устрашенъ погодой хмурой
И облачившись въ Мельтона нарядъ,
Явиться бъ могъ, покинувъ степи Дура [1]).
Нѣтъ кабановъ у насъ въ лѣсахъ густыхъ,
Но всякой *дичи* много и безъ нихъ [2]).

LXXIX.

Изъ высшихъ сферъ лишь избранныя лица
Въ старинный замокъ съѣхались толпой.
Въ гостяхъ у лорда былъ весь цвѣтъ столицы.
Изяществомъ плѣняя и красой,
Блистали тамъ чарующія львицы
И нѣжныхъ миссъ носился свѣтлый рой.
(Иную миссъ, что агнца видъ имѣла,
Вы съ козлищемъ сравнить могли бы смѣло)!

LXXX.

Я не могу назвать по именамъ
Семейства графовъ, герцоговъ, бароновъ
И важныхъ лицъ, въ то время бывшихъ тамъ.
То были сливки лондонскихъ салоновъ.
Я умолчу о прошломъ милыхъ дамъ;
Ихъ свѣтъ ласкалъ. Рабамъ его законовъ
Не угрожаетъ тяжкій приговоръ;
Ихъ въ свѣтѣ ждетъ почетъ, а не позоръ.

LXXXI.

Нашъ высшій свѣтъ похожъ на фарисея:
Кто лицемѣръ—тотъ у него въ чести.
Всегда великосвѣтская Медея
Себѣ Язона можетъ завести—
Пріятное соединять умѣя
Съ полезнымъ, и приличья соблюсти.
Такъ думаетъ Горацій; такъ же Пульчи;
«Omne tulit punctum quae miscuit utile dulci».

LXXXII.

Порою свѣтъ пустячную вину
Безжалостно клеймитъ, какъ преступленье;
Я видѣлъ безупречную жену,
Которую втоптали въ грязь гоненья;
Притомъ зналъ матрону не одну,
Что̀, несмотря на странность поведенья,
Какъ Сиріусъ, блестя, свершала путь,
Насмѣшками не смущена ничуть.

LXXXIII.

(Еще о многомъ могъ бы передать я
Да не о всемъ, что знаешь, говори)!
Всѣ гости лорда были, безъ изъятья,
Брамины модъ и высшихъ сферъ цари;
Но не о всѣхъ вамъ ясное понятье
Могу я дать—ихъ было тридцать-три!
Въ числѣ особъ, гостившихъ у вельможи
Два, три абсентеиста было тоже.

LXXXIV.

Тутъ Паррольсъ былъ—законовѣдъ-наглецъ,
Всѣхъ изумлявшій наглостью запросовъ,
Хоть трусости являлъ онъ образецъ.
Тутъ былъ и Рэккеймъ—мало цѣнныхъ взносовъ
Поднесшій Музамъ, юноша пѣвецъ;
Былъ и Лордъ Пàрро, критикъ и философъ,
А также—забулдыга и буянъ—
Сэръ Поттельдипъ, что рѣдко былъ непьянъ.

---

[1]) Въ Ассиріи.—Байронъ.
[2]) Каламбуръ Байрона на слова boars и bores переданъ также каламбуромъ.—Перев.

LXXXV.

Былъ герцогъ Дэшъ, чтò съ головы до пятокъ
Былъ герцогомъ; тамъ всякій знатный пэръ
Носилъ происхожденья отпечатокъ,
Собой являя доблести примѣръ.
Шесть юныхъ миссъ (мой перечень не кратокъ)!
Всѣхъ поражали скромностью манеръ,
Но жениховъ имѣли лишь въ предметѣ
Поймать въ искусно брошенныя сѣти.

LXXXVI.

Почтенныхъ лицъ (рѣшить я не берусь,
Заслуженно ль встрѣчали ихъ съ почетомъ)
Не мало было тамъ. Одинъ французъ,
Извѣстный по уму и по остротамъ,
Все общество смѣшилъ. Маркизъ де-Рюзъ,
Однако, не любилъ платить по счетамъ,
И въ клубахъ онъ успѣха не имѣлъ,
Играя и словами, и на мѣлъ.

LXXXVII.

Тамъ были вольнодумцы-сибариты;
Ученый, давшій самъ себѣ дипломъ;
Тамъ былъ и проповѣдникъ знаменитый,
Что съ грѣшниками больше, чѣмъ съ грѣхомъ,
Боролся; тамъ же, лаврами увитый,
Былъ спортсмэнъ, онъ на скачкахъ слылъ царемъ;
Тамъ лордъ Плантагенетъ, виверъ опасный,
Блисталъ къ пари своей любовью страстной.

LXXXVIII.

Тамъ былъ одинъ гвардеецъ великанъ
И старый генералъ, военный геній,
Но на словахъ почтенный ветеранъ
Разилъ враговъ успѣшнѣй, чѣмъ въ сраженьи.
(Сопротивляться могъ ли вражій станъ)!
Тамъ былъ судья, охотникъ до глумленій
И прибаутокъ; такъ онъ былъ остеръ,
Что юморомъ смягчалъ свой приговоръ.

LXXXIX.

Какъ съ шахматной доскою жизнь людская
Сходна! Въ ней короли и пѣшки есть,
Слоны и королевы; но слѣпая
Судьба должна тѣ куклы къ цѣли весть.
О, Муза! ты, какъ бабочка порхая,
Для отдыха нигдѣ не можешь сѣсть;
Будь у тебя при крыльяхъ также жало —
Какъ отъ тебя бы зло затрепетало!

XC.

Я позабылъ—а это, право, грѣхъ! —
Оратора, что заслужилъ хваленья
За первый свой дебютъ: его успѣхъ
Газеты подтвердили; впечатлѣнье
Онъ произвелъ громадное на всѣхъ;
Изъ рѣчи той явились извлеченья,
И всѣми «образцовою» она
Была единогласно названа.

XCI.

Утѣшенъ Цицероновскою славой,
Онъ былъ всегда порисоваться радъ
И видъ имѣлъ надменно-величавый;
Хоть не былъ онъ познаньями богатъ,
Но былъ увѣренъ, что имѣетъ право
Ученостью гордиться. Рядъ цитатъ
Онъ помнилъ наизусть и зачастую
Ихъ вклеивалъ усердно въ рѣчь пустую.

XCII.

Два юныхъ адвоката было тамъ,
Что рознились по взглядамъ и по мнѣньямъ;
Одинъ былъ сдержанъ, холоденъ и прямъ,
Другой лишь жилъ однимъ воображеньемъ;
Но всѣ внимать любили ихъ рѣчамъ;
Одинъ бы смѣло выдержалъ сравненье
Со скакуномъ; другой же былъ Катонъ:
Краснорѣчивъ, но холоденъ былъ онъ.

XCIII.

Одинъ изъ нихъ былъ сходенъ съ фортепьяно,
Съ эоловою арфою—другой;
Одинъ всегда впередъ стремился рьяно;
Другого былъ невозмутимъ покой;
Извѣстность имъ въ удѣлъ досталась рано,
И свѣтъ встрѣчалъ ихъ съ лаской и хвалой.
Они не шли дорогою избитой
И были безусловно даровиты.

XCIV.

Быть можетъ вы найдете, что гостей
Въ деревнѣ собралося ужъ не въ мѣру;
Но скучный *tête-à-tête* еще скучнѣй.
Всѣ измѣнили нравы, тонъ, манеру;
Прошла пора, когда смѣшить людей
Конгреву удавалось и Мольеру
Обильемъ типовъ глупости людской;
Теперь—увы!—всѣ на одинъ покрой.

XCV.

Конечно, дураковъ еще не мало,
Но стороны смѣшныя отошли
На задній планъ; такъ жизнь плетется вяло,
Что дни обильныхъ жатвъ давно прошли;
Все въ обществѣ однообразнымъ стало,
И люди до того теперь дошли,
Что на два вида ихъ дѣлить сподручно:
На скучныхъ и на тѣхъ, которымъ скучно.

XCVI.

Приходится—такъ скуденъ жизни путь —
Довольствоваться колосомъ помятымъ;
Читатель! ты на нивѣ жизни будь
Воозомъ, благодѣтелемъ богатымъ,
Мнѣ жъ Руѳью быть не совѣстно ничуть.
Къ инымъ притти я могъ бы результатамъ,
Но не хочу, приличія любя,
Смутить излишней смѣлостью тебя!

XCVII.

За неимѣньемъ зеренъ, и соломой
Довольствоваться надо. Все жъ извлечь
Изъ мелкихъ крохъ должны добро свое мы;
Опять о замкѣ поведу я рѣчь:
Забытый мной, одинъ болтунъ знакомый
Старался всѣхъ вниманіе привлечь,
И для того, чтобъ быть на первомъ планѣ,
Свои bon-mots готовилъ онъ заранѣ.

XCVIII.

Но какъ неблагодаренъ трудъ такой!
Вѣдь нуженъ остряку удобный случай,
Чтобъ выступить съ готовой остротой,
Всѣхъ удивляя фразою трескучей.
Онъ часто даромъ трудъ теряетъ свой—
И вмѣсто лавровъ только тернъ колючій
Сжинаетъ!—Въ дни иные, какъ на грѣхъ,
Его не хочетъ радовать успѣхъ!

XCIX.

Я могъ бы дать вамъ описанье пира;
Лордъ Генри каждый день своихъ гостей
Банкетомъ угощалъ; поэта лира
Никакъ не пала бъ въ мнѣніи людей,
Обѣды воспѣвая. Счастье міра,—
Съ тѣхъ поръ какъ Ева жадностью своей
Сгубила насъ, запретный плодъ отвѣдавъ,—
Какъ знаютъ всѣ—зависитъ отъ обѣдовъ.

C.

Не потому ль евреямъ Богъ сулилъ
«Кипящую и молокомъ, и медомъ»
Богатую страну? Намъ тоже милъ
Звонъ золота. Старѣя съ каждымъ годомъ,
Забывъ любовь, утративъ свѣжесть силъ,
Мы равнодушно къ жизненнымъ невзгодамъ
Относимся; но можно ли тебя,
О, золото! лишиться не скорбя?

CI.

Охотились мужчины утромъ рано;
Стараясь отъ ennui себя спасать;
Пусть скука—плодъ британскаго тумана,
Названье ей мы не съумѣли дать.
Хотя она мучительна, какъ рана
И, духъ гнетя, мѣшаетъ даже спать,
Однако, чтобы дать о ней понятье
Французскій терминъ долженъ былъ прибрать я.

CII.

Иные занимались чтеньемъ книгъ,
Иль о картинахъ важно разсуждали;
Другіе же, въ тѣни аллей густыхъ,
Любуясь садомъ, медленно гуляли;
Однихъ газеты тѣшили; другихъ
Оранжереи замка занимали;
Но всякій былъ итти къ обѣду радъ:
Вѣдь въ шесть часовъ въ деревнѣ ѣсть хотятъ.

CIII.

Никто не зналъ малѣйшаго стѣсненья;
Лишь звономъ возвѣщавшійся обѣдъ
Служилъ для всѣхъ звеномъ соединенья;
Свободно вы могли вставать чуть свѣтъ
Иль въ поздній часъ; искать уединенья
Иль общества; свой дѣлать туалетъ
По усмотрѣнью; двигаться безъ цѣли
И завтракать, когда и какъ хотѣли.

CIV.

Верхомъ катались дамы по утрамъ,
Когда была хорошая погода;
А въ дождь онѣ читали по угламъ
Иль пѣли; чинно обсуждали моды;
Учили новый па́ иль язычкамъ
Давали волю; пользуясь свободой,
Писали письма длинныя порой,
Рисуясь и являя юморъ свой.

CV.

Когда вамъ дама пишетъ, пламенѣя
Отъ страсти, иль какъ другъ посланье шлетъ,
Всегда васъ обойти въ виду имѣя,
Загадочность она пускаетъ въ ходъ.
Со свистомъ вѣроломнымъ Одиссея,
Сгубившаго Долона, грустный плодъ
Ея интригъ сравнить, конечно, можно.
Отвѣтъ всегда пишите осторожно!

CVI.

У лорда Амондвиля для гостей
Не мало было всякихъ развлеченій:
Бильярдъ и карты въ дождь (игра костей
Находитъ только въ клубахъ примѣненье);
Коньки въ морозъ; въ теченье теплыхъ дней
Ѣзда, катанье въ лодкахъ иль уженье.
(Послѣднее, по моему, порокъ
Являющій, какъ человѣкъ жестокъ!)

CVII.

За ужиномъ шутили и смѣялись
(Тамъ розами былъ устланъ жизни путь);
По вечерамъ дуэты раздавались...
Кому они не волновали грудь!
Порой двѣ миссъ на арфахъ отличались,
Чѣмъ случай представлялся имъ блеснуть,
При исполненьи модуляцій нѣжныхъ,
Красою плечъ и ручекъ бѣлоснѣжныхъ.

CVIII.

Когда же не случалося охотъ,
По вечерамъ усердно танцовали;
Любезный мадригалъ пускался въ ходъ,
И дамы съ граціозностью порхали;
Но бальныхъ дней—увы!—былъ кратокъ счетъ:
До танцевъ ли мужчинамъ, что̀ устали
Отъ травли и ѣзды? Къ прискорбью дамъ,
Всѣ расходились къ десяти часамъ.

CIX.

Политикъ, гдѣ-нибудь въ углу подробно
Воззрѣнье развивалъ; острякъ иной
Старался уловить моментъ удобный,
Чтобъ помѣстить bon mot готовый свой;
Но это для терпѣнья камень пробный!
Какъ рѣдко мигъ является такой...
Но вотъ онъ наступаетъ; все готово,
А тутъ-то прерываютъ острослова!

CX.

Условна, монотонна, холодна
Въ средѣ великосвѣтской жизнь неслася,
По внѣшности плѣнительной сходна
Съ роскошнымъ изваяньемъ Фидіаса.
Тамъ увлеченій дама ни одна
Не знала. Ужъ давно перевелася
Порода забулдыгъ и легкихъ львицъ:
Мы сборища лишь видимъ строгихъ лицъ.

CXI.

Въ деревнѣ раньше луннаго захода
Всѣ дамы расходились по угламъ,
Заботясь о здоровьи. Только мода
Въ столицѣ не ложиться по ночамъ;
Но хуже яда жизнь такого рода.
Нѣтъ ничего полезнѣе для дамъ,
Живыхъ цвѣтовъ, какъ спать ложиться рано:
Вѣдь сонъ здоровый—лучшія румяна.

ПѢСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

I.

О, если бъ мы могли изъ нѣдръ природы
Иль изъ себя лучъ истины извлечь,
На правды путь вступили бы народы,
Но сколько бы пришлось трактатовъ сжечь!
Философы отъ тягостной невзгоды
Себя не въ силахъ были бъ уберечь...
Другъ друга пожираютъ ихъ системы;
Такъ ѣлъ Сатурнъ дѣтей, какъ знаемъ всѣ мы;

II.

Проглатывалъ и камни онъ порой;
Но тутъ своихъ отцовъ съѣдаютъ дѣтки,
Съ трудомъ справляясь съ пищею такой.
Не больше знаемъ мы, чѣмъ наши предки;
Туманъ одѣлъ былое пеленой.
А въ наши дни ошибки развѣ рѣдки?
Не вѣрить и себѣ—всего вѣрнѣй;
Но къ правдѣ что же приведетъ людей?

III.

По моему, нѣтъ правды непреложной;
Я ничего не знаю и въ разсчетъ
Беру, что въ этомъ мірѣ все возможно.
А что извѣстно вамъ?—что смерть насъ ждетъ?
Но можетъ быть и это станетъ ложно,
Коль вдругъ эпоха вѣчности блеснетъ.
Мы, ужаса полны, на смерть взираемъ,
Однакожъ сну треть жизни посвящаемъ.

IV.

Когда устали мы, какъ сонъ хорошъ,
Безъ всякихъ сновидѣній, сонъ глубокій!
А вѣчный сонъ людей приводитъ въ дрожь..
Самоубійца даже, долгъ до срока
Платящій (что нерѣдко острый ножъ
Для кредиторовъ), гибнетъ одиноко,
Стеня съ тоской,—но не о жизни стонъ:
Кончая путь, боится смерти онъ.

V.

Со всѣхъ сторонъ разинутою пастью
Намъ каждую минуту смерть грозитъ;
Ее считая карой и напастью,
Навстрѣчу къ ней, однакожъ, міръ спѣшитъ,
Порабощенъ ея всесильной властью.
Насъ поражаетъ бездны мрачный видъ:
Когда клокочетъ пропасть подъ ногами
Въ нее хотимъ мы погрузиться сами.

VI.

Съ испугомъ мы бѣжимъ отъ бездны прочь,
Но позабыть былое впечатлѣнье,
Не въ силахъ мы; холодной смерти ночь
Манила насъ; тревожное стремленье
Проникнуть въ міръ незримый превозмочь
Намъ было не легко... одно мгновенье —
И тайну бытія узнали бъ мы!
Но для живущихъ это царство тьмы.

VII.

За отступленья сердится читатель
И осуждать меня за нихъ готовъ;
Но это мой обычай. Я—мечтатель,
Не признающій никакихъ оковъ;
Отмѣтивъ мысль, не спрашиваю, кстати ль
Я посвятилъ ей рядъ своихъ стиховъ;
Моя поэма—лишь мечты забава,
Что обо всемъ писать даетъ мнѣ право.

VIII.

«Пустите вверхъ соломинку; она
«Укажетъ тотчасъ вѣтра направленье» —
То Бэкона слова. Какъ съ ней сходна
Поэзія! по волѣ вдохновенья
Она летитъ, отрадныхъ грезъ полна;
Но для меня иное въ ней значенье,
Не славы я ищу—пою шутя;
Игрушкою такъ тѣшится дитя.

IX.

Весь свѣтъ передо мной или за мною;
Достаточно его я изучилъ,
Чтобъ не забыть его; страстямъ, порою,
Не мало я мирволилъ и служилъ,
За что былъ встрѣченъ яростной хулою.
(Друзьямъ своимъ я этимъ угодилъ.)
Я славенъ былъ, но самъ же славу эту
Разрушилъ тѣмъ, что льстить стыдился свѣту.

X.

Толпа и духовенство цѣлый рядъ
Мнѣ посвящали пасквилей суровыхъ;
Но смѣло все пишу я, хоть наврядъ
Читателей себѣ добуду новыхъ;
А старымъ пріѣдается мой ядъ;
Но мыслей не могу держать въ оковахъ.
Въ дни юности душа была полна
Надеждъ и грезъ; теперь хандритъ она.

XI.

Такъ для чего жъ печатать? Ждать ли славы
И пользы, если васъ на части рвутъ?
Легко вамъ доказать, что вы неправы:
Отъ скуки вѣдь играютъ въ карты, пьютъ
Иль чтенью предаются. Для забавы
Пишу и я, бросая въ рѣку трудъ.
Пойдетъ ли онъ ко дну, всплыветъ ли смѣло—
Мнѣ до того нѣтъ никакого дѣла.

XII.

Я написать не могъ бы и строки,
Когда бы я въ успѣхѣ былъ увѣренъ;
Пускай паду—бороться мнѣ съ руки,
Но Музѣ я своей останусь вѣренъ;
Мы съ нею отъ уступокъ далеки,
Я отступать предъ силой не намѣренъ.
И выигрышъ, и проигрышъ—дары
Отрадные случайностей игры.

XIII.

Къ тому жъ, воюя съ ложью и порокомъ,
Я факты лишь одни пускаю въ ходъ,
Давая волю нравственнымъ урокамъ;
А свѣтъ не любитъ правды и клянетъ
Мои стихи; нападкамъ и упрекамъ,
Что мнѣ дарятъ, я потерялъ ужъ счетъ.
Гонись за славой я — другія темы
Легко бы могъ избрать я для поэмы.

XIV.

Но впрочемъ (въ томъ сознаться вы должны)
Въ моемъ трудѣ разнообразья много,
Любовь, картины бури и войны
Даютъ уму занятія; дорогой
Мы съ Музой никогда не стѣснены;
Но если приговоръ раздастся строгій,
И мой романъ въ обертку превратятъ—
Служить хоть тѣмъ торговлѣ буду радъ.

XV.

Никто не воспѣвалъ большого свѣта.
Увы! однообразностью своей
Втупикъ поставить можетъ онъ поэта;
Хоть много драгоцѣнныхъ въ немъ камней
И мантій горностаевыхъ—сюжета
Для описанья не найти скучнѣй:
Все въ немъ рутинно, чопорно, условно...
Возможно ль отнестись къ нему любовно?

XVI

Въ немъ царствуетъ и пустота, и мракъ;
Онъ сердце подчинить умѣетъ волѣ;
Его грѣшки прикрылъ блестящій лакъ,
Въ его рѣчахъ искать напрасно соли.
Бездушенъ свѣтъ; онъ искренности врагъ,
И лишь твердитъ заученныя роли.
Характеры, манеры, взгляды, тонъ,
Все въ цвѣтъ одинъ окрашиваетъ онъ.

XVII.

Но и ему, порой, свободы надо,
Хоть мигъ онъ служитъ ей, а вѣкъ цѣпямъ.
Такъ, отдохнувъ немного въ день парада,
Солдаты вновь бѣгутъ къ своимъ мѣстамъ.
Конечно, нѣтъ блестящѣй маскарада,
Но скоро онъ надоѣдаетъ вамъ;
Я никогда не уживался съ свѣтомъ
И пропадалъ съ тоски въ Эдемѣ этомъ.

XVIII.

Кто кончилъ счеты съ страстью и съ игрой,
Кто надышался атмосферой бальной,
Кто видѣлъ дѣвъ продажныхъ цѣлый рой,
И много жалкихъ свадьбъ съ подкладкой сальной,
Тотъ можетъ лишь скучать, своей хандрой
Другимъ надоѣдая; вотъ печальный
Удѣлъ отцвѣвшихъ львовъ: у нихъ нѣтъ силъ
Забыть тотъ свѣтъ, который ихъ забылъ.

XIX.

Всѣ говорятъ, что въ описаньяхъ блѣденъ
Выходитъ свѣтъ; что мало онъ знакомъ
Писателямъ; изъ розсказней передень
Они имѣютъ свѣденья о немъ;
Талантами къ тому жъ синклитъ ихъ бѣденъ
И слогъ твореній ихъ такъ грубъ при томъ,
Что въ васъ закрасться можетъ подозрѣнье—
Не горничныхъ ли это разсужденья?

XX.

Но какъ несправедливъ подобный взглядъ!
Писатели на пышныя собранья
Являются и въ обществѣ блестятъ:
Они вступаютъ даже въ состязанье
Съ военными, и свѣтъ ихъ видѣть радъ.
Такъ почему жъ такъ блѣдны описанья
Великосвѣтскихъ сферъ? Причина та,
Что вѣрно въ нихъ царитъ лишь пустота.

XXI.

Haud ignara loquor. Все это: «*Nugae*»
Quarum pars parva fui. Во сто разъ
Описывать мнѣ легче на досугѣ
Гаремы, бури, битвы, чѣмъ разсказъ
Вести о томъ, что въ модѣ въ высшемъ кругѣ:
Но почему? —то скрою я отъ васъ.
«*Vetabo Cereris sacrum qui vulgarit*» [1])—
Не всякій кормъ желудокъ черни варитъ.

XXII.

Штрихи шероховатые смягчать
Всегда, какъ вамъ извѣстно, мнѣ отрада,
И мистицизмъ кладетъ свою печать
На всѣ мои творенья. Хуже яда
Есть истины; ихъ долгъ велитъ скрывать.
Иныя тайны черни знать не надо,—
Поэтому порой необходимъ
Непосвященнымъ ключъ къ словамъ моимъ.

XXIII

Всѣ женщины, съ тѣхъ поръ какъ Ева пала,
Ей подражать готовы; для борьбы
У нихъ нѣтъ силъ; но какъ отрады мало
Имъ жизнь даетъ, по прихоти судьбы!
Какъ часто ихъ язвитъ злословья жало!
Онѣ мужей—то жертвы, то рабы;
Къ тому же роды мучатъ ихъ жестоко.
(Такъ бриться мы должны по волѣ рока).

XXIV.

Бритье, что каждый день терзаетъ насъ
Родовъ, положимъ, стоитъ! Женской доли
Все жъ съ нашей не сравнить: жена подчасъ
Игрушка эгоизма; въ жалкой роли
Рабы она являлася не разъ;
Ея краса, таланты, сила воли
Какія же права даруютъ ей?
Быть ключницей и распложать дѣтей!

XXV.

Роль женщинъ не легка. Судьба безъ счета
Имъ муки посылаетъ съ дѣтскихъ дней;
Съ оковъ ихъ скоро сходитъ позолота.
Въ врагахъ подчасъ привѣтствуя друзей,
Онѣ не знаютъ твердаго оплота...
Спросите даму (если только ей
Лѣтъ тридцать), чѣмъ быть лучше: королевой
Иль школьникомъ? мужчиной или дѣвой?

XXVI.

Мириться «съ властью юбки» средства нѣтъ
И тѣмъ, что знаютъ рабства злыя муки;
Упреки въ томъ тяжеле всякихъ бѣдъ,
Отъ нихъ бѣгутъ, какъ караси отъ щуки;
Но такъ какъ изъ-подъ юбки мы на свѣтъ
Являемся—къ ней простираю руки,
Платя всегда ей уваженья дань;
Одежды той мнѣ безразлична ткань.

XXVII.

Я къ ней стремлюсь мечтою легкокрылой;
Сокровища, что въ ней затаены,
Влекутъ къ себѣ съ неотразимой силой;
Она клинка дамасскаго ножны;
Любовное письмо съ печатью милой;
Бальзамъ, дарящій сладостные сны;
Въ присутствіи ея хандра проходитъ.
(Что скрыто отъ людей—съ ума ихъ сводитъ).

XXVIII.

Когда сирокко, гнѣвенъ и могучъ,
Проносится, бушуя на просторѣ,
Когда не виденъ солнца свѣтлый лучъ,
Когда густой туманъ скрываетъ море,
И насъ пугаетъ сонмъ зловѣщихъ тучъ,
Когда всѣ межъ собой стихіи въ ссорѣ,—
Тогда и ликъ крестьянки молодой
Пріятно увидать передъ собой.

---

[1]) Hor. Carm. I iü od. 2.

XXIX.

Вернуться не мѣшаетъ мнѣ однако
Къ своимъ героямъ. Я оставилъ ихъ
Въ странѣ, гдѣ мало знаки зодіака
Имѣютъ вѣса; гдѣ слагаетъ стихъ
Съ трудомъ поэтъ средь копоти и мрака,
Гдѣ небо—въ темной ризѣ тучъ густыхъ—
Лишь нагоняетъ тягостныя думы,
Имѣя кредитора видъ угрюмый.

XXX.

Тамъ жизнь въ семьѣ поэзіей бѣдна;
Внѣ дома дождь и слякоть; вдохновляться
Тамъ нечѣмъ барду; роль его трудна;
Итти впередъ все жъ долженъ онъ стараться;
Справляться съ дѣломъ муза такъ должна,
Какъ духъ привыкъ съ матеріей справляться;
Пускай борьбу стихіи съ нимъ ведутъ—
Все жъ до конца онъ свой доводитъ трудъ.

XXXI.

Вращаясь при дворѣ, въ глуши селенья,
На кораблѣ иль направляясь въ бой,
Со всѣми одинаковъ въ обращеньи
Всегда Жуанъ доволенъ былъ судьбой.
Равно любя и трудъ, и развлеченья,
Не унывалъ и въ горѣ нашъ герой,
И хоть побѣдъ одерживалъ не мало—
Не корчилъ онъ ни фата, ни нахала.

XXXII.

Не трудно новичку въ просакъ попасть,
Гоняясь на охотѣ за лисою:
Смѣша людей, легко съ коня упасть;
Но Донъ-Жуанъ случайностью такою
Не могъ быть озадаченъ; съ дѣтства страсть
Питалъ онъ къ всякимъ спортамъ и ѣздою
Похвастаться бы могъ; притомъ былъ смѣлъ
И ловко управлять конемъ умѣлъ.

XXXIII.

Всѣ на Жуана обращали взоры,
Когда онъ на охотѣ гарцовалъ;
Чрезъ рвы, плетни, канавы и заборы
Онъ съ ловкостью наѣздника скакалъ,
Порою обгоняя даже своры
Борзыхъ собакъ. Высокій идеалъ
Охотника онъ представлялъ собою,
Хоть противъ правилъ и грѣшилъ порою.

XXXIV.

Всѣхъ удивлялъ охотниковъ Жуанъ,
Несясь, какъ вихрь къ побѣдному трофею;
Онъ изумлялъ и ловчихъ, и крестьянъ.
Другой себѣ сломалъ навѣрно бъ шею,
Рискуя такъ; онъ старыхъ англичанъ
Съ ума сводилъ отвагою своею:
Вѣдь и они такъ отличались встарь!
Хвалилъ Жуана даже главный псарь.

XXXV.

Хоть онъ трофеи забиралъ безъ счета,
Охотясь,—все же Честерфильда взглядъ
Онъ раздѣлялъ вполнѣ. (Фальшивой нотой
Такія мнѣнья въ Англіи звучатъ).
Почтенный лордъ, въ концѣ одной охоты,
Гдѣ одержалъ побѣдъ блестящихъ рядъ,
Сказалъ: «ужель не согласится каждый,
«Что средства нѣтъ такъ забавляться дважды!»

XXXVI.

Въ Жуанѣ было качество одно,
Что рѣдкость въ томъ, кто каждый день съ зарею
Привыкъ вставать, плѣняетъ дамъ оно;
Охотно занимаясь болтовнею,
Имъ нуженъ собесѣдникъ: все равно,
Святой ли онъ, иль съ грѣшною душою;
Тѣмъ качествомъ герой мой обладалъ:
Онъ, пообѣдавъ, никогда не спалъ.

XXXVII.

Напротивъ, въ оживленномъ разговорѣ
Блистать онъ остроуміемъ любилъ;
Умѣлъ болтать о всякомъ модномъ вздорѣ,
И былъ всегда внимателенъ и милъ,
Не горячась напрасно въ легкомъ спорѣ;
Хоть на лету онъ промахи ловилъ,
Но дамамъ расточалъ однѣ улыбки,
На видъ не выставляя ихъ ошибки.

XXXVIII.

Искусно танцовалъ притомъ Жуанъ,
А танцы—это камень преткновенья
Для грубыхъ и серьезныхъ англичанъ:
Они отстали въ этомъ отношеньи
Отъ модныхъ селадоновъ прочихъ странъ.
Безъ вычуровъ, но съ пыломъ увлеченья
Жуанъ порхалъ, какъ левъ придворныхъ сферъ,
Плѣняя всѣхъ изяществомъ манеръ.

XXXIX.

Въ немъ замѣчались грація и сила;
Чуть до земли касаясь, несся онъ,
Танцуя, какъ воздушная Камилла;
Природой вѣрнымъ слухомъ одаренъ,
Онъ несся въ тактъ съ изысканностью милой.
Всѣмъ нравился его изящный тонъ.
Кто видывалъ блестящѣй кавалера?
Онъ былъ одушевленное болеро.

XL.

По граціи сравнить я могъ бы съ нимъ
Аврору дивной кисти Гвидо-Рени.
(Она одна могла бъ прославить Римъ;
Не много свѣтъ видалъ такихъ твореній).
Художника талантъ необходимъ,
Чтобъ передать изящество движеній;
Перо—не кисть; безъ красокъ средства нѣтъ
Создать вполнѣ законченный портретъ.

XLI.

Онъ сталъ любимцемъ всѣхъ—понятно это—
И такъ умно повелъ свои дѣла,
Что дама цѣломудренная свѣта
(А грѣшница подавно) съ нимъ могла
Весть дружбу, не боясь за то отвѣта
Нести; и вотъ съ нимъ шашни завела,
Шутя, супруга герцога Фицъ-Фолька,
Молвы и сплетень не боясь нисколько.

XLII.

Весь высшій кругъ ужъ не одинъ сезонъ
Она своей изящностью плѣняла
И красотой, давая модѣ тонъ;
О ней ходило розсказней не мало,
Но сплетнями всегда я возмущенъ;
Вѣдь ложь молва не разъ распространяла.
Судя по слухамъ, лордъ Плантагенетъ
Ея любви послѣдній былъ предметъ.

XLIII.

Нахмурилися гнѣвно брови лорда,
Когда Жуана ясенъ сталъ успѣхъ;
Но вольности такого рода твердо
Переносить обязанность для всѣхъ;
Скрывая скорбь, любовникъ долженъ гордо
Себя держать; не то случится грѣхъ:
Разсчитывать смѣшно на вѣрность дамы;
Вспыливъ—отвѣтъ за то несемъ всегда мы.

XLIV.

Отъ шутокъ перешелъ къ насмѣшкамъ злымъ
Лукавый свѣтъ; шушукались дѣвицы,
А дамы явно гнѣвались; инымъ
Чудовищнымъ поступокъ модной львицы
Казался; какъ мириться было съ нимъ!
Однѣ считали сплетню небылицей;
Другія жъ сожалѣли отъ души,
Что лорда такъ дѣла нехороши.

XLV.

Но странно, что никто о бѣдномъ мужѣ
Во время этихъ бурь не вспоминалъ;
Онъ, впрочемъ, былъ въ отлучкѣ и къ тому же
Женѣ свободу полную давалъ,
Глядя на все сквозь пальцы; какъ же, вчужѣ,
Ехидный свѣтъ смѣлъ поднимать скандалъ,
Супруговъ ухудшая отношенья?
Но труденъ тамъ разрывъ, гдѣ нѣтъ сближенья.

XLVI.

Моя Діана, лэди Амондвиль
Къ подругѣ также отнеслася строго,
Замѣтивъ, что глухихъ проселковъ пыль
Милѣе ей, чѣмъ торная дорога;
Такъ поступать всѣ дамы не должны ль,
Карая зло? Объятая тревогой,
Она къ подругѣ стала холоднѣй.
(Сочувствіе обманчиво друзей).

XLVII.

А все безъ дружбы грустно жить на свѣтѣ;
Участья вздохъ намъ сладостенъ подчасъ,
Притомъ нѣжнѣе кружевъ дружбы сѣти.
За промахи въ тяжелый жизни часъ,
Имѣя нашу пользу лишь въ предметѣ,
—Не будь друзей—кто укорялъ бы насъ?
Кто повторялъ бы намъ всегда при этомъ:
«Зачѣмъ не вняли вы моимъ совѣтамъ»?

XLVIII.

У Іова два друга было. Намъ
И одного довольно въ часъ невзгоды;
Друзья тогда подобны докторамъ,
Которыхъ знанья меньше, чѣмъ доходы;
Они подобны блекнущимъ листамъ,
Что въ даль несетъ дыханье непогоды;
Свои дѣла поправьте—и другихъ,
Зайдя въ любой кафе́, найдете въ мигъ.

XLIX.

Къ несчастью такъ не дѣлалъ я, и что же?
Не мало мукъ я въ жизни испыталъ,
Но черепахой не былъ крѣпкокожей,
Что утонуть не можетъ даже въ шквалъ.
Жить сердцемъ было мнѣ всего дороже.
Кто жъ виноватъ, что я весь вѣкъ страдалъ?
Тотъ проживетъ счастливѣе, конечно,
Кто на людей взираетъ безсердечно.

L.

Ужаснѣе чѣмъ вѣтръ или крикъ совы
Той фразы ядовитые упреки,
Которые не разъ слыхали вы:
«Вѣдь я вамъ говорилъ!» Друзья—пророки
Прошедшаго; ихъ пѣсни не новы,
Но какъ порой докучны ихъ уроки,
Что замѣняютъ помощь иль совѣтъ!
До вашихъ нуждъ друзьямъ и дѣла нѣтъ.

LI.

Обрушилась суровость Аделины
Не на одну подругу; ей хвалить
И Донъ-Жуана не было причины;
Какъ могъ онъ глазъ съ кокетки не сводить,
Ея опутанъ хитростью змѣиной?
Все жъ въ гнѣвѣ не могла она забыть,
Что еще зеленъ онъ и молодъ тоже.
(Дней на сорокъ онъ былъ ея моложе.)

LII.

Заботиться о юношѣ, какъ мать,
Что любитъ сына, право ей давало
Такое старшинство. Оберегать
Отъ козней злыхъ она за долгъ считала
Жуана; но года свои скрывать
Во цвѣтѣ лѣтъ ей было толку мало:
Разлуки съ днями молодости срокъ
Отъ лэди Аделины былъ далекъ.

LIII.

Для женщинъ злая старость хуже яда;
Ихъ возраста предѣлъ тридцатый годъ,
Затѣмъ скрывать до нельзя дама рада
Свои года. Останови полетъ,
О время! И тебѣ вздохнуть бы надо,
Чтобъ поточить косу; потомъ впередъ
Опять ты полетѣло бъ съ рвеньемъ новымъ,
Косцомъ все оставаясь образцовымъ.

LIV.

Зимы бояться лэди не могла,
Сіяя лучезарною весною,
Но опытна не по лѣтамъ была
И знала свѣтъ, что̀ такъ лукавъ порою,
Въ которомъ столько зависти и зла.
Я возраста ея отъ васъ не скрою;
Когда ея года хотите счесть,
Изъ двадцати-семи откиньте шесть.

LV.

Въ шестнадцать лѣтъ ей «свѣтъ» открылъ объятья;
Она, явясь, очаровала всѣхъ.
Въ семнадцать не могу вамъ дать понятья
О томъ, какъ былъ великъ ея успѣхъ.
Побѣдъ ея не въ силахъ сосчитать я!
Въ восьмнадцать лѣтъ она изъ сонма тѣхъ,
Что̀ таяли предъ ней, избравъ супруга —
Царицей своего осталась круга.

LVI.

Съ тѣхъ поръ и безупречна, и чиста
Она три года въ обществѣ блестѣла;
Ее не смѣла жалить клевета:
Безъ пятнышка былъ этотъ мраморъ бѣлый,
Котораго плѣняла красота.
Блистая всюду, лэди все жъ успѣла
Среди своихъ тріумфовъ и побѣдъ
Наслѣдника произвести на свѣтъ.

LVII.

Вокругъ нея, какъ мухи, шумнымъ роемъ
Кружилась молодежь; но пустота
Всѣхъ модныхъ львовъ—мы этого не скроемъ—
Претила ей. Имъ былъ бы не чета
Счастливецъ, ею выбранный героемъ!
Не все ль равно, коль женщина чиста,
Что̀ создаетъ ея принциповъ твердость —
Холодность, добродѣтель или гордость?

LVIII.

Неблагодарный трудъ—разузнавать
Причины фактовъ. Такъ въ душѣ досада,
Когда вы пить хотите, а достать
Нельзя вина; такъ грустно послѣ стада,
Что̀ мимо васъ прогнали, пыль глотать;
Такъ въ трепетъ васъ приводитъ, если надо
Внимать стихамъ продажнаго пѣвца
Иль слушать рѣчь оратора-льстеца.

LIX.

Когда я вижу дуба-исполина,
Что́ зеленью роскошною одѣтъ,
Зачѣмъ мнѣ знать, что жолудь-—та причина,
Благодаря которой онъ на свѣтъ
Явился? Что мнѣ тайныя пружины,
Когда не измѣняется предметъ?
Въ томъ мудрый Оксенштирна, я увѣренъ [1]),
Васъ убѣдитъ; я жъ спорить не намѣренъ.

LX.

Чтобъ Донъ-Жуанъ въ ловушку не попалъ,
Ставъ грустной жертвой ухищренья злого,
И для того, чтобъ прекратитъ скандалъ,
Милэди въ бой была вступить готова.
(Какъ иностранецъ, мой герой не зналъ,
Что въ Англіи относятся сурово
Къ грѣхамъ любви. Присяжныхъ приговоръ
Сулитъ и разоренье, и позоръ.)

---

[1]) Когда сынъ канцлера Оксенштирна спросилъ отца: отчего въ политикѣ такъ часто отъ самыхъ ничтожныхъ причинъ происходятъ самыя важныя дѣйствія?—тотъ отвѣтилъ: ты изъ этого можешь заключить, сынъ мой, какая нужна ничтожная мудрость, чтобъ управлять государствомъ.

LXI.

Она вредить рѣшилась герцогинѣ,
Лишь думая о прекращеньи зла, —
И не боялась бѣдъ по той причинѣ,
Что въ свѣтѣ и наивна, и смѣла
Всегда невинность. Лэди Аделинѣ
Явиться мысль, конечно, не могла
Прибѣгнуть къ плутнямъ тѣмъ, чтб зачастую
Отъ бѣдъ спасаютъ грѣшницу любую.

LXII.

Не герцога боялася она:
Онъ дѣла не довелъ бы до развода
И верхъ надъ нимъ всегда бъ взяла жена.
Нѣтъ, у нея заботъ иного рода
Не мало было: прелести полна
Была ея подруга и свободой
Располагала; къ довершенью бѣдъ
Затѣять ссору могъ Плантагенетъ.

LXIII.

Къ тому же интриганкою опасной
Была ея подруга; мучить всѣхъ
Поклонниковъ она любила страстно;
Имъ обходился дорого успѣхъ!
Любовникъ передъ ней былъ рабъ безгласный
Ея безумныхъ прихотей; за грѣхъ
Она его тиранить не считала,
Но жертвъ своихъ изъ рукъ не выпускала.

LXIV.

Такъ создаются Вертеры порой;
Ихъ въ гробъ кладетъ тяжелая кручина;
Легко понять, что отъ судьбы такой
Спасти хотѣла друга Аделина;
Отраднѣе, чѣмъ связь съ сиреной злой,
Женитьба, даже ранняя кончина;
Какъ не бѣжать отъ ядовитыхъ женъ!
Иная *bonne fortune* совсѣмъ не *bonne*.

LXV.

И вотъ, чужда̀ коварства и обмана,
Рѣшилась безупречная жена
Супруга упросить, чтобъ онъ Жуана
Совѣтомъ спасъ. Хоть цѣль была ясна,
Не могъ одобрить онъ такого плана,
Найдя, что непрактична и смѣшна
Затѣя эта. Лордъ въ недоумѣнье
Привелъ жену, отстаивая мнѣнье.

LXVI.

Онъ такъ отвѣтилъ: «Только королю
«Даю совѣты я, и не намѣренъ
«Другихъ учить; я сплетень не люблю:
«Не всякій слухъ бываетъ достовѣренъ.
«Жуанъ уменъ, хоть юнъ, и роль свою
«Сыграетъ безъ суффлера, я увѣренъ.
«Кому совѣты нужны? Пусть хорошъ
«Чужой совѣтъ—его не ставятъ въ грошъ!»

LXVII.

Чтобъ подтвердить такое заключенье,
Онъ добрый далъ совѣтъ женѣ своей:
Оставить это дѣло. «Увлеченье
«Само собой пройдетъ съ теченьемъ дней.
«Жуанъ вѣдь не монахъ; къ тому жъ гоненья
«Усиливаютъ только пылъ страстей.
«Опасно прибѣгать къ тяжелымъ мѣрамъ».
Тутъ рядъ депешъ онъ получилъ съ курьеромъ.

LXVIII.

Къ себѣ ушелъ, принявъ серьезный видъ
Лордъ Генри, членъ Верховнаго Совѣта.
(Пусть будущій Титъ Ливій разъяснитъ,
Какъ уменьшилъ онъ дефицитъ бюджета
И на ноги поставилъ нашъ кредитъ)
Я не читалъ депешъ—причина эта
Мѣшаетъ мнѣ ихъ сущность передать;
Узнавъ ее, пущу ее въ печать.

LXIX.

Еще двѣ три инструкціи, рутиной,
Внушенныя женѣ, лордъ Генри далъ;
Затѣмъ, раскрывъ депеши съ важной миной,
Онъ, уходя, жену поцѣловалъ.
Спокойно онъ разстался съ Аделиной;
Гляда на нихъ, никто бъ не отгадалъ,
Что онъ ей мужъ; сестеръ, ужъ лѣтъ извѣстныхъ,
Цѣлуютъ такъ, но не супругъ прелестныхъ.

LXX.

Гордился лордъ и саномъ, и родствомъ,
Принадлежа всецѣло высшимъ сферамъ;
Изящества такъ много было въ немъ,
Что онъ, казалось, созданъ камергеромъ,
Чтобъ во дворцѣ блестѣть предъ королемъ;
По тону, по фигурѣ и манерамъ
Ему была присуща эта роль.
Онъ вѣрно бъ ключъ имѣлъ—будь я король.

LXXI.

Хоть рѣдкой для мужчины красотою
Онъ обладалъ и былъ какъ тополь прямъ,
Того, что̀ называется «душою»
На языкѣ условномъ милыхъ дамъ,
Недоставало въ немъ. Владѣть собою
Всегда онъ могъ; житейскимъ мелочамъ
Не придавая лишняго значенья,
Не вѣдалъ онъ, что̀ значитъ увлеченье.

LXXII.

Но это *je ne sais quoi*, что̀ не имѣлъ
Лордъ Генри—цѣнный даръ, того не скрою;
Достанься Менелаю онъ въ удѣлъ,
Не повезло бъ дарданскому герою,
Елену онъ увлечь бы не съумѣлъ
И воспѣвать Гомеръ не сталъ бы Трою.
Да, измѣняли женщины не разъ,
Когда «души» не находили въ насъ.

LXXIII.

Кто скажетъ намъ, къ чему стремиться надо,
Ища любовь? Что̀ горе для однихъ,
То для другихъ блаженство и отрада.
Но чувственность плѣняетъ только мигъ;
А платонизмъ—лишь жалкая услада,
Хоть дольше держитъ насъ въ сѣтяхъ своихъ;
Когда жъ они въ союзъ вступаютъ нѣжный,
Съ такимъ Центавромъ гибель неизбѣжна.

LXXIV.

Всѣ женщины мечтаютъ лишь о томъ,
Чтобъ сердцу дать занятье; но легко ли
Найти любовь со свѣтомъ и тепломъ?
Ихъ утлый челнъ несется безъ буссоли
Среди пучинъ, дыханьемъ бурь влекомъ.
Бороться нѣтъ у нихъ ни силъ, ни воли;
Когда-нибудь найдетъ же пристань челнъ!
Но вотъ утесъ, и гибнетъ онъ средь волнъ.

LXXV.

Цвѣтокъ «*Любовь отъ праздности*» Шекспиру
Обязанъ появленіемъ на свѣтъ,
И съ той поры онъ сталъ извѣстенъ міру.
Но мнѣ ль въ саду пѣвца похитить цвѣтъ!
Не прикоснусь къ британскому кумиру—
На это у меня отваги нѣтъ;
Но я съ Руссо способенъ взять реваншъ
И съ нимъ воскликну: *Voilà la Pervenche*! [1])

LXXVI.

Eureka! но прошу слова мои
Какъ слѣдуетъ понять. Я не намѣренъ
Доказывать, что праздность—мать любви;
Но съ ней она въ союзѣ, я увѣренъ.
Не вспыхнетъ въ томъ минутный жаръ въ крови,
Кто трудится, своимъ занятьямъ вѣренъ.
Въ одной Медеѣ не угихла страсть,
Хоть въ кормчіи случилось ей попасть.

---

[1]) См. La Nouvelle Heloise.

LXXVII.

Beatus ille qui procul negotiis [1]),
Сказалъ поэтъ, но въ мнѣніи такомъ
Неправъ Горацio. *Noscitur a sociis*—
Вотъ строгій стихъ, но больше правды въ немъ.
Опасные соблазны и эмоціи
Даритъ намъ праздность, спорить ли о томъ?
О трижды счастливъ тотъ, могу сказать я,
Кто любитъ трудъ и у кого занятья.

LXXVIII.

Когда на пашню райскіе сады
Смѣнилъ Адамъ,—костюмъ скроила Ева
Изъ листьевъ. Вотъ тѣ первые плоды,
Что людямъ принесло познанья древо.
Отъ мукъ и бѣдъ спасаютъ лишь труды;
Всегда зависитъ жатва отъ посѣва:
Коль свѣтскимъ дамамъ скучно цѣлый день,
То потому, что имъ трудиться лѣнь.

LXXIX.

Вотъ почему такъ дамы пусты наши
И «свѣтъ» пропитанъ скукою одной.
Нельзя жъ всегда пить счастье полной чашей:
Довольство пресыщеніе съ собой
Приноситъ людямъ. Жизнь лишеній краше,
Чѣмъ эта жизнь съ блестящей мишурой,
Гдѣ психопатки съ *синими чулками*
Царятъ, дивя насъ жалкими страстями.

LXXX.

Клянуся! я романовъ не читалъ
Такихъ, какъ мнѣ случалось видѣть въ свѣтѣ;
Когда бъ ихъ описать, какой скандалъ
Произвели бъ разоблаченья эти;
Въ глаза бъ сказали мнѣ, что я солгалъ.
Прослыть лжецомъ могу ль имѣть въ предметѣ?
Чтобъ правду не язвила клевета,
Я говорю лишь общія мѣста.

LXXXI.

«И устрицы въ любви несчастье знаютъ!»
Причина та, что дни онѣ влачатъ
Въ бездѣйствіи и подъ водой вздыхаютъ,
Вкушая вѣчной лѣни горькій ядъ.
Имъ въ келіяхъ монахи подражаютъ;
Но съ праздностью нейдетъ молитва въ ладъ;
Такъ трудно имъ нести бездѣлья бремя,
Что часто эти злаки идутъ въ сѣмя.

LXXXII.

О, Вильберфорсъ! великій человѣкъ,
Чьи подвиги воспѣть безсильна лира!
Ты рабство негровъ въ Африкѣ пресѣкъ
И низверженьемъ грознаго кумира
Прославилъ *черной* славою свой вѣкъ.
Но ты забылъ другія части міра:
Ты чернымъ далъ свободы свѣтлый лучъ,—
Теперь же бѣлыхъ ты запри на ключъ!

LXXXIII.

Союзниковъ запри, любимцевъ славы,
Чтобъ въ мигъ одинъ всѣ счеты съ ними свесть,
Имъ доказавъ, что подъ одной приправой
И гуся, и гусыню можно съѣсть.
Запри и саламандръ, что для забавы
Изъ за гроша въ огонь готовы лѣзть;
Запри не короля, а Павильоны:
Они странѣ ужъ стоять милліоны!

LXXXIV.

Запри весь міръ, но дай свободу тѣмъ,
Которые въ Бедлэмѣ. Будь увѣренъ,
Что все пойдетъ по старому затѣмъ;
Давно людьми ужъ здравый смыслъ потерянъ.
Будь свѣтъ уменъ, то ясно было бъ всѣмъ;
Съ глупцами жъ въ споръ вступать я не намѣренъ.
И такъ какъ у меня опоры нѣтъ,
Я поступлю, какъ мудрый Архимедъ.

---

[1]) Hor. Epod. Od. Ei. Въ латинскихъ цитатахъ этой октавы перев. сохранилъ размѣръ и риѳмы подлинника.

LXXXV.

Свободно было сердце Аделины;
Оно ничью не признавало власть;
Въ немъ не съумѣлъ поклонникъ ни единый
Оставить слѣдъ и пробудить въ немъ страсть.
Для слабыхъ незначительной причины
Достаточно, чтобъ ихъ заставить пасть;
Но гибельно, какъ взрывъ землетрясенья
Для сильныхъ духомъ каждое паденье.

LXXXVI.

Привѣтливый она бросала взоръ
На мужа; но старалася напрасно
Его любить. Итти наперекоръ
Природѣ и безцѣльно, и опасно.
Скалы Сизифа вынесть ли напоръ?
Они, однако жъ, жить могли согласно,
И свѣтъ считалъ примѣрнымъ ихъ союзъ,
Хоть льдомъ несло отъ этихъ брачныхъ узъ.

LXXXVII.

Межъ ними не случалось столкновеній,
Хоть рознились ихъ мнѣнія. Сравнить
Ихъ жизнь могу съ спокойствіемъ движеній
Двухъ звѣздъ, которыхъ связываетъ нить
Одной орбиты. Вотъ еще сравненье:
Не можетъ Леманъ съ Роной волны слить;
Онѣ текутъ, не смѣшиваясь, рядомъ,
Какъ ленты двухъ цвѣтовъ блестя предъ взгля-
домъ.

LXXXVIII.

Хоть лэди Аделина и была
Увѣрена въ себѣ, но увлеченье
Могло ей причинить не мало зла;
Опредѣляя силу впечатлѣнья,
Она легко въ ошибку впасть могла;
Тѣмъ болѣе, что сладость упоенья
Вторгалась въ душу ей, какъ горный ключъ,
Спадающій стремглавъ съ отвѣсныхъ кручъ.

LXXXIX.

Когда порой опасность ей грозила,—
На выручку двуличный демонъ къ ней
Являлся; въ часъ успѣха эта сила
Зовется *властью духа* у людей,—
Упрямствомъ, если счастье измѣнило.
Героевъ, полководцевъ, королей—
То губитъ эта сила, то спасаетъ;
Но все жъ никто границъ ея не знаетъ.

XC.

Когда бъ при Ватерлѳ Наполеонъ
Побѣду одержалъ, за силу воли
Молвою былъ бы онъ превознесенъ;
Теперь онъ выступаетъ въ жалкой роли
Упрямца! Случай намъ дастъ законъ;
Условность—злая язва нашей доли;
Но не хочу объ этомъ разсуждать
И къ Аделинѣ обращусь опять.

XCI.

Я чувствъ ея описывать не стану;
Могу ль ихъ знать, когда загадка въ нихъ
Была и для нея? Она къ Жуану
Питала лишь симпатію и въ мигъ
Съумѣла бъ положить конецъ роману,
Явись опасность вдругъ отъ чувствъ иныхъ.
Ей иностранцу-юношѣ, какъ другу,
Хотѣлось оказать въ бѣдѣ услугу.

XCII.

Къ Жуану—такъ воображалось ей—
Она лишь дружбу нѣжную питала;
Стараясь брать примѣръ съ мужчинъ-друзей,
Она, чиста душой, не признавала
Опасныхъ платоническихъ затѣй,
Сгубившихъ бѣдныхъ женщинъ ужъ не мало
И въ дружбѣ той не замѣчая зла,
Безъ страха предаваться ей могла.

XCIII.

Въ подобной дружбѣ видно безъ сомнѣнья
Вліяніе различія половъ;
Но если чуждо страсти то влеченье
(Бичъ дружбы—страсть!) и отъ любви оковъ
Подобныя свободны отношенья—
Нѣтъ лучше друга женщины. Таковъ
Мой взглядъ; но чтобъ вполнѣ союзъ былъ тѣсенъ,
Не надо другу пѣть любовныхъ пѣсенъ.

XCIV.

Зародыши измѣнъ въ себѣ несетъ
Любовь, вселяясь въ насъ. Понятно это:
Тѣмъ къ холоду быстрѣе переходъ,
Чѣмъ пламенней любовью грудь согрѣта;
Сама природа въ томъ примѣръ даетъ:
Всегда ль сіяньемъ молніи одѣта
Лазоревая высь? Любовь нѣжна,—
Такъ можетъ ли не хрупкой быть она?

XCV.

Нерѣдко тотъ, кто отдавался страсти,
Жалѣлъ, что признавалъ ея законъ;
За то, что былъ ея покоренъ власти,
Въ глупца преобразился Соломонъ.
Любовь сулитъ тяжелыя напасти;
Встрѣчать случалось мнѣ примѣрныхъ женъ,—
И что жъ? Онѣ мужей сживали съ свѣта,
За это не боясь нести отвѣта.

XCVI.

Друзей нѣтъ лучше женщинъ; въ дни, когда
Меня и на чужбинѣ, и въ отчизнѣ
Язвила безпощадная вражда,
Лишь женщины-друзья отрадой жизни
Являлися моей. Онѣ всегда,
Не вѣря ни хулѣ, ни укоризнѣ,
На помощь шли ко мнѣ, вступая въ бой
Съ шипящею змѣею-клеветой.

XCVII.

Впослѣдствіи о дружбѣ Аделины
Съ Жуаномъ рѣчь пространнѣй поведу;
Теперь я пѣснь кончаю, и причины
Прервать разсказъ удачнѣй не найду.
Пускай предъ неоконченной картиной
Стоитъ читатель. У меня въ виду
Тотъ фактъ, что чѣмъ загадочнѣй интрига,
Тѣмъ интереснѣй дѣлается книга

XCVIII.

Гуляли ли, катались ли они?
Читали ль по испански «Донъ-Кихота»?
(Отраднѣй нѣтъ занятья въ наши дни.)
Могли ль они себя спасти отъ гнета
Тяжелыхъ думъ средъ свѣтской болтовни?
Мириться съ ней была ль у нихъ охота?
На эти всѣ вопросы вамъ поэтъ
Въ той пѣснѣ дастъ талантливый отвѣтъ.

XCIX.

Серьезный тонъ въ сатиру-эпопею
Введу я съ новой пѣсни; чтобъ въ обманъ
Вамъ не пришлося впасть—просить васъ смѣю
Впередъ въ мой не заглядывать романъ.
Грѣшатъ всегда предвзятостью своею
Догадки. Аделина и Жуанъ
Невинны; если жъ имъ грозитъ паденье—
Отъ гибели имъ не найти спасенья.

C.

Бездѣлица порой плодитъ напасть.
Вотъ дней давно-былыхъ воспоминанье,
Что̀ пустяковъ доказываетъ власть:
Я отъ любви лишился разъ сознанья,
Но что̀ раздуло вдругъ такую страсть?
Вы отгадать никакъ не въ состояньи—
Держу пари хотя бъ на милліардъ:
Меня сгубила партія въ бильярдъ.

CI.

Вамъ можетъ показаться страннымъ это;
Но дѣло въ томъ, что вымыселъ блѣднѣй,
Чѣмъ истина. Вы не узнали бъ свѣта—
Явись возможность выскаться ей.
Подъ маской добродѣтели; привѣта
Порочность ждать не стала бъ отъ людей;
И зло совсѣмъ исчезло бы, конечно—
Открой Колумбъ дорогу къ правдѣ вѣчной.

CII.

«*Таинственныхъ пещеръ, пустынь нѣмыхъ*»
Не мало бъ усмотрѣли наши взоры
Въ дышащихъ только зломъ сердцахъ людскихъ,
Гдѣ вмѣсто чувствъ лишь ледяныя горы.
Явися правда къ намъ, хотя на мигъ,—
Замучили бъ насъ совѣсти укоры,
И Цезарь самъ, такъ много видя бѣдъ,
Бояться бъ сталъ за славу несть отвѣтъ.

ПѢСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ.

I.

Ахъ! Что должнò тутъ слѣдовать—не знаю;
Но пусть меня сомнѣнье не смутитъ:
Все à propos; итакъ я продолжаю,
Какъ будто мысль, свободная, летитъ
Сама собой. Вся наша жизнь земная
Изъ междометій разныхъ состоитъ:
Въ ней «ха, ха, ха!» иль «охъ!»—печаль иль радость—
Но «тьфу» вѣрнѣй рисуетъ эту гадость.

III.

Отраднѣй волноваться, чѣмъ подъ маской
Скрывать слѣды томящихъ насъ тревогъ.
Все затемнять фальшивою окраской
Привыкли мы, и въ сердцѣ уголокъ
Всегда есть для притворства. Правда сказкой
Намъ кажется. Отъ истины далекъ
Лукавый свѣтъ, и потому понятно,
Что ложь хвалить ему всегда пріятно.

II.

Все это вмѣстѣ—лишь волненья слѣдъ;
Волненье—пѣна жизненнаго моря
И въ маломъ видѣ—вѣчности портретъ:
Оно насъ оживляетъ, съ скукой споря,
И часто, отстраняя чашу бѣдъ,
Даруетъ намъ блаженство вмѣсто горя.
Когда оно сродняется съ душой, —
Успѣшно свѣтъ бороться можетъ съ тьмой.

IV.

Возможно ль позабыть минувшихъ дней
Погибшія мечты и увлеченья?
Не вычеркнуть изъ памяти своей
Былые сны и прошлыя волненья;
Хоть Лета умѣряетъ пылъ страстей,
Все жъ не даритъ намъ полнаго забвенья.
Порой нашъ кубокъ полнъ—и что же?—въ немъ
Всегда осадокъ времени найдемъ.

V.

Что жъ до любви касается мятежной...
Но къ Аделинѣ вновь вернуся я;
Не правда ли, какъ имя это нѣжно?
(Есть музыка въ журчаніи ручья
И въ колыханьи заросли прибрежной;
Гармоніи полна природа вся;
Объ этомъ лишь одни глухіе спорятъ:
Мелодьямъ сферъ земные звуки вторятъ.)

VI.

Увы! опаснымъ лэди шла путемъ.
Вѣдь женщины не знаютъ твердыхъ правилъ,
И многія изъ нихъ сходны съ виномъ
Испорченнымъ. Кого втупикъ не ставилъ
Обманчивый ярлыкъ? Мечтой влекомъ,
Прекрасный полъ когда же не лукавилъ?
Броженіе до старости—законъ
Не только для вина, но и для женъ.

VII.

Когда съ виномъ сравню я Аделину—
Въ такомъ винѣ былъ лучшихъ гроздій сокъ;
По чистотѣ алмазу иль рубину
Красавицу я бъ уподобить могъ;
Сатурнъ и тотъ сгибалъ предъ нею спину,
А онъ для всѣхъ безжалостенъ и строгъ;
На свѣтѣ нѣтъ счастливѣй кредитора:
Онъ въ должникѣ найти не можетъ вора!

VIII.

О, смерть! ты кредиторъ лукавый нашъ!
Ты робко въ нашу дверь стучишь сначала,
Какъ знатныхъ баръ боящійся торгашъ;
Затѣмъ стучишь сильнѣй; терпѣнья мало
Тебѣ дано; пощады ты не дашь,
Когда тебѣ прійти пора настала!
Людскія просьбы ты не ставишь въ грошъ:
Тебѣ лишь милъ немедленный платежъ.

IX.

Все въ плѣнъ бери, но сжалься надъ красою!
Она рѣдка, а ты по горло сытъ
И безъ нея. Она грѣшитъ порою,
Такъ что жъ—ей потому и нуженъ щитъ.
Обжорливый скелетъ! весь міръ тобою
Порабощенъ; умѣрь свой аппетитъ!
Героевъ пожирай съ зловѣщей силой,
Но красоту цвѣтущую помилуй!

X.

Какой-нибудь мечтой увлечена,
Дурныхъ страстей не признавая жгучесть,
Ей лэди Аделина, грезъ полна,
Всецѣло отдавалась. Это участь
Восторженныхъ натуръ. Притомъ она,
Держась надменно, вѣрила въ живучесть
Тѣхъ правилъ, что̀ ведутъ на правый путь;
Однимъ добромъ ея дышала грудь.

XI.

Молва, газета сплетенъ, протрубила
О похожденьяхъ юноши; и что жъ?—
Не разсердилась лэди; дамамъ мило
Порою то, что̀ насъ приводитъ въ дрожь;
Но многое въ Жуанѣ измѣнила
Жизнь въ Англіи. Съ Алквивіадомъ схожъ,
Онъ въ край чужой не шелъ съ своимъ уставомъ
И примѣняться могъ ко всякимъ нравамъ.

XII.

Онъ увлекалъ, не думая увлечь,
Привѣтливою искренностью тона;
Безъ вычуровъ его лилася рѣчь;
Онъ изъ себя не корчилъ Купидона,
Который хочетъ всѣ сердца привлечь,
Не вѣря, что возможна оборона.
Мечтая о побѣдахъ, фатъ пустой
Лишь думаетъ, что съ нимъ немыслимъ бой.

XIII.

Но можетъ ли къ успѣху тонъ нахальный
Кого-нибудь привесть? Прямой отказъ—
Вотъ способа такого плодъ печальный!
Жуанъ былъ чуждъ искусственныхъ прикрасъ,
Къ тому жъ имѣлъ онъ голосъ музыкальный;
Изъ стрѣлъ, что̀ ловко бѣсъ пускаетъ въ насъ,
Неотразимѣй всѣхъ пріятный голосъ.
Гдѣ дама, что успѣшно съ нимъ боролась?

XIV.

Жуана не испортила среда;
Хоть робокъ не былъ онъ, но видно было,
Что ложь ему противна и чужда;
Казался скромнымъ онъ, а скромность—сила:
Она, какъ добродѣтель иногда,
Въ себѣ самой награду находила.
Отсутствіе претензій краситъ всѣхъ
И часто въ даръ приноситъ намъ успѣхъ.

XV.

Въ весельи тихъ, безъ лести милъ, онъ ловко
Всѣ слабости людскія примѣчалъ,
Скрывая то съ искусною сноровкой.
Онъ съ гордыми былъ гордъ и цѣну зналъ
Себѣ и имъ. Картинной позировкой
Морочить свѣтъ онъ вовсе не желалъ
И шелъ впередъ, не увлеченъ мечтою—
Первенствовать надъ чопорной толпою.

XVI.

Для дамъ же мой герой былъ сущій кладъ:
Онъ съ ихъ всегда соображался мнѣньемъ
И взглядамъ ихъ былъ подчиняться радъ;
Онѣ живутъ однимъ воображеньемъ,
Ему жъ предѣловъ нѣтъ... но verbum sat.
Давая ходъ своимъ «Преображеньямъ»,
Имъ ни почемъ и Санціо затмить.
Кто скажетъ намъ, чѣмъ ихъ умѣрить прыть?

XVII.

Глядя на міръ сквозь грань условной призмы,
Легко въ ошибку впасть, а, оступясь
Надъ бездною, стремглавъ несемся внизъ мы.
Въ такой бѣдѣ спасетъ ли опытъ насъ?
Философовъ безцѣнны афоризмы,
Но голосъ мудрецовъ—«въ пустынѣ гласъ»:
Глупцамъ пойти не могутъ впрокъ уроки,
Которыхъ имъ невнятенъ смыслъ глубокій.

XVIII.

Великій Бэконъ, Локкъ и ты, Сократъ!
Какъ люди васъ за трудъ вознаграждали?
Какихъ ты удостоился наградъ,
Божественный Учитель, чьи скрижали
Надъ міромъ словно свѣточи горятъ?
Не разъ твое ученье искажали,
Чтобъ зло творить! Примѣровъ много есть,
Но въ цѣломъ томѣ ихъ не перечесть.

XIX.

Моя скромнѣе роль; я съ возвышенья
Слѣжу за тѣмъ, что̀ можетъ видѣть глазъ;
Затѣмъ вношу въ поэму наблюденья,
За славою нисколько не гонясь.
Мои стихи текутъ безъ затрудненья,
И я пишу безъ вычуръ и прикрасъ,
Какъ сталъ бы разговаривать я съ другомъ,
Гуляя съ нимъ и пользуясь досугомъ.

XX.

Большой талантъ не нуженъ, чтобъ писать
Шутливый вздоръ; все жъ трудъ мой не безплоденъ;
Къ тому жъ люблю порою поболтать;
Хотя мой стихъ игривъ и сумасброденъ—
Подобострастья въ немъ не отыскать;
Пою, съ импровизаторами сходенъ,
И все, что̀ мнѣ порой взбредетъ на умъ,
Вношу въ октавы я безъ дальнихъ думъ

XXI.

Желаетъ Мато все сказать *прекрасно*
Но говори и *хорошо* подъ часъ,
И *средственно*, и даже *плохо*». Ясно,
Что первый пунктъ чуть достижимъ для насъ;
Второе—легче, третье же—ужасно
Четвертое—мы слышимъ сотни разъ.
Но это все я здѣсь смѣшать желаю
И смѣсь мою вамъ кушать предлагаю [1]).

XXII.

Могу ль нагляднѣй скромность проявить?
Но въ скромности я черпаю значенье
И силу, хоть умѣю гордымъ быть.
Ужасно разрослось мое творенье!
Когда бъ хотѣлъ я деспотизму льстить
И слушаться зоиловъ—безъ сомнѣнья,
До крайности я бъ трудъ свой обкорналъ,
Но не сдаюсь: борьба—мой идеалъ.

XXIII.

Къ тому жъ всегда я защищаю бѣдныхъ
И слабыхъ; и случись паденье тѣхъ,
Что давятъ міръ теперь въ вѣнкахъ побѣдныхъ,
Я измѣнилъ бы фронтъ; сперва мой смѣхъ
Язвить бы сталъ кичливцевъ этихъ вредныхъ—
Ихъ защищать не счелъ бы я за грѣхъ.
Я всякой тиранiи врагъ заклятый,
Хотя бы и царили демократы.

XXIV.

Я былъ бы славнымъ мужемъ, но—увы!—
Теперь о томъ не можетъ быть и рѣчи...
О, цѣпи брака, мнѣ знакомы вы!
Постричься бъ могъ, но манятъ жизни сѣчи;
Къ тому жъ ломать не сталъ бы головы
Надъ риѳмами, грамматику калѣча,
Когда бъ во время дно злой зоилъ
Знакомства съ Музой мнѣ не запретилъ.

XXV.

Laissez aller! Пусть воспѣваетъ лира
Встрѣчающихся рыцарей и дамъ!
Нужна ль тутъ помощь мужа изъ Стагира [2])
Иль Лонгина? Не выходить изъ рамъ
Должна, однакожъ, всякая сатира
И не легко условнымъ нравамъ намъ
Придать какое надо освѣщенье,
При этомъ обобщая исключенья!

XXVI.

Насъ жизнь гнететъ условностью своей;
Когда-то люди создавали нравы,
Теперь же нравы создаютъ людей;
Ихъ съ овцами сравнивъ, мы будемъ правы!
Всѣ люди межъ собою съ дѣтскихъ дней
Вполнѣ сходны. Ждать можете ль добра вы
Отъ новыхъ описанiй старыхъ лицъ,
Когда однообразью нѣтъ границъ!

XXVII.

Итти не все жъ придется степью голой.
Итакъ, впередъ! О, Муза, ты порхай,
Когда летать не можешь; будь тяжелой
Иль ѣдкою (министрамъ подражай!),
Коль дивные тебѣ чужды глаголы!
Непочатой еще отыщемъ край.
При помощи флотильи небогатой
Америку открылъ Колумбъ когда-то.

XXVIII.

Участье Аделины съ каждымъ днемъ
Къ Жуану все росло. Ея волненье
Отчасти виновато было въ томъ,
Отчасти же и друга положенье.
Казалось ей, невинность дышетъ въ немъ,
Что̀ и невинность вводитъ въ искушенье.
Не любятъ дамы жалкихъ полу-мѣръ,
И Аделина въ томъ дала примѣръ.

---

[1]) Omnia vult *belle* Matho dicere—dic aliquando et *bene*, dic *neutrum*, dic aliquando *male*. Марцiалъ. Въ оригиналѣ эта цитата написана подлинною латинскою фразой.

[2]) Аристотель.

XXIX.

И вотъ она, любя его какъ брата,
Рѣшилась дать ему благой совѣтъ.
(За лучшіе лишь благодарность плата:
Дешевле на землѣ товара нѣтъ!)
Заботливостью нѣжною объята,
Она, обдумавъ тщательно предметъ,
Дала совѣтъ жениться Донъ-Жуану,
Чтобъ разомъ положить конецъ роману.

XXX.

Жуанъ сказалъ, что бракъ глубоко чтитъ
И былъ бы радъ сродниться съ жизнью новой,
Но Аделинѣ выставилъ на видъ,
Что съ нимъ судьба обходится сурово,
Что та, къ которой страстью онъ горитъ,
Къ несчастію, давно жена другого.
Возможно ли, чтобъ онъ сгубилъ себя
И въ бракъ вступилъ, подругу не любя?

XXXI.

Свою судьбу устроивъ чрезъ интриги,
Затѣмъ судьбу дѣтей, сестеръ, кузинъ,
И размѣстивъ ихъ какъ на полкѣ книги,
Всѣ женщины охотно на мужчинъ
Накладываютъ брачныя вериги,
Устраивая свадьбы; нѣтъ причинъ
Ихъ осуждать за то: хоть бракъ и страшенъ,
Но онъ спасаетъ насъ отъ грѣшныхъ шашенъ.

XXXII.

У всякой дамы свадьбы планъ готовъ—
Вѣдь женихов не мало на примѣтѣ!
(Не тѣшатъ свадьбы только старыхъ вдовъ
И старыхъ дѣвъ.) Забота дамы: въ сѣти
Поймать холостяка—и бракъ готовъ!
Въ восторгѣ всѣ; но сколько видятъ въ свѣтѣ,
Благодаря супружествамъ такимъ,
И мелодрамъ, и жалкихъ пантомимъ!

XXXIII.

У дамъ подобныхъ, кстати мы замѣтимъ,
Всегда женихъ богатый припасенъ;
Какъ возятся онѣ съ счастливцемъ этимъ!
Лордъ Джорджъ хорошъ; недуренъ и сэръ Джонъ.
Гдѣ счастье этихъ лицъ въ виду имѣть имъ!
Лишь былъ бы бракъ скорѣе заключенъ;
Что жъ,—отъ грѣха счастливый мужъ отпрянетъ,
А дѣло за невѣстами не станетъ!

XXXIV.

У этихъ дамъ запасъ невѣстъ не малъ;
Для одного богатую дѣвицу
Готовятъ; для другого—идеалъ
Невинности, для этого—пѣвицу...
Одну невѣсту краситъ капиталъ,
Другую—связи; третья же столицу
Своими совершенствами дивитъ,
Не увлекаться ею просто стыдъ!

XXXV.

Извѣстный Раппъ, супружество не чтущій,
Колонію сектантовъ основалъ,
И стала та колонія цвѣтущей.
Скажите—развѣ это не скандалъ?
Въ безбрачьи жизнь влачить не грѣхъ ли сущій?
Колонію «Согласьемъ» онъ назвалъ.
Какой абсурдъ! замѣчу безъ прикрасъ я:
Гдѣ брака нѣтъ—смѣшно искать согласья!

XXXVI.

Онъ вѣрно посмѣяться лишь хотѣлъ
Надъ бракомъ и согласьемъ, такъ сурово
Ихъ раздѣливъ. Я вовсе не имѣлъ
Намѣренья трунить надъ сектой новой;
Завиденъ и блестящъ ея удѣлъ!
Религія и нравственность основой
Ей служатъ. Не надъ ней смѣялся я,—
Названья лишь ея хвалить нельзя.

XXXVII.

Но съ Раппомъ несогласны тѣ матроны,
Которыя, надъ Мальтусомъ смѣясь,
Лишь размноженья чествуютъ законы;
Ихъ торжество приводитъ въ трепетъ насъ;
Вы эмигрантовъ слышите ли стоны?
Вотъ результаты размноженья массъ.
Неурожай картофеля и страсти
Приносятъ въ даръ тяжелыя напасти!

XXXVIII.

Читала ль лэди Мальтуса? Увы!—
Не знаю самъ. Онъ заповѣдь оставилъ:
«Безъ денегъ не женитесь». Это вы
Въ трудѣ прочтете, что его прославилъ.
Его воззрѣнья смѣлы и новы;
Но какъ мириться съ смысломъ этихъ правилъ?
Теорія его, разсчета плодъ,
Насъ прямо къ аскетизму приведетъ.

XXXIX.

Супружество Жуану безъ опаски
Сулила лэди. Будучи богатъ,
Онъ могъ всегда къ разводу, какъ къ развязкѣ,
Прибѣгнуть, если бъ встрѣтилъ дома адъ;
Коль можно положить семейной пляскѣ
Конецъ, то цѣпи брака не страшатъ.
Припомните Гольбейна «Пляску смерти»:
Семейныхъ узъ она портретъ, повѣрьте!

XL.

Чтобъ друга уберечь отъ вражьихъ путъ,
Его женить рѣшила Аделина.
Не мало было миссъ прелестныхъ тутъ;
За выборомъ лишь дѣло! Нѣтъ причины
Всѣхъ называть; такой безцѣленъ трудъ;
Одно лишь я скажу: всѣ до единой
Его достойны были и съ любой
Обрѣсть онъ могъ бы счастье и покой.

XLI.

Миссъ Мильпондъ, въ сонмѣ ихъ лучи бросая,
Была съ густыми сливками сходна,
По снятіи которыхъ смѣсь плохая
Простой воды и молока видна
Съ оттѣнкомъ сизымъ. Бракъ не страсть лихая:
Ему такая жидкость не вредна;
Хоть морщась, но ее вкушайте смѣло:
Молочная діэта лечитъ тѣло.

XLII.

Богатая миссъ Шустрингъ все гналась
За мужемъ съ синей лентой иль съ звѣздою;
Но рѣдки стали герцоги у насъ;
Къ тому жъ попытка ихъ увлечь собою
Несчастной миссъ вполнѣ не удалась;
И вотъ она, гонимая судьбою,
За русскаго иль турка (въ этомъ нѣтъ
Различья) вышла замужъ, бросивъ свѣтъ.

XLIII.

Хоть перечни въ стихахъ неблагодарны,
Не вправѣ я миссъ Рэби позабыть:
Она такой звѣздою лучезарной
Блестѣла, что ей зеркаломъ служить,
Хотя бъ и тусклымъ, свѣтъ не могъ коварный.
Недавно ей досталось въ свѣтъ вступить.
Сходна съ нераспустившеюся розой,
Она казалась воплощенной грезой.

XLIV.

Она была сиротка; много благъ
Сулилъ ей свѣтъ, предъ ней широко двери
Свои раскрывъ; но грусть въ ея очахъ
Всегда читалась; въ счастіе не вѣря,
Она вступала въ жизнь; въ чужихъ дворцахъ
Вдвойнѣ невыносимѣе потеря
Родного очага. Какъ грустенъ свѣтъ,
Когда въ живыхъ намъ сердцу близкихъ нѣтъ!

XLV.

Ребенокъ и по виду, и годами,
Она была грустна, какъ серафимъ,
Который, обливаяся слезами,
Сочувствуетъ страданіямъ людскимъ,
Земными опечаленный грѣхами;
Мы свѣтлаго съ ней ангела сравнимъ,
Что у дверей потерянаго рая
Стоитъ въ тоскѣ, объ изгнанныхъ вздыхая.

XLVI.

Тверда въ вопросахъ вѣры и строга,
Католицизмъ миссъ Рэби свято чтила,
И вѣра та была ей дорога:
Традиціямъ служить ей было мило;
Послѣдняя изъ рода, что врага
Не устрашась и не склонясь предъ силой,
Религіи не измѣнивъ своей,—
Миссъ Рэби, предковъ чтя, гордилась ей.

XLVII.

Блестящій свѣтъ казался ей пустыней;
Она въ уединеніи росла,
Какъ нѣжное растенье; въ свѣтской тинѣ
Красавица завязнуть не могла.
Она казалась свѣтлою богиней
Какихъ-то высшихъ сферъ. Не зная зла,
Она спокойно шла къ завѣтной цѣли,
И въ свѣтѣ всѣ предъ ней благоговѣли.

XLVIII.

Хоть изъ дѣвицъ, тамъ бывшихъ, ни одна
Не обладала даже половиной
Достоинствъ миссъ Авроры—все жъ она
Не значилася въ спискѣ Аделины.
За что она была исключена,
Безъ всякой уважительной причины
Изъ списка тѣхъ, что въ бракъ могли вступить—
Я, право, не берусь вамъ объяснить.

XLIX.

Смущенъ былъ Римъ, не видя бюста Брута
Въ процессіи Тиверія. Жуанъ,
Замѣтивъ, что миссъ Рэби почему-то
Забыта, изумленьемъ обуянъ,
Спросилъ: за что съ ней поступили круто?
И вотъ ему такой отвѣтъ былъ данъ:
«О дѣвочкѣ угрюмой и жеманной
«Весть разговоръ по меньшей мѣрѣ странно».

L.

Жуанъ сказалъ: »Мы вѣры съ ней одной,
«Жениться мы могли бъ безъ затрудненья;
«Межъ тѣмъ, я не добьюсь на бракъ съ другой
«Ни матери, ни Папы разрѣшенья».
Но Аделинѣ чуждъ былъ взглядъ такой;
Она свои лишь признавала мнѣнья;
И, вѣрная теоріи своей,
Лишь повторила сказанное ей.

LI.

Чѣмъ дурны повторенья? Почему же
Къ ихъ помощи не прибѣгать подчасъ?
Хорошій аргументъ не станетъ хуже,
Хотя бъ онъ въ ходъ пускаемъ былъ не разъ.
Несносны пререканья даже вчужѣ;
Упрямствомъ часто побѣждаютъ насъ;
Коль къ цѣли насъ привелъ извѣстный доводъ,
Трунить надъ нимъ, скажите, есть ли поводъ?

LII.

Чѣмъ вызвало прелестное дитя
Предубѣжденья лэди горделивой?
Я не могу, признаюсь не шутя,
На тотъ вопросъ отвѣтить щекотливый;
Всегда великодушью дань платя,
Она была добра и справедлива,
А тутъ такъ измѣнила странно тонъ.
Увы! капризъ для женщины законъ.

LIII.

Быть можетъ показалось ей обидно,
Что равнодушно къ свѣтскимъ мелочамъ
Относится Аврора. (Не завидна
Судьба пустыхъ великосвѣтскихъ дамъ!)
Мы внѣ себя, когда намъ ясно видно,
Что тѣ, которыхъ взглядъ на вещи прямъ,
Хотятъ нашъ умъ унизить. (Шуткой ѣдкой
Антонія такъ Цезарь злилъ нерѣдко).

LIV.

Проснулась ли нежданно зависть въ ней?
(Такой вопросъ позоритъ Аделину!)
Мутило ли ее, шипя, какъ змѣй,
Презрѣнье? Но легко ль найти причину,
Чтобъ презирать ребенка въ цвѣтѣ дней!
Была ли это ревность?—И помину
О ней быть не могло! Какъ на бѣду,
Названья чувству лэди не найду.

LV.

Авророѣ и не снилось, что съ враждою
И завистью за нею свѣтъ слѣдилъ;
Она жъ была чистѣйшею волною
Среди потока знатныхъ, юныхъ силъ,
Который ярко отражалъ собою
Блескъ времени. Ее бы удивилъ
Нежданный споръ. Одной улыбкой кроткой
На вызовъ злой отвѣтила бъ красотка.

LVI.

Аврору пышной внѣшностью своей
И блескомъ Аделина не плѣнила.
Увидя свѣтляка среди вѣтвей,
Она бы къ небу взоры обратила,
Чтобъ посмотрѣть на блескъ иныхъ лучей!
Хотя Жуанъ былъ яркое свѣтило,
Она его души не поняла—
Ее жъ увлечь лишь внѣшность не могла.

LVII.

Своею соблазнительною славой
(Такая слава въ роли сатаны
Вливаетъ въ сердце женщины отравы
И ей даритъ мучительные сны)—
Не могъ онъ съ толку сбить разсудокъ здравый
Авроры милой. Чинно-холодны
Ихъ были отношенья; мы не скроемъ,
Что не былъ Донъ-Жуанъ ея героемъ.

LVIII.

До этого онъ не встрѣчалъ нигдѣ
Такого типа. Сходства не имѣла
Съ Авророю погибшая Гайдэ,
Въ которой клокотала и кипѣла
Бушующая кровь. Въ иной средѣ
Аврора и сложилась, и созрѣла;
Гайдэ была цвѣтокъ, что тѣшитъ глазъ;
Она же драгоцѣннѣйшій алмазъ.

LIX.

Такое давъ прелестное сравненье,
Къ разсказу я вернуться бъ смѣло могъ,
Пуская въ ходъ (то Скотта выраженье)
«Сзывающій на брань походный рогъ».
Читая Скотта дивныя творенья,
Переживаешь жизнь былыхъ эпохъ;
Не существуй Вольтера и Шекспира,
Писателемъ онъ былъ бы первымъ міра.

LX.

Итакъ, на помощь Музу вновь зову,
Чтобъ свесть неправду свѣта съ пьедестала.
Когда-то *снилось* мнѣ, что наживу
Поэмою своей враговъ не мало;
Теперь я это вижу *наяву*.
Но никогда меня не устрашала
Людская злость. Пусть негодуетъ свѣтъ—
Я все жъ, безспорно, истинный поэтъ!

LXI.

Конгрессъ иль разговоръ Жуана съ лэди,
Какъ всѣ конгрессы, кончился ничѣмъ,
Но горечь примѣшалась къ ихъ бесѣдѣ:
Не уважала лэди спорныхъ темъ
И, не щадя враговъ, рвалась къ побѣдѣ.
Но дѣло не испортилось совсѣмъ:
Къ обѣду звонъ какъ будто по заказу
Раздался и прервалъ бесѣду сразу.

LXII.

Сраженье, гдѣ играютъ роль щитовъ
Серебряныя вазы, а приборы
Оружьемъ служатъ, я воспѣть готовъ.
(Бѣда съ Гомеромъ встрѣтиться, который
Такъ силенъ въ описаніи пировъ!)
Дерзну ли обратить я къ Музѣ взоры?
Въ нашъ вѣкъ такъ сложны всѣ рецепты блюдъ,
Что можетъ не по силамъ выйти трудъ.

LXIII.

Обѣдъ былъ въ полномъ смыслѣ объяденье:
Potage Beauveau и *Soupe à la bonne femme*
Сперва явились. (Ихъ приготовленья
Кто передать съумѣетъ тайну намъ?)
О, Господи! Какъ трудно продолженье
Обжорливой строфы!.. Затѣмъ гостямъ
Индѣйку съ трюфелями предложили;
Притомъ, конечно, рыбу не забыли.

LXIV.

Но съ описаньемъ долженъ я скорѣй
Покончить, чтобъ брюзги меня не съѣли!
Я врагъ гастрономическихъ затѣй,
А потому ихъ словословить мнѣ ли?
Рѣзвиться же я съ Музою своей
Порой не прочь, идя отважно къ цѣли;
Но я однообразія боюсь
И съ шутками поэтому мирюсь.

LXV.

Тамъ подавались: дичь и лососина,
Volailles à la Condé, окорока,
Достойные Апиція; а вина,
Способныя увлечь и знатока,
Могли бъ опять лишить Аммона сына.
(Явись онъ вновь — мнѣ бъ жить съ нимъ не рука!)
Шампанское бѣлѣло, пѣнясь дружно,
Какъ Клеопатры даръ — растворъ жемчужный.

LXVI.

Отъ описаній блюдъ — *à l'espagnole*,
A l'allemande, *Timballes*, съ начинкой чудной,
Читатель, пожалѣвъ меня, уволь!
Всѣ яства и припомнить даже трудно.
Salmis и *Entremets* играли роль;
Но былъ вѣнцомъ затѣи многолюдной
Изъ куропатокъ трюфельный рагу, —
За что Лукулла похвалить могу.

LXVII.

Предъ этимъ блюдомъ вянетъ лавръ побѣды!
Онъ — тряпка, прахъ. Дѣла минувшихъ дней
Забыты, какъ прошедшіе обѣды.
Они — увы! — изъ памяти людей
Изгладились, какъ бы исчадья бреда.
А вы, герои нашихъ эпопей,
Оставите ль малѣйшій отпечатокъ,
Хотя бы лишь рагу изъ куропатокъ?

LXVIII.

Теперь опять займетъ меня обѣдъ.
Не спорю: трюфелей поѣсть не худо
Особенно, когда за ними вслѣдъ
Идутъ *petits puits d'amour*. На это блюдо,
Какъ говорятъ, совсѣмъ рецепта нѣтъ:
По вкусу всякій ихъ готовитъ. Чудо
Какъ хороши *petits puits*! Въ нихъ сладость есть;
Ихъ даже безъ варенья можно ѣсть.

LXIX.

Не мало міръ потратилъ размышленій,
Чтобъ выдумать, обжорливость цѣня,
Рядъ цѣлый кулинарныхъ изощреній!
Адама примитивная стряпня,
Служа для многихъ темой вдохновеній,
Въ искусство превратилась. Для меня
Проблема, какъ въ науку было можно
Преобразить ѣды процессъ несложный!

LXX.

Работали уста, звенѣлъ хрусталь,
Отъ жадности дрожали гастрономы;
Но дамъ такъ угощать, конечно, жаль;
Онѣ съ любовью къ яствамъ незнакомы;
И юноши мечтой стремятся въ даль;
До пищи ль имъ? Надеждою влекомы,
Они лишь бредятъ сладостью побѣдъ.
Для старца жъ рай изысканный обѣдъ!

LXXI.

Увы! не могъ я дать вамъ описанья
(Хотя стихи я посвятилъ стряпнѣ)
Всѣхъ тонкихъ блюдъ обѣда: ихъ названья
Вклеить въ октавы было бъ трудно мнѣ;
Съ капустою и ростбифъ безъ вниманья
Оставилъ я. Приличенъ я вполнѣ!
Теперь бекаса даже я бы не далъ
Себѣ труда воспѣть: я отобѣдалъ!

LXXII.

О фруктахъ я ни слова не сказалъ,
И о десертѣ тоже. Всѣхъ обѣдовъ —
Увы!—подагра горестный финалъ.
Блаженъ, кто вѣкъ свой прожилъ, не извѣдавъ
Тѣхъ мукъ, что свѣтъ черезъ нее узналъ!
Какъ мучила она отцовъ и дѣдовъ,
Помучить ей сподручно и дѣтей.
О, какъ огня, знакомства бойтесь съ ней!

LXXIII.

Молчать ли объ оливкахъ, что при винахъ
Необходимы? Да, хотя онѣ
Въ Испаніи, и въ Луккѣ, и въ Аѳинахъ
Обѣдомъ много разъ служили мнѣ,
Закусывалъ я ими на вершинахъ
Гимета или Синія, вполнѣ
Подобенъ Діогену, чьи воззрѣнья
Всегда во мнѣ встрѣчали одобренье.

LXXIV.

Разсѣлись гости шумною гурьбой
Вокругъ стола, гдѣ красовались груды
Тончайшихъ яствъ, украшенныхъ рукой
Волшебника. Жуанъ сѣлъ возлѣ блюда
«*A l'espagnole*». Сіяло красотой
И прелестью убранства это чудо
Искусства кулинарнаго. Оно
Могло бъ какъ разъ быть съ дамой сравнено.

LXXV.

Жуанъ межъ Аделиной и Авророй
Сидѣлъ, что неудобно, если вы
Хотѣли ѣсть; къ тому же разговоры
Его съ милэди были таковы,
Что онъ совсѣмъ терялся. Часто взоры
Бросая на Жуана (не новы
Пріемы тѣ!), она слѣдила строго
За нимъ, хотя не говорила много.

LXXVI.

Я не одинъ могу примѣръ привесть
Того, что глазъ не хуже слышитъ уха.
Внимать рѣчамъ у дамъ способность есть
И тѣмъ, что ихъ достичь не могутъ слуха;
Чужія мысли трудно ль имъ прочесть?
(Такъ пѣсни сферъ, прибѣгнувъ къ мощи духа,
Мы можемъ услыхать). Лишь кинутъ взоръ—
И дамѣ ясенъ всякій разговоръ!

LXXVII.

Сочувствія, хотя бъ малѣйшій атомъ,
Жуанъ къ себѣ въ Авророѣ не нашелъ;
Легко ль съ такимъ мириться результатомъ?
Обидно, если насъ прекрасный полъ
Холодностью язвитъ! Хоть не былъ фатомъ
Мой вѣтренный герой, но злой уколъ
Его смутилъ. Корабль, затертый льдами,
Съ нимъ сходенъ былъ, скажу я между нами.

LXXVIII.

Отрывисто и на него едва
Бросая взоръ, Аврора отвѣчала
На всѣ Жуана острыя слова
И даже ихъ улыбкой не встрѣчала;
Ужели выходило, что права
Милэди, говорившая, что мало
Въ миссъ Рэби привлекательныхъ сторонъ!
Жуанъ былъ и взволнованъ, и смущенъ.

LXXIX.

Побѣда жъ восхищала Аделину;
Она съ трудомъ скрывала свой успѣхъ;
Но плохо подстрекать порой мужчину:
Такъ можно натолкнуть его на грѣхъ,
Когда бъ о немъ и не было помину
Безъ этого; догадки тѣшатъ всѣхъ;
Но мы нежданно дѣлаемся строги,
Когда намъ станутъ поперекъ дороги.

LXXX.

Задѣтый заживое, мой герой,
Чтобъ овладѣть вниманіемъ Авроры,
Сталъ рѣчью остроумной и живой
Сосѣдку занимать. Ея онъ скоро
Задумчивость разсѣялъ болтовней;
Ея нежданно оживились взоры...
И, слушая шутливыя слова,
Аврора улыбнулась раза два.

LXXXI.

Она (случалось это съ нею рѣдко!)
Къ вопросамъ отъ отвѣтовъ перешла;
Ужель Жуана милая сосѣдка
Растаяла, какъ ледъ? Ужель была
Миссъ Рэби, какъ другія, лишь кокетка?
Милэди волноваться начала:
Сливаются жъ контрасты при движеньи!
Но тщетны были эти опасенья.

LXXXII.

Смиреньемъ гордымъ (если только есть
Смиреніе такое) и сноровкой
Себя держать — Жуанъ могъ въ душу влѣзть
Какой угодно дамы. Въ свѣтѣ ловко
Пускалъ онъ въ ходъ то шуточку, то лесть,
Всегда соображаясь съ обстановкой;
Людей на откровенность вызывать
Имѣлъ онъ даръ, хоть то умѣлъ скрывать.

LXXXIII.

Себѣ о немъ превратное понятье
Составила Аврора. Видѣть въ немъ
Ей не хотѣлось свѣтлаго изъятья;
Онъ ей казался свѣтскимъ болтуномъ,
Что̀ занятъ лишь покроемъ моднымъ платья,
Какъ прочіе; но, тронута умомъ,
А также задушевностью Жуана,
Себя признала жертвою обмана.

LXXXIV.

Къ тому жъ онъ былъ весьма красивъ собой,
А женщины теряютъ хладнокровье,
Невольно увлекаясь красотой;
Замужнихъ же въ тяжелыя условья
Случается ей ставить; хоть порой
Обманчива она, безъ прекословья
Ей женщины внимаютъ, и для нихъ
Она краснорѣчивѣй всякихъ книгъ.

LXXXV.

Успѣшнѣе Аврора молодая
Читала въ книгахъ, чѣмъ въ сердцахъ людей,
Минерву больше Грацій уважая
(Особенно въ эстампахъ); но и въ ней
Могла заволноваться кровь живая.
Сократъ признался разъ на склонѣ дней,
Что нѣжность къ красотѣ въ немъ не угасла
И жжетъ его, въ огонь вливая масло.

LXXXVI.

Когда Сократъ семидесяти лѣтъ
Такимъ мечтамъ могъ посвящать свой геній
(Платонъ, любовью къ истинѣ согрѣтъ,
Ихъ описалъ въ одномъ произведеньи [1]),—
Какой резонъ дѣвицамъ въ цвѣтѣ лѣтъ
Такихъ же не испытывать волненій,
Лишь скромность признавая какъ законъ?
Условье то мое *sine qua non*.

LXXXVII.

Противорѣчье въ этомъ, бесъ сомнѣнья,
Вы рады усмотрѣть. Когда предметъ
Мнѣ высказать два разныя сужденья
Далъ случай—не смущайтесь! Спора нѣтъ,
Что лучшее всегда второе мнѣнье.
Когда бъ вполнѣ логиченъ былъ поэтъ,
Какъ ухитрился бъ онъ воспѣть на лирѣ
Весь тотъ сумбуръ, что̀ существуетъ въ мірѣ?

LXXXVIII.

Противорѣчья царствуютъ кругомъ,
Но мнѣ ль вступить на путь безспорно ложный?
Тому, кто сомнѣвается во всемъ,
Предаться отрицанью невозможно!
Могла бы правда свѣтлымъ бить ключемъ;
Но люди поступаютъ съ ней безбожно,
Ее мѣшая съ грязью; потому
Теперь мы видимъ въ ней не свѣтъ, а тьму.

LXXXIX.

Пораболы и басни, и поэмы
Стремятся свѣтъ неправдой обмануть;
Безъ свѣточа идемъ во мракѣ всѣ мы.
Кто къ истинѣ укажетъ свѣтлый путь?
Есть многія зловѣщія проблемы,
Что̀ не даютъ свободно намъ вздохнуть;
Но разрѣшенья жизненныхъ вопросовъ
Не дастъ ни проповѣдникъ, ни философъ.

XC.

Мы въ вѣчномъ заблужденіи живемъ.
Пробьетъ ли часъ, когда мы будемъ правы?
Мы тщетно проявленья правды ждемъ,
Вкушая лишь безвѣрія отравы.
Пора бы небесамъ съ царящимъ зломъ
Вступить въ борьбу; исчезъ бы духъ лукавый
И палъ бы торжествующій порокъ.
Явись къ намъ, Небомъ посланный пророкъ!

XCI.

Завязнулъ въ метафизикѣ я снова,
Хотя боюся споровъ, какъ огня;
Къ несчастію, судьба всегда готова
На уголъ лбомъ наталкивать меня
Въ вопросахъ, потрясающихъ основы;
Но всѣмъ равно добра желаю я—
И тирскимъ полководцамъ, и троянцамъ [2]).
(Всегда я былъ въ душѣ пресвитерьянцемъ!)

XCII.

Хотя отъ крайнихъ мнѣній я бѣгу,
Хоть безпристрастенъ я и безкорыстенъ,
Но для Джонъ-Буля свято берегу
Значительный запасъ печальныхъ истинъ!
Мириться съ деспотизмомъ не могу
И произволъ всегда мнѣ ненавистенъ;
Какъ Гекла клокочу, когда народъ
Безропотно свой переноситъ гнетъ.

---

[1]) „Діалоги“ Платона.
[2]) Tros Tyriusque mihi nullo discrimine agetur.—Виргилій, „Энеида“, кн. I.

XCIII.

Не для того порокъ громилъ не разъ я,
Преслѣдуя тирановъ и ханжей,
Чтобъ достигать въ стихахъ разнообразья;
Нѣтъ! я обязанъ исправлять людей
И смѣло обличаю безобразья
Для восхваленья нравственныхъ идей:
Теперь, чтобъ всѣ довольны были мною,
Загробный міръ предъ вами я открою.

XCIV.

Всѣ доводы оставивъ въ сторонѣ,
Пойду впередъ, чуждаясь жалкихъ бреденъ.
Я поклялся исправиться вполнѣ;
За что жъ поэтъ живьемъ врагами съѣденъ?
Я вовсе не опасенъ, вѣрьте мнѣ!
Какъ многіе другіе, я безвреденъ,
Однако не язвятъ поэтовъ тѣхъ:
Хоть ихъ и больше трудъ—слабѣй успѣхъ!

XCV.

Читатель, ты встрѣчался ль съ привидѣньемъ?
А если нѣтъ, то ты слыхалъ не разъ,
Что духи есть. Вооружись терпѣньемъ,—
Теперь о нихъ я поведу разсказъ.
Не думай, что къ чудесному съ глумленьемъ
Я отнесусь! Насмѣшекъ не боясь,
Признаться долженъ я, что вѣрю духамъ—
Вполнѣ по убѣжденью,—не по слухамъ.

XCVI.

Причины есть,—серьезныя притомъ...
Читатель! ты смѣешься; но съ тобою
Смѣяться я не буду; въ страшный домъ,
Гдѣ духи появляются порою,
Тебя привесть я могъ бы, но о немъ
Забыть стараюсь я. «*Лишить покою*
Ричарда» могутъ духи. Міръ тѣней
Не разъ смущалъ меня въ тиши ночей.

XCVII.

Темна глухая ночь; ея покровы
Одѣли міръ. Пою лишь ночью я;
Вокругъ меня кричатъ уныло совы;
Съ старинныхъ стѣнъ портреты на меня
Бросаютъ взглядъ угрюмый и суровый.
Все спитъ кругомъ; въ каминѣ нѣтъ огня,
Лишь угли тлѣютъ, искорки бросая;
Меня приводитъ въ трепетъ ночь глухая.

XCVIII.

Я слишкомъ засидѣлся, спать пора;
Хоть днемъ я не пишу стихотвореній
(Тогда другимъ я занятъ)—до утра
Сдержу потокъ кипучихъ вдохновеній;
Меня страшитъ полночная пора;
Того гляди, явиться могутъ тѣни!
Читатель,—на мое ты мѣсто стань
И самъ заплатишь суевѣрью дань!

XCIX.

На грани двухъ міровъ, средь тьмы и свѣта
Мерцаетъ жизни тусклая звѣзда.
Зачѣмъ на свѣтѣ люди? Нѣтъ отвѣта;
Грядущее жъ темно. Бѣгутъ года;
Безжалостно насъ въ даль уноситъ Лета;
Въ ея волнахъ мы гибнемъ безъ слѣда;
Вѣка проходятъ длинной вереницей;
Наслѣдье жъ ихъ—лишь павшихъ царствъ гробницы!

ПѢСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ.

I.

Учили персовъ встарь: стрѣлять изъ лука,
Владѣть копьемъ и ненавидѣть ложь.
Взращенъ былъ славный Киръ такой наукой;
Сроднилась съ ней и наша молодежь;
Но только ей коня загнать не штука
И для нея тогда лишь лукъ хорошъ,
Когда съ двойной онъ сдѣланъ тетивою;
Всѣ лгутъ притомъ, но спины гнутъ дугою.

II.

Мнѣ недосугъ въ причины здѣсь входить,—
Навѣрное онѣ существовали;—
Но въ томъ себя я долженъ похвалить,
Что въ сонмѣ музъ, что̀ въ вымыслахъ витали,
Моя,—хоть ей случается грѣшить,
Хотя ее безумства увлекали,
И глупости порой она врала,—
Безспорно, всѣхъ ихъ искреннѣй была.

III.

Я въ мнѣньяхъ твердъ; что̀ сказано, то свято.
Всегда я къ цѣли смѣло шелъ впередъ,
И пѣснь моя лишь правдою богата;
Хоть желчь я подливалъ порою въ медъ,
Но горечи, однако, маловато
Въ моихъ словахъ, коль примите въ разсчетъ,
Что съ музой говорить мы не стѣснялись
De rebus cunctis et quibusdam aliis.

IV.

Провозгласилъ не мало истинъ я,
Но будетъ всѣхъ безспорнѣй, безъ сомнѣнья,
Та, о которой рѣчь пойдетъ моя.
Вы вѣрить не хотите въ привидѣнья,—
Но знаете ль вы тайны бытія?
Необъяснимы многія явленья.
Я докажу, что призраки— не дымъ,
Колумбъ былъ правъ, а кто жъ не спорилъ съ нимъ?

V.

Иные вѣрятъ хроникамъ Тюрпина
И Монмута; а всѣхъ сказаній ихъ
Чудесное—основа и причина.
Сомнѣнья всѣ разсѣять можетъ въ мигъ
Авторитетъ святого Августина,
Онъ, что̀ вполнѣ религію постигъ,
Чудесное условьемъ вѣры ставитъ
И «quia impossibile» лишь славитъ.

VI.

Итакъ всему, что̀ невозможно, свѣтъ
Обязанъ смѣло вѣрить. Это ясно;
Къ тому же вѣрить на слово совѣтъ
Я всѣмъ даю. Есть темы, что̀ напрасно
Оспаривать; отъ преній толку нѣтъ;
Вопросы есть, что̀ поднимать опасно;
Чѣмъ яростнѣй нападки, тѣмъ сильнѣй
Пускаетъ корни ложь въ сердца людей.

XLVII.

Она порою тѣшилась стихами,
Но не всегда записывала ихъ;
Какъ водится, смѣялась надъ друзьями,
Ихъ въ эпиграммахъ не щадя своихъ;
Но не якшалась съ синими чулками
И Попе (къ удивленію иныхъ)
Считала замѣчательнымъ поэтомъ,
Публично признаваться смѣя въ этомъ.

XLVIII.

Аврора же, мнѣ кажется, была
Во всемъ значеньи слова типъ Шекспира:
Она средь сферъ, казалося, жила,
Что далеки отъ суетнаго міра,
И потому, душой чуждаясь зла,
Здѣсь не могла создать себѣ кумира.
Ея былъ всеобъемлющъ свѣтлый умъ,
Но свѣтъ не зналъ ея глубокихъ думъ.

XLIX.

Съ ней герцогиня Фицъ-Фолькъ сходства мало
Имѣла. Эта Геба среднихъ лѣтъ
Свой умъ лишь въ оживленьи проявляла.
Ея лицо ума являло слѣдъ,
Ея языкъ язвилъ порой, какъ жало.
Такъ что же въ томъ? Безъ яда дамы нѣтъ;
Не будь ехидствомъ женщинъ свѣтъ терзаемъ—
Земля могла бъ намъ показаться раемъ.

L.

Къ поэзіи и музамъ холодна,
Она читала «Батскій гидъ» порою
И трудъ Гайлея: «Кроткая жена»,
Къ той книгѣ относясь всегда съ хвалою;
Какъ въ зеркалѣ въ ней видѣла она
Всѣ муки, что̀ ей бракъ принесъ съ собою;
Стихи жъ она лишь признавала тѣ,
Что дань ея платили красотѣ.

LI.

Зачѣмъ свою балладу лэди спѣла,
Замѣтивъ, что таинственную связь
Тревога Донъ-Жуана съ ней имѣла?
Желала ли она, надъ нимъ смѣясь,
Его сконфузить выходкою смѣлой,
Иль можетъ быть, наоборотъ какъ разъ,
Желала, чтобъ онъ вѣрилъ въ привидѣнье?
Не разрѣшить мнѣ вашего сомнѣнья;

LII.

Однакожъ, моментатьно мой герой
Пришелъ въ себя, простясь съ своей тревогой;
Кто занимаетъ общество собой—
Обязанъ съ нимъ итти одной дорогой.
Съ ханжами въ свѣтѣ надо быть ханжой,
Подчасъ шутить, подчасъ держаться строго;
Безъ маски лицемѣрья трудно намъ
Не вывезть изъ себя капризныхъ дамъ.

LIII.

Жуанъ, совсѣмъ оправясь отъ смятенья,
Сталъ уязвлять насмѣшками тѣней;
Не придавала призракамъ значенья
И герцогиня. Знать хотѣлось ей
Обычаи и нравы привидѣнья,
Когда оно средь мрака галлерей
Является, покорно вражьей силѣ,
Въ дни свадебъ и въ дни смерти Амондвилей.

LIV.

Но все ужъ было сказано о немъ;
Одни считали духа небылицей
И жалкимъ суевѣрія плодомъ;
Другіе же держалися традицій
И вѣрили, что въ сумракѣ ночномъ
Порою бродитъ призракъ блѣднолицый.
Не нравился Жуану этотъ споръ,
И онъ замять старался разговоръ.

LV.

Но пробилъ часъ, и расходиться стало
Все общество; къ бездѣлію однихъ,
Другихъ же къ дѣлу утро призывало;
Для нѣкоторыхъ утро длилось мигъ,
Для прочихъ же шло медленно и вяло.
Заводскій конь со стаею борзыхъ
Скакалъ въ тотъ день, и большинство собранья
Пошло смотрѣть на это состязанье.

LVI.

Еще торгашъ пріѣхалъ. Онъ привезъ
Картину Тиціана, что̀ дивила
Красою всѣхъ художниковъ. Хоть спросъ
Былъ на нее большой (вѣдь геній—сила!),
Но даже королю не удалось
Ее купить. На это не хватило
Тѣхъ денегъ, что̀ король, страну любя,
Съ нея беретъ, чтобъ содержать себя.

LVII.

Картины той счастливый обладатель,
Узнавъ, что лордъ—знатокъ и меценатъ
И рѣдкостей извѣстный собиратель,
Привезъ ему свой драгоцѣнный кладъ;
Ему цѣнитель милъ—не покупатель
И дивную картину онъ бы радъ
Такому знатоку отдать безъ денегъ,
Не будь теперь карманъ его пустенекъ.

LVIII.

Тамъ архитекторъ былъ: пріѣхалъ онъ,
Чтобъ привести въ исправность тѣ постройки,
Что̀ тронули года; со всѣхъ сторонъ
Аббатство осмотрѣвъ, строитель бойкій
Рѣшилъ, что замокъ долженъ быть снесенъ.
Не лучше ль, бросивъ къ черту перестройки,
Готическій чертогъ воздвигнуть вновь?
(Вотъ къ памятникамъ древности любовь!)

LIX.

Потребуются жалкія затраты...
(Такъ зодчіе всегда намъ говорятъ,
Но какъ ихъ смѣтъ плачевны результаты!
Лишь шагъ впередъ—и тысячи летятъ.)
Прославятъ лорда пышныя палаты,
Что̀ красотою прежнія затмятъ.
Всѣхъ удивитъ готическое зданье—
Гиней британскихъ гордое созданье!

LX.

Тамъ были два дѣльца; они заемъ,
Залогомъ обезпеченный, хотѣли
Устроить для милорда и притомъ
Двѣ тяжбы завести въ виду имѣли,
Чтобъ руки понагрѣть. Какъ агрономъ,
Преслѣдуя хозяйственныя цѣли,
Лордъ Генри въ замкѣ выставку открылъ—
Улучшенныхъ породъ: онъ скотъ любилъ.

LXI.

Захваченные констэблемъ суровымъ,
Два браконьера были также тамъ
Съ крестьянкой молодой въ плащѣ пунцовомъ.
(Не любъ мнѣ тотъ нарядъ, признаюсь вамъ;
Меня онъ въ грѣхъ вводилъ, а съ добрымъ словомъ
Не отношуся я къ былымъ грѣхамъ!)
Тотъ алый плащъ, развернутый случайно,
Двухъ лицъ въ одномъ порой являетъ тайну.

LXII.

(Подобный фактъ вполнѣ необъяснимъ;
Его лицо мы видимъ наизнанку;
Рѣшить предоставляю я другимъ,
Какъ мотовило можно всунуть въ склянку.)
Лордъ Генри былъ судьею мировымъ,
И строгій констэбль Скутъ, поймавъ крестьянку
Въ любовномъ браконьерствѣ, чтя законъ,
Ее привелъ (о нравахъ пекся онъ).

LXIII.

Сознаться надо—судьямъ дѣла много;
Ихъ попеченьямъ просто нѣтъ границъ;
Они и дичь оберегаютъ строго,
И охраняютъ нравственность дѣвицъ,
Стараясь ихъ вести прямой дорогой.
Легко ль оберегать звѣрей и птицъ,
Не забывая дѣвушекъ красивыхъ?
Заботы тѣ изъ самыхъ щекотливыхъ.

LXIV.

Казалось, у виновной на щекахъ
Не краски жизни видны, а бѣлила;
Межъ тѣмъ, всѣ лица свѣжи въ деревняхъ
И блѣдны только модныя свѣтила
(Въ минуту пробужденья!); робость, страхъ
Дышали въ ней; бѣдняжкѣ стыдно было—
Вотъ почему она была блѣдна;
Краснѣть умѣетъ только знать одна.

LXV.

Она склоняла долу взоръ печальный,
Чтобъ слезы скрыть, что̀ капали изъ глазъ:
И плаксой не была сентиментальной,
Что̀ выставляетъ чувства на показъ;
Не будучи достаточно нахальной,
Чтобъ зломъ платить за зло, она, трясясь
Отъ страха и тяжелаго томленья,
Ждала съ тоской судебнаго рѣшенья.

LXVI.

Конечно, лица, собранныя тамъ,
Далеко находились отъ гостиной,
Гдѣ раздавался говоръ милыхъ дамъ;
Дѣльцы сидѣли въ кабинетѣ чинно;
Крестьянамъ, браконьерамъ и быкамъ
Обширный дворъ обители старинной
Давалъ пріютъ; въ пріемной помѣстясь,
Торгашъ и зодчій ждали счастья часъ.

LXVII.

Въ то время, какъ сидѣлъ за кружкой эля
Суровый Скутъ (онъ пива не любилъ
За то, что въ томъ напиткѣ мало хмѣля,
И только съ крѣпкимъ элемъ друженъ былъ),
Несчастная крестьянка, еле-еле
Живая и почти лишившись силъ,
Ждала въ огромной залѣ, чтобъ безъ фальши
Судья рѣшилъ, что бѣдной дѣлать дальше.

LXVIII.

Какъ видите, лордъ, не жалѣя силъ,
Трудился, помышляя о побѣдѣ
На выборахъ. Кому успѣхъ не милъ!
Въ тотъ самый день весь округъ на обѣдѣ
Присутствовать у лорда долженъ былъ;
Землевладѣльцы крупные сосѣдей
Сбираютъ у себя въ недѣлю разъ;
Такъ искони заведено у насъ.

LXIX.

Не будучи приглашены заранѣ
(Разъ навсегда ужъ каждый званъ сосѣдъ),
Являлись къ лорду мѣстные дворяне
Въ извѣстный день недѣли на обѣдъ,
Чтобъ всласть поѣсть, не забывая дани,
Что̀ Бахусъ радъ принять. Въ тѣ дни бесѣдъ
Мотивъ всегда былъ тотъ же: злы и колки,
О выборахъ шли за обѣдомъ толки.

LXX.

Лордъ Генри въ ходъ пускалъ уловокъ тьму,
Чтобъ одержать побѣду, но затраты
Значительныя дѣлалъ потому,
Что съ нимъ тягался знатный и богатый
Шотландскій графъ, съ нимъ равный по уму
И дружный съ оппозиціей палаты.
(Хоть личный эгоизмъ для всѣхъ законъ,
Былъ фракціи ему враждебной онъ).

LXXI.

Вотъ почему лордъ Генри мелкимъ бѣсомъ
Предъ всѣми разсыпался и душой
Казался преданъ мѣстнымъ интересамъ:
Однихъ привлечь стараясь добротой,
Протекціей другихъ (вѣдь лордъ былъ съ вѣсомъ),
Онъ рядомъ обѣщаній округъ свой
Задабривалъ и дѣлалъ ихъ такъ много,
Что даже имъ не могъ подвесть итога.

LXXII.

Землевладѣльцевъ и свободы другъ,
Онъ преданъ былъ правительству съ тѣмъ вмѣстѣ;
Положимъ, службѣ онъ дарилъ досугъ
И находился при доходномъ мѣстѣ,—
Но могъ ли онъ лишать своихъ услугъ
Монарха? Не заботясь о протестѣ
Противниковъ и съ ними на ножахъ,
Почтенный лордъ былъ всякихъ новшествъ врагъ.

LXXIII.

Лордъ Генри нападалъ на нихъ съ отвагой
И находилъ, что къ нимъ опасна страсть;
Готовый всѣмъ пожертвовать для блага
Родной страны и видя въ нихъ напасть,
Онъ долженъ былъ вести борьбу съ ватагой,
Что̀ рада бы въ странѣ низринуть власть;
Не мѣсто жъ онъ оберегалъ, конечно,
Что̀ денегъ не даетъ, а мучитъ вѣчно.

LXXIV.

Онъ говорилъ, что знаетъ только Богъ,
Какъ противъ воли службою онъ связанъ,
Какъ рвется сердцемъ къ жизни безъ тревогъ;
Но короля онъ защищать обязанъ,
Когда мятежъ готовитъ демагогъ,
Идя путемъ, который не указанъ,—
Когда порвать тѣ цѣпи хочетъ онъ,
Что̀ связываютъ лордовъ, чернь и тронъ!

LXXV.

Пусть будетъ лагерь красныхъ недоволенъ,—
Все жъ мѣсто онъ оставитъ за собой,
Пока не будетъ форменно уволенъ.
Онъ хочетъ только долгъ исполнить свой
Безъ помысловъ корыстныхъ! Обездоленъ,
Конечно, будетъ край его родной,
Коль должности всѣ уничтожатъ разомъ;
Но Англію считаетъ онъ алмазомъ.

LXXVI.

Онъ все жъ былъ независимѣе тѣхъ,
Которые не получали платы;
Такое мнѣнье выразить не грѣхъ:
Вѣдь новобранецъ стараго солдата
Не стоитъ; такъ блудницу ждетъ успѣхъ,
Когда коснется дѣло до разврата;
Министръ, когда его надмененъ видъ,
Съ лакеемъ схожъ, что нищаго язвитъ.

LXXVII.

За исключеньемъ фразъ строфы послѣдней,
Все это лордъ въ собраньяхъ повторялъ.
Увы! для насъ не новость эти бредни!
Правительству служащій либералъ
Ихъ повторяетъ въ залѣ и передней...
Но чу! звонокъ къ обѣду прозвучалъ,
Псаломъ прочтенъ, и мнѣ бъ молиться надо,
Да слишкомъ опоздалъ я—вотъ досада!

LXXVIII.

То былъ большой обѣдъ, достойный дней,
Когда гордилась Англія пирами.
(Какъ будто можно жадностью людей
Гордиться и накрытыми столами!)
Что можетъ быть такихъ пировъ скучнѣй!
Отдѣлываясь общими мѣстами,
Безъ оживленья гости рѣчь ведутъ:
Яствъ много, но не счесть простывшихъ блюдъ.

LXXIX.

Въ тѣ дни мелкопомѣстные сосѣди
Развязно-чинный тонъ пускаютъ въ ходъ;
Съ вниманіемъ относятся къ нимъ лэди
И лорды (верхъ надъ всѣмъ беретъ разсчетъ!).
Не по себѣ и слугамъ на обѣдѣ;
Оплошность съ рукъ имъ даромъ не сойдетъ:
Вѣдь могутъ за неловкія услуги
Лишиться мѣстъ и господа, и слуги!

LXXX.

Охотниковъ и спортсмэновъ лихихъ
Порядкомъ было тамъ; одни хвалили
Своихъ коней; другіе—псовъ своихъ,
Не мало всѣмъ въ глаза пуская пыли.
Дородные аббаты, благъ земныхъ
Усердные поклонники, тамъ были;
Но не псалмы на умъ аббатамъ шли:
Однѣ лишь пѣсни грѣшныя земли.

LXXXI.

У лорда остроумье проявляли
Весельчаки сосѣднихъ деревень;
Встрѣчались тамъ и дэнди, что вздыхали
О городѣ, гдѣ легче холить лѣнь,
Гдѣ по утрамъ они такъ сладко спали;
Сидѣлъ со мною рядомъ въ этотъ день
Викарій Питъ, что крикомъ на обѣдѣ
Всѣхъ оглушалъ испуганныхъ сосѣдей.

LXXXII.

Находчивъ и остеръ, онъ былъ въ чести
У знати. Роль играя лизоблюда,
Искусно онъ умѣлъ дѣла вести
И въ ходъ пошелъ, что далеко не чудо;
Но Промысла невѣдомы пути;
Не знаемъ мы, что̀ хорошо, что̀ худо:
Приходъ онъ получилъ въ странѣ болотъ,
Гдѣ лихорадки царствуютъ весь годъ.

LXXXIII.

Шутя онъ проповѣдывалъ, и шутку
Порою въ наставленье превращалъ;
Но тамъ его bon mot иль прибаутку
Народъ неразвитой не понималъ.
Увы! пришлося краснобаю жутко;
Ни отъ кого не слышалъ онъ похвалъ,
И для того, чтобъ нравиться народу,
Кривляться долженъ былъ ему въ угоду.

LXXXIV.

Есть разница—такъ пѣсня учитъ насъ—
Межъ гордой королевой и холопкой.
(Хотя съ женой вѣнчанною подчасъ [1])
Обходятся грубѣй, чѣмъ съ нищей робкой.)
Простой горшокъ не стоитъ цѣнныхъ вазъ,
И ростбифа съ спартанскою похлебкой
Сравнить нельзя, хоть не одинъ герой
Былъ вскормленъ этой пищею простой.

LXXXV.

Однакоже ничто такъ не различно,
Какъ городъ и деревня. Кто ведетъ
Интриги и на жизнь глядитъ практично,
Кто хочетъ честолюбья горькій плодъ
Вкусить, идя дорогою обычной—
Тотъ, безъ сомнѣнья, городъ предпочтетъ,
Гдѣ легче скрыть мучительныя раны
И выполнить свои удобнѣй планы.

LXXXVI.

Эроту скучны шумные пиры;
Въ кругу друзей и Вакха, и Цереры
Плоды намъ сладки. Къ смертному добры
Тѣ боги и при томъ—друзья Венеры;
Шампанское и трюфеля—дары,
Которые ей любы. Чувство мѣры
Отрадно ей, но, не мирясь съ постомъ,
Она его считаетъ тяжкимъ зломъ.

---

[1]) Намекъ на процессъ англійской королевы, жены Георга IV.

LXXXVII.

Былъ скуки полнъ пріемъ оффиціальный,
Хоть лязгъ ножей на битву походилъ;
Веегда шумливъ обѣдъ провинціальный.
Жуанъ сидѣлъ, разсѣянъ и унылъ,
Какой-то занятъ думою печальной.
Ужъ дважды рыбы у него просилъ
Одинъ субъектъ, что̀ рядомъ съ нимъ обѣдалъ;
Но все жъ Жуанъ сосѣду рыбы не далъ.

LXXXVIII

Какъ въ третій разъ тарелку протянулъ
Къ нему сосѣдъ съ замѣтною досадой,
Жуанъ, прійдя въ себя, на всѣхъ взглянулъ.
И что жъ? Надъ нимъ смѣялись. Хуже яда
Для умныхъ смѣхъ глупцовъ. Свирѣпо ткнулъ
Онъ ложкой въ блюдо рыбы (промахъ надо
Поправить свой!) и, не жалѣя силъ,
Сосѣду онъ полъ-рыбы отвалилъ.

LXXXIX.

Сосѣдъ сказалъ ему за то спасибо:
Онъ былъ обжора; но проснулась злость
Въ другихъ, когда имъ улыбнулась рыба.
(Не очень-то глодать пріятно кость!)
Къ тому жъ Жуанъ такого былъ пошиба,
Что цѣнъ не зналъ базарныхъ. Вотъ такъ гость!
За то, что лордъ зоветъ юнцовъ незрѣлыхъ,
Онъ трехъ шаровъ въ тотъ день лишился бѣлыхъ.

XC.

Вѣдь не могли, конечно, гости знать,
Что Донъ-Жуанъ отъ призрака въ смущеньи;
Да это ихъ и не могло бъ занять:
Одинъ разсчетъ имѣлъ для нихъ значенье
И клалъ на лица ихъ свою. печать.
Глядя на нихъ, являлось подозрѣнье,
Что нѣтъ у нихъ души, а если есть—
Какой ей крестъ тяжелый надо несть!

XCI.

Жуана непонятная тревога
Интриговала сквайровъ и ихъ женъ:
Извѣстно было имъ, что въ свѣтѣ много
Одерживалъ побѣдъ блестящихъ онъ.
(Вѣдь мелкота слѣдитъ за знатью строго,
Лишь признавая высшихъ сферъ законъ).
Все то, что̀ въ замкѣ дѣлалось, не мало
Всѣхъ этихъ мелкихъ сошекъ занимало.

XCII.

Жуана не печалилъ неуспѣхъ:
Въ такой средѣ онъ былъ ему ненуженъ;
Но, увидавъ Авроры милой смѣхъ,
Онъ этимъ былъ взволнованъ и сконфуженъ.
(Причину смѣха скрыть не въ власти тѣхъ,
Съ которыми онъ въ жизни рѣдко друженъ!)
Хоть отъ Авроры Донъ-Жуанъ любви
Не ждалъ—огонь пылалъ въ его крови.

XCIII.

Онъ покраснѣлъ невольно отъ досады,
Утративъ власть надъ волею своей;
А уязвлять могли ль Авроры взгляды?
Онъ жалость въ нихъ прочесть бы могъ скорѣй,
Чѣмъ осужденье; полонъ былъ отрады
Тотъ свѣтлый фактъ, что онъ замѣченъ ей.
Ему бы это бросилося въ очи,
Не будь испуганъ онъ видѣньемъ ночи.

XCIV.

Но горе въ томъ, что, не смутясь ничуть,
Она, какъ Донъ-Жуанъ, не покраснѣла;
Пришлося все жъ ей въ сторону взглянуть:
Она, волнуясь, блѣдность скрыть хотѣла.
Не безпокойство ль ей сдавило грудь?
Не знаю; мнѣ до этого нѣтъ дѣла...
Но впрочемъ яркихъ красокъ никогда
Въ ея лицѣ не видѣлось слѣда.

XCV.

Усердно занимала Аделина
Своихъ гостей; любезна и мила,
Имъ предлагая кушанья и вина,
Она ихъ всѣхъ совсѣмъ съ ума свела...
Но важная на то была причина:
Она устроить мужнины дѣла
Старалась; чтобъ на выборахъ скандала
Не вышло, всѣхъ она равно ласкала.

XCVI.

Она въ глаза бросала ловко пыль
И роль играла съ легкостью такою,
Съ какой протанцовала бы кадриль,
Вполнѣ своей довольная судьбою;
Но по душѣ прійтися ей могли ль
Труды такіе? Бѣглый взглядъ порою
Лишь выдавалъ ее, и Донъ-Жуанъ
Подумать могъ, что ей присущъ обманъ.

XCVII.

Умѣніе разыгрывать всѣ роли—
По мнѣнью многихъ—знакъ, что сердца нѣтъ;
Но ложенъ взглядъ такой: порою, воли
А не искусства въ этомъ виденъ слѣдъ;
Напраслиной не разъ глаза кололи;
Сливаются жъ порою мракъ и свѣтъ!
И тотъ, кто впечатлѣнью мига вѣренъ—
По моему, никакъ не лицемѣренъ.

XCVIII.

Поэтовъ, дипломатовъ, болтуновъ
Нерѣдко это свойство создавало;
Героевъ иногда, но мудрецовъ,
Конечно, нѣтъ. Мужей великихъ мало,
А много умныхъ знаемъ мы головъ;
Ораторовъ когда же не хватало?
А финансисты рѣдки въ наши дни
Лишь цифрами морочатъ насъ они.

XCIX.

Поэты ариѳметики задачи
По своему рѣшаютъ. Доказать
Они способны, такъ или иначе,
Что дважды два даетъ въ итогѣ пять.
Намъ дорого ихъ стоятъ неудачи!
Четыре въ три умѣя превращать,
Они на части рвутъ доходы наши,
А все жъ намъ жизнь отъ этого не краше.

C.

Шалунья герцогиня, между тѣмъ,
Не подавая виду, подмѣчала
Всѣ стороны смѣшныя и за всѣмъ
Слѣдила, но скрывать умѣла жало.
Для свѣтскихъ пчелъ такой цвѣтникъ—Эдемъ;
Онъ меду въ даръ приноситъ имъ не мало.
Собравъ его въ количествѣ большомъ,
Онѣ имъ наслаждаются потомъ.

CI.

Въ роскошномъ замкѣ день прошелъ отлично;
Вотъ поданъ кофе; кончился обѣдъ.
Присѣвъ, какъ присѣдать въ глуши прилично,
Простились дамы; гости ждутъ каретъ.
Раскланявшись съ неловкостью обычной,
За женами ушли супруги вслѣдъ,
Хваля любезность лорда на обѣдѣ
И въ полномъ восхищеньи отъ милэди.

CII.

Ея сердечность, тактъ хвалили всѣ;
Такъ искренность въ ея лицѣ дышала,
Какъ солнца лучъ играетъ на росѣ;
Она по праву мѣсто занимала;
Ея уму дивились и красѣ;
Предъ ней и зависть голову склоняла;
Хвалили также всѣ ея нарядъ,
Что былъ такъ простъ и вмѣстѣ съ тѣмъ богатъ.

CIII.

Межъ тѣмъ она доказывать старалась,
Что вѣренъ взглядъ уѣхавшихъ гостей;
У нихъ въ долгу она не оставалась:
За скуку, что пришлось извѣдать ей,
Ихъ чествуя, порядкомъ всѣмъ досталось.
Смѣшныхъ припомнивъ много мелочей,
Отдѣлала милэди безъ пощады
Прически ихъ, манеры и наряды.

CIV.

Она сама аттаку не вела,
За то другихъ къ насмѣшкамъ подбивала.
(Такъ Адиссона «робкая хвала»
Хвалимыхъ имъ порою убивала).
Остротамъ, шуткамъ не было числа!
Когда меня язвитъ злословья жало,
Друзья! прошу не защищать меня:
Защиты я боюся, какъ огня.

CV.

Не принималъ участья въ этомъ хорѣ
Забавныхъ эпиграммъ и шутокъ злыхъ
Лишь Донъ-Жуанъ; а также и Аврорѣ,
Казалось, вовсе дѣла нѣтъ до нихъ.
Любя блистать въ веселомъ разговорѣ,
Не отставалъ онъ прежде отъ другихъ;
А тутъ сидѣлъ унылый и угрюмый,
Какой-то удрученъ тревожной думой.

CVI.

За то, что онъ не расточаетъ брань
Заочно и—въ порывѣ озлобленья—
Злословію, какъ всѣ, не платитъ дань,
Онъ заслужилъ Авроры одобренье.
(Должна же быть и злоязычью грань!)
Хоть не имѣло этого значенья
Его молчанье—все жъ Жуанъ былъ радъ,
Что встрѣтить могъ Авроры добрый взглядъ.

CVII.

Итакъ, могильный гость, печать молчанья
Жуану наложивши на уста,
Помогъ ему добиться той вниманья,
Къ которой все рвалась его мечта;
Аврора воскресила въ немъ страданья
Минувшихъ дней; но дѣвственно чиста
Была такая страсть, что̀ воплощала
Въ себѣ святую жажду идеала.

CVIII.

Такое чувство—свѣтлая любовь
Къ прекрасному, желанье лучшей доли;
Съ надеждой насъ оно сродняетъ вновь;
Съ нимъ жалокъ «свѣтъ». Намъ тяжекъ гнетъ неволи,
Когда оно намъ согрѣваетъ кровь.
Любимый взглядъ даритъ намъ счастья болѣ,
Чѣмъ обольщенья славы. Если страсть
Клокочетъ въ насъ, какъ ихъ ничтожна власть!

CIX.

Хоть меркнутъ и лучи, и дни безъ счета,
Хоть времени на всемъ видна печать,
Не перестанетъ міръ, ища оплота,
Къ Венерѣ страстной руки простирать.
Одинъ Анакреонъ стрѣлу Эрота
Могъ свѣжимъ миртомъ вѣчно украшать.
А все жъ, усердно чествуя Венеру,
Не въ силахъ мы въ нее утратить вѣру.

CX.

Когда настала полночь, въ свой покой
Ушелъ Жуанъ. Мы смѣло думать можемъ,
Что не ко сну стремился мой герой.
Не макъ, а ивы вѣяли надъ ложемъ
Жуана. Грезъ его баюкалъ рой;
Онъ былъ такими думами тревожимъ,
Что въ скептикѣ лишь пробуждаютъ смѣхъ,
Влюбленнымъ же готовятъ рядъ утѣхъ.

CXI.

Луна, какъ въ ночь прошедшую, свѣтила.
Жуанъ—по платью сущій sans-culotte—
Сидѣлъ въ одномъ халатѣ. Трудно бъ было
Костюмъ придумать легче. Только тотъ,
Кто сталкивался въ жизни съ вражьей силой—
Жуана положеніе пойметъ.
Онъ ожидалъ, конечно, не безъ страха
Вторичнаго явленія монаха.

CXII.

Онъ ожидалъ не тщетно... Чу! слышны,
Вселяя страхъ, глухіе звуки гдѣ-то...
Не крадется ли призракъ вдоль стѣны?
Ахъ! чортъ ее побралъ бы—кошка это!
Ея шаги чуть слышные сходны
Съ походкою жильца иного свѣта
Иль барышни, что̀ ночью въ первый разъ
Спѣшитъ на rendez-vous, всего боясь.

CXIII.

Опять!.. То появленье ль силы вражьей,
Иль просто вѣтеръ? Съ мѣрностью стиховъ
(Мѣрнѣе виршъ поэтовъ новыхъ даже)—
Идетъ монахъ, таинственъ и суровъ.
Все спитъ кругомъ; темно во всемъ этажѣ;
Глухая ночь бросаетъ свой покровъ;
Алмазами свѣтилъ лишь небо блещетъ;
Жуанъ глядитъ на духа и трепещетъ.

CXIV.

На скрипъ стекла, что мокрымъ пальцемъ трутъ,
На шумъ дождя, что раздается глухо,
Похожъ былъ рѣзкій звукъ, который тутъ
Нежданно до его донесся слуха.
Смутился онъ, и это всѣ поймутъ;
Кого не потрясетъ явленье духа?
Кто даже слѣпо вѣритъ въ міръ иной—
Боится съ нимъ вступать въ союзъ прямой.

CXV.

Съ открытымъ ртомъ, глаза раскрывши тоже,
Стоялъ Жуанъ. Отъ страха смертный нѣмъ,
А ротъ онъ раскрываетъ, и похоже,
Что рѣчь сказать намѣренъ. Между тѣмъ
Все приближался, страхъ Жуана множа,
Могильный гость. Глаза и ротъ совсѣмъ
Раскрывъ, стоялъ Жуанъ; въ немъ сердце билось,
А вотъ и дверь таинственно раскрылась.

CXVI.

И шумъ, и скрипъ въ зловѣщій гулъ слились,
Напоминая Данта стихъ тревожный:
«Входя сюда, съ надеждою простись!»
Предъ силою безплотной какъ ничтожна
Земная плоть! Герой, какъ ни храбрись,
Тебѣ бороться съ духомъ невозможно!
Вѣдь плоти нѣтъ защиты отъ тѣней,—
Вотъ почему при нихъ такъ страшно ей.

CXVII.

Со скрипомъ дверь скользить на петляхъ стала
И растворилась тихо. Все кругомъ,
Одѣто тьмой, таинственно молчало;
Двѣ свѣчки у Жуана хоть огнемъ
Горѣли яркимъ, все жъ свѣтили мало.
И вотъ у двери, въ сумракѣ ночномъ,
Явился инокъ въ черномъ капюшонѣ,
Играя роль пятна на темномъ фонѣ.

CXVIII.

Сначала испугался Донъ-Жуанъ,
Затѣмъ въ немъ пробудилося сомнѣнье;
Что̀ если этотъ призракъ—лишь обманъ?
Стыдясь своей ошибки, въ то жъ мгновенье
Онъ, бодръ душою, выпрямилъ свой станъ
И, всякія отбросивъ опасенья,
Рѣшился доказать, что плоть съ душой
Не могутъ быть слабѣй души одной.

CXIX.

Испугъ его сталъ гнѣвомъ. Свирѣпѣя,
Жуанъ къ дверямъ направился. Монахъ
Попятился немного; не робѣя,
Жуанъ пошелъ за нимъ, отбросивъ страхъ;
Узнать хотѣлъ онъ правду. Пламенѣя,
Въ немъ кровь струилась; гнѣвъ сверкалъ въ очахъ;
Монахъ, что отступалъ, грозясь рукою,
Остановился встрѣтившись съ стѣною.

CXX.

Онъ въ статую, казалось, превращенъ;
Жуанъ хотѣлъ схватить его руками,
Но до стѣны лишь дотронулся онъ,
Стѣны, одѣтой лунными лучами.
Онъ этимъ былъ испуганъ и смущенъ.
Но можно ль—посудите только сами—
Не испугаться чуда? Міръ тѣней
Пугаетъ насъ безплотностью своей.

CXXI.

А призракъ все не двигался. Могила,
Не потушивъ огонь его очей,
Его дыханье даже пощадила
И золотистый шелкъ его кудрей.
Когда жъ луна волшебно озарила
Его лицо игрой своихъ лучей,
Какъ жемчуга его сверкнули зубки;
Ихъ обрамляли розовыя губки.

CXXII.

Тогда Жуанъ рѣшился протянуть
Вторично руки къ призраку. Волненье
Его росло, и вотъ онъ тронулъ грудь
Упругую и теплую; біенье
Подъ ней онъ сердца слышалъ и ничуть
Не вѣяло могилой отъ видѣнья.
Жуану стало ясно, что, смутясь,
Онъ глупый промахъ сдѣлалъ въ первый разъ.

CXXIII.

То былъ ли духъ? Сомнѣнья неизбѣжны:
Безплотность вѣдь для призраковъ законъ;
А этотъ призракъ съ шейкой бѣлоснѣжной
Казался полонъ жизни; также онъ
Душою обладалъ живой и нѣжной;
Но вотъ свалился черный капюшонъ,
И герцогини Фицъ-Фолькъ шаловливой
Жуанъ, смутясь, увидѣлъ ликъ красивый...

ОСТРОВЪ

или

ХРИСТІАНЪ И ЕГО ТОВАРИЩИ.

ПОЭМА.

ПЕРЕВОДЪ

Н. А. ХОЛОДКОВСКАГО.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

I.

Былъ ранній часъ; свѣтлѣла даль морская;
Корабль, равнину зыбкую воды,
Какъ плугъ, могучей грудью разсѣкая,
Чертилъ по ней двѣ пѣнныхъ борозды;
Предъ нимъ—просторъ безбрежный, за кормою, —
Тамъ, въ южномъ морѣ,—группы острововъ.
Ужъ сумерки въ борьбѣ съ безмолвной тьмою;
Въ свои предѣлы день вступить готовъ;
Его почуявъ, рѣзвые дельфины
Надъ влагою показываютъ спины,
И потускнѣвъ, скрываясь предъ зарей,
Не смотрится въ пучину звѣздный рой;
Изъ мрака выйдя, парусъ ужъ бѣлѣетъ;
Вотъ свѣжестью повѣялъ вѣтерокъ;
Все море яркимъ пурпуромъ алѣетъ;
Но прежде, чѣмъ, озолотивъ востокъ,
Заблещетъ солнне,—бѣдствіе назрѣетъ.

II.

Довѣрившись матросамъ, сладко спалъ
Ихъ капитанъ. Ужъ онъ, во снѣ отрадномъ,
На берегъ старой Англіи вступалъ:
Конецъ трудамъ и бурямъ безпощаднымъ!
Онъ будетъ славенъ въ спискѣ храбрецовъ,
Что полюса съ отвагою искали;
Онъ золъ избѣгъ, обратный путь не новъ, —
Ему ль не спать безъ страха и печали?
Увы! шаги недобрые шумятъ
На кораблѣ: онъ бунтомъ весь объятъ,
Всю власть надъ нимъ мятежники забрали!

Пришла затѣя буйнымъ головамъ
Вернуться къ тѣмъ счастливымъ островамъ,
Гдѣ нѣтъ конца красѣ и блеску лѣта,
Гдѣ очи смуглыхъ дѣвъ полны привѣта...
Оторваны отъ родины своей,
(Вернувшися, они бы не узнали
Ея), — бѣдняги сами одичали:
Не лучше ль жить межь кроткихъ дикарей,
Чѣмъ биться вѣчно съ бурями морей?
Лѣса, гдѣ тамъ лишь, гдѣ самимъ угодно,
Проложенъ путь,—обиліе плодовъ,
Земля, роскошныхъ полная даровъ,
Всѣмъ общая, отъ всѣхъ властей свободна,—
Стремленье жить, какъ сердце повелитъ,
Безъ всякаго иного побужденья,—
То смертнымъ всѣмъ врожденное стремленье,
Котораго никто не истребитъ,—
Страна, гдѣ все, чѣмъ лишь она богата,—
Плоды и солнце,—служитъ вмѣсто злата,—
Приволье, гдѣ жилище—каждый гротъ,
Всеобщій садъ, гдѣ всѣмъ доступенъ входъ,
Гдѣ щедрая на ласки мать природа
Лелѣетъ жизнь наивнаго народа,
(Плоды, ракушки—роскошь ихъ пировъ,
Нехитрый флотъ ихъ—весь изъ челноковъ,
Борьба, охота—всѣ ихъ развлеченья)—
Гдѣ необыченъ европейца видъ,—
Вотъ край, который странниковъ манитъ,
Манитъ—увы! на горе и мученья...

III.

Проснись, отважный Блэй! Ужъ близокъ врагъ!
Проснись, проснись! Увы, ужъ слишкомъ поздно:
Вокругъ тебя мятежъ бушуетъ грозно,
Ужъ стерегли давно твой каждый шагъ!
И вотъ—ты связанъ, въ сердце штыкъ направленъ;
Во власти тѣхъ, кѣмъ ты владѣть поставленъ,
Ты увлеченъ на палубу, туда,
Гдѣ руль и парусъ твоему велѣнью
Вмигъ покорялись, нынѣ жъ навсегда
Бунтъ положилъ конецъ повиновенью
И всѣхъ влечетъ невольно къ преступленью:
Не вѣрится мятежникамъ самимъ,
Что вождь въ плѣну: еще онъ страшенъ имъ!

Такъ совѣсть насъ покинуть все не смѣетъ,
Пока отъ гнѣва умъ не опьянѣетъ.

IV.

Напрасно, смерть презрѣвъ, взываешь ты
Къ тѣмъ, кто остались вѣрны: ихъ такъ мало,
Они молчатъ, уста ихъ заперты,
Толпы насилье волю ихъ сковало.
Напрасенъ твой вопросъ: за что жъ, за что?
Брань и угрозы лишь въ отвѣтъ на то.
Одинъ ужъ машетъ надъ тобой кинжаломъ,
Другой почти ужъ въ горло штыкъ воткнулъ,
А въ грудь направленъ рядъ ружейныхъ дулъ,
Грозя жестокимъ, гибельнымъ финаломъ.
Въ отчаяньи «стрѣляй!» кричишь ты имъ;
Въ нихъ жалость спитъ, но тронуты твоимъ
Они геройствомъ; долгъ повиновенья
Забытъ, но есть еще слѣды почтенья
Къ тебѣ: чтобъ кровь твою не проливать,
На волю волнъ тебя хотятъ отдать.

V.

«Спускайте лодку!» закричалъ вожатый
Мятежниковъ. И кто бъ отвѣтилъ «нѣтъ!»,
Когда мятежъ вступаетъ въ свой разсвѣтъ,
Нежданной властью гордый, зломъ чреватый?
Ужъ съ быстротою злобы спущенъ челнъ,—
Единая преграда межь тобою
И яростью вокругъ шумящихъ волнъ;
Запасовъ столько въ немъ, чтобъ предъ собою
Ты видѣлъ смерть, которой причинить
Тебѣ не смѣли,—чтобы отдалить
На часъ-другой страдальца отъ кончины:
Вода, немного хлѣба было тамъ,—
По просьбѣ тѣхъ, кто долженъ средь пучины
Съ тобой скитаться вмѣстѣ,—парусины,
Снастей, веревокъ разныхъ дали вамъ,—
Обычный скарбъ скитальцевъ по морямъ;
И, наконецъ,—сопутникъ неизмѣнный
И признанный вездѣ, во всей вселенной
Душою мореходства—данъ для васъ
Вассалъ дрожащій полюса: компасъ.

VI.

Тутъ самозванный вождь нашелъ пригоднымъ
«Давайте водки намъ!» провозгласить
И тѣмъ вины сознанье заглушить,
Чтобъ пылъ страстей не стихъ передъ холоднымъ
Разсудкомъ. «Водка—для героевъ!»—такъ
Промолвилъ Бёркъ однажды, нашъ землякъ;
Неправда ль, путь довольно легкій къ славѣ?..
Героевъ новыхъ бѣшеной оравѣ
Понравилось, что предложилъ вожакъ;
Всѣ стали пить, крича средь изступленья:
«Въ путь, въ Отаити!» Странныя слова
Въ устахъ сыновъ суровыхъ возмущенья!
Цвѣтущіе спокойно острова,
Народъ ихъ тихій, граціи природной
Исполненный, чей домъ и столъ открытъ
Всегда для гостя съ щедростью свободной
И чья любовь коварства не таитъ,—
Ужели это все привлечь могло бы
Ихъ, загрубѣвшихъ средь борьбы и злобы
Стихій свирѣпыхъ,—ихъ, кто и теперь
Цѣной чужихъ страданій и потерь
Стремятся къ счастью? Ахъ, но, къ сожалѣнью,
Ужъ такова натура всѣхъ людей!
Всѣмъ свойственно стремиться къ наслажденью,
Цѣль всѣхъ—одна, но много къ ней путей.
Нашъ родъ, богатство, нравъ, любовь къ отчизнѣ,
Карьера, имя, даже внѣшній видъ,—
Всѣмъ этимъ смертный больше дорожитъ,
Чѣмъ тѣмъ, что ждетъ его въ загробной жизни;
Но заглушить нельзя сознанья въ насъ
Ни алчностью, ни гордостью безъ мѣры,—
Что для любой страны, для каждой вѣры
Людская совѣсть—это Божій гласъ.

VII.

Горсть вѣрныхъ въ лодку ужъ сошла за бортъ,
Другіе ждутъ, страшась принять рѣшенье,
На кораблѣ, чей видъ все такъ же гордъ,
Какъ прежде,—хоть моральное крушенье
Онъ потерпѣлъ,—и съ жалостью слѣдятъ
За капитаномъ; третьи, съ смѣхомъ сквернымъ,
Надъ нимъ, надъ жалкимъ парусомъ острятъ,
Надъ ветхой шлюпкой съ грузомъ непомѣрнымъ.

«Да, это такъ! Да, я въ аду, въ аду!»
И, въ ветхій челнъ толкнувъ поспѣшно Блэя,
Пустилъ его терпѣть свою бѣду.
Немного словъ, но цѣлый міръ страданья
Былъ въ тѣхъ словахъ суроваго прощанья.

IX.

Ужъ солнца дискъ надъ моремъ былъ высокъ;
То утихалъ, то крѣпнулъ вѣтерокъ:
Порхая, какъ надъ арфою Эола,
Крыломъ онъ струны моря задѣвалъ.
Печально лодка, жертва произвола,
Плыла на веслахъ къ темной массѣ скалъ,
Что̀ тучею надъ моремъ возвышались.
Корабль и лодка — навсегда разстались!
Страдальцевъ здѣсь оставимъ мы однихъ;
Не буду я разсказывать объ ихъ
Лишеньяхъ долгихъ, краткихъ облегченьяхъ,
Опасностяхъ дневныхъ, ночныхъ мученьяхъ,
Ихъ мужествѣ среди пустынь морскихъ,
Хотя борьба казалась ихъ безплодной;
Объ ихъ нуждѣ мучительно голодной,
Въ скелеты превратившей ихъ (узнать
Едва бъ могла родного сына мать),
О бѣдствіяхъ, которыя ихъ скудный
Запасъ какъ бы старались сокращать,
Пока и самый голодъ ощущать
Страдальцы перестали; иль о трудной
Борьбѣ съ волнами: какъ ихъ утлый челнъ
То внизъ слеталъ, то вновь на темя волнъ
Всползалъ на веслахъ, преодолѣвая
Изъ силъ послѣднихъ, съ чѣмъ не совладать
И свѣжимъ силамъ; какъ ихъ жажда злая
Терзала, заставляя ожидать
Съ восторгомъ — ливня, славить, какъ отраду,
Ненастной ночи сырость и прохладу
Иль мокрый парусъ жадно выжимать,
Чтобъ жизнь въ изсохшемъ тѣлѣ поддержать;
Какъ, дикарей избѣгнувъ, вновь спасенья
Они искали средь пустынь морскихъ, —
Какъ рокъ судилъ, чтобъ эти привидѣнья
Спаслись и чтобъ о бѣдствіяхъ своихъ
Повѣдали они, мужчинъ пугая,
Изъ глазъ у женщинъ слезы исторгая.

X.

Оставимъ ихъ пока. Извѣстно намъ,
Что не избѣгло кары преступленье;
Морской законъ суровъ къ бунтовщикамъ,
Флотъ оскорбленный мститъ за оскорбленье.
Мы прослѣдимъ мятежниковъ пути.
Ихъ мысль одна: уйти, уйти, уйти!
Увидѣть вновь тотъ берегъ благосклонный,
Тотъ рай, богато небомъ одаренный,
Гдѣ принужденій и законовъ нѣтъ,
Гдѣ внѣ закона всѣ найдутъ привѣтъ!
Природа наша (женщина—богиня
Ея) стремится въ край счастливый тотъ,
Гдѣ совѣсть лишь одна — законъ, святыня,
И судъ, — гдѣ землю раздѣлилъ народъ
Безъ споровъ, гдѣ и самый хлѣбъ, какъ плодъ,
Съ деревъ срываютъ [1]), гдѣ и лѣсъ, и поле —
Всѣхъ общее владѣнье; гдѣ на волѣ,
Безъ золота, тревожащаго сны,
Вѣкъ золотой царитъ, — царилъ, вѣрнѣе,
Пока дѣтей наивной той страны
Европа жить роскошнѣй и сложнѣе
Не научила, къ новшествамъ своимъ
Прибавивъ и пороковъ кучу имъ.
Прочь это все: опишемъ ихъ такими,
Какими они были, съ ихъ добромъ
Природнымъ и съ природными дурными
Ихъ свойствами! —
Вновь загремѣлъ, какъ громъ,
Крикъ: «въ Отаити!» Плавно, горделиво
Корабль понесъ мятежныхъ въ дальній путь.
Вотъ вѣтеръ крѣпнетъ; вяло и лѣниво
Висѣвшій парусъ напрягаетъ грудь;
По сторонамъ, и пѣнясь, и сверкая,
Быстрѣй струи несутся, убѣгая.
Такъ Арго мчался, дѣвственную гладь
Эвксина бороздя, — но всей душою
Правители его стремились вспять, —
А наши моряки съ родной страною
Порвали связь; ихъ цѣль — навѣкъ уплыть;
Они летятъ, какъ воронъ изъ ковчега,
Чтобъ, отыскавъ голубокъ, гнѣзда свить,
Чтобъ ихъ суровый духъ смягчила нѣга.

---

[1]) Знаменитое хлѣбное дерево, для добычи и переселенія котораго была предпринята экспедиція капитана Блэя. *Примѣчаніе Байрона.*

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

I.

Какъ сладко пѣли дѣвы Тубонея [1]),
Когда въ заливъ коралловый, алѣя,
Садилось солнце:
«Поспѣшимъ толпой,
Подруги, въ сумракъ рощи благовонной,
Гдѣ сладостно щебечетъ пташекъ рой,
Гдѣ раздается ропотъ полусонный
Воркующихъ влюбленныхъ голубковъ,
Какъ голоса волшебные боговъ!
Нарвемъ цвѣтовъ съ могилъ героевъ, зная,
Что тамъ цвѣты растутъ всего пышнѣй,
И помечтаемъ въ сумеркахъ, взирая
На свѣтъ луны, сквозящій межъ вѣтвей
Могучихъ туй; подъ ихъ печальной сѣнью
Мы предадимся здѣсь отдохновенью;
Иль на утесъ взойдемъ, чтобъ увидать,
Какъ волнъ гряды, и шумны, и бурливы,
Отъ гордаго гиганта брызжутъ вспять.
О, какъ онѣ прекрасны! Какъ счастливы
Тѣ, кто, презрѣвъ житейскій шумъ, обманъ,
Придутъ сюда, гдѣ даже океанъ
Своихъ косматыхъ волнъ сѣдыя гривы
Готовъ пригладить, чтобы дать покой
Въ лучахъ луны лагунѣ голубой!»

II.

«Да, мы нарвемъ цвѣтовъ съ гробницъ цвѣтущихъ;
Затѣмъ, какъ духи въ ихъ священныхъ кущахъ,
Мы будемъ веселиться, а потомъ,
Натѣшившись игрой съ волной суровой
И отдохнувъ на муравѣ шелковой,
Душистымъ масломъ мы себя натремъ
И изъ цвѣтовъ роскошныхъ надмогильныхъ
Сплетемъ вѣнки во славу нашихъ сильныхъ.
Но чу! Стемнѣло, Мŷа кличетъ насъ,

---

[1]) Три первыя строфы заимствованы изъ дѣйствительной пѣсни жителей острововъ Тонга, по прозаическому переводу, данному въ „Отчетѣ“ Маринера объ островахъ Тонга. Тубоней, правда, не принадлежитъ къ нимъ, но онъ былъ однимъ изъ тѣхъ острововъ, гдѣ скрывались мятежники съ Христіаномъ. Я сдѣлалъ кое-какія измѣненія и дополненія, но удержалъ изъ оригинала все, что было возможно. *Примѣчаніе Байрона.*

Его бы слава, можетъ быть, была
Со славой тезки храбраго сравнима [1]);
Но вотъ, въ величьи низко онъ упалъ
И какъ безъ трона жалокъ онъ и малъ!

IX.

Смѣешься ты? Мной взятыя сравненья
Высокими находишь, безъ сомнѣнья?
Они такими кажутся инымъ,
Въ комъ предразсудки разумъ помрачили.
Что общаго въ судьбѣ имѣютъ съ нимъ,
Безвѣстнымъ юношей, — Эллада, Римъ,
Аравія далекая иль Чили?
Смѣешься? Смѣйся: смѣхъ пріятнѣй слезъ;
И все жъ я правъ: въ немъ гордый духъ возросъ,
Стремящійся впередъ, горячій, страстный;
Геройскій патріотъ иль деспотъ властный,
На славу иль на скорбь странѣ родной
Рожденный, онъ назначенъ былъ судьбой
Быть выше или ниже положенья,
Въ какомъ его мы видимъ предъ собой;
Но это все одни предположенья:
Но кто же онъ на дѣлѣ, въ этотъ мигъ?
Красавецъ русый, смѣлый бунтовщикъ,
Торквиль отважный, волнъ морскихъ вольнѣе,
Женихъ невѣсты лучшей Тубонея.

X.

Смотрѣлъ онъ, рядомъ съ Нейгою своей,
На волны. Нейга, солнце дочерей
Тѣхъ острововъ, была породы знатной;
(Спеціалистъ въ геральдикѣ, понятно,
Тутъ улыбнется: можно ль ждать гербовъ
Съ едва извѣстныхъ этихъ острововъ?)
То древній родъ былъ сильныхъ и красивыхъ
Воителей нагихъ, вольнолюбивыхъ,

---

[1]) Консулъ Неронъ, который искусными маневрами обманулъ Ганнибала и разбилъ Гасдрубала. Когда Ганнибалъ вернулся, первое, что онъ увидѣлъ, была отрубленная голова Гасдрубала. Увидѣвъ ее, Ганнибалъ воскликнулъ со вздохомъ: „теперь Римъ будетъ властелиномъ міра!“ Можетъ быть эта побѣда способствовала тому, что тезка консула Нерона достигъ императорской власти. Но безславіе одного помрачило славу другого; когда мы слышимъ о Неронѣ, кто думаетъ о консулѣ Неронѣ? Таковы дѣла человѣческія. *Примѣчаніе Байрона.*

Объятъ весь гротъ; любовью, нѣгой томной
Все вкругъ дышало въ немъ, въ могилѣ темной.
Такъ, говорятъ, въ могилѣ Абеляръ,
Чрезъ двадцать лѣтъ по смерти, страсти жаръ
Вновь ощутилъ, когда къ нему спустили
Гробъ Элоизы: руки онъ простеръ
И мертвыя объятья обхватили
Прахъ дорогой, любимый съ давнихъ поръ.
Морскія волны радостно шумѣли
И брачный гимнъ вокругъ пещеры пѣли, —
Внутри ея царила тишина,
Прерывистыхъ лишь вздоховъ нѣги сладкой
И шопота любовнаго украдкой
И двухъ сердецъ гармоніи полна.

X.

Но гдѣ жъ другіе, бѣгства ихъ причина
И спутники, — гдѣ тѣ, по чьей винѣ
Влюбленные сокрыты въ глубинѣ
Пустой скалы? Предъ ними водъ равнина, —
Куда имъ скрыться? Чтобъ спастись отъ бѣдъ,
Для нихъ теперь другой надежды нѣтъ,
Какъ милость неба: отъ людей пощады
Не будетъ имъ! Уносятъ волны челнъ,
Но по грядамъ суровымъ тѣхъ же волнъ
Погоня мчится, полная досады
Отъ неудачи: повернувъ назадъ,
За Христіаномъ вновь они спѣшатъ
Съ удвоенною силой, злѣй и диче,
Чѣмъ коршунъ, обманувшійся въ добычѣ.
Быстрѣй, быстрѣй ладья ихъ мчится вслѣдъ
За бѣглецами; ищутъ торопливо
Гонимые утеса иль залива,
Куда бъ пристать, — и выбора имъ нѣтъ:
На первый встрѣчный островъ направляютъ
Они свой путь, въ послѣдній разъ желаютъ
На сушу выйти, чтобъ, какъ жертвы, въ прахъ
Пасть предъ врагами, иль съ мечомъ въ рукахъ
Погибнуть. Выйдя, съ лодкой отпустили
Они туземцевъ, рвавшихся на бой
За Христіана: ихъ они просили
Уйти скорѣй, не жертвовать собой
Безъ пользы: не безсильны ль лукъ и стрѣлы
Предъ тѣмъ оружьемъ, что придумалъ бѣлый?

МАНФРЕДЪ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

ПЕРЕВОДЪ

П. КОЗЛОВА.

2-й духъ.

Въ коронѣ изъ снѣга, одѣтъ облаками
Монбланъ,—это горъ исполинъ...
Престолъ великана воздвигнутъ вѣками
Изъ скалъ и нетающихъ льдинъ.
Лѣсами украшена грудь исполина,
Мою онъ лишь власть признаетъ.
Скажу только слово—и съ громомъ лавина
На землю стремглавъ упадетъ!
По скатамъ уступовъ, не зная пощады,
Спускаются льдины порой:
Лишь слово скажу—и недвижны громады,
Иль мчатся впередъ съ быстротой...
Я духъ этихъ мѣстъ! Лишь руки мановеньемъ
Могу потрясти, до основъ,
Я горныя цѣпи... Твоимъ повелѣньямъ,
О смертный, внимать я готовъ!

3-й духъ.

Твой голосъ, какъ бури дыханье,
Въ морскую пучину проникъ,
Гдѣ царствуетъ вѣчно молчанье
И солнца не свѣтится ликъ;
Гдѣ вѣтеръ съ волной не играетъ,
Гдѣ царство чудовищныхъ змѣй,
Гдѣ жемчугъ русалка вплетаетъ
Въ зеленыя волны кудрей. —
Смутилъ ты своимъ заклинаньемъ
Подводнаго міра покой!
Дай волю завѣтнымъ желаньямъ:
Властитель морей предъ тобой!

4-й духъ.

Тамъ, гдѣ огненная лава
Брызжетъ какъ фонтанъ,
Гдѣ, готовя изверженье,
Весь въ огнѣ волканъ;
Тамъ, гдѣ корни Андъ высокихъ
Въ нѣдрахъ спятъ земли,
А вершины ихъ утесовъ
До небесъ ушли —
Тамъ я царствую. Твой голосъ
Пробудилъ меня;
Чтобъ твою исполнить волю,
Здѣсь являюсь я...

5-й духъ.

Я духъ громовъ и урагана...
Едва твой голосъ прозвучалъ

Средь волнъ ревущихъ океана—
Я вихрь и бурю обогналъ:
Она еще грозой согрѣта...
Къ тебѣ летя, я встрѣтилъ флотъ;
Онъ быстро плылъ, но до разсвѣта
Потонетъ онъ въ пучинѣ водъ...

6-й духъ.

Во мракѣ живу я, и мракомъ одѣтъ:
Зачѣмъ ты меня вызываешь на свѣтъ?

7-й духъ.

Когда еще хаосъ царилъ надъ землею,
Свѣтилу, что̀ правитъ твоею судьбою,
Я гордо законы чертилъ.
Красивѣе небо звѣзды не видало!
Свободно и стройно оно протекало
Среди лучезарныхъ свѣтилъ...
Вдругъ время, ужасное время настало:
Звѣзда помрачилась и путь потеряла.
Но прежнею силой полна,
Чудовищемъ неба, угрозою свѣта,
 безъ формы, безъ цѣли, зловѣщей кометой
Все мчится въ эфирѣ она ..
А ты, что̀ родился подъ этой звѣздою,
Случайно имѣющій власть надо мною
(Но власть будетъ кара твоя)—
Что хочешь? Къ тебѣ я пришелъ на мгновенье!
Я къ жалкому червю исполненъ презрѣнья,
Но выслушать долженъ тебя...

ВСѢ ДУХИ.

Всѣ духи небесные, духи земли,
На зовъ твой отвѣтя, сюда притекли.
Мы всѣ поклоняемся власти твоей—
Чего отъ насъ хочешь? Повѣдай скорѣй!

МАНФРЕДЪ.

Забвенія!

ДУХЪ.

Кого? чего? зачѣмъ?

МАНФРЕДЪ.

Забвенія того, что̀ скрыто въ сердцѣ,
Что̀ выразить словами не могу...
Прочтите сами въ немъ!

ДУХЪ.

Мы можемъ дать
Лишь только то, что намъ принадлежитъ!
Проси у насъ владѣній безграничныхъ,
Владычества надъ силами природы,

Чтобъ власть твою усилить на землѣ,
За всѣмъ, что̀ только въ мірѣ происходитъ,
Слѣдимъ мы неустанно и твои
Исполнили дословно повелѣнья.

(*Входитъ Манфредъ*).

1-й духъ.

Кто этотъ смертный? Жалкое созданье,
Склонись во прахъ предъ тропомъ Аримана!

2-й духъ.

Я въ этомъ человѣкѣ узнаю
Великихъ силъ и знанья чародѣя.

3-й духъ.

Склоняйся, рабъ! Ужель ты не призналъ
И своего, и нашего владыку?
Дрожи и повинуйся!

ВСѢ ДУХИ.

Передъ нимъ
Пади во прахъ иль худшаго ты бойся!

МАНФРЕДЪ.

Все это знаю я—и что жъ? ты видишь:
Я передъ нимъ колѣна не сгибаю.

4-й духъ.

Тебя научимъ мы, какъ это дѣлать...

МАНФРЕДЪ.

Наукой—жизнь давно мнѣ послужила;
Когда не разъ въ безмолвіи ночей,
Посыпавъ пепломъ голову свою,
Лицомъ къ землѣ лежалъ я недвижимо.
До дна я выпилъ чашу униженья,
Склоняясь ницъ предъ собственною мукой
И предъ нѣмымъ отчаяньемъ своимъ
Колѣна преклоняя.

5-й духъ.

Какъ дерзаешь
Не поклоняться славѣ Аримана,
Когда весь міръ его боготворитъ?!
Немедленно пади къ его ногамъ!

МАНФРЕДЪ.

Пусть Ариманъ поклонится сперва
Тому, кто безконечно выше всѣхъ.
Кѣмъ созданъ онъ, не ради поклоненья—
Тогда и я согну колѣна съ нимъ!

ВСѢ ДУХИ.

Раздавимъ червяка! Его на части
Мы разорвать должны.

МАНФРЕДЪ.

Ко мнѣ изъ гроба вызови Астарту.

НЕМЕЗИДА.

О, духъ легкокрылый,
Иль скорбная тѣнь!
Изъ мрака могилы
Ты выйди на день!
Явись на мгновенье,
Разстанься съ землей
И вырви у тлѣнья
Свой образъ былой!
Пусть сердце, какъ прежде,
Забьется въ груди,
И въ прежней одеждѣ
Изъ мрака прійди!...
Явися! Виновникъ кончины твоей
Тебя вызываетъ изъ царства тѣней.
(*Является тѣнь Астарты*).

МАНФРЕДЪ.

Ужели это смерть?! въ ея лицѣ
Играютъ краски, но онѣ похожи
На тотъ багрянецъ, что бросаетъ осень
На листья пожелтѣвшіе. Какъ больно
Глядѣть мнѣ на нее! Съ ней говорить
Я не могу... Пусть скажетъ мнѣ сама:
Прощенъ ли я иль осужденъ навѣки?

НЕМЕЗИДА.

Во имя той чары, во имя той силы,
Что вызвала духъ твой изъ темной могилы,
Твой голосъ мы снова услышать хотимъ!
Ты съ нами должна говорить или съ нимъ...

МАНФРЕДЪ.

Она молчитъ—зловѣщее молчанье
Отвѣтомъ служитъ мнѣ.

НЕМЕЗИДА.

Моя надъ ней
Безсильна власть. Владыко темныхъ силъ,
Лишь одному тебѣ она покорна,
Вели ей говорить.

АРИМАНЪ.

О, духъ, отвѣтствуй!

НЕМЕЗИДА.

Она молчитъ... усилья наши тщетны...

АББАТЪ.

Я на себя готовъ принять вину,
Коль есть вина; но видѣться съ нимъ долженъ...

ГЕРМАНЪ.

Тебя ужъ графъ сегодня принималъ...

АББАТЪ.

Не разсуждай и о моемъ приходѣ
Ты графу доложи.

ГЕРМАНЪ.

Никакъ не смѣемъ.

АББАТЪ.

Такъ самъ пойду немедленно я къ графу.

МАНУЭЛЬ.

Отецъ святой, помедли!

АББАТЪ.

Почему жъ?

МАНУЭЛЬ.

Пойдемъ со мной; ты многое узнаешь.

СЦЕНА 4-я.

Внутренность башни.

МАНФРЕДЪ (*одинъ*).

Луна блеститъ, лучами озаряя
Вершины снѣжныхъ горъ; сіяютъ звѣзды—
Я красотой природы очарованъ;
Волшебный ночи видъ отраднѣй мнѣ,
Чѣмъ образъ человѣка. Подъ навѣсомъ
Ея свѣтилъ, въ ея тѣни лучистой
Я выучилъ языкъ другого міра—
И вотъ во мнѣ невольно пробудилось
Забытое давно воспоминанье:
Въ такую ночь, когда я молодъ былъ
И странствовалъ—однажды я стоялъ
Подъ сводами нѣмыми Колизея,
Среди развалинъ царственнаго Рима.
Вдоль груды аркъ, разрушенныхъ вѣками,
Деревья колыхались въ лунномъ свѣтѣ,
Ложась пятномъ на небѣ. Звѣздъ сіянье
Сквозь трещины развалинъ проскользало;
За Тибромъ раздавался лай собакъ
И слышался средь Кесарскихъ чертоговъ
Могильный свистъ совы. По временамъ.
Однообразный окликъ часовыхъ
По вѣтру доносился. Кипарисы,

АББАТЪ.

Кто ты? Отвѣтствуй!

ДУХЪ.

Я духъ его судьбы. Иди за мной!

МАНФРЕДЪ.

Я ко всему готовъ, но власть твою
Я не хочу признать. Кѣмъ посланъ ты?

ДУХЪ.

Узнаешь самъ; теперь—иди за мною!

МАНФРЕДЪ.

Я не такимъ, какъ ты повелѣвалъ,
Тебя же презираю... Прочь отсюда!

ДУХЪ.

Твой часъ насталъ—за мной итти ты долженъ.

МАНФРЕДЪ.

Я зналъ и знаю, что мой часъ насталъ;
Но не тебѣ свою отдамъ я душу.
Какъ прожилъ я, такъ и умру одинъ.
А ты уйди!

ДУХЪ.

Я буду звать на помощь
Своихъ собратій. Встаньте!

(*Появляются духи.*)

АББАТЪ.

Прочь отсюда!
Гдѣ вѣра есть, тамъ вашихъ нѣтъ владѣній...
Я именемъ Того васъ заклинаю...

ДУХЪ.

Повѣрь, старикъ! свои права мы знаемъ:
Ты словъ святыхъ не расточай напрасно...
Преступенъ онъ и намъ принадлежитъ;
И чтобъ ни дѣлалъ ты—онъ нашимъ будетъ...

МАНФРЕДЪ.

Бороться до конца я буду съ вами;
Пока въ груди дыханье остается,
Я буду васъ презрѣніемъ клеймить;
Пока живу—съ остаткомъ силъ послѣднихъ
Вести борьбу я стану; взять меня
Лишь по частямъ вы можете.

ДУХЪ.

Возможно ль,
Что гордый магъ, проникшій въ міръ незримый,
И возмечтавшій равнымъ съ нами быть—
За жизнь свою такъ держится упорно,
За жизнь, въ которой муку лишь нашелъ!

МАНФРЕДЪ.

Клевещешь ты, коварный духъ неправды!
Я знаю, что послѣдній жизни часъ
Переживаю я—и не хотѣлъ бы
Его продлить ни на одно мгновенье.
Не съ смертью я борюсь, а лишь съ тобою
И съ темною толпой твоихъ собратій.
Я не вступалъ въ союзъ съ нечистой силой;
Я не тебѣ своей обязанъ властью,
Ее стяжалъ я—знаньемъ, силой воли,
Опасностью, трудомъ и пониманьемъ
Великихъ тайнъ, наслѣдьемъ тѣхъ временъ,
Когда съ людьми въ общеньи жили духи
И равными считались межъ собой...
Тебя я презираю; власть твоя
Передъ моей ничтожна. Скройся въ адъ!

ДУХЪ.

Ты связанъ съ нами цѣпью преступленій...

МАНФРЕДЪ.

Моимъ судьей ты никогда не будешь...
Преступнику—преступникъ не судья,
Я чувствую, что власть твоя безсильна,
Я *знаю*, что ты мной владѣть не будешь.
Что сдѣлалъ я, то сдѣлалъ; за грѣхи
Меня караетъ совѣсть; эта казнь
Сильнѣй всѣхъ мукъ и всѣхъ терзаній ада;
Безсмертная душа, покинувъ землю,
За грѣшныя дѣла и помышленья
Сама себѣ воздастъ отвѣтъ тяжелый
Лицомъ къ лицу всю вѣчность оставаясь.
Меня не искушалъ ты и не могъ
Моимъ быть искусителемъ; тобой
Обманутъ не былъ я; за что же стану
Добычею твоей? Я самъ себѣ
Былъ палачемъ. Разсѣйтесь, духи ада!
Не вы, а смерть побѣду торжествуетъ.

(*Духи исчезаютъ*).

АББАТЪ.

Какъ блѣденъ ты! Въ устахъ кровинки нѣтъ,
Мятется грудь твоя, дрожа отъ муки;
Молись, мой сынъ, хоть мысленно молись,
Но такъ не умирай.

МАНФРЕДЪ.

Конецъ насталъ...
Глаза мои тускнѣютъ; все кругомъ
Подернулось туманомъ; отъ земли

Я уношусь куда-то. На прощанье
Дай руку мнѣ.

АББАТЪ.

Какъ холодна она
И въ сердцѣ холодъ смерти... Что съ тобою?..

МАНФРЕДЪ.

Старикъ, не такъ-то трудно умирать...
(*Умираетъ*).

АББАТЪ.

Его ужъ нѣтъ... Душа разсталась съ тѣломъ...
Куда она направитъ свой полетъ?
Подумать страшно мнѣ; но онъ угасъ!..

СПИСОКЪ

РУССКИХЪ ПЕРЕВОДОВЪ СОЧИНЕНІЙ БАЙРОНА,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВО ВТОРОМЪ ТОМѢ.

„БАЙРОНЪ ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ“.

I.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

1. В. Любичъ-Романовича. (Донъ-Жуанъ, поэма Лорда Байрона.) Вольный переводъ *В. Любичъ-Романовича.* Два тома. Спб. Въ типографіи Е. Фишера. 1847.
2. Д. Минаева. (Донъ-Жуанъ. Романъ въ стихахъ Байрона. Пѣсни I—X.) „Современникъ“, 1865, т. CVI, CVII, CVIII, CIX и CX. №№ 1, 2, 3, 4, 5, 7, 8 и 10, отд. I, стр. 5—72, 447—512, 167—208, 254—274, 163—203, 207—237, 453—476 и 439—468, 1866, т. CXII и CXIII, №№ 1 и 4, отд. I, стр. 259—274 и 385—406. (Пѣсни XI — XVI.) „Байронъ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изданномъ подъ редакціей *Ник. Вас. Гербеля*“, 1867, т. II, стр. 139—348.
3. А. Л. Соколовскаго. (Донъ-Жуанъ, романъ въ 16 пѣсняхъ, переводъ сдѣланъ прозою). Сочиненія лорда Байрона изданіе *Н. В. Гербеля.* 1874 г. томъ II, и въ изд. *О. Гербель* 1883 г.
4. П. Козлова. Донъ-Жуанъ Байрона 1889 г.— Перепечатанъ въ предлагаемомъ изданіи.

Кромѣ этихъ четырехъ полныхъ переводовъ „Донъ-Жуана“, мы имѣемъ еще десять отрывковъ изъ названной поэмы. Въ числѣ этихъ отрывковъ есть два полныхъ перевода первой пѣсни, половины второй и полный прозаическій переводъ четырнадцатой пѣсни. Вотъ они:

5. А. Ротчева. (Пѣснь Грека. Изъ „Донъ-Жуана“, подражаніе Байрону.) „Уранія“, 1826. стр. 191—193. Подражаніе пѣснѣ, помѣщенной въ третьей главѣ, послѣ LXXVI строфы.
6. Ш. (XIV *пѣсня* „Донъ-Жуана“; *байроновой поэмы. Переводъ съ англійскаго Ш.)* „Московскій Телеграфъ“, 1829, ч. 25. отд. I, стр. 38—54 и 179—185.
7. Н. Маркевича. (Элегія изъ Байрона.) „Стихотворенія Н. Маркевича“, 1829, стр. 5. Пѣснь III, строфы 103, 104 и 107.
8. И. Козлова. (Изъ байронова „Донъ-Жуана“), „Сѣверные Цвѣты“, 1830, отд. II, стр. 106. Перепечатано во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ „Стихотвореній И. Козлова“ Пѣснь I, строфы 122 и 123.
9. Н. Жандра. (Донъ-Жуанъ. Поэма лорда Байрона. Переводъ *Н. Жандрэ.* Спб. Въ типографіи Карла Крайя. 1846. Въ 8-ю д. л., стр. 1—91.) Вся первая пѣсня.
10. Д. Мина. (Гибель испанскаго корабля Santa Trinidada. Изъ байрона „Донъ-Жуана“). „Москвитянинъ“. 1852, т. V, № 20, отд. I, стр, 191—212. Пѣснь II, строфы 24—107.
11. Д. Мина. (Ave Maria, изъ байронова „Донъ-Жуана“.) „Развлеченіе“, 1860, т. III, № 2. стр. 18. Пѣснь III, строфы 101—107.
12. Н. Маркевича. (Донъ-Жуанъ. Сочиненіе лорда Байрона). Глава первая. Лейпцигъ.

Въ типографіи Ф. А. Брокгауза. 1862. Въ 32-ю д. л., стр. 1—164. Вся первая пѣсня. Отрывокъ изъ этого перевода (пѣснь I, строфы 1—14 и 42—44); подъ заглавіемъ: *Отрывокъ изъ поэмы лорда Байрона „Донъ-Жуана“*, былъ напечатанъ въ „Московскомъ Телеграфѣ“ (1829, ч. XXVI, стр. 248—256).

13. Д. Мина. (Изъ байрона „Донъ-Жуана“). „Зритель“, 1862, № 32, стр. 139. Пѣснь II, строфы 177—185.

14. Д. Минаева. (Письмо Юліи къ Донъ-Жуану. Изъ Байрона·) „Русское Слово“, 1864, № 11, отд. I, стр. 299. Пѣснь I, строфы 192—197.

15. Д. Мина. („Донъ-Жуанъ на островѣ пирата“ изъ поэмы лорда Байрона „Донъ-Жуанъ“). Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1880 г. и отдѣльная брошюра 1881. Въ „Сочинен. лорда Байрона въ переводахъ русскихъ поэтовъ“, изд. 1883 г.

II.
ОСТРОВЪ.

1. Н. Гербеля. (Островъ, или Христіанъ и его товарищи. Поэма въ четырехъ пѣсняхъ.) Переводъ напечатанъ первый разъ въ изданіи Н. В. Гербеля „Байронъ въ переводѣ русскихъ писателей“ перепечатанъ въ соч. лорда Байрона“ изд. 3 *О. Гербель* 1883 г.

2. Н. Холодковскій. (Островъ, или Христіанъ и его товарищи. Поэма въ четырехъ пѣсняхъ). Переводъ сдѣланъ для предлагаемаго изданія.

III.
МАНФРЕДЪ.

1. М. Вронченко. (Манфредъ. Драматическая поэма въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе лорда Байрона. Перевелъ съ англійскаго *М. В.* Спб. Въ типографіи медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ. 1828. (Въ 8-ю д. л. стр. 1—64). Два отрывка изъ этого перевода (дѣйствіе I, сцены I и II и дѣйствіе III, сцена IV), подъ заглавіемъ: *Хоръ духовъ, изъ Байронова Манфреда* и *Отрывки изъ Байронова сочиненія „Манфредъ“*, были помѣщены, до появленія въ печати полнаго перевода, въ „Московскомъ Телеграфѣ“ (1827. чч. 15 и 17, №№ 10 и 18, стр. 57—59 и 65—72).

2. О. (Манфредъ, Сочиненіе лорда Байрона.) „Московскій Вѣстникъ“, 1828, ч. VIII, № 7, стр. 241—289.

3. А. Бородина. (Манфредъ. Драматическая поэма въ трехъ дѣйствіяхъ. Соч. лорда Байрона. Переводъ съ англійскаго.) „Пантеонъ“, 1841, ч. I. № 2, отд. I, стр. 1—24.

4. Е. Зарина. (Манфредъ, драматическая поэма Байрона.) „Библіотека для чтенія“, 1858, т. 150, № 8; отд. I, стр. 1—46.

5. Д. Минаева. (Манфредъ, драматическая поэма въ 3 дѣйствіяхъ, Байрона.) „Русское Слово“, 1863, № 4, отд. I, стр. 1—58. Перепечатанъ въ 3 изд. сочиненіяхъ Байрона 1883 г. *О. Гербель.*

6. П. Козлова. (Манфредъ, драматеческая поэма въ 3 дѣйствіяхъ, Байрона). Помѣщенъ въ стихотвореніяхъ П. Козлова 1888 г. т. I и въ предлагаемомъ изданіи.

Кромѣ исчисленныхъ шести полныхъ переводовъ „Манфреда“, существуетъ еще отрывокъ изъ этой поэмы:

7. И. Козлова. (Обвороженіе. Ночь. Манфредъ одинъ. Тѣнь въ видѣ молодой прекрасной женщины, поетъ.) „Невскій Альманахъ“, 1828, стр. 347—352. Перепечатано во всѣхъ изданіяхъ „Стихотвореній И. Козлова“.

Бог лежит где
И все кругом играет
Но вдруг
Мороз прошел по коже
— и —
Волна пошла на ней
— —
Но вот недели дни зимы
И мы почувствуем в груди
Луч лежит солнце
— —
Так скоро будет тень
Что ждем будет [illegible]
Вдруг с зимы нас
Уверен от нас

То уже [illegible] [illegible]

25=